

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПОВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Э. Л. Дубман, П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагирова

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ**

Под редакцией П.С. Кабытова

Издательство «Самарский университет»
2004

УДК 947.05/947.083
ББК 63.3(0)5
Д 79

Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России / Под ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – 296 с.

ISBN 5-86465-293-8

В книге предпринята попытка дать анализ развитию промышленного хозяйства и предпринимательства в XVII столетии. Большое внимание уделено развитию инфраструктуры: транспорту, элеваторной системе, земской агрономии. Анализируется эволюция земледельческого производства, показана товарность помещичьих и крестьянских хозяйств XIX – начала XX в.

Для преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов, краеведов и всех интересующихся историей отечества.

УДК 947.05/947.083
ББК 63.3(0)5

Рецензент кафедры истории отечества Самарского государственного педагогического университета

Научный редактор д-р истор. наук, проф. П.С. Кабытов

ISBN 5-86465-293-8

© Дубман Э.Л., Кабытов П.С.,
Тагирова Н.Ф., 2004
© Изд-во «Самарский
университет», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается первый выпуск коллективной монографии "Очерки истории юго-востока Европейской России", в которой основное внимание уделено двум проблемам: промысловому освоению рассматриваемого региона во второй половине XVI — XVII вв. и его аграрному развитию в XIX — начале XX вв. Несмотря на кажущееся различие, для истории юго-восточных районов Европейской части России эти темы выступают как единое целое. Для первоначального освоения края в XVI-XVII вв. и закрепления его в составе России именно промыслы (и, прежде всего, рыболовство) явились главной отраслью его экономики. В более поздний период (XIX — начало XX вв.) в качестве определяющей отрасли выступает земледелие, так как в это время идет процесс формирования и развития новой российской житницы.

Понятием "юго-восток Европейской России" мы обозначаем пространство Среднего и Нижнего Поволжья и прилегающих к нему территорий Приуралья. Для раннего периода — со времени вхождения края в состав России до эпохи петровских преобразований — это территория южной части Среднего Поволжья (Закамья), всего Нижнего Поволжья и южного Приуралья. Для XIX — начала XX вв. — Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская (с 1851 г.), Саратовская, Астраханская и Оренбургская губернии. Несмотря на всю относительность такого районирования, оно позволяет решить поставленные в данной работе задачи.

В XVI-XVII вв. стали формироваться основные отрасли экономики юго-восточных районов Европейской России. Крайнее положение региона, особые природные условия, интенсивные миграционные процессы и постоянный приток извне населения вынуждали государство предпринимать значительные усилия по закреплению новых территорий в составе нарождающейся Российской империи. Строительство крепостей, которые стали форпостами на юго-восточном фронтире, формирование органов местного управления, раздача земли и промысловых угодий церковным и светским феодалам, крупным предпринимателям ускорили процесс включения новых районов в общероссийскую систему социально-экономических и политических отношений. Уже в XVIII в. эти пространства становятся внутренней территорией Российской империи.

Особенности географического положения осваиваемых территорий, наличие постоянной угрозы со стороны кочевников способствовали

развитию прежде всего промысловых отраслей хозяйства - рыболовства и добычи соли, а также формированию одного из самых значимых для страны транзитных торговых путей. Во второй половине XVII в. поволжский промысловый центр становится одним из крупнейших в России, оказывает серьезное влияние на процесс становления единого экономического пространства страны. Хозяйство этого центра основывалось на совокупности крупных, средних и малых промысловых предприятий, имевших товарный характер и базирующихся в основном на использовании вольнонаемной рабочей силы.

В XVIII веке шло активное заселение степного Заволжья, строительство оборонительных линий и кордонов, формирование сети сельских поселений и включение заволжских земель в хозяйственный оборот. Именно в этот период были созданы предпосылки для развития земледельческого производства в юго-восточных районах страны.

Но решающий вклад в освоение заволжских степей был внесен в XIX - начале XX вв. Расширению зернового производства и формированию хлебного рынка, несомненно, способствовало строительство сети железных дорог, формирование банковской системы и создание инфраструктуры, обеспечивающей сельское хозяйство: строительство элеваторов, сельскохозяйственных складов, прокатных станций, семенных сборов и т.д. Все это не могло не оказывать позитивного воздействия на темпы развития новой российской житницы, поставлявшей на внутренний рынок все возрастающие объемы товарного зерна. Уже в начале XX века основными товаропроизводителями становятся крестьянские хозяйства, среди которых выделялась группа многопосевных хозяйств, использующих наемный труд и сельскохозяйственные машины. В то же время сохранялась значительное число хозяйств (свыше 70%), для которого продажа зерна была вынужденной.

Все эти проблемы нашли отражение в данном издании, которое было написано в рамках выполнения гранта Минобразования РФ на проведение в 2003 году фундаментальных научных исследований, выполняемых ведущими научно-педагогическими коллективами, "Исследование социально-экономического, политического и этнокультурного развития Южного Средневолжья в составе России во второй половине XVI - начале XX вв."

*профессор П. С. Кабытов
профессор Э. Л. Дубман*

РАЗДЕЛ I

**ПРОМЫСЛОВОЕ РЫБОЛОВСТВО
И ОСВОЕНИЕ ЮГО-ВОСТОКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
В КОНЦЕ XVI – XVII вв.
(МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ)**

Обычно под хозяйственным освоением новых территорий историки понимают становление аграрного хозяйства, складывание традиционной для обжитых районов страны социальной структуры населения. Но, в зависимости от местонахождения и исторического периода, государственное и экономическое вхождение новых районов на юге, юго-востоке и востоке в состав России происходило различными способами, приобретало свои оригинальные черты. Особые природные условия, геополитическое положение Среднего (от устья Камы) и Нижнего Поволжья, Приуралья, Сибири создавали возможность для активной предпринимательской деятельности новопоселенцев при разработке богатейших биологических ресурсов и полезных ископаемых осваиваемых земель. Эти регионы стали крупнейшими поставщиками в центральные районы страны ценных сортов рыбы, соли, мехов и т.д. На их территории в конце XVI — XVII вв. развитие промыслового хозяйства шло опережающими темпами по сравнению с земледельческим освоением. В значительной степени речная и сухопутная транспортные системы были ориентированы на поставки продовольствия, материалов и оборудования для промысловых предприятий, а также на вывоз в центральные районы страны их продукции. Промышленник-предприниматель шел впереди земледельца. Экономическая деятельность населения этих районов, в том числе и служилого, различных категорий предпринимателей из центральных районов страны сосредотачивалась вокруг промыслов, торговли, транзита товарных потоков, носила предпринимательский характер. Производимая продукция оказалась востребованной разными слоями русского общества, в огромных количествах она продавалась на крупнейших рынках страны, шла за рубеж.

Именно этими обстоятельствами и обусловлен интерес к процессу формирования крупного рыболовецкого промыслового комплекса на юго-востоке европейской части России, рассмотрению его важнейших экономических и технологических характеристик. Данная публикация продолжает многолетние исследования автором проблемы хозяйственного освоения поволжского региона¹. Работа в определенной степени является постановочной. Цель ее состоит во введении в научный оборот новых материалов, способствующих более углубленному изучению процессов функционирования средневекового хозяйства, включения вновь осваиваемых регионов в экономическое пространство России конца XVI — XVII вв.

Отметим, что в обобщающих исследованиях по экономике средневековой России постоянно подчеркивается мысль о значительном месте в народном хозяйстве промыслов, в том числе и рыболовства. Однако крупных монографических работ, посвященных развитию этой отрасли, практически нет. Можно назвать лишь диссертацию А.В.Кузы, который попытался не только рассмотреть эволюцию рыболовства как технологического процесса, с точки зрения материальной культуры и навыков, но и выяснить его социальную роль. Однако хронологические рамки данного исследования ограничены XVI в.² Рассматривая аспекты правового пространства развития рыболовства, В.И.Вешняков начинает свой труд с XVIII в. и ограничивается лишь кратким экскурсом в предшествующий период³. Уникальные исследования сотрудников экспедиции К.М.Бэра, других ученых освещают состояние рыболовства в XIX в., но в них не раскрываются исторические аспекты развития данной отрасли. Состояние и организация рыболовецких предприятий, складывание рынков сбыта на территории России в конце XVI – XVII вв. также рассматривались либо в небольших по объему, имеющих локальный характер статьях, либо в качестве сопутствующих разделов при изучении других тем, либо в работах обзорного характера. В любом случае, получить целостную картину о рыбных промыслах страны в данный период не представляется возможным. В несколько лучшем состоянии изучена эта тема по Понизовому Поволжью, и в первую очередь по астраханско-нижнеяицкому промысловому району. Помимо значительной совокупности исследований, касающихся положения отрасли в XVIII – XX вв., можно назвать ряд конкретных работ и по более раннему периоду. Их авторы, основываясь на широкой источниковой базе, смогли поставить и отчасти решить вопросы формирования собственности на промысловые угодья, роли и места различных групп предпринимателей, типа организации производства, характера использования рабочей силы и т.д. Выводы о рыболовстве, как о наиболее массовом занятии местного населения (по крайней мере, Астраханского края), важнейшей отрасли хозяйства региона, о господстве вольнонаемного труда являются базовыми для дальнейшего исследования Понизового Поволжья. Их придерживались И.В.Степанов, А.В.Пруссак и другие исследователи⁴.

Источниками для данной работы являлись, прежде всего, материалы, хранящиеся в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга:

РГАДА, Архива СПб ИИ РАН, Отделов рукописей РГБ и РНБ. Автор попытался преодолеть общеизвестный постулат о крайней скудности источников по области, находившейся в ведении приказа Казанского дворца, за счет широкой источниковедческой работы со всеми фондами, имеющими хоть какое-то отношение к данной территории, а также путем привлечения ряда недостаточно используемых архивных коллекций. При практически несохранившемся приказном делопроизводстве первостепенную значимость приобретают документы центральных учреждений страны, занимавшихся регистрационной — «нотариальной» деятельностью, к каковым, несомненно, относится Печатный приказ⁵. Лишь небольшая часть из них опубликована⁶. Для регионального исследования особую важность имеет скрупулезная работа, проделанная в 1920-х гг. А. А. Гераклитовым, который изучил все пошлинные и беспошлинные книги приказа до середины 1670-х гг. (а частично и более позднего периода) и выписал из них все, что касалось понизовых городов. До настоящего времени рукописи А. А. Гераклитова не были опубликованы и хранятся в архиве⁷. Выборочная сверка его материалов с подлинными записями в книгах Печатного приказа показала высокую профессиональную точность исследователя и возможность использования его рукописей в качестве достоверного источника. Уникальными являются материалы Ингерманландской (она существовала и под другими названиями) канцелярии, ведавшей в начале XVIII в. «оброчными угодьями» всей России⁸. Делопроизводство этой канцелярии позволяет изучить состояние рыболовецких и соледобывающих промыслов Понизового Поволжья. При всей традиционности обращения историков к фонду Грамот Коллегии Экономии, систематической работы с ним по всем городам Понизового Поволжья практически не проводилось⁹. Между тем, только в этом случае можно получить действительно репрезентативные материалы о развитии церковной собственности и хозяйства в регионе.

Делопроизводство центральных учреждений представляет наибольшие возможности при изучении предпринимательской деятельности патриаршей кафедры и наиболее привилегированных монастырей (фонды патриарших Дворцового и Казенного приказов, Монастырского приказа и др.)¹⁰ В гораздо меньшей степени это относится к дворцовому ведомству (фонды Оружейной палаты, Дворцового

отдела¹¹. Информативный материал по нему представлен лишь за сравнительно короткий период хозяйственной деятельности приказа Тайных дел, значительная часть делопроизводства которого была издана.

Сравнительно хорошо сохранилось делопроизводство центральных монастырей и, прежде всего, звенигородского Савво-Сторожевского¹². Архивная коллекция делопроизводства этой обители представляется одной из самых интересных с точки зрения изучения ее волжских и камских промысловых предприятий. В фондах других монастырей — московских Чудова¹³, Новоспасского¹⁴, Вознесенского¹⁵, подмосковного Троице-Сергиева¹⁶ и прочих, как правило, сохранились материалы, относящиеся к более позднему периоду или содержащие лишь фрагментарные данные о понизовых владениях церковных корпораций. Особый интерес среди них, в том числе и по патриаршей кафедре, представляют перечни грамот и других уцелевших документов, которые позволяют исследователю определить полноту имеющихся в его распоряжении источников. Такие описания документов, фиксирующих собственность духовенства и его привилегии, производились неоднократно.

В некоторой степени восполнить имеющиеся лакуны позволяют коллекции фонда Монастырских дел¹⁷. В нем собраны материалы, относящиеся к разным церковным собственникам, к различным периодам их деятельности, в ряде случаев удачно закрывающие имеющиеся пробелы. К таковым, например, относятся прихода-расходные книги и выписи по волжскому и камскому промыслам Савво-Сторожевского монастыря.

Из других фондовых образований весьма информативными явились материалы приказных изб по городам региона¹⁸ и, прежде всего, Астраханской приказной палаты¹⁹, Поместного приказа и других коллекций²⁰.

Обследование местных республиканских и областных архивов в Казани, Ульяновске, Самаре, Пензе и Саратове не дало сколько-нибудь ощутимых результатов. Наиболее интересный комплекс источников по XVII в. сохранился в Государственном архиве Астраханской области и в Рукописном отделе Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника²¹.

Значительная часть документальных источников по изучаемой проблеме опубликована. Эти многотомные издания²², публикации

описаний иностранцев, Г. Котошихина и других широко известны. Следует особо отметить значительное количество изданий документальных материалов, появившихся в конце XIX — начале XX вв. в Казани, Симбирске, Саратове, Астрахани, других городах Поволжья и содержащих ценнейшие сведения по рассматриваемой проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дубман Э. Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991; Он же. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI — XVII вв. Самара, 1999; Он же. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI — XVII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000; др. работы.

² Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

³ Вешняков В. И. Рыболовство и законодательство. СПб., 1894. С. 440-441.

⁴ Степанов И. В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. № 48. вып. 5. Л., 1939; Он же. Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма) // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; Он же. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. // Изв. 1951. № 36; Пруссак А. Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке // Исторический сборник. Л., 1934; др. работы.

⁵ РГАДА. Ф. 233.

⁶ Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: Записки книг Печатного Приказа (1650-1675) // ЧОИДР. М., 1892. Кн. 3; Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа) // ЧОИДР. М., 1915. Кн. 4; Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.). М., 1994.

⁷ А СПб ИИ РАН. Ф. 38.

⁸ РГАДА. Ф. 26.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАДА. Ф. 235, 236, 125.

¹¹ Там же. Ф. 396, 1239.

¹² Там же. Ф. 1199.

¹³ Там же. Ф. 1207.

¹⁴ Там же. Ф. 1197.

¹⁵ Там же. Ф. 1185.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 303 I.

¹⁷ РГАДА. Ф.125.

¹⁸ Там же. Ф.361, 829, 1104, 1155, 1159.

¹⁹ А СПб ИИ РАН. Ф.178.

²⁰ РГАДА. Ф.1209; РО РГБ. Ф.29; ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина и др.

²¹ ГАО. Ф.1010, 1011; РО АИАМЗ.

²² ПСЗ-1, АИ, ДАИ, ААЭ и др.

§ 1. Некоторые особенности освоения юго-востока европейской России во второй половине XVI — XVII вв.¹

Особенности развития российских государственности и общества XVI — XVII вв. в значительной степени зависели от расширения территории страны, хозяйственного освоения новых территорий, важнейшими из которых были юг и юго-восток европейской части страны и Сибирь. Плодородные лесостепные и степные земли «Дикого поля» во второй половине XVI — XVII вв. являлись объектом государственной политики, основывающейся на единых принципах. Она представляла собой совокупность мирных дипломатических средств и способов военного противостояния в отношениях с кочевыми сообществами, постепенное поэтапное закрепление на южных и юго-восточных территориях путем сооружения отдельных крепостей-городков и оборонительных линий. Под их защитой происходило хозяйственное освоение новых земель, сводившееся к формированию мелкого и среднего феодального землевладения, массовым миграциям населения, складыванию районов аграрного производства. В итоге происходило медленное широтное «сползание» ареала земледельческих окраин страны, охватившего к рубежу XVII-XVIII вв. значительную часть восточноевропейской лесостепи. Вся остальная территория «Дикого поля» оставалась во власти степняков.

Процесс освоения юго-востока Европейской России, вернее той его части, которую мы условно называем Понизовым Поволжьем² после присоединения его к России, существенно отличался от других территорий «Дикого поля». Это своеобразие проявилось в правительственной политике, в деятельности различных категорий участников его колонизации, в общем направлении социально-эконо-

мического развития. Причины такой специфичности были связаны с природно-географическими условиями и геополитическим положением региона. В орбиту военно-правительственной и хозяйственной (прежде всего промысловой) колонизации входила вся прилегающая к водным акваториям территория Понизового Поволжья, как в меридиональном, от Камы до северного побережья Каспийского моря, так и в широтном, от Терека до низовьев Яика, направлениях. Начало вхождения региона в состав России относится к середине — второй половине XVI в. Широкомасштабная земледельческая колонизация его происходила с отставанием в целое столетие — только с середины XVII в. К концу столетия в Предволжье она достигла границы лесостепной и степной зон, в Заволжье остановилась на переходе к южной лесостепи (примерно на уровне р. Б. Черемшан и его притоков). Запаздывая по сравнению с подобными процессами, происходившими западнее, земледельческие освоение и хозяйство являлись только одной из составляющих экономической жизни края. Основой же его экономики были промыслы, обслуживание транспортных путей и торговля.

Суть государственной политики в Понизовом Поволжье состояла в закреплении его за Россией, защите юго-восточных окраин страны от нападений кочевников, охране и эксплуатации волжского торгового пути, хозяйственном освоении³. Во второй половине XVI — XVII вв. в ее проведении можно выделить несколько этапов, на каждом из которых решались свои задачи. На протяжении первого периода (от присоединения до середины 1580-х гг.) Москва с помощью военных и дипломатических средств утвердила свою власть над всей территорией бывшего Казанского ханства, подавила оппозиционные движения местного населения, создала мощный административно-военный центр в Астрахани, смогла удержать свои завоевания на нижней Волге. Затем, до начала открытого противостояния в годы Смуты, в Понизовье был установлен контроль за основными стратегическими пунктами региона в среднем и нижнем течении рек Волги, Белой, Терека, в устье Яика; создана система военно-административных пунктов, ликвидирована возможность формирования казачьей области на волжских берегах. Большая Ногайская Орда в этот период признала свое подданство России. Одной из важнейших сфер деятельности центральной и местной адми-

нистрации явилась организация и поддержка хозяйственного освоения природных богатств региона — рыболовства, добычи соли, торговли и транзита грузов.

События Смутного времени в Понизовье серьезно повлияли на систему, созданную Москвой в предшествующий период, но не смогли разрушить ее окончательно. В период после Смуты до середины 1630-х гг. государство не только полностью восстановило свои позиции в регионе, но и значительно усилило их. Были восстановлены разрушенные города, построены новые, расширена сфера деятельности местной администрации в волго-яицком междуречье, низовьях Яика. Казна выступила непосредственным инициатором восстановления промыслового хозяйства региона. Показателем стабильности и относительной безопасности на территории края явилось возникновение крупных центров оседлого расселения и земледелия в Закамье, к югу от Тетюшей и Алатыря, на Самарской Луке.

Середина 30-х гг. XVII в. явилась переломным этапом правительственной политики и освоения южных и юго-восточных окраин России. Новые моменты в развитии Понизового Поволжья проявились уже в последнее десятилетие царствования Михаила Федоровича. Край стал более военизированным и безопасным; крупные промыслы частных предпринимателей возникли в устье Яика, на Эмбе, на Самарской Луке. Были созданы предпосылки для массового земледельческого и земледельческо-промыслового освоения его северных лесостепных районов. Во второй половине 1640-х — 1650-х гг. происходило строительство восточной части единой укрепленной линии России — Симбирской (Симбирско-Корсунской) и Закамской черт. Их возведение и массовое земледельческое освоение защищенной этими укреплениями территории Понизового Поволжья оказали огромное влияние на развитие края. Именно такие действия государства и общества являлись типичными в изучаемый период для всей лесостепной зоны “Дикого поля”. Но правительство не ограничилось этими акциями. Оно заметно усилило свою активность в районах, располагавшихся к югу от оборонительных линий. Особенно настойчиво такая политика проводилась с середины 1660-х гг. В это время началась подготовка к новому этапу военной колонизации края, строительству городов, оборонительных линий, было проведено планомерное обследование территорий волго-яицкого между-

речья, низовий и среднего течения Яика. Государство приступило к созданию на территории всего Понизового Поволжья крупнейшего в стране казенно-дворцового промыслового комплекса. После ликвидации последствий массового антикрепостнического движения под предводительством С. Т. Разина основные направления этой политики были продолжены. Особое внимание уделялось укреплению подступов к Симбирскому правобережью и закреплению позиций государства в низовьях Яика. Строительство Сызрани и других военизированных поселений способствовало появлению нового крупного района аграрного расселения.

Решающим для всего Понизового Поволжья явился период с середины 1690-х гг. Взятие Азова, строительные работы в волгодонском междуречье, фактическая ликвидация автономии яицкого и донского казачества, ускоренное земледельческое освоение Правобережья привели к новой ситуации в регионе. Об этом свидетельствует фактическая отмена законодательных норм "заповедных городов". Наряду с окончательным оформлением дворцового промыслового комплекса как крупнейшего не только в регионе, но и в стране государство с помощью реформ начала XVIII в. фактически поставило под свой контроль все остальные крупнейшие промысловые центры региона. Реализация в Понизовом Поволжье секуляризационной политики Петра I, законодательства об "оброчных статьях" явилась продолжением тенденций, наблюдавшихся на территории края во второй половине XVII в., и стала четкой гранью в развитии промысловой деятельности, прежде всего частных предпринимателей. Таким образом, рубеж XVII-XVIII вв. явился итоговым, решающим для Понизового Поволжья по целому ряду факторов. Завершился определенный период в его развитии. К началу XVIII в. край приобретает черты внутреннего района Российской державы. Государство взяло под свой контроль основные силы, находившиеся как внутри региона, так и на его границах: частных предпринимателей, яицкое и донское казачество, калмыков. Но, как и прежде, во второй половине XVII — начале XVIII вв. основой экономического развития региона остались промыслы, торговля и транзит грузов по Волге.

Изучение поведения различных групп российского общества на территории Понизового Поволжья позволяет сделать вывод о том, что именно промысловое хозяйство было важнейшей сферой их дея-

тельности. Это направление колонизации являлось многомерным процессом, инициаторами, организующей активной силой и главными участниками которого были представители едва ли не всех сословий, а также государства. Промысловое освоение оставалось основным фактором социально-экономической жизни региона на протяжении примерно полутора столетий, до рубежа XVII — XVIII вв. Именно промысловые отрасли хозяйства определяли основные тенденции в освоении Понизового Поволжья, его место в начинающемся общероссийском разделении труда. Поэтому, на наш взгляд, в пересмотре нуждается привычная схема деления истории региона на два периода, гранью между которыми обычно считают сооружение в середине XVII в. засечных линий и начало массового аграрного освоения его лесостепных районов. Рассмотрение Понизовья с учетом специфики военно-административной и промысловой колонизации его территории, эволюции городов, ряда других факторов позволяет выдвинуть иные критерии для выделения стадий развития края. При этом следует отметить, что логика активной хозяйственной деятельности крупнейших корпораций и частных предпринимателей в Понизовом Поволжье зачастую не укладывалась в жесткие рамки единой периодизации. Каждый из них действовал, исходя из своих внутренних интересов, хотя в значительной степени регулируемых государством. Рассматривая понятия «хозяйственное освоение», «колонизация» в более широком смысле, не сводя их только к земледельческому освоению, трудно переоценить роль дворцового ведомства, патриаршей и местных епархиальных кафедр, центральных монастырей, купечества и других категорий предпринимателей в постепенном превращении края во внутренний российский регион. Основываясь на крепостнической логике развития социально-экономических отношений, эти предприниматели вынуждены были вносить в свою деятельность известные коррективы, в частности широко применять вольнонаемный труд, создавать крупные товарные предприятия и т.д.

Можно выделить ряд общих черт в деятельности различных групп предпринимателей, прежде всего крупнейших, на территории региона. К ним относятся целенаправленные усилия по закреплению в своей собственности наиболее выгодных промысловых участков (от оброчного владения к вотчинному), обеспечение предприятий

максимально возможным льготным режимом, формирование системы хозяйственно-административных подворий, перевалочных пунктов в волжских городах. Уже в первой половине XVII в. наиболее предприимчивые промышленники смогли создать крупные многофункциональные промысловые комплексы с военными гарнизонами с постоянным населением и многоотраслевым хозяйством.

Несмотря на свою логичность и кажущуюся очевидность, схема неуклонной эволюции от промыслового хозяйства к промыслово-аграрному или аграрному у крупных корпоративных предпринимателей, к которым относились дворцовое ведомство, патриаршая кафедра, центральные монастыри, не отражает все реалии экономического освоения Понизового Поволжья. Изучение деятельности отдельных групп участников освоения показывает, что такая последовательность, как правило, осуществлялась только в районах, входивших в ареал массового формирования землевладения. Но это была скорее тенденция, а не главная цель предпринимательской деятельности в регионе. Хотя, разумеется, крупные предприниматели делали все возможное для того, чтобы поселить рядом с промыслами зависимое население и добиться полного обеспечения их продуктами собственного земледельческого хозяйства.

В процессе промыслового освоения участвовали различные категории российского общества от самых привилегированных до тяжелых сословий, от "верхового" до местного посадского и приборного населения. Первое место в этом процессе занимало государство. Его особой роли способствовала специфика владельческих прав на промысловые угодья. Собственность и право на эксплуатацию промысловых угодий отличались условностью, неустойчивостью, требовали постоянного подтверждения. Правовые нормы вотчинного и поместного землепользования распространялись на эти угодья в весьма ограниченной степени, что придавало промысловой собственности, не говоря уж об оброчных водах, характер временного владения, во многом зависящего от воли центральных и местных государственных органов. Поэтому роль государства в регуляции этих отношений была чрезвычайно важной. Постоянной функцией правительственной администрации являлось распределение промысловых угодий, контроль за ними и сбор откупных платежей. Нередко местные власти должны были организовывать собственные казен-

ные предприятия, руководить родственными им дворцовыми. Провести грань между деятельностью казны и Дворца в эксплуатации природных богатств края крайне сложно. До начала 1660-х гг. дворцовое ведомство либо закупало продукцию в Астрахани и Нижнем Новгороде, либо получало ее от местной администрации, собиравшей часть откупных платежей за оброчные угодья натурой. Возникновение и дальнейшее развитие собственного, крупнейшего в регионе и стране, дворцового промышленного комплекса началось лишь с 60-х гг. XVII в. В его создании непосредственное участие принимали как дворцовые, так и казенные учреждения, в частности приказы Тайных дел, Казанского дворца, местная администрация. Предприятия дворцового ведомства располагались едва ли не во всех промышленных районах Поволжья, но крупнейшие промыслы находились в астраханской дельте и низовьях Яика.

Выдающуюся роль в промышленном и промыслово-аграрном освоении Поволжья сыграли Патриарший дом и монастыри центра страны. Эти участники колонизации, как и местные монастыри и епархиальные дома, являлись наиболее привилегированными (после дворцового ведомства) предпринимателями региона. Но и они не смогли полностью преодолеть условности владения промышленными угодьями, права на которые приходилось постоянно возобновлять. Церковь не только сохранила свои позиции крупнейшего предпринимателя Поволжья на протяжении всего изучаемого периода, но и значительно их усилила во второй половине XVII столетия. Политика ограничений этого времени практически не затронула ее деятельность и владения. Патриаршие промыслы, возникнув в начале XVII в., по-настоящему крупными стали только во второй половине столетия. Их география была ограничена астраханской дельтой и угодьями, примыкающими к Самаре. Промысловая деятельность центральных монастырей началась уже во второй половине XVI в. Она охватила всю Волгу от Казани почти до Астрахани. Но в следующем столетии, особенно во второй его половине, наибольший размах монастырское предпринимательство получило в сравнительно небольшом районе волжской акватории, примерно от Симбирска до Саратова. Помимо промышленной деятельности, все перечисленные предприниматели активно занимались аграрным и промыслово-аграрным освоением региона. На территории Самарско-

го уезда патриаршее и дворцовое ведомства владели большей частью пахотных и других сельскохозяйственных угодий. В Симбирском уезде центральные монастыри и Дворец стали собственниками ряда крупных вотчин по всему волжскому побережью и являлись в последние десятилетия XVII в. одними из основных участников земледельческого освоения, хотя, разумеется, уступали в этом отношении мелкому и среднепоместному дворянству.

Заведя крупные земельные вотчины на территории Южного Средневожья, дворцовое и патриаршее ведомства уделяли большее внимание все же организации промысловых предприятий. Несколько отличной была в этом отношении деятельность властей центральных монастырей, которые создали в своих владениях многоотраслевое хозяйство, где нередко главную роль играло земледелие. Именно в таких крупных вотчинах наиболее отчетливо виден процесс воспроизводства крепостнических отношений, характерных для владений духовенства в центральных районах страны.

Представители местных епархий и монастырей, прежде всего казанских и астраханских, также относились к крупнейшим предпринимателям Понизового Поволжья. В основном сфера их деятельности была ограничена ближайшей округой, а полученную продукцию они реализовывали на местном рынке. В большей степени это положение относится к астраханским церковным корпорациям. Торговые интересы отдельных монастырей Казанского края нередко простирались вплоть до Астрахани и Нижнего Новгорода.

Привилегированное купечество, расцвет деятельности которого приходился на 20-е — 50-е гг. XVII в., в основном эксплуатировало наиболее продуктивные угодья Астраханского края и низовьев Яика, но его предприятия располагались по всей волжской акватории. В более поздний период купечество оказалось вытесненным из крупного понизового производства (прежде всего учужного — астраханского и нижнеяицкого). Сферой приложения его усилий остались подряды на перевозку продукции промыслов, хлеба, выполнение посреднических операций и т.д. Сравнительно небольшая группа гостей и членов гостиной сотни (Светешниковы, Шорины, Гурьевы, Никитников) смогла создать поистине гигантские промысловые предприятия, по своим размерам сравнимые только со сменившим их дворцовым комплексом. Однако значимость и экономическое могу-

щество этих людей прежде всего основывались на поддержке государства. Зачастую они выступали торгово-промышленными агентами правительства. Уникальными случаями комплексной колонизации новых территорий являлись предприятия Надеи Светешникова на Самарской Луке и Гурьевых в устье Яика. В деятельности по созданию каменного городка и учюгов на Яике, их эксплуатации отчетливо проявляется теснейшая связь между государством и частным лицом, взаимное переплетение их интересов. Близкими по размерам производства и его организации к предприятиям средних представителей привилегированного купечества (членам гостиной и суконной сотен) были заведения жителей московских слобод. Среди них необходимо выделить предпринимателей Кадашевской слободы, роль которых в откупе доходных статей низовских городов, организации промысловых заведений была весьма значительной. К ним же примыкали богатейшие промышленники из верховых посадов, монастырских слобод и т.д. К таковым, например, относились братья Калмыковы, до того как их приписали к гостиной сотне.

Массовость группы непривилегированных предпринимателей из верховых городов и уездов (посадских людей, крестьян и т.д.) позволяла им сохранять за собой весьма серьезные позиции в промысловом хозяйстве Понизового Поволжья, в организации средних и мелких предприятий, транзитных перевозках и т.д. Среди них наиболее многочисленным было население местных городов. Формы такого предпринимательства могли быть самыми различными — от откупов до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Для большинства посадских и приборных людей рыболовецкие промыслы являлись важнейшим источником доходов. Именно поэтому они смогли добиться прикрепления к городской округе примыкающих к ней волжских вод. В подавляющем большинстве случаев размеры откупов и их продолжительность были невелики и, как правило, не превышали года. На них, как и на промыслы верховых непривилегированных предпринимателей, практически не распространялись таможенные и другие льготы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данный раздел построен на материалах следующих исследований автора: Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв.; Он же. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.

² Под Понизовым Поволжьем подразумевается восточная часть “Дикого поля”, включающая в себя прибрежную часть Волги и волго-яицкое междуречье от устья и среднего течения Камы до северного побережья Каспийского моря. В изучаемый период этот регион отличался от соседних спецификой государственной политики, осуществляемой на его территории, и особым типом соотношения между военно-административным, промысловым и земледельческим освоением. Принципы выделения этого региона изложены автором в следующих работах: Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. С.5-6; Он же. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв. С.4-5.

³ В определенной степени можно согласиться с авторами, считающими, что российская экспансия на протяжении длительного периода определялась в основном стратегическими и внешнеполитическими, а не экономическими задачами. См., например: Капеллер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1996. С.21-22, 154. Однако по отношению к отдельным вновь осваиваемым регионам страны, в том числе и Понизовому Поволжью, правительство и основные категории предпринимателей в течение сравнительно небольшого времени после присоединения осознали хозяйственную значимость природных ресурсов.

§ 2. Промысловое районирование Понизового Поволжья

Важнейшей отраслью промыслового хозяйства Волжского Понизовья в конце XVI – XVII вв. являлось, несомненно, рыболовство. В нем в той или иной степени было занято большинство постоянного и временного населения основной территории региона, лежащей вне зоны распространения аграрного освоения. Возможность прибыльного рыболовства привлекала на берега Волги, Камы, Яика,

северного побережья Каспия все новых предпринимателей. Крупные денежные средства, получаемые от этой отрасли, способствовали дальнейшему освоению края, развитию промысловых центров и городов юго-востока Европейской России. Рыболовецкое хозяйство региона в XVII в. по праву считалось крупнейшим в стране. Оно поставляло львиную долю товарной продукции на внутренний рынок России, обеспечивало рыбой и рыбопродуктами, икрой, клеем не только местное население, но и крупнейшие корпорации центра — дворцовое ведомство, монастыри, епархиальные дома и т.д. По своей продуктивности оно значительно превосходило все остальные промысловые центры России, такие, например, как северный беломорский, белозерский и другие¹. На рассматриваемой территории следует, прежде всего, выделить акватории крупнейших рек — нижнего и среднего течения Волги (до устья Камы), Камы (примерно до впадения Белой) и Яика, а также северное побережье Каспийского моря, где добывалось основное количество осетровых и лососевых.

Начальный период развития промыслового хозяйства (конец XVI — XVII вв.) заложил основу для складывания в XVIII — XIX вв. одного из крупнейших мировых центров добычи ценнейших сортов рыбы. “Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными. Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных”, — таково резюме членов экспедиции под руководством К.М.Бэра, проделавших в середине XIX в. выдающуюся работу по изучению рыбных ресурсов России². Столь же определенно, но в более осторожной форме столетием раньше высказался П.С.Паллас³.

С точки зрения развития промыслового рыболовства вся акватория Волги ниже впадения Камы, а также нижнего и среднего течения Камы и Яика и, наконец, Каспия представляла собой совершенно уникальную по своим биологическим запасам водную систему, наиболее благоприятную для существования так называемых туводных рыб, использующих в разные периоды своего жизненного цикла для размножения и дальнейшего существования как соленые морские,

так и пресные речные воды. В сохранившем свое значение до настоящего времени многотомном труде “Исследования о состоянии рыболовства в России” авторы писали: “Только от Казани или определительнее от впадения Камы Волга заслуживает славу богатой рыбою реки. Богатство это возрастает медленно, начиная же от Царицына весьма быстро”⁴. Этому же мнению придерживались исследователи второй половины XVIII – начала XIX вв. П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин и другие⁵. Характерно, что очерченная исследователями природных ресурсов промысловая акватория очень хорошо укладывается в границы Понизового Поволжья и фактически повторяет их.

Внутри этого региона исследователи предлагают дополнительное районирование. Они выделяют район нижней Волги и, прежде всего, астраханской дельты, как наиболее богатый природными ресурсами. В определении его границ мнения расходятся. Сотрудники экспедиции К.М. Бэра верхнюю границу этого района по Волге ведут от Царицына. Другие исследователи, определяя Волго-Каспийский рыболовный район, начинают его либо от Саратова, либо от Камышина. Существует мнение, что эти границы следует сузить до волжской дельты и северных вод Каспия⁶. В таком подходе имеется рациональное зерно. Действительно, в акватории крупнейших рек региона – Волги, Камы, Яика – следует выделить как особый район астраханскую дельту, низовья Яика и прилегающую к ним прибрежную полосу Каспийского моря, где рыболовство могло развиваться в совершенно иных условиях, чем на всей остальной территории Понизового Поволжья.

Принимая во внимание историю промысловой деятельности в Понизовом Поволжье во второй половине XVI – XVII вв., типы и размеры существовавших там предприятий, категории владельцев, удобнее, на наш взгляд, использовать более дробную систему районирования. Начиная со среднего течения Камы, примерно от впадения р. Белой, можно выделить казанско-камский, симбирский, саратовский, саратово-черноярский, астраханско-нижнеяицкий и яицкий промысловые районы. Такое деление весьма условно, но оно позволяет выявить определенные закономерности в развитии рыболовства региона.

Так как процесс складывания промысловых владений крупнейших предпринимателей Понизового Поволжья подробно рассматри-

вался в отдельной работе⁷, здесь мы остановимся лишь на краткой характеристике каждого из вышеуказанных промысловых районов.

Казанско-камский район, наряду с астраханским, принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Пожалования и сдачи в оброчное владение начались здесь сразу же после присоединения территории Казанского ханства к Российскому государству. Этот район первоначально охватывал водную акваторию среднего и нижнего течения Камы, воды Волги от камского устья до впадения Большого Черемшана, а также притоки этих рек, озера, старицы и т.д. Вне поля нашего рассмотрения остаются промысловые угодья в Волге выше камского устья, и в небольших реках и озерах на уже освоенной территории Казанского края, в Предкамье, что объясняется их местонахождением за пределами собственно Понизового Поволжья.

Здесь, на волжской и камской акваториях, в отличие от других промысловых районов Понизовья, не сложилось четкой системы крупных рыболовецких участков, каждый из которых имел бы свое название и хорошо фиксируемые границы⁸. Такая ситуация была обусловлена тем, что система владения водами сложилась довольно быстро, вскоре после «казанского взятия», была основана, в основном, на вотчинном праве и оставляла мало возможностей для активного оброчного предпринимательства, при котором происходило постоянное чередование пользователей. Это был район стабильного промыслового предпринимательства, где уже к началу XVII в. сформировалась собственность на рыболовные угодья. Здесь получили развитие сравнительно небольшие рыболовецкие предприятия, на большинстве из которых производство имело целью создание потребительской, а не товарной продукции. Среди рабочей силы преобладал труд крестьян-оброчников, подрядчиков, ловивших рыбу из доли, и т.д. В основном казанско-камские промысловые воды распределялись между дворцовым ведомством и местными церковными корпорациями. Наиболее выдающееся место среди последних занимал Казанский епархиальный Дом. Из центральных монастырей крупнейшими собственниками региона являлись в конце XVI – первой трети XVII вв. Троице-Сергиев, а во второй половине XVII в. – Савво-Сторожевский и Донской. Каких-либо значительных изменений в составе собственников и владельцев на протяжении почти полутора столетий

эксплуатации промысловых вод не произошло. Исключением стало лишь прекращение активной промысловой деятельности в данном регионе Троице-Сергиевой лавры и появление среди крупных промышленников вышеуказанных центральных монастырей. Наиболее полно состав владельцев промысловыми угодьями Волги и Камы отражен в описании оброчных статей Казанского уезда 1704 г.⁹, а также в ряде других, носящих более частный характер, документов¹⁰.

На всем протяжении эксплуатации рыбных ловель для казанско-камского района характерным являлось отсутствие крупных, хорошо организованных предприятий. Даже дворцовое ведомство, местный архиерейский Дом, центральные и местные монастыри, располагая весьма значительными промысловыми угодьями на Волге и Каме, ограничились устройством сравнительно небольших рыболовецких заведений с весьма простым технологическим циклом и оборудованием; зачастую они сдавали рыбные ловли в оброк мелким предпринимателям или использовали труд крестьян-оброчников. Широкое использование наемного труда на рыболовецких ватагах было распространено только на промыслах, лежавших вне обжитых территорий края, а таковых во второй половине XVII в. практически не осталось.

В середине 1660-х гг. южная часть вод, подведомственных казанским воеводам, по царскому указу была передана в распоряжение администрации недавно построенного Симбирска¹¹. Таким образом, из казанско-камского выделился симбирский промысловый район. Протяженность его промысловой акватории была невелика: на севере она граничила с тетюшскими водами казанско-камского района (устье р. Чертык), на юге тянулась до впадения р. Усы. Необходимо отметить, что границы такого районирования весьма условны. Так, например, до начала 1670-х гг. симбирские власти распоряжались промысловыми угодьями Савво-Сторожевского монастыря, а на Самарской Луке, несколько ниже устья р. Усы, ими был устроен дворцовый рыбный двор. Затем по просьбе монастырских старцев Надеинское Усолье с прилегающими к нему водами перешло в состав Казанского уезда. Получилось так, что Усольские вотчинные воды перемежались с промысловыми угодьями других владельцев, которые находились под юрисдикцией самарских и симбирских воевод.

Симбирский промысловый район по Волге делился на несколько крупных участков: Гороховские воды, тянувшиеся на 22 версты;

Синбирские, Вольские, Чувиченские, Арбутинские, Белоярские и Атрубские воды протяженностью 55 верст¹². Кроме того, в него входили имевшие местное промысловое значение акватории рек Свияга, Большой и Малый Черемшаны, Бирюч и др., а также озера, старицы и т.д. Для этого района начиная с 1660-х гг. характерен интенсивный процесс формирования крупного казенно-дворцового промыслового хозяйства. В последние десятилетия XVII в. здесь сложились весьма значительные товарные предприятия, принадлежавшие Новодевичьему монастырю и Ф.Ю.Ромодановскому. Трудно сказать о преобладании какой-либо одной категории наемной рабочей силы на промыслах. На них были заняты местное зависимое население, подрядчики и вольнонаемные рабочие.

Таким образом, к началу XVIII в. волжскую акваторию, подведомственную симбирской администрации, можно охарактеризовать как район крупного товарного производства.

Самарский район охватывал акваторию Волги от владений Новодевичьего монастыря и тянулся вниз до Елань-Иргизских вод, прилегающих к устью р. Малый Иргиз. Район делился на крупные промысловые участки, постоянно фигурировавшие в делопроизводстве XVII в. — Соковские, Тушинские (около 5 верст), Васильчиковские, Печерские, Лопатинские, Деревянные, Чагринские, Сосновские и т.д. Он заканчивался Елань-Иргизскими водами, которые находились под совместной юрисдикцией самарских и саратовских властей. Для средних и мелких предпринимателей в этом районе огромное значение имели юрты, располагавшиеся в устьях волжских притоков (Самарский, Соковский, Мочинский и др.). Вся эта промысловая акватория находилась под юрисдикцией казанских, самарских, саратовских, а во второй половине XVII в. и симбирских воевод. Фиксированные рыболовные угодья начали раздаваться здесь только в самом конце XVI — начале XVII вв. (нижегородский Печерский и московский Чудов монастыри). В отличие от других районов волжской акватории, в самарском практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в истории самарского района явилось последовательное неуклонное формирование собственности на промысловые воды крупнейших центральных монастырей России. К рубежу XVII-XVIII вв. его основная акватория оказалась поделенной между таки-

ми крупными собственниками, как звенигородский Савво-Сторожевский, московские Чудов и Вознесенский, нижегородский Благовещенский монастыри, которые в итоге смогли вытеснить представителей привилегированного купечества и другие категории светских предпринимателей.

Вряд ли можно согласиться с мнением А. А. Гераклитова о “малоценности самарских вод”, о том, что “в XVII в. рыбный промысел в самарских водах, несмотря на огромное их протяжение, не имел серьезного промышленного значения...”¹³. Дело в том, что, в отличие от близлежащего саратово-черноярского района, основные промысловые угодья здесь оказались разобранными богатейшими церковными корпорациями страны. В их владениях были созданы понастоящему крупные рыболовецкие предприятия. Другим же предпринимателям практически не доставалось больших промысловых участков. Поэтому система откупов, сдававшихся за значительные суммы, не получила здесь широкого распространения. Именно самарский район стал базой для развития крупных промысловых предприятий, дававших значительные партии продукции как для непосредственного потребления в самих монастырях, так и для рынка. Рыбные дворы и ватаги монастырей-предпринимателей этой территории являются эталонными для определения характеристик и типа промыслового предприятия Средней Волги. При общем преобладании наемных работников на промыслах в последней четверти XVII в. вполне очевидно проявилась тенденция к замещению их трудом крепостного населения. Заданная одним из исследователей истории Новодевичьего монастыря и его поволжских владений тема, “как воды стали землями”, наиболее отчетливо проявила себя только в последние два десятилетия XVII в. Однако уже в конце 1620-х — начале 1630-х гг. на правом берегу самарского участка Волги появились крупные земельные владения предпринимателей, занимавшихся промысловым рыболовством.

Все промысловое пространство казанско-камского, симбирского, правобережной части самарского районов, расположенное в зоне аграрного расселения, можно представить в виде кроны мощного дерева. Стволом, где господствовало крупное товарное предпринимательство, являлась Волга. Многочисленные притоки — Б. и М. Черемшаны, Свяяга, Майна, Утка, Урень, Бирюч, Уса, другие реки, озера

и т.д. — были базой для развития местного мелкого, направленного для удовлетворения потребительских запросов, рыболовства. Красноречивое подтверждение этому образу содержится в описании оброчных статей Симбирского уезда 1704 г., в котором примерно по 300 селениям приведены рыболовные угодья и способы их использования¹⁴. Это описание настолько полно и так хорошо позволяет рассмотреть процесс промысловой деятельности на территории Симбирского уезда, что в данной работе ему будет посвящен отдельный раздел.

Ниже по течению, от впадения Терешки (правобережье) и Большого Черемшана (левобережье), вплоть до астраханской дельты, промысловое рыболовство получило развитие только в самой Волге и в устьях и нижнем течении наиболее крупных ее притоков — Сока, Самары, Большого Иргица и других.

Саратово-черноярский промысловый район, несомненно, обладал более значительными рыбными ресурсами, чем вышележащие сармарский и симбирский. Но по типологии промысловых хозяйств, их размерам, товарности он очень близок к ним. Воды, находившиеся в распоряжении саратовских воевод, делились на ряд участков: Елань-Иргизские (под совместной юрисдикцией сармарской и саратовской администрации), Курдюмские, Чирлатовские, Увецкие, Столбовские, Кривушенские и другие. Далее к Царицыну и Черному Яру какого-либо четкого деления не наблюдалось. Начиная от устья Малого Иргица до Саратова и ниже на протяжении XVII в. происходило формирование крупных промысловых владений московских монастырей, отчасти Чудова, затем Новоспасского и Высокопетровского. Здесь также, но с меньшей интенсивностью по сравнению с сармарским районом, происходило вытеснение непривилегированных мелких и средних светских предпринимателей. Откупные платежи последних были значительно выше, что свидетельствует о более благоприятных условиях для промысловой деятельности этих групп промышленников.

Ниже Саратова и до астраханских вод располагались промысловые угодья дворцового ведомства. Сведения об откупах этого участка (царицыно-черноярского) встречаются в источниках крайне редко.

Как правило, на промыслах использовалась наемная рабочая сила. Практически вся продукция отправлялась либо вверх по Волге в судах, либо санным путем в центральные регионы страны.

Исчерпывающая характеристика астраханского-нижнеяицкого района дана в работах И. В. Степанова и Н. Б. Голиковой¹⁵. Главенствующее положение здесь занимали учужные предприятия, хотя широкое распространение получили неводные и другие промыслы. Выше уже говорилось, что по своим производственным и товарным характеристикам этот район занимал ведущее место в России. В XVII в. астраханские власти неоднократно делали росписи промысловых угодий астраханской дельты и даже составляли их чертежи. Ряд таких росписей и один из чертежей сохранились в копиях в книге астраханского Троице-Сергиева монастыря, однако они затрагивали только отдельные участки астраханских вод¹⁶. Первое достаточно полное “научно-производственное” описание основных предприятий и промысловых участков астраханско-нижнеяицкого района было сделано В. Н. Татищевым, использовавшим для своей работы материалы Рыбной конторы начала 1740-х гг.¹⁷ По мнению опубликовавшего это описание Н. Пальмова, северная граница района начиналась от Песчаного острова (80 км выше Астрахани по Волге). Его территория включала в себя астраханскую дельту, морские воды до устьев рек Терека и Яика, а также низовья р. Яик¹⁸. Здесь в это время располагалось 9 казенных учугов, из них 8 в астраханской дельте и “Яик-Гурьевский городок” с двумя забойками на Яике. Характерно, что по сравнению с рубежом XVII – XVIII вв. число учугов значительно уменьшилось. Судя по описанию В. Н. Татищева, количество участков откупных вод, где преимущественно ловился частик, составляло 53, но из них 15 “никто не откупал”. Часть из этих участков делилась еще на несколько долей, так что общее число было несколько выше. Это были промысловые воды, располагавшиеся как непосредственно по Волге и Ахтубе (Ахтубские, Черноярские и др.), так и в волжской дельте по протокам. Сравнивая названия этих участков с бытовавшими в предшествующий период, можно сделать вывод, что количество и размеры их изменились незначительно. Таким образом, в XVII – начале XVIII вв. в астраханско-нижнеяицком районе одновременно находилось в откупном и вотчинном пользовании более полусотни промысловых участков, где велась интенсивная добыча рыбы. Если же прибавить к ним учуги, то это количество вырастет еще более.

Тенденция перехода крупнейших промысловых предприятий в руки дворцового и патриаршего ведомств, местных церковных корпораций наиболее ярко проявила себя в последней трети XVII в.

В эти годы крупнейшими владельцами учугов и других промысловых угодий являлись дворцовое ведомство, патриаршие и астраханские епархиальные власти, а также два местных монастыря – Троице-Сергиев и Спасо-Преображенский. Характерно, что в этом районе практически не получила развития промысловая деятельность центральных монастырей. На крупных предприятиях господствовало использование наемной рабочей силы. В Астрахани сложился один из крупнейших в стране рынков торговли ценными сортами рыбы и соли, вывозимых на Макарьевскую ярмарку и в центральные районы страны.

Яицкий промысловый район. Уникальность этого района состояла в том, что яицкое казачество, не допускавшее к реке других промышленников, являлось единоличным коллективным владельцем промысловых угодий. По мнению исследователей, яицкая рыба была лучшего качества, чем волжская, и поэтому ценилась выше¹⁹. Промысловая акватория яицкого района в нижнем течении граничила с владениями Гурьевых, а позднее дворцового ведомства в низовьях Яика и тянулась вверх по течению почти до верховий реки. В отличие от полноводных Волги и Камы, русло Яика представляло собой неширокую ленту, практически не имевшую притоков. Ширина ее не превышала в низовьях 200 м., а в районе современного Уральска и выше составляла около 100 м.²⁰ По-настоящему товарный характер рыболовство в этом районе приобрело в 70-х гг. XVII в., когда поток дешевой яицкой рыбы устремился в центр страны. Поставки крупных партий красной рыбы и икры велись в основном через Самару и Сызрань, где производился сбор “яицкой десятой рыбы”. О размерах поставляемой в центр продукции можно судить по суммам откупов на сборы по таможням в Самаре и Сызрани, а также по количеству припасов, которое разрешали вывозить с Яика беспрошленно властям Савво-Сторожевского монастыря. Подробное описание организации яицкого промыслового процесса в XVII в. приведено в работах В.Н.Дариенко²¹, а в середине XVIII в. – в трудах П.С.Палласа и других исследователей.

Подобное районирование промысловых угодий складывалось исторически на протяжении почти полутора столетий. Преобразования петровской эпохи и последующие события XVIII в. существенно изменили эту картину. Однако в отдельных промысловых районах например, яицком этот процесс завершился только в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С. 147-149, 203-206; Тверская Д. И. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 81-82.

² Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1861. Т. 4. С. 1.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 199.

⁴ Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т. 2. С. 21.

⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1763 и 1769 годах. СПб., 1775. Ч. 1; Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. 2 Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: С начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб., 1777; Описание Колы и Астрахани: Из сочинений Академика Николая Озерецковского. СПб., 1804; др. авторы.

⁶ Струбалина Н. Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 3.

⁷ Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI — XVII вв.

⁸ См., например: РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 16-102; Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6561. Л. 165-302.

⁹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56.

¹⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6561; Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Синбирской Приказной избы). 1665-1667 г. Симбирск, 1896. С. 139-140.

¹¹ Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. С. 264.

¹² РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 5об., 20, 32об. и др.

¹³ Гераклитов А. А. Самарские доходы. Статья опубликована в 1998 г. Э. Л. Дубманом // Самарский земский сборник. Самара, 1998. № 1. С. 111-112.

¹⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 2-322об.

¹⁵ Степанов И. В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке; Он же. Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма); Он же. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.; Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982.

¹⁶ РО АИАМЗ. КП 41422/5. Л. 107об.-111, 123об.-126об., 260об., 269-272об.

¹⁷ Пальмов Н. К истории рыбной промышленности Астраханского края в первой половине XVIII века // Наш край. Астрахань 1924. № 4. С. 115-125.

¹⁸ Там же. С.113.

¹⁹ Исследования о состоянии рыболовства в России: Описание уральского рыболовства. СПб., 1860. Т.3. С.36.

²⁰ Там же. С. 1.

²¹ Дариенко В. Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. М., 1966. С.16-19, 59-60

§ 3. География рыболовецких промыслов населения Симбирского уезда в начале XVIII в.

Одним из наиболее полных и информативных поездных описаний рыболовных угодий и промыслов России, проведенным в ходе реформы “оброчных статей”, являются “Переписные и записные книги по сбору оброчных пошлин с рыбных ловель в Симбирске и прилегающих к оному городам и угодьям” 1704 г.¹ Характеристика подобных документов как исторического источника дана автором в предшествующих работах².

Книги по Симбирскому уезду, а фактически по симбирскому промысловому району, как это значит по вышеприведенной классификации, позволяют определить размещение рыболовных угодий, состав их владельцев и особенности промысловой деятельности. Кроме того, они дают возможность получить наиболее полное представление о территории и составе населенных пунктов уезда на начало XVIII в. Интерес представляет сама методика проведения этого описания. Местные власти неукоснительно выполнили все пункты правительственной инструкции. Симбирский воевода П.М.Бестужев-Рюмин разделил все пространство уезда на 23 участка (см. табл. 1³). Эти участки существенно различались по площади и количеству подлежащих осмотру поселений. На территории 14 из них сбор сказок, осмотр угодий проводили воеводы отдельных городков и острогов, в том числе и сам Бестужев-Рюмин. На остальных “досматривали” посланные из Симбирска дворяне, которым в ряде случаев помогали подьячие симбирской приказной избы. Всего было собрано 300 сказок по 300 населенным пунктам и 5 промысловым владениям. Последние принадлежали дворцовому ведомству, Новодевичьему монастырю, крупным светским промышленникам. Далеко не по всем сказ-

кам сохранились результаты их проверки. Видимо, канцелярские служащие в Москве посчитали ненужным включать в сводные “книги” данные осмотра в большинстве тех случаев, когда они совпадали с содержанием сказок. Территория уезда была описана достаточно полно, о чем свидетельствует проведенная нами картографическая сверка списка селений⁴. Отметим, что к началу XVIII в. процесс интенсивного расселения на территории Симбирского Поволжья был далек от завершения. Для примера можно сказать, что в переписной книге г. Симбирска и уезда 1678 г. указано всего 105 селений (правда, эта книга содержит явные лакуны)⁵. Разумеется, и в используемом источнике далеко не все населенные пункты попали в поле зрения переписчиков. Но количество пропущенных не столь велико и, как правило, жители их не занимались рыболовецким промыслом или добывали рыбу в весьма ограниченных масштабах для удовлетворения собственных потребностей. Такой пропуск имеется, например, по сельской округе Сызрани. По значительной части территории этой сельской округи отдельные сказки (14 — по 13 населенным пунктам, из них 6 селений не упоминаются в “Переписных и записных книгах ...”) сохранились в составе других дел Ингерманландской канцелярии и в определенной степени дополняют приведенные выше сведения⁶.

Только в 51 сказке (17% из всех собранных) лица, подавшие их, заявили, что занимаются рыбной ловлей. Среди них жители или владельцы 56 селений (в том числе и всех Арбугинских слобод), а также приказчики 4 крупных предпринимателей. Кроме того, в сказках или описаниях по отдельным рыболовным угодьям имеются дополнительные сведения об иногородних предпринимателях, которые, неизвестно по каким причинам, не были опрошены.

Крупнейшие промыслы уезда находились на Волге. Ее рыболовные угодья в основном принадлежали крупным предпринимателям — Дворцу, Новодевичьему монастырю и т.д. и специально рассматривались в других авторских работах⁷. Нас же интересует состояние мелкого рыболовецкого предпринимательства, занимавшего сравнительно небольшую часть акватории этой реки. По городам Симбирского уезда, расположенным на волжском побережье, в описании оброчных статей фиксируются только данные о мирских коллективных рыболовных угодьях. Промысловая деятельность отдельных го-

рожан или “товариществ” практически не получила отражения, возможно, потому, что они предпочитали “оброчиться” или наниматься на предприятия крупных предпринимателей. Только жители Симбирска и Белого Яра смогли добиться права монопольного промысла рыбы в волжских водах, примыкающих к городской округе. В Симбирске, служилое население которого, в отличие от нижележащих городов, уже владело земельными угодьями, население стало монопольным собственником пригородных вод (4 версты ниже и 4 выше города) в 1661 г.⁸ Стрельцы Белого Яра (посадского населения в пригороде практически не было) по жалованной грамоте от 25 августа 1685 г. получили рыбные ловли по Волге — 5 верст “по обе стороны”, участок волжской воложки Костомахи на 0,5 версты, а также озера, тони, “вешние заливные воды и т.д.”⁹ Часть этих промысловых угодий вскоре была утрачена или отдана на откуп. Волжские воды, неизвестно в связи с какими обстоятельствами, в 1680-х гг. оказались у Новодевичьего монастыря. Воложку с озерами у стрельцов взял в оброчное пользование москвич Н.Ф.Лесников (1703 г. — оброк 20 руб., 1704 г. — 15 руб.). Условия сдачи в оброк были, несомненно, выгодны жителям Белого Яра. До Лесникова они ловили в водах воложки по затонам про свой обиход мирским неводом в 100 сажен. Судя по сказке белоярцев, в улове бывало по 2-3 воза щук, судаков, лещей и другой мелкой рыбы (воз щук, судаков и лещей по продажной цене 1,5 рубля; воз мелкой рыбы — 0,6 руб.). К 1704 г. у населения пригорода остались зимние озерные ловли на Костомском острове (волокушей на 1-2 рубля) и вешние разливные воды (сетями на 1,6 руб., вандами на 0,5-1,2 руб.; крыгами (по В.И.Далю, крыгой (вариант крига) называется “рыболовная сеть, род волокуши”¹⁰), вентерями, жерлицами и т.д. еще на 0,5-0,7 руб.). Кроме стерляди, вся остальная рыба была частиковой, малоценной. Таким образом, масштабы промысловой деятельности жителей Белого Яра были весьма незначительны.

В конце XVII — начале XVIII вв. вторым по значимости военно-административным и хозяйственным центром Симбирского уезда стала Сызрань. В документах этого времени постоянно встречаются упоминания о Сызранском уезде, хотя официально как самостоятельной административно-территориальной единицы его не существовало. Собственно волжские угодья, подведомственные симбир-

скому воеводе, вниз по реке доходили только до промысловых угодий Савво-Сторожевского монастыря (северная оконечность Самарской Луки). Акватория Волги у Сызрани и Кашпира оказалась в составе монастырских вотчинных вод. На обычную для того времени практику пожалования волжских вод "градским людям" население новых городов не могло рассчитывать из-за отсутствия таковых, поэтому ему приходилось использовать другие способы для промысловой деятельности. Промышленники монастыря жаловались, что после строительства Сызрани и Кашпира жители этих городов использовали их вотчинные воды "безоброчно, неведомо по какому... указу"¹¹. Но в основном сызранцы и кашпирцы ловили рыбу в волжских притоках, озерах и т.д. Например, усольские власти в конце XVII — начале XVIII вв. (до 1704 г.) отдавали частичковые воды с р. Сызран и другими речками (а также "зверовые юрты с лесами и санными покосами") на оброк, оценивая его в 70 руб. в год. В 1704 г. эти рыболовные угодья получил на откуп сызранский "воротник" И. Т. Жеребцов за 20 руб.¹²

Жители сельских населенных пунктов практически не брали в оброчное пользование волжские воды. Из них только крестьяне 5 дворцовых слобод (Кременской, Панской, Криушинской, Шиловской, Тушнинской) Арбутинской волости сохранили за собой угодья ниже Симбирска. Они получили их в оброчное владение за годовые платежи в 58,12 руб. еще в 1667 г. В начале XVIII в. крестьяне ловили только "про свой обиход" стерлядь, а также частичковую рыбу волокушами, сетями, бреднями, вентерями (вариант "вятерями"), кошамми (по В. И. Далю — ловушками¹³), а в речках, впадающих в Волгу, — саками. В отличие от белоярцев, они не устраивали запоров¹⁴.

Таковой представляется распределение промысловой акватории Волги в пределах Симбирского уезда между его жителями к весне 1704 г.

Развитие рыболовства в реках и водоемах Симбирского уезда, удаленных от волжского побережья, практически не изучалось, поэтому его рассмотрение представляет особый интерес. Распределение промысловых, в том числе и рыболовецких угодий среди коренного населения Среднего Поволжья началось задолго до строительства Симбирской черты. В середине — второй половине XVII в., когда происходил процесс массового заселения края, переселенцам раздавали во владение, кроме пашни, обычный набор лесных и сен-

ных угодий, в который входили и участки водоемов. Как правило, размеры их были невелики. Сохранившиеся источники о формировании землевладения и населения на территории уезда во второй половине XVII в. содержат весьма скудные данные о собственности на рыболовецкие угодья. Например, в строельной книге середины столетия, в разделе об отводе земель на территории уезда после строительства Симбирской черты, лишь изредка встречаются сведения о наделении поселенцев озерами, участками рек и т.д.¹⁵ Специальная раздача рыболовецких участков не была принята; их распределяли лишь в тех случаях, когда они входили в состав всей совокупности сельскохозяйственных угодий. При этом составители строельной книги отделялись обычно трафаретными выражениями типа: "а лес и всякия угодья в их гранях у помещиков вообще", "ему ж дано в угодье лес и озера и всякия угодья в его гранях"¹⁶. Итоги этого процесса зафиксировали составители описания рыболовных угодий 1704 г.

Как уже отмечалось выше, рыболовством в своих промысловых угодьях, да и то, как правило, на себя, занимались немногие. Еще более редки эпизоды (за исключением волжской акватории), когда отдельные водоемы или участки рек брались в оброчное пользование. Нам известны лишь 13 таких случаев (в некоторых из них происходило переоброчивание). К числу оброчников относятся едва ли не все категории населения — помещики, крестьяне, казаки, солдаты, иногородние промышленники. В большинстве случаев владельцем оброчных вод выступала казна. Достаточно часто симбиряне брали на оброк водные участки, лежащие за пределами своего уезда — в Алатырском и других уездах. В основном (10 случаев) оброчные платежи были невелики — от 0,2 до 2-3 руб. Известен один случай, когда для аренды вод в р. Свяиге и озерах объединились жители сразу семи ясачных татарских и чувашских деревень, платившие в Симбирске довольно крупную сумму в 11 руб. Как правило, оброчники промышленляли "про свой обиход". Крайне редко местные жители брали промысловые угодья на оброк не для собственного промысла, а для получения дополнительной прибыли путем переоброчивания. Например, два жителя Ерыклинска — казак и отставной пушкарь — откупили участок в 5 верст по р. Бирле у татар Казанского уезда за 2,5 рубля, разделили его на 7 участков и сдали местным служилым людям и татарам за общую сумму в 3,58 руб. Еще один

случай многоступенчатого переоброчивания известен на р. Свияге. Это был довольно крупный промысел, о чем свидетельствует сумма последних откупных платежей, составившая 27,5 руб.

Крайне редко местные жители пытались продавать выловленную рыбу в сколько-нибудь значительных размерах. Население в своих сказках обычно сообщало, что оно промышляло “на свой обиход”. Еще чаще о целях данных предприятий умалчивается, но по контексту «описания» очевидно, что промысел носил “домашний” характер. Только в 2 сказках имеются прямые известия о продаже рыбы. Но вырученные суммы весьма незначительны (менее 1 руб.), да и употреблялись они, как правило, на мирские нужды, поэтому говорить о сколько-нибудь развитом товарном производстве не имеет смысла.

Набор рыболовных средств, указанных в сказках, был весьма разнообразен и не отличался сколько-нибудь значительно от применявшихся в целом по всей стране (сети, бредни, верши, нережи (мережи), саки, волокуши, вентери, уды, приволоки, крыги, жерлицы, котцы и т.д.). Нередко “после полой воды” устраивались запоры и езы.

Районы рыбных промыслов по территории уезда были распределены крайне неравномерно. Практически не получило распространения рыболовство в селениях, располагавшихся по рекам Инзе и Сызгану (14 селений), по Кададе, Бекшанке, Темрязану (17 селений), по Аргашу (5 селений).

Среди жителей 19 селений в окрестностях рек Тукшума и Усы известен только один случай рыболовства (в с. Усинском (Уса) “выборного полку” солдаты ловили безоборочно в Усе и Тишереке на протяжении 3 верст рыбу). Промысел в весьма небольших размерах велся “про свой обиход” сетями из лодок. О скромных размерах рыболовства свидетельствуют данные об улове (30-50 карасей; 60-70 щук, окуней и сорог). Однако в столь слабом распространении промыслов, как можно представить по сказкам, следует усомниться. Повод для таких сомнений дают сами документы, например дополнительные материалы делопроизводства той же канцелярии о чувашах д. Байдеряковой. В 1704 г. население сообщило при осмотре, что не имеет рыбных промыслов. Позднее чуваша вместе с жителями д. Малячкиной подали сказку о том, что по р. Усе на протяжении 4 верст ловят мелкую рыбу вершами и жеками про свой обиход. Оборочные платежи с этого промысла в Симбирске составляли 1,6 руб. в год¹⁷.

Такой же разницей, только наоборот, произошел при осмотре промыслов с. Усинского.

Сура, только краем задевая западную оконечность Симбирского уезда, по сравнению с другими "провинциальными" реками была, видимо, действительно богата рыбой. Достаточно вспомнить слова князя А. Курбского, который во время похода под Казань переправлялся через Суру и был поражен ее рыбным богатством¹⁸. Значительно более скромные оценки содержатся в описаниях XVIII в. (в основном его второй половины), которые недавно были суммированы в статье В.И. Лебедева¹⁹. Кроме обычной речной рыбы, некоторые авторы указывали на водившихся здесь судаков и стерлядь. О стерляди, попадавшейся временами "после полой воды", свидетельствует и описание 1704 г. Основной же промысловой рыбой были лещи, язи, щуки и т.д. В пределах уезда сколько-нибудь крупных промысловых владений и предприятий на Суре не было. Отдельные участки реки принадлежали местным вотчинникам, служилым людям, крестьянам. У оброчников платежи (да и то отдаваемые в Алатырь) не превышали 1 рубля в год. Все данные свидетельствуют о том, что в пределах Симбирского уезда р. Сура не имела серьезного промыслового значения, такого, как в своем нижнем течении.

Наиболее значимой для местного населения после Волги была р. Свяга. По богатству рыбой она уступала Суре, но так как протекала в густонаселенных районах уезда, рядом с Симбирском, поблизости от Волги, то смогла привлечь к себе внимание не только местных жителей, но и крупных иногородних предпринимателей. Но и на Свяге рыболовство практически не выходило за пределы домашнего "про свой обиход". Населенные пункты, находящиеся в бассейне р. Свяги, осматривали несколько дозорщиков. Отдельные участки акватории этой реки попали в дачи местным помещикам или были отведены сельским обществам. Но практически никто из них не ловил рыбу. Приведем несколько примеров. Из 30 селений, располагавшихся по р. Свяге и Гуше, население 29 рыболовством не занималось. Только владельцы с. Елшанки Я.Ф. и Ф.Ф. Суровцовы промышляли на р. Гуше и ее притоках. Эту речку от устья до вершин получил в оброк за 1 руб. в год еще их отец Ф.Г. Суровцев. Здесь ловили мелкую рыбу "про свой обиход" — шук, окуней, плотву, линею и т.д. Из орудий лова упоминаются сети (по 3 в лето),

“ветеря” (вентери) (по 10 в лето), жерлицы (по 30-40 в лето). При этом небольшом промысле помещики держали погодно по одному человеку, который, видимо, организовывал все работы. Ему помогали помещичьи крестьяне — по 1-2 человека²⁰.

Из 33 сказок жителей еще одной группы селений (40 поселений), расположенных в бассейне р. Свияги в окрестностях самого Симбирска, только в 6 содержатся сведения о рыболовстве. Казаки 4 подгородных слобод ловили рыбу “про себя безоброчно”. Крестьяне 7 ясачных татарских и чувашских деревень платили за добычу мелкой рыбы в р. Свияге и озерах 11 руб. в год. И, наконец, 20-верстный участок по р. Свияге брал за 6 руб. годовых состоявший в гостиной сотне И. Андреев. В свою очередь он сдавал эти воды на оброк мурзам д. Букемураз за 3 руб. в год и татарам Свияжского уезда за 6,45 руб. в год. Промысел всех этих ловцов также в основном велся “про себя”, а предметом добычи была мелкая частичковая рыба.

Наиболее богатые рыболовные угодья в Свияге принадлежали дворцовому ведомству (их откупал Н. Федоров) и были розданы в Симбирске в оброк более мелким промышленникам — московскому отставному стрелцу Н. Прокофьеву, Д. Герасимову и другим. Весьма любопытную сказку представили конные казаки Свияжской слободы (4 чел.), солдаты с. Троицкого “Грязнуха тож” (3 чел.) и крестьяне арбутинской Подключищенской слободы (11 чел.). Они ловили сетями, сежами, вятелями, жерлицами, бреднями и другими орудиями лова частичковую рыбу “на себя и для продажи”. На одного ловца приходилось по 3 сети, по 10 вятелей (“а у иного и по 15”), по 20 жерлиц. В среднем улов на одного человека составлял в стоимостном выражении 4 рубля. Оброчные платежи в год достигали 27,5 руб., которые вышеуказанные промышленники платили московскому отставному стрелцу Н. Прокофьеву. Тот, в свою очередь, платил оброк за эти воды в Симбирске Н. Федорову (сумма не указана)²¹.

Еще одной рекой, где получило распространение “домашнее” рыболовство, можно назвать Барыш. Из 27 осмотренных на этой реке селений жители 10 — солдаты, крестьяне, служилые чуваша и, наконец, помещики — заявили о том, что они или их крестьяне ловят мелкую рыбу “про свой обиход” безоброчно.

Примечательна картина, представленная в описании по 37 селениям, в хозяйственные угодья которых входили реки Бирюч, Якла,

Чилим. Местные жители ловили мелкую рыбу только в 2 (возможно в 3) селениях²².

Таким можно представить развитие рыболовецких промыслов на тех территориях Понизового Поволжья, где уже сформировалось постоянное земледельческое население.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX.

² Дубман Э.Л. Всероссийская перепись "оброчных статей" начала XVIII в. как источник по феодальной истории Среднего Поволжья // Самарский исторический ежегодник: Сборн. статей. Самара, 1993. С.168-171.

³ Таблицы по каждому разделу размещены в конце книги в Приложении.

⁴ В качестве источников для локализации селений и проверки их полноты использовались, прежде всего, материалы XVIII в. См., напр.: РГАДА. Ф.248. Д.1159, 4238; РГВИА. Ф.ВУА. Д.19027, 20967, 20968, 20969, 20972.

⁵ Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 г. (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902. С.3-115.

⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.20.

⁷ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С.14-16, 18-20; Он же. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI-XVII вв. С.108-111; Он же. Дворцовое предпринимательство в Симбирском уезде во второй половине XVII в. // Самарский земский сборник: Общественно-политический и научный журнал. 1999. №1.

⁸ Невоструев К.И. Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города. Симбирск, 1909. С.13.

⁹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.114-116.

¹⁰ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С.194.

¹¹ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.20. Л.116.

¹² Там же. Л.116 об.

¹³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. С.159.

¹⁴ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.123-125.

¹⁵ Книга строельная города Симбирска. Симбирск, 1897. С.14, 46, 52-53, 55, 59-62.

¹⁶ Там же. С.55, 59.

¹⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.20. Л.119.

¹⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. С.17-18.

¹⁹ Лебедев В.И. Верхняя Сура в XVI-XVIII вв. // Из истории области: Очерки краеведов. Пенза, 1993. Вып. IV. С.64-76.

²⁰ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. С.226-226 об.

²¹ Там же. Л.214- 215.

²² Там же. Л.164 и далее.

§ 4. Познзовые предприятия в рыболовецком хозяйстве крупнейших собственников России

Большинство крупнейших предпринимателей Познзового Поволжья добывали рыбу не только в изучаемом регионе, но и в других промысловых районах страны, прежде всего в Поморье. К таким промышленникам относились дворцовое ведомство, Патриарший дом, богатые центральные монастыри, представители привилегированного купечества. В связи с этим возникает вопрос о месте и значимости познзовых предприятий в общей совокупности промыслового хозяйства отдельного феодального собственника. Вряд ли на него можно ответить исходя из анализа деятельности по “собираанию” промысловых угодий, созданию для них льготных условий работы и т.д. Наиболее оптимальными показателями в этом плане являются соотношение объемов добытой и переработанной рыбы, размеров поставок в метрополию, продажи на рынок. Вполне репрезентативные сведения здесь дают материалы по промысловому хозяйству Патриаршего дома. Основные центры рыболовецкой деятельности этого ведомства к середине – второй половине XVII в. сложились в Познзовом Поволжье, в Поморье и в Белозерском уезде.

Весьма информативный материал о домовых рыболовецких промыслах, «посылках» с них рыбы и рыбных припасов в метрополию представлен в “Записной книге патриаршим рыбным запасам” за 1658-1676 гг.¹ В этот период основными поставщиками являлись промыслы астраханского и самарского Поволжья, Белозерского уезда, Поморья (см. табл. 2). Готовую продукцию отправляли с езов домового Воскресенского монастыря в Белозерском уезде (за исключением 1665/66, 1670/71, 1673-1676 гг.), самарских неводных и частичковых ловель патриаршего нижегородского Благовещенского монастыря (за исключением 1665/66, 1671/72 гг.), астраханских учугов (кроме 1670/71 – 1671/72 гг.), варзужских тоней (кроме 1665/66,

1667/68 – 1668/69, 1675/76 гг.). Из Чуровской домово́й волости Белозерского уезда рыба начала поступать в 1662/63 г. Затем наступил длительный перерыв до 1669 г., после чего регулярные поставки в Москву возобновились. С 1668/69 до 1675/76 гг. рыбу посылали в Москву из Поноя. Лишь одну партию продукции отправили в 1658/59 г. из самарского домового Спасо-Преображенского монастыря. Также единичной была посылка из нижегородского Дудина монастыря в 1675/76 г.

Окончательно круг поставщиков рыбы и “припасов” в Москву к патриаршему двору сложился в 1670-х гг. В эти годы из Пони́зового Поволжья продукцию присылали промышленники астраханских промыслов и старцы нижегородского Благовещенского монастыря; из Поморья она привозилась от оброчных крестьян Варзужской волости² и Поноя, с территории Белозерского уезда поставлял рыбу из Череповецкой волости домово́й Воскресенский монастырь и приказчики Чуровской волости.

Каково же соотношение всех этих потоков и их удельный вес? Несомненно, второстепенное место среди них составляли партии, присылаемые с езов Белозерского уезда. Количество свежих и соленых “осетриков”, основной продукции белозерских езов, обычно колебалось от нескольких десятков до сотни, и лишь в течение 4-х лет их отправлялось от 100 до 200. Рыбу привозили в Москву, как правило, дважды – в декабре-январе и в августе. В августе 1664 г. указом из Москвы полностью запретили посылать улов на патриаршее подворье³, что было связано с перестройкой рыболовецкого хозяйства в Белозерском уезде, когда в 1665 году все промыслы уезда подчинили государеву Рыбному двору⁴. Однако положения указа оставались в силе только в 1665/66 г. Затем поставки возобновились, однако первое время в весьма малых размерах.

Соотношение объемов партий, отправляемых из самарских вод нижегородского Благовещенского монастыря и с тоней Варзуги и Поноя, позволяет отнести эти промыслы примерно к одному уровню. При этом не следует забывать, что в Поморье не имелось собственных домовых предприятий. Рыба принималась в качестве оброчной с патриарших крестьян или, как это было в 1671/72 – 1674/75 гг., дополнительно прикупалась к оброчной. В годы закупок размеры партий, присылаемых из Поморья, выросли почти в 10 раз –

до 1350-1450 пудов семги в год — и помогли компенсировать недостаток рыбной продукции в метрополии, случившийся из-за захвата Астрахани разинцами. Обычно из Варзуги в 1658/59 — 1670/71 гг. поступало по 166,5 пудов семги (в 1662/63 и 1670/71 гг. значительно меньше), но в 1672/73 г. — уже около 587 пудов, в 1672/73 г. — 1314, в 1673/74 — 469 и в 1674/75 — 374,5 пудов. Из Поноя в 1668/69 г. закупок было вывезено 304, в 1670/71 г. — 1388, в 1671/72 г. — 185 и в 1673/74 — 1082 пуда семги.

При составлении сводной таблицы объемов и стоимости партий, поставляемых на патриаршее подворье (см. табл. 2), был сделан ряд допущений. Возникла необходимость привести различные виды и сорта рыбы и “припасов” к общему знаменателю. При всем разнообразии продукции, привозившейся с самарских промыслов Благовещенского монастыря, ее основу, как правило, составляли крупные партии осетров; из Астрахани — белуга и осетр. В XVII в. для приведения ценных сортов рыбы (белуг, осетра, севрюг, изделий из них) к общему знаменателю, эквиваленту использовались обычно такие понятия, как “мерная рыба” и “рыба большим числом”. В приведенной ниже таблице используется единица измерения “рыба большим числом”. Содержание этого термина, будучи близким по смыслу с понятием “мерная рыба”, имело все же более универсальный характер. За одну “рыбу большим числом” принимались: белуга — урлючная, подурлючная, горбуша, мерная; осетр мерный; по 2 чалбыша осетровых или белужьих; по 3 косяка хрящевых и мякотных, по 3 косы, теши или языка “с башкой” белужьих; по 5 севрюг⁵. При таком, более широком, толковании вес одной средней “рыбы большим числом” был значительно большим, чем мерной, и имел более широкий разброс из-за различного количества в партиях белуг урлючных, горбуш и т.д. Расчет среднего веса одной “рыбы большим числом” по нескольким крупным партиям, отправленным из Астрахани в 1660-х и начале 1700-х гг., дает результаты от 1,6 до 2,1 пуда (1,6 — 1,7 — 1,8 — 2,1 — 2,1)⁶. Для наших подсчетов наиболее достоверным является максимальный вес одной “рыбы большим числом” — 2,1 пуда. Это обусловлено тем, что, кроме осетров и белуг, в партии поставлялась другие виды рыб, а также “припасов”, учесть которые в соразмерных единицах измерения крайне сложно. Таким образом, вес в 2,1 пуда являлся в реальности минимальным для большой партии рыбы и рыбопродуктов.

Стоимость партий за 1666/67 – 1670/71, 1672/73 – 1673/74 гг. приведена исходя из расчетов патриарших служащих, бравших за основу московские цены на рыбу. По всем другим годам нами произведен подсчет по ценам, указанным в приходно-расходных книгах. Разумеется, данные, приведенные в таблице, относительно веса “рыб большим числом” и стоимости достаточно приблизительны, но все же они позволяют проводить определенные сопоставления.

• Сравнивая самарский и поморский промыслы, необходимо отметить существенные различия в их организации. Например, поставки нижегородского Благовещенского монастыря из самарских вод в среднем превосходили партии рыбы, присылаемые из Поморья. Кроме того, монастырские промышленники отправляли значительную долю улова на свое подворье в Нижнем Новгороде для пропитания многочисленной братии, а часть продавали. И, наконец, в отличие от Поморья, откуда шла оброчная и покупная рыба, под Самарой было заведено действительно крупное промысловое предприятие. Самарский промысел для обеспечения рыбой Патриаршего дома вполне мог быть заменен астраханским, но этого не происходило по каким-то неизвестным нам причинам.

Основным поставщиком рыбы и припасов для нужд Патриаршего дома являлся астраханский промысел. Он давал более 85% всей необходимой продукции. Обычные годовые партии составляли от 5 до 8,5 тысяч пудов. Промысел практически прекратил работу в 1670–1672 гг., что было обусловлено захватом Астрахани и ее округи разинцами. Неясно, какие события явились причиной провально-го 1661/62 г., да и последующих 1662/63–1665/66 гг. Тогда астраханские предприятия отправили только около половины своего обычного количества рыбы. Возможно, это было связано с безвременьем в метрополии, когда Никон практически прекратил исполнять свои обязанности, а новый патриарх так и не был выбран. Наиболее стабильными и продуктивными явились 1658/59–1660/61 и 1672/73–1675/76 годы.

Тенденцию к росту поставок продукции из Астрахани в центр в последующий период можно проследить по материалам книги “Переписной учужному промыслу”, составленной в патриаршем Казенном приказе⁷. В ней приведены сведения за 8 лет – с 1684/85 по 1696/97 гг. – о количестве рыбы и припасов, затребованных

московскими властями у промышленников в Нижнем Новгороде со стругов и насадов, приходивших из Астрахани (см. табл. 3). Как правило, реальное количество и вес были на 10-15% меньшими, чем планировалось. При обработке приведенных в книге данных использовалась та же методика — определялось количество “рыб большим числом”, а затем высчитывался примерный вес всей партии исходя из коэффициента 2,1.

Среди поставляемой в Москву продукции монопольное место занимали белуга и осетр. Обычно в Патриаршем доме запрашивали белуг — по 1000 мерных, 100 и более урлючных, подурлючных и горбуш, от 300 до 800 чалбышей. Количество мерных осетров составляло от 1000 до 1500, чалбышей — 1000. В среднем в год отправлялось примерно по 10000 пучков вязиги, по 3 и больше мерника паюсной икры, от 9 до 11 бочек армянской икры, от 500 до 5000 тешек межукосных. Сравнительно небольшими партиями, от 50 до 300 единиц, вывозили косы, хряшевые и мякотные косяки, теши, спинки белужьи. Крайне мало было севрюги. Вместе с рыбой ежегодно посылалась соль бузун — в среднем от 1000 до 2000 пудов.

Таким образом, среднее количество поставляемой с астраханских промыслов в Москву рыбы, несколько увеличилось по сравнению с 1658/59-1675/76 гг. Однако по сравнению с последними годами этого периода, а именно с 1672/73- 1675/76 гг., произошел определенный спад.

При всей условности этих подсчетов они позволяют определить место астраханских и самарских промыслов среди других домовых предприятий, исходя из поставок продукции, а также получить достаточно достоверную картину потребностей патриаршей кафедры в рыбе и рыбных припасах во второй половине XVII в. Следует отметить, что поставки были относительно стабильными и во второй половине XVII в. выросли незначительно.

Все вышеприведенные данные характеризуют только потребности патриаршего подворья. Кроме того, домовые промышленники должны были также обеспечивать нужды Дворца. Длительное время, до тех пор, пока в Понизовье не возникли собственные дворцовые промыслы, это ведомство приобретало в Нижнем Новгороде крупные партии рыбы. В 1646/47-1669/70 гг. с патриаршего насада закупались ежегодно по 1000 белуг, 740 осетров, 260 чалбышей.

Такая практика продолжалась и позднее. В сентябре 1672 г. было указано возобновить в том же количестве и ассортименте, как и ранее, закупки рыбы в Нижнем Новгороде⁸. Существовали и другие способы перераспределения продукции понизовых промыслов. Например, с 1657/58 по 1674/75 гг. с патриарших учугов “про обиход великого государя” было передано 28075 белуг и осетров “челобитенной” рыбы, кроме той, которая была “имана в цену”⁹. В среднем в год это составляло 1560 единиц мерной или “рыбы большим числом”, что вполне сравнимо с закупаемыми у патриаршего ведомства партиями. Таким образом, только Дворец покупал и принимал “челобитенной” с патриаршего насада более 3 тысяч “рыб большим числом”.

Однако и вышеприведенные данные не отражают реальные результаты промысловой деятельности в Понизовом Поволжье. В Астрахани добывалось и вывозилось в Нижний Новгород гораздо больше продукции, чем это было необходимо в Москве (см. табл. 2, 3, 4). В Нижнем Новгороде часть рыбы распродавалась, а на патриаршее подворье отправлялось лишь то количество, что было заказано ранее. Данные об общем количестве рыбной продукции и соли, посылаемой с патриарших промыслов в Астрахани в конце XVII — начале XVIII вв. (1681-1704 гг.), сведены в одну таблицу (табл. 4). В первую очередь отметим, что Патриарший дом являлся потребителем сравнительно небольшой, составлявшей не более 1/4, части рыбы и “рыбных припасов”, заготавливаемых на астраханских промыслах, еще меньшее количество вывозилось в Москву астраханской соли. Все остальная продукция продавалась в Нижнем Новгороде и, возможно, отчасти в Казани. Домовая администрация в Нижнем Новгороде должна была решать весьма сложную задачу по распределению и реализации промысловой продукции. Получаемые от продажи средства явно превышали сумму, необходимую для нормальной работы астраханского промысла, и поступали в патриаршую казну. Товарный характер понизового домового хозяйства несомненен.

Таким образом, с учетом продукции, поставляемой на рынок и во Дворец, роль предприятий Понизового Поволжья, и прежде всего астраханской дельты, среди других рыболовецких центров, принадлежавших Патриаршему дому, становится еще более значимой.

Думается, что не менее значительное место понизовые предприятия занимали и в дворцовом рыболовецком хозяйстве. Известно

свидетельство Г. Котошихина¹⁰, в котором он, бежав из России в 1664 г., т.е. до начала широкой предпринимательской деятельности, организованной дворцовым ведомством во главе с Алексеем Михайловичем в середине — второй половине 1660-х гг., сообщал о расходе рыбы в год “про царской обиход, числом против продажные торговые цены болши ста тысячъ рублей”. По утверждению бывшего приказного человека в основном рыбу везли “ис Понизовых городов, из Нижнего Новгорода, и ис Казани, и из Астарахани, и ис Терка, с царских рыболовных промыслов”. Кроме того, поставки производились из-под Новгорода, Лалог, северных рек и Белого моря. Ряд других материалов подтверждают это, тем более что сведения по промыслам на Белоозере и в Приморье свидетельствуют о гораздо меньших (на порядок) размерах добычи¹¹.

Данные о размерах откупа на поставку дворцовой рыбы по Волге в последние десятилетия XVII в. также склоняют к этому мнению. В начале 1680-х гг. в Москве собственную организацию “дворцового насадного промысла” посчитали слишком хлопотным делом и решили славать его на подряд. В 1682 г. руководство приказа Большого дворца объявило конкурс на откуп этого предприятия. В том же году подряд в течение 5 лет на ежегодный провоз дворцовой рыбы из Астрахани через Нижний Новгород в Москву в размере 100000 пудов и “болши” взялась выполнять “компания” из 14 человек, состоявшая в основном из нижегородцев¹². Новая система перевозки рыбы с низовьев Волги и Яика действовала на протяжении двух последних десятилетий XVII в.

Еще по одной категории собственников — центральным монастырям — достаточно убедительные сведения в пользу важнейшей роли понизовых промыслов дает комплекс прихода-расходных книг по хозяйству Савво-Сторожевского монастыря во второй половине XVII в.¹³

Таким образом, Волжское Понизовье являлось главным поставщиком товарной и потребительской продукции в рыболовецком хозяйстве крупнейших корпоративных предпринимателей страны. Этот вывод можно распространить и на другие группы крупных промышленников — привилегированное купечество, жителей московских слобод и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф.236. Оп.1. Д.12. Л.1-67об.

² Подробно промысловые занятия населения Варзужской волости и развитие собственности на промысловые угодья рассмотрены в статье А.И.Копанева. См.: Копанев А.И. Неземледельческая волость в XVI-XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сборник статей памяти И.И.Смирнова. Л., 1967.

³ РГАДА. Ф.236. Оп.1. Д.12. Л.37.

⁴ Новосельский А.А. Рыбные промыслы в Белозерском уезде в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1994. С.170.

⁵ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.147об.

⁶ РГАДА. Ф.236. Оп.1. Д.12. Л.29-43; Ф.26. Оп.1. Д.12. Л.258-264.

⁷ РГАДА. Ф.235. Оп.2. Д.84. Л.2-441.

⁸ ДАИ. Т.6. №60. С.242-243.

⁹ РГАДА. Ф.235. Оп.2. Д.84. Л.122-122об.

¹⁰ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI – XVII веков: Сборник / Сост. Ю.А.Лабынцев. М., 1984. С.234.

¹¹ Новосельский А.А. Рыбные промыслы в Белозерском уезде в XVII в. С.174; Заозерский А.И. Царская вотчина XVII в.: Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937. С.126; РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.1, II; Оп.1. Ч.1. Д.1/3, 1/8, 1/9, 1/24.

¹² Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыков во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 1959. С.22-25, 67-68.

¹³ Дементьев Е.М. Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения Центра России во второй половине XVII века // АЕ. М., 1963. С.184-191; С. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С.60-61; РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.19, 22, 24, 25, 33, 40, 43.

§ 5. Рыболовецкие комплексы Среднего и Саратово-Черноярского Поволжья

К концу XVII — началу XVIII вв. на акватории Волги (вне астраханской дельты), Камы и их притоков сложился ряд по-настоящему крупных рыболовецких комплексов, владельцами которых в основном являлись дворцовое ведомство и церковные собственники. Организация производства на этих предприятиях, их товарность, устройство рыбных дворов и ватаг имели свои специфические черты. Например, в казанско-камском, отчасти в симбирском и самарском промысловых районах преобладание получила подрядная форма использования рабочей силы, когда роль подрядчиков выполняло местное оседлое население, применявшее собственные орудия труда. Чем дальше к югу, тем большую значимость приобретала система вольного найма. В самарском и нижележащих по течению Волги промысловых районах вместо временных примитивных построек складывались крупные, хорошо оборудованные рыбные дворы.

Материалы описания оброчных статей, другие источники показывают, что берега крупнейших рек региона были покрыты непрерывной цепочкой крупных и мелких рыболовецких предприятий. Нередко рядом с рыбными дворами, станами появлялись постоянные сельские поселения. Таким образом, речь идет о своеобразном промысловом освоении прибрежной части речной акватории Понизового Поволжья.

В своих предшествующих работах автор уже рассматривал отдельные аспекты организации промыслового рыболовства по территории симбирского и самарского промысловых районов (сортамент рыбы, путины, оборудование промыслов и т.д.)¹. Вопросы, решаемые в данном разделе, более конкретны и состоят в выявлении особенностей и специфики организации действительно крупных рыболовецких предприятий обширнейшего региона. Выбор таких хозяйств обусловлен, в первую очередь, состоянием источников. Именно поэтому в качестве эталонного выбрано рыболовецкое предприятие Савво-Сторожевского монастыря, существовавшее на базе крупной промыслово-аграрной вотчины Надеинского Усолья. Кроме того, ряд репрезентативных материалов сохранился по промыслам Высокопетровского, Новоспасского, Чудова, нижегородского Богоявленского,

Вознесенского, Новодевичьего монастырей; симбирского дворцового промысла, хозяйства Ф.Ю.Ромодановского. Этот перечень включает едва ли не все крупные промысловые предприятия симбирского, самарского и саратово-черноярского промысловых районов. Исключения составляют только рыболовецкие хозяйства казанско-камского района, которые существенно отличались по своим важнейшим параметрам от вышеперечисленных.

На протяжении XVII в. крупное промысловое рыболовецкое хозяйство Понизовья включало в себя совокупность ватаг, занимавшихся добычей рыбы, и рыбных дворов, на которых производилась переработка и хранение улова. Разделение труда на промысле в целом соответствовало этим стадиям. Для выполнения каждой из них существовала своя специализированная рабочая сила. На мелких промыслах все операции выполняли одни и те же люди.

Таким образом, следует выделить две основные стадии в производстве промысловых работ: первая была связана с добычей рыбы, вторая — с ее обработкой и хранением. Еще одну, включающую ремонтные, строительные и другие подготовительные работы, можно назвать вспомогательной.

Крупное, хорошо налаженное промысловое предприятие работало круглый год, который делился на несколько промысловых сезонов, или путин. Интенсивность труда в зависимости от сезона могла резко меняться. Первая весенняя путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до весеннего половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть годового улова красной рыбы — осетров, белуг, севрюг; белорыбицы (белой семги) и т.д. Летнюю (примерно с середины июля и до середины августа) и осеннюю (с середины августа до начала декабря) путины промысловики зачастую не разделяли и считали за одну. Зимой наступало время затишья: подо льдом ловили лосося, небольшое количество красной рыбы, белорыбицы и частика. Выделение четырех путин в годовом промысловом цикле характерно для волжского рыболовства на всем протяжении XVII-XVIII вв. Периоду XVII — начала XVIII вв. соответствует некоторая неразделенность весенне-осенних путин².

Данные о размерах улова и видах добываемой рыбы на промыслах в последней четверти XVII — начале XVIII вв. подтверждают

мнение Б.Б.Кафенгауза, Д.И.Тверской и других исследователей о том, что во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. на внутреннем рынке России важнейшее место после астраханской дельты и низовьев Яика в снабжении населения ценными сортами рыбы играла средняя и нижняя Волга, а также Кама¹. По размерам улова крупные предприятия дворца, монастырей, привилегированного купечества на порядок превосходили другие промысловые регионы страны (исключая, разумеется, нижнюю Волгу и Поморье).

Около 90% всей добычи рыбы составляли ее ценнейшие сорта — белуга, осетр, белорыбица и стерлядь (см. табл. 5). Если в конце 1670-х — середине 1680-х гг. между первыми тремя видами было примерное равенство, то в 90-е гг. XVII в. добыча осетров в общем улове составила от 65 до 80%. Постепенно осетр становился основной промысловой рыбой⁴. Данные, приведенные в указанной таблице, интересны в нескольких отношениях. Во-первых, они показывают примерное соотношение различных видов рыбы в улове крупных волжских промысловиков. Во-вторых, они дают возможность выявить доходность как всего рыболовецкого промысла, так и добычи отдельно осетра, белуги и т.д.

В отличие от промыслов Нижнего Поволжья, понятие “рыба большим числом” использовалось крайне редко. Традиционными оставались употреблявшиеся во всем Понизовом Поволжье единые принципы определения сортности рыбы, ее ценности. Эталонными являлись мерные осетр и белуга, составлявшие большую часть улова. Как и на Нижней Волге, белуги, превышавшие эту меру — матерые, косячные, урлючные — ценились намного выше. Цена белуг и осетров — полумерных, чалбышей, третниковых и т.д. — была значительно ниже их реальной стоимости.

Центрами управления и хозяйственной жизни промыслового предприятия являлись рыбные дворы. Если ватажский промысел практически не менялся на протяжении всего изучаемого периода, то рыбные дворы прошли серьезную эволюцию. Наиболее обыденным для всего XVII в. являлся тип временного стана, состоявшего из легких построек, шалашей, рассчитанных не более чем на один сезон. Его строили в начале промыслового сезона в укромных, насколько возможно безопасных местах волжского побережья, на островах. Нередко эти станы становились объектом грабежа не только

кочевников или вольных казаков, но и местных гарнизонов. Например, в 1614 г. нижегородские торговые люди А.Я.Шейн и Г.П.Толстой жаловались на самарских стрельцов, ограбивших 2 стана, устроенные на Волге, ниже Самары⁵. Подобные временные постройки вынуждены были делать не только мелкие и средние, но и богатейшие промышленники страны. Посланный на “оханном струге” весной 1666 г. казанец С.Петров построил на волжском острове, напротив устья р. Черемшан, государев стан “для рыбного промыслу и соленья”. Основными сооружениями стана были лубяной амбар 5 на 3 сажени, где находились “корень для рыбного соленья”, ... корыто для тузюку, ... три солила” и крытый лубом плот⁶. Власти Чудова монастыря сообщали в 1671/72 г.: “И на том же Сосновском острову, где Сосновской затон, чудовская ватага и весь ватажской завод”⁷. Так как подобные сооружения, как правило, строили на низком пойменном берегу, весной они затапливались полыми водами, сносились и практически полностью разрушались⁸. На таких станах была возможна только первичная обработка улова. Базовыми для удаленных промыслов являлись дворы в близлежащих городах, в которых хранили припасы и оборудование, жил постоянный персонал, производилась перевалка переработанного улова и т.д. Так складывался комплекс, состоящий из ватаг, прибрежных станов и дворов в приволжских городах. Такая технологическая цепочка являлась наиболее естественной для подавляющего большинства богатых волжских предпринимателей. Только в последние десятилетия XVII в. они смогли создать действительно крупные, со значительным количеством производственных и жилых помещений, промыслово-перерабатывающие центры — дворы. Этот процесс напрямую был связан с формированием крупной земельной собственности на волжском правобережье или с устройством хорошо защищенных городков-станов (дворцовые городки — в устье Усы, напротив левого бережного Саратова; промысловые станы ниже Саратова), о чем достаточно полно сказано в разделах, посвященных отдельным категориям предпринимателей. К началу XVIII в. только московские Вознесенский и Высокопетровский да нижегородский Благовещенский монастыри не смогли организовать свои промыслы на новых началах.

При значительной протяженности “вод” и широком размахе промысла предприниматель вынужден был основывать несколько дво-

ров и заводить соответствующее количество ватаг. В описи 1704 г. у Высокопетровского монастыря указаны рыбные дворы в “Ахматских урочищах” и в Саратове, а также небольшой стан на одном из волжских островов⁹. По данным 1703 г., у Новодевичьего монастыря на рыбном промысле были два крупных рыбных двора — в Новопречищенской слободе и Белом Яру — и два сравнительно небольших рыболовецких стана на Бушуйском острове и на Атрубе¹⁰. Еще более обширный промысловый комплекс организовал Савво-Сторожевский монастырь. В середине 80-х гг. XVII в. в Надеинском Усолье вели промысел 3 ватаги (каждая со своим двором) — Жигулевская, Переволокская и Лопатинская. К началу XVIII в. обработка рыбы производилась также на рыбном стане Васильчиковской ватаги¹¹.

Судя по данным начала XVIII в., крупные рыболовецкие предприятия по своему устройству, размерам и характеру производимых на них работ немногим отличались от подобных сооружений второй половины XVIII-XIX вв.¹², что еще раз подтверждает вывод специалистов о консервативности этого вида предпринимательства. Дворы на таких промыслах, как правило, не имели вооружения. Они состояли из значительного количества строений — изб, амбаров, сараев, ледников, сушил и т.д., обнесенных забором. Необходимым элементом являлся плот площадью до 200 кв. м, на котором производились приемка улова, его сортировка и разделка. В состав особенно крупных рыбных дворов входил “хонский двор”, или конюшня со своими сооружениями. Например, Жигулевский двор Савво-Сторожевского монастыря делился на въезжий, конюшенный и собственно рыбный “дворы”. Все они состояли в общей ограде и насчитывали не менее 14-15 отдельных строений. Переволокский состоял не менее чем из 10¹³, саратовский Высокопетровского монастыря — из 13 строений¹⁴. Как и в астраханских городках, лишь немногие из этих сооружений были специализированы для проведения отдельных технологических операций. О такой специализации можно судить по названиям типа “амбар брусняной, где солят коренную рыбу”. Особенностью волжских дворов являлось отсутствие или малое количество жилых помещений для рабочих людей, т.к. большинство из них было местными жителями или подрядчиками. Через дворы проходила практически вся вылавливаемая рыба (исключением являлась небольшая часть улова, которая сразу же высаживалась

в садки — небольшие озера или отгороженные протоки, — а затем замораживалась или вывозилась в прорезных стругах.

Процесс обработки рыбы делился на ряд операций. Работа начиналась на плоту. Здесь шла выгрузка, или “выливка” мелкой частиковой рыбы, оценка и обмер улова, “низание” частика на петли, потрошение и разделка крупной рыбы. Одной из основных операций на стане являлось соление продукции, требовавшее значительного количества соли. Например, в Наденском Усолье в середине 60-х годов на эти цели расходовалось до 3500 пудов за год¹⁵. Красная рыба, требующая при обработке низких температур, солилась и содержалась в ледниках. Прочая — в специальных теплых помещениях. Часть рыбы коптилась (мтевая рыба) и вялилась. Профессиональных навыков требовало приготовление икры. О количестве этого продукта, изготавливаемого на единичном промысле, можно судить по данным 1701 г. Например, на рыбном дворе Новоспасского монастыря было получено около 700 пудов “икры зернистой черной белужьей и осетровой”¹⁶. В качестве отдельных операций можно выделить приготовление клея, жира, вязиги, кавардака и т.д. Такое разделение труда требовало наличия специализированных орудий — игл рыбных, ножей продольных и косячных, солил “дошанных и лубяных”, а также оборудования для соления, получения жира, хранения и т.д. Суммарная стоимость орудий труда была невелика. В 1704 г. при сравнительно небольших расхождениях оценщиков на рыбном дворе Новодевичьего монастыря она составляла от 18,5 до 26,6 руб. (см. табл. 6). Зачастую для выполнения той или иной операции использовались специальные помещения — плот, сушила, солила, ледники и т.д. Таким образом, можно считать, что по крайней мере часть из многочисленных сооружений рыбных дворов имела определенное функциональное предназначение.

О размахе работ на монастырских рыбных дворах в конце XVII в. свидетельствует тот факт, что через крупнейшие из них проходило до 10000 пудов рыбы в год¹⁷. При этом нельзя забывать, что основное количество улова обрабатывалось в весьма сжатые сроки, во время весенней пугины.

Не останавливаясь специально на деятельности и оборудовании рыболовецких ватаг, отметим лишь, что качественно новыми орудиями труда на них, по сравнению с другими промысловыми региона-

ми страны, были только стрежневые невода больших размеров, что позволяло значительно увеличить производительность труда¹⁸. Например, на промысле Новодевичьего монастыря размеры такого невода достигали 400 сажен. С его помощью ловили осетровых, белорыбицу и стерлядь со времени “как вешняя вода сойдет” и до поздней осени. При ловле белорыбицы использовали 2 невода, каждый по 200 сажен длиной. Такого же размера были частичковые невода. Подобные снасти в XVII – XIX вв. являлись обыденными для Среднего и Нижнего Поволжья¹⁹.

Определить стоимость строений, оборудования и материалов крупного волжского промыслового комплекса можно на примере оценки рыболовецкого хозяйства Новодевичьего монастыря (см. табл. 6). Трудно объяснить чрезвычайно значительные расхождения в оценке ватажских снастей и материалов для ремонта между монастырскими промышленниками и государственными “ценовщиками”. Во всех остальных случаях разница достигала примерно 1/3. Скорее всего, более правы были монастырские промышленники, о чем свидетельствуют данные по другим промыслам страны²⁰. Оценки основных сооружений рыбных дворов и станов колеблются от 28 до 40 руб.²¹ Исходя из данных об устройстве подобных же сооружений Савво-Сторожевского монастыря, их цена должна была составить в 2-3 раза большую сумму. Но и в этом случае волжские рыбные дворы значительно уступали учужным городкам Нижней Волги.

Наиболее дорогостоящими на промысле были снасти и соль для обработки рыбы. В пользу этого утверждения свидетельствуют данные по промыслу Ф. Ромодановского, где невода, дели и т.д. были оценены в 95,8 руб.²² Сооружения и оборудование рыбных дворов, лодки для лова рыбы оценивались гораздо ниже. Например, самарский рыбный двор нижегородского Благовещенского монастыря, который насчитывал 8 изб, амбаров и других строений, по мнению составителей описания, стоил всего 5,47 руб. Видимо, одним из основных критериев для расчета цены являлась сохранность строений, т.к. построенный после 1704 г. новый амбар был оценен отдельно в 4 руб.²³

На промыслах Высокопетровского монастыря стоимость его “ахматского” двора и стана на острове определить не удастся из-за дефектности описания, но она была невелика – где-то порядка 10-20 руб. Саратовский же двор был оценен высоко – в 34,65 руб.,

а оборудование на нем (якоря, снасти, лодки) гораздо дешевле — примерно в 16–20 руб.²⁴

В отличие от учугов, волжские промыслы не требовали столь серьезных расходов для ремонта оборудования и строений. Но все же затраты на материалы для ремонта, указанные промышленниками, весьма значительны. Скорее всего, их оценки, особенно по сравнению с казенными “ценовщиками”, завышены. Думается, что такие затраты вряд ли превышали 8–10% в год²⁵. Как и в случае с астраханскими учугами, значительная часть материалов, шедших на изготовление ловецких снастей, лодок, орудий труда рыбных дворов закупалась за пределами промысловых владений — в Нижнем Новгороде и других городах.

До сих пор остается малоизученным вопрос об использовании рабочей силы на крупных “неводных” промыслах²⁶. При добыче рыбы применялось несколько способов организации работников. Первую, наиболее крупную группу, составляли наемные подрядные ловцы, получавшие оплату по “залову”, в зависимости от количества и сортности улова. Они пользовались собственными снастями и лодками. Такая форма организации труда нашла широкое применение на большинстве промыслов Среднего и Нижнего Поволжья. По мнению Н.Б. Голиковой, эти подрядчики должны быть отнесены к категории мелких ремесленников²⁷. Они существенно отличались от прочих рабочих людей тем, что имели личные средства производства, обладали большей свободой действий. При оформлении договора составлялись рядные записи, по которым подрядчик брал в счет будущей работы значительную сумму денег, как правило, превышающую половину возможного расчета. Например, в 1703 г. из 207 руб., которые полагались подрядным ловцам промысла Новодевичьего монастыря и частично наемным людям других категорий, при расчете было выдано только 88,51 руб., а остальные оказались розданными в задаток²⁸. Бывали случаи, когда отдельные подрядчики не могли отработать даже аванс. С них по “ловецким записям” брали “недоловные” деньги. Обычно суммы “недоловных” были невелики, что свидетельствует о стабильности, предсказуемости рыболовства на Волге. Но, например, на промыслах Высокопетровского монастыря большинство подрядчиков в 1704 г. не смогло выполнить условия договора и вынуждено было выплачивать “недоловные” деньги²⁹.

Рыба, пойманная подрядными ловцами, принималась по так называемым закупочным ценам (см. табл. 7). В течение последней четверти XVII — начале XVIII вв. они практически не менялись и лишь несколько снизились на белугу. Характерно, что в начале XVIII в. на всех крупных промыслах симбирского и самарского районов эти цены были примерно одинаковыми. При оплате за улов существовало несколько градаций — за рыбу “вселетнего” улова, “летнего” и “осеннего”, “зимнего”. Но различия между этими видами были невелики³⁰. Богатейшие запасы ценных сортов рыбы в Волге, сравнительная легкость ее добычи позволяли держать закупочные цены на достаточно низком уровне. Их величина во многом зависела от района рыболовства. Чем дальше к югу, Саратову и ниже по Волге, тем меньше получали подрядчики за добытую рыбу, что, скорее всего, было связано с большей продуктивностью рыболовства. К северу, напротив, цены возрастали. Например, на камских промыслах Савво-Сторожевского монастыря в 60-х годах XVII в. стоимость выловленной мерной белуги была гораздо выше и составляла от 24 копеек за летнюю рыбу до 33 копеек за осеннюю³¹.

Разница в закупочных и рыночных ценах позволяла предпринимателям получать весьма значительный доход. Например, на промысле Савво-Сторожевского монастыря по данным за 1678/79 г. соотношение между этими показателями составило 2,3; в 1684/85 г. — 2,52; в 1685/86 — 2,42; в 1686/87 — 2,58; в 1692-1694 гг. — 2,2; в 1701-1702 гг. — 2,29. По Новодевичьему монастырю такое соотношение в 1701-1702 гг. достигло 2,36, в 1703 г. — 1,95³².

Трудно судить о количестве подрядных ловцов, занятых на отдельных предприятиях. Косвенно на их значительную численность указывают большие суммы денег, выплачиваемые этой категории работников. В рыболовецком хозяйстве Надеинского Усолья в середине 80-х годов XVII в. за год подрядные ловцы зарабатывали до 650 рублей (см. табл. 8)³³. Можно предположить, что в среднем один подрядчик получал максимальную годовую зарплату неводного рабочего (см. табл. 9). Тогда на ватагах было занято не менее 130 человек. В связи с общим ростом добычи рыбы на монастырских и дворцовых промыслах в конце XVII — начале XVIII вв. соответственно увеличивались и суммы “заловных” денег³⁴. Как был организован труд подрядных ловцов, насколько самостоятельными они были

в своей промысловой деятельности, неизвестно. В отличие от астраханских промыслов, по рассматриваемому району рядных записей, в которых оговаривались условия найма, не обнаружено. В рыболовецком хозяйстве Савво-Сторожевского монастыря такая форма организации труда была практически единственной (см. табл. 8). Сведения о подрядчиках, относящиеся к 60-м гг. XVII в., имеются также по предприятиям Чудова и Новоспасского монастырей.

На рыбных промыслах существовала еще одна форма найма. Это — работные люди, обслуживающие крупные невода. Работа с каждой такой снастью требовала значительного количества персонала — от 12 человек на неводах в 200 сажен до 22 на стрежневых неводах размером в 400 сажен. Специальной квалификацией среди работных людей обладали неводчик, да еще, пожалуй, пятчик. Наиболее полную характеристику этих профессий дает расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. по симбирскому дворцовому промыслу. К ватажским рабочим относились 6 неводчиков, получавшие по 4 руб., 6 пятчиков — по 3 руб., 12 метальщиков — по 2 руб. Кроме того, этим людям полагалось 80 четвертей ржи, “овса тож”³⁵. Найм производился на год (исключались зимние месяцы) с повременной оплатой. На промысле Новодевичьего монастыря в 1703 г. насчитывалось 46 человек, определенных на такие работы, на симбирском дворцовом — 18 человек на двух неводах (см. табл. 9). Характерно, что на монастырском промысле труд этой категории работных людей оценивался значительно ниже, чем на предприятиях светских феодалов или дворцового ведомства. Видимо, духовенство использовало труд зависимых монастырских работников.

В значительно меньших масштабах использовался на рыбных ловлях Новодевичьего монастыря труд подрядчиков, ловивших на “песках” из “третьей рыбы”, и крестьян, добывавших рыбу “исполу”³⁶.

Система добычи рыбы на предприятии Высокопетровского монастыря была построена на сдаче вод в откуп, договорах с подрядными ловцами и найме “казенных” монастырских ловцов. Имеющиеся приходо-расходные записи за 1704 г. неполны, но и они создают определенную картину организации промысла рыбы. В качестве подрядчиков выступали исключительно жители Саратова (см. табл. 10).

Наймы рабочей силы для работы с монастырскими неводами и оханами за твердую повременную оплату, как правило, являлись

кратковременными. Например, для добычи вешней оханной рыбы с 18 апреля по 25 мая было нанято 30 человек, получивших за работу 20,2 руб. На Ахматскую ватагу к неводу с 17 апреля по 27 мая был принят 1 пятчик (1,2 руб.) и 3 работных человека (по 0,85 руб.)³⁷. По имеющимся документам невозможно определить, была ли такая система основной или монастырские приказчики нанимали рабочую силу и на более длительные сроки.

Таким образом, добыча рыбы на крупных промыслах региона осуществлялась самыми различными способами. Собственно, постоянной наемной рабочей силой можно назвать только неводных работников, численность которых резко различалась по отдельным хозяйствам. Основным же способом добычи рыбы был подрядный, причем в каждом предприятии использовались различные варианты его применения. Например, на симбирском дворцовом промысле заключались договоры с подрядными неводными ловцами, с «охочими людьми», ловившими самоловами; 7 неводов славалось «в найм» и т.д.³⁸. У Новодевичьего монастыря подрядчики промышленляли стрежневыми неводами «из третьей рыбы», а также своими снастями; монастырские крестьяне ловили «по пескам» «исполу». Зимой монастырские власти позволяли своим крестьянам ловить частичковым неводом «безденежно»,³⁹ но, видимо, за какую-то часть улова. На промысле, принадлежавшем Ф.Ю. Ромодановскому, подрядчики в основном промышленляли оханами⁴⁰.

Разделение труда на рыбных дворах не зашло так далеко, как может показаться при перечислении производственных операций или видов продукции, получаемой из рыбы. Об этом свидетельствует перечень профессий. На рыбных дворах работали только «ватажские рыбные разделыщики» и «прочие» работные люди. Практически выделяется лишь одна, требующая более высокой квалификации, профессия — рыбный разделыщик. Правда, на промысле Ф.Ю. Ромодановского отдельно указываются становые работники, но к ним относились работные люди, трудившиеся отдельно на небольших станках⁴¹. Данные об оплате труда разделыщиков и работных людей монастырских рыбных дворов отсутствуют. У Ромодановского разделыщики получали по 5 руб. годового жалованья, работные люди — по 2,5 руб.⁴²; на дворцовом промысле работным людям выплачивалось по 3 руб.⁴³ За более ранний период по дворцовому хозяйству за 1681 г.

перечисляются 8 разделщиков рыбного двора. Каждому из них полагалось в год по 3 рубля и по 4 четвертей ржи, “овса тож”. Еще на одном рыбном дворе, в Белом Яру, 6 разделщиков получали в год по 3 руб. каждый и вместе 30 ч. ржи, “овса тож”⁴⁴. Каких-либо других рабочих на рыбном дворе не упомянуто. Возможно, название “разделщики” являлось общим для всех наемных людей. Необходимо отметить, что определенную среднюю планку заработной платы для квалифицированных рабочих вывести довольно сложно. Характерны в этом отношении колебания в оплате разделщиков: от 3 руб. в год на симбирском дворцовом промысле до 7 руб. за полгода на рыбном дворе Высокопетровского монастыря (рыбно-му резальщику)⁴⁵. В 1685/86 — 1686/87 г. в Надеинском Усолье суммарный заработок ватажских разделщиков и работных людей достигал 80-90 рублей (см. табл. 8). Принимая годовой размер заработной платы одного работника на промыслах светских владельцев от 2,5 до 5 руб., можно предположить, что в Усолье на рыбных дворах было занято от 25 до 35 человек⁴⁶. На два рыбных двора Новодевичьего монастыря на сезон нанимались четыре рыбных разделщика и 12 ватажских работных людей⁴⁷. Система авансов была распространена и среди этой категории работников. Кроме денежной оплаты ватажские разделщики получали еще “корм” от монастыря. Видимо, питание полагалось и неквалифицированным рабочим.

О людях, занятых на ремонтно-строительных работах, сведений в источниках сохранилось крайне мало. На промысле Ромодановского в 1704 г. упоминались 2 плотника (по 3 руб. в год), кузнец (3 руб.), 2 бочкаря (по 4 руб.)⁴⁸.

Несомненно, что на крупных рыбных дворах должны были быть конюхи, сторожа и т.д., но выделить эту группу сложно. На промысле Высокопетровского монастыря в 1704 г. сторож получал за полгода 1,5 руб., 3 конюха вместе — 5 руб.⁴⁹ По данным 1703 г. в том же хозяйстве 6 конюхов за полгода заработали 9 руб., да еще один — 0,5 руб.⁵⁰

Следует отметить, что для рассматриваемого района заработная плата неквалифицированных рабочих была гораздо ниже, чем на промыслах астраханской дельты. Среди квалифицированных работников только неводчики (да, пожалуй, пятчики на предприятии Ф.Ю. Ромодановского) получали примерно столько же, сколько на волжских учугах.

Таким образом, анализируя использование рабочей силы, занятой при добыче и обработке рыбы, вряд ли можно говорить об устойчивом разделении труда, о четком выделении отдельных операций, о наличии значительных групп профессионалов — руководителей и квалифицированных исполнителей отдельных операций. К последним можно отнести только неводчиков, ватажских разделщиков и в какой-то мере пятчиков. В основном же на промыслах работали малоквалифицированные наемные люди. Типичным представителем этой категории был один из отставных стрельцов, посланных в 1676 г. из Савво-Сторожевского монастыря в Надеинское Усолье, где он "... работал разную работу", в 1676 г. "... был на Усе ... на монастырском дворе ...", затем перешел в Усолье, а из Усолья ушел к "лову", работать на рыбный двор⁵¹.

За исключением небольшой группы квалифицированных рабочих, из года в год занимавшихся своим делом, состав остальных был весьма нестабильным.

О количестве наемных людей, занятых на одном предприятии, можно судить только приблизительно. На промысле Новодевичьего монастыря на повременной работе с неводами трудилось 46 человек, на рыбном дворе — как минимум 12⁵². Определенная стабильность в 1680-х — 1704 гг. наблюдалась на симбирском дворцовом промысле. Практически невозможно учесть количество подрядчиков, добывавших большую часть улова; издольщиков, ловивших из "третьей рыбы", и т.д. Можно предположить, что число одновременно занятых на крупном волжском предприятии в весенне-осенний период достигало 100 и более человек. В Надеинском Усолье этот показатель был значительно выше.

По всей видимости, в конце XVII в. на шести крупнейших монастырских промыслах симбирского, самарского и саратово-черноярского районов — Чудова, Новоспасского, Новодевичьего, Савво-Сторожевского, московского Вознесенского и Высокопетровского монастырей — в весенне-осенний период рыбной ловлей одновременно было занято от одной до полутора тысяч человек. В среднем единичное монастырское предприятие Среднего Поволжья по численности рабочей силы вполне сравнимо с крупными неводными ватагами Нижнего Поволжья первой четверти XVIII в.⁵³

На промыслах Астраханского края в XVII — начале XVIII вв. использовалась, как правило, вольнонаемная рабочая сила. Только

сравнительно немногочисленная группа квалифицированных работников формировалась из зависимых людей⁵⁴. Подобный принцип комплектования наблюдался и на предприятиях Среднего Поволжья у промышленников, не имевших на волжском побережье населенных владений. Власти Чудова, Новоспасского, Высокопетровского, нижегородского Благовещенского и других монастырей посылали к рыбным ловлям старцев, промышленников, слуг, наиболее доверенных людей, а всех остальных работников набирали на месте⁵⁵.

По-иному вопрос о характере найма рабочей силы решался в хозяйствах предпринимателей, которые имели рядом с промыслами населенные вотчины. Характерен пример Надеинского Усолья. В писцовой книге вотчины 1666/67 г. при перечислении профессий работных людей и бобылей (хозяев дворов) говорится о 22 “рыбных ловцах и ловельщиках”, 2 рыбных разделщиках и одном струговом кормшике (см. табл. 11). Однако количество жителей Усолья, принимавших участие в лове и обработке рыбы, было значительно большим, о чем свидетельствует ряд косвенных данных⁵⁶. Исходя из всей совокупности источников по промысловому хозяйству, из специфики использования труда зависимого населения во владениях Савво-Сторожевского монастыря, можно предположить, что значительная, если не большая часть работных людей промысла (ватажских, подрядных и т.д.), состояла из жителей Усольской вотчины. По отношению к ним, как и в случае с солеварением, можно говорить о “принудительном оплачиваемом труде зависимого населения”. Однако, в отличие от солеварения, в рыболовстве роль сторонних вольнонаемных рабочих была более значимой.

Данные по владениям Вознесенского и Новодевичьего монастырей также позволяют говорить об участии зависимого населения вотчин в промысловых работах. На промысле Новодевичьего монастыря монастырские крестьяне и бобыли работали на рыбных дворах, с неводами, зимой на подледном лове и т.д. Но среди подрядчиков, ловивших “по залову”, видимо, большинство принадлежало к вольнонаемным⁵⁷.

Достаточно полное и достоверное представление о бюджете крупного рыболовецкого предприятия изучаемого региона во второй половине XVII в. дают материалы по Надеинскому Усолью (см. табл. 8).

В этой таблице из-за трудностей подсчета не учтен ряд факторов (стоимость продуктов питания, стоимость рыбы, розданной в “по-

честные дачи", и т.д.). Часть из них взаимно погашалась, остальные лишь незначительно искажают конечные результаты. Нередки случаи, когда отдельные статьи бюджета переходили на другой год, но в среднем за 3 года можно предположить компенсацию этих показателей.

По своим основным показателям рыболовецкий промысел Савво-Сторожевского монастыря должен был являться рентабельным доходным предприятием. Один вложенный в него рубль давал более 1,5 рублей прибыли. Однако, говоря о доходах предприятия, составляющих в денежном исчислении более 2400 руб., мы подразумеваем под ними не только совокупность денежных поступлений (за проданную рыбу (46,3%), оброчных платежей за откуп промысловых угодий (9,5%), пени за недолов (1%) и т.д.), но также рыночную стоимость рыбы и продуктов из нее, отправленных в монастырь на пропитание братии (табл. 12). Эти поставки составляли весьма значительную часть всей производимой продукции (42,6%) и не приносили никаких денежных доходов в казну промысла. В итоге расходы значительно превышали доходы. Промысел постоянно требовал дотаций либо за счет других отраслей (солеварения), либо из казны монастыря. Такая ситуация была характерна для всех остальных монастырских волжских предприятий, когда значительная часть продукции была необходима корпоративному собственнику именно в виде потребительских ценностей. Например, на промысле Новодевичьего монастыря в 1703 г. для потребления в Москву была отправлена основная часть улова (см. табл. 13). По данным 1704 г., с саратовских промыслов на подворье Высокопетровского монастыря вывезли рыбы и рыбной продукции на сумму в 500-550 руб.⁵⁸

Потому-то важнейшей особенностью монастырского рыболовецкого хозяйства региона являлось то, что оно не давало в метрополию сколько-нибудь значительных свободных денежных средств. Для крупных обитателей в центре страны волжские промыслы являлись поставщиками крупных партий рыбы и рыбных припасов, шедших "про обиход" монастырской братии.

Несмотря на то, что вся остальная продукция отправлялась на рынок, средства от продажи расходовались, прежде всего, на восполнение внутренних потребностей промысла. Волжское рыболовецкое хозяйство не являлось товарным для самой метрополии, не служило поставщиком крупных сумм свободных денег. Продажа

улова имела, прежде всего, задачу обеспечения промысла необходимыми средствами на следующий хозяйственный сезон. Как правило, этих денег не хватало. Для нормального функционирования промыслового хозяйства требовались дополнительные финансовые инъекции из метрополии⁵⁹.

Данный вывод остается в силе, несмотря на то, что в приходо-расходных книгах самих монастырей встречаются указания на крупные суммы денег, поступавшие в монастырскую казну от продажи рыбы и рыбных продуктов. Изучение бюджетов рыболовецких предприятий показывает, что в подобных случаях происходило перераспределение средств, и недостающие денежные ресурсы в рыболовстве (ушедшие в казну метрополии) восполнялись за счет доходов от других отраслей, например солеварения. Такая роль рыболовецких промыслов крупнейших монастырей страны, как поставщиков потребительских ценностей для нужд клира, сохранялась при общем объеме производимой продукции до 3000 рублей. Чистый доход при этом (при сравнительно стабильных размерах статей прихода и расхода, характерных для промыслового хозяйства Средней Волги в конце XVII — начале XVIII в.) в среднем не превышал 1000 рублей в год, что в стоимостном выражении покрывало потребности монастыря в рыбе и рыбных продуктах⁶⁰. Более высокий уровень производства на промысле Савво-Сторожевского монастыря в начале XVIII в. был достигнут в совершенно иных условиях, когда монастырское хозяйство перешло под управление государства⁶¹.

На немногочисленных промысловых заведениях представителей придворной знати — Я.К.Черкасского, Ф.Ю.Ромодановского и других — значительная, если не основная часть улова, затрачивалась на внутреннее потребление⁶². Например, в 1703 г. с промысла, принадлежавшего Ф.Ю.Ромодановскому, было продано рыбы на 177 руб. Всю остальную продукцию приказчики послали “про обиход” своему хозяину⁶³.

Действительно товарными являлись, по всей видимости, рыболовецкие промыслы привилегированного купечества. Вряд ли семьи Светешниковых, Никитниковых, Шориных могли потребить мало-мальски значительную часть улова со своих волжских предприятий. Судя по результатам исследования предпринимательской деятельности семьи Калмыковых, на “пропитание” домочадцев и сравнитель-

но немногочисленной дворни расходовалась лишь малая доля улова⁶⁴. Каких-либо других данных о распределении продукции промыслов этой категории предпринимателей не сохранилось.

Крупное рыболовецкое предприятие, каковым его можно представить по материалам начала XVIII в., имело совокупный доход в размере от 1,0 до 4,5 тыс. руб. (см. табл. 14). По его размерам следует выделить, прежде всего, дворцовый чернойарский промысел и Надеинское Усолье Савво-Сторожевского монастыря, а также старейшие в регионе хозяйства Чудова и Новоспасского монастырей. Значительно уступали им заведения Высокопетровского (от 1,2 до 1,5 тысяч рублей в 1702-1704 гг.⁶⁵) и Новодевичьего монастырей (табл. 13), а также симбирский дворцовый промысел (вместе с откупными платежами около 1,4 тыс. руб. в 1703 г.⁶⁶). По доходам от продажи рыбы и оброчных платежей весьма скромное место занимали хозяйства московского Вознесенского монастыря (см. табл. 14) и Ф. Ю. Ромодановского (в 1703 г. — около 230 руб.⁶⁷). Однако количество продукции, отправленной этими предпринимателями “продомовой обиход”, неизвестно.

Вполне очевидно, что к вышеприведенным данным следует относиться весьма осторожно. Часть из них взята из сводных источников — по промыслам Чудова, Новоспасского, Вознесенского монастырей, Чернойарского дворцового промыслов; ряд других отражают ситуации только за один год. Однако в целом, на наш взгляд, они дают достаточно точные сведения о средних размерах крупного волжского рыболовецкого предприятия. В начале XVIII в. только крупнейшие монастырские предприятия — Савво-Сторожевского, Новодевичьего, Чудова, Новоспасского, Высокопетровского и московского Вознесенского монастырей — производили рыбы и припасов примерно на 10-12 тысяч рублей (по московским и нижегородским ценам того времени), чистая прибыль составляла около 5 тысяч рублей. По этим показателям они значительно превосходили рыболовецкие промыслы Поморья и были вполне сопоставимы с неводными Астраханского Поволжья, но значительно уступали астраханским и яицкими учужным предприятиям⁶⁸. На один затраченный в промысловом хозяйстве рубль приходилось от 1,5 до 2,2 рубля прибыли.

Доходы крупного промыслового хозяйства, прежде всего, были обусловлены объемом добываемой и перерабатываемой рыбы. Все

остальные статьи — за оброчные угодья, продажи оборудования и т.д. — составляли сравнительно небольшую часть бюджета — от 3,5 до 11,0% (см. табл. 14). Для Савво-Сторожевского монастыря второй по значимости отраслью рыбного хозяйства являлись ежегодные зимние экспедиции на Яик с целью закупок у тамошних казаков рыбы. По своей рыночной стоимости объем этих закупок составлял до 1/3 местной добычи (см. табл. 8, 15).

Монастырские власти смогли получить ряд льгот для этих поездок, важнейшей из которых являлось право на беспошлинный провоз значительного количества продукции⁶⁹.

Дворцовое ведомство в последней трети XVII в. также занималось закупками крупных партий рыбы у яицкого казачества. В Самаре и Сызрани был заведен сбор яицкой “десятой рыбы”. Его сдавали на откуп. Эти предприятия приносили весьма значительный доход в виде поставок крупных партий рыбы и денежных средств в Москву, о чем подробно говорится в разделе о деятельности дворцового ведомства в Понизовом Поволжье. Еще одной важной статьёй бюджета этого ведомства являлась монополия на продажу икры и клея.

Об уровне развития производительных сил на волжских промыслах свидетельствует и соотношение статей расходной части годового бюджета (см. табл. 8, 13). Оплата труда людей, занятых в добыче и обработке рыбы на промысле Савво-Сторожевского монастыря, составляла от 40 до 45% всех расходов. Вся же сумма расходов на заработную плату, учитывая расчеты с возчиками, доходила до 70-80%. Затраты на восстановление оборудования не превышали 3-8%. Данные о внутренней структуре промыслового хозяйства Новодевичьего монастыря в 1703 г.: стоимости сооружений и оборудования рыбных дворов, орудий для добычи рыбы (снастей и лодок), соли, необходимой для соления рыбы, затрат на оплату рыбным ловцам и ватажным работникам — также свидетельствуют о высоком уровне переменной части “капитала”⁷⁰. И все же для изучаемого региона вряд ли являются приемлемыми выводы Н.Б.Голиковой о примитивном и дешевом оборудовании, низкой организации труда, сделанные ею при изучении “неводного” предпринимательства Нижней Волги в первой четверти XVIII в.⁷¹ При рассмотрении промыслового рыболовства необходимо учитывать историю этой отрасли, уровень ее развития по всей территории страны. На наш взгляд,

главные рыболовецкие предприятия Волги необходимо отнести к крупной кооперации с определенными элементами устойчивого разделения труда.

Продажа рыбы осуществлялась на местах обработки и хранения — на самих рыбных дворах, в Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке и в Москве. Порой значительные партии рыбы по договоренности отправлялись феодальным собственникам, не имевшим в данное время крупных промысловых владений. Например, в 1676 г. усольский промышленник Л. Моренцов послал вверх по Волге струг с рыбой “про монастырский обиход”. В нем же везли крупную партию рыбы (на 600 рублей по рыночным ценам) для Новодевичьего монастыря⁷². Значительное количество продукции продавалось непосредственно на рыбных дворах. В основном это была свежая рыба осеннего и зимнего улова: практически вся добыча стерляди, частик. В 1684/85 г. в Надеинском Усолье выручка от таких продаж составила около 300 руб.⁷³ В 1685/86 г., кроме местного улова стоимостью 200 руб., здесь же была продана почти вся яицкая рыба на сумму 757,9 руб.⁷⁴ В 1703 г. на дворах Новодевичьего монастыря выручка от продажи составила 220,9 руб.⁷⁵ Несмотря на более низкие цены, по сравнению с московскими и нижегородскими, продавать улов на месте промысла было выгоднее, т.к. экономились сравнительно крупные средства, затрачиваемые на перевозку, однако отсутствие спроса не всегда позволяло это сделать.

Большая часть улова продавалась в Нижнем Новгороде и в Москве. Струги с рыбой в Нижний Новгород отправлялись в конце августа — начале сентября. Рентабельность таких торговых экспедиций была несомненной (см. табл. 16). По данным 1686/87 г., от продаж в Нижнем Новгороде, доход на один рубль затрат составлял примерно 1,9 рубля.

Нередко очень крупные партии доставлялись для продажи в Москву. Например, в 1706 г. было продано в Москве и отправлено в Смоленск и Дорогобуж надеинской рыбы на 2558,2 руб.⁷⁶ Рыночные цены в Москве и Нижнем Новгороде были примерно равны и в несколько раз превышали закупочные⁷⁷. В последней четверти XVII — начале XVIII вв. происходило постепенное повышение московских и нижегородских цен.

Транспортировка рыбы и рыбных припасов в Нижний Новгород, Москву, подмосковные монастыри производилась несколькими спо-

собами. Летом и осенью грузы до Нижнего Новгорода, а порой и до Москвы отправляли на стругах. Это был наиболее дешевый и удобный вид транспорта. Зимой с монастырских промыслов и из Нижнего Новгорода рыба вывозилась на наемных подводах. Например, зимой 1706 г. из Нижнего Новгорода в Москву было отправлено более 230 подвод. На них вывезли 6771 пудов груза общей стоимостью 2565 руб. по рыночным ценам. Всего за перевозку было заплачено 227,1 руб., а в среднем за 1 пуд — 0,035 руб.⁷⁸ На примере перевозок из Надеинского Усолья в последней четверти XVII в. можно определить, что затраты на оплату труда возчиков составляли около 25% расходной части бюджета промысла. При перевозке рыбы непосредственно с промыслов подводная повинность ложилась на плечи монастырских крестьян, бобылей, работных людей.

Владельцы промысловых предприятий саратово-черноярского района, кроме отправки своей продукции Волгой, использовали более короткий гужевой путь на Москву через пензенские и рязанские земли. Такие экспедиции постоянно снаряжали власти Новоспасского и Высокопетровского монастырей, дворцовых предприятий. По расходным записям за подъем рыбы из Саратова до Москвы промышленники Высокопетровского монастыря в 1702 г. заплатили за 160 подвод 161,8 руб.⁷⁹, в 1703 г. за 190 подвод — 177 руб.⁸⁰, в 1704 г. за 146 подвод — 148,92 руб.⁸¹ По всей видимости, эти данные неполны.

Таким образом, специфика крупных рыболовецких предприятий заключалась в том, что при весьма значительном размахе производства главной его задачей являлась поставка потребительских ценностей в метрополию. Постоянная связь с рынком, продажа крупных партий рыбы и “рыбных продуктов” служили, в первую очередь, для получения денежных средств, необходимых для возобновления процесса производства, но, как правило, не расширения его. Развитие промыслового хозяйства шло не в сторону узкой специализации, расширения товарности, а к созданию дополнительных сельскохозяйственных отраслей, необходимых для полного самообеспечения промысла, независимости его от рынка⁸². Уровень развития производительных сил, организации труда, размеры отдельных предприятий на территории края были значительно выше, чем в целом по стране (за исключением астраханско-нижнеяицкого района).

Они отражали процесс возникновения в XVII в. крупных промысловых добывающих центров, региональной специализации. По всем этим признакам рыбные промыслы, например, монастырей можно отнести к крупной кооперации со сравнительно слабо развитым разделением труда. Использование рабочей силы на промыслах шло от почти исключительного применения вольнонаемного труда к постепенной замене его трудом феодально-зависимого населения. К концу XVII в. в большинстве хозяйств наблюдается смешанная форма использования рабочей силы. Труд зависимого населения оплачивался на договорных началах — по “ряду”. Поэтому можно говорить о применении “принудительного оплачиваемого труда зависимого населения”.

* * *

В отличие от симбирского, самарского и нижегородских промысловых районов, в казанско-камском практически не удается рассмотреть крупное, хорошо организованное рыболовецкое предприятие. Но дело не в отсутствии таковых. Достаточно упомянуть заведения дворникового ведомства, местной епархии, Троице-Сергиева, Савво-Сторожевского и Донского монастырей. Принадлежавшие им промысловые угодья тянулись на десятки верст. На берегах Волги и Камы располагались многочисленные вагаги и дворы. Однако репрезентативной совокупности источников об организации и деятельности этих предприятий практически не сохранилось. Даже материалы описания оброчных статей по Казанскому уезду, в отличие от подобных документов по симбирским и астраханским промыслам, содержат гораздо меньше информации. В них практически не встречается стоимостной оценки промысловых заведений, данных о количестве выловленной рыбы, перечней статей бюджета и т.д.

Отчасти такая ситуация обусловлена хозяйственной политикой собственников рыболовецких угодий. Владельцы промысловых предприятий, даже самых крупных, как правило, не уделяли серьезного внимания технологическому процессу, отдавая предпочтение подрядной форме организации труда или слаче вод в оброк. Видимо, подряды касались и переработки улова. Добыча рыбы к тому же велась в значительно меньших масштабах, что объясняется более низкой продуктивностью местной ихтиофауны. Поэтому попытки изучения деятельности крупного рыболовецкого предприятия в этом

районе не дают желаемого результата. Определенное представление можно составить только по камскому рыбному промыслу Савво-Сторожевского монастыря, по которому сохранились приходо-расходные книги за 1667-1670 гг. (см. табл. 17).

Доход предприятия складывался в основном от выручки за продаваемую рыбу. Значительная часть рыболовных угодий сдавалась небольшими участками в аренду местному населению. Откупные платежи были невелики и, как правило, не превышали одного рубля, но в отдельных случаях доходили до 5-6 руб.⁸³ Для добычи рыбы нанимались подрядчики, имевшие собственные снасти и лодки, и промышлявшие из "заловной рыбы". Закупочные цены за мерных белугу и осетра составляли 0,25 руб., за белорыбицу — 0,06 руб. Осенняя рыба ценилась дороже и, например, за мерные белугу и осетра платили уже по 0,33 руб.⁸⁴ Для рыбного промысла соли, добываемой из скважин в устье р. Иж, не хватало, и часть ее приходилось закупать.

По количеству добываемой рыбы камский промысел являлся действительно крупным предприятием. Однако организация производственного цикла на нем была крайне упрощенной. Об этом можно судить по устройству рыбных дворов. По количеству строений, производственных и жилых помещений они значительно уступали аналогичным сооружениям, устроенным на промыслах в окрестностях Симбирска, Самары, Саратова, а тем более Астрахани. Например, двор Жуковской ватаги Донского монастыря на Каме состоял из 7 строений: 1-й избы, 3-х амбаров и конюшни. Он был огорожен забором протяженностью 50 на 30 м. Вне ограды находились баня и плот. Еще один двор того же монастыря на Дубовской ватаге имел такие же размеры⁸⁵. Примерно такими же или меньшими дворами владели другие крупнейшие предприниматели района — дворцовое ведомство, митрополит, монастыри (см. разделы о дворцовом и церковном предпринимательстве). Вряд ли на них можно было организовать крупное производство по переработке и хранению улова.

По-настоящему крупный комплекс сооружений принадлежал в начале XVIII в. только казанскому Спасо-Преображенскому монастырю. Он располагался рядом с чертыжской ватагой (по Волге ниже устья р. Камы) и состоял из рыбного и монастырского дворов. На монастырском дворе был устроен храм. На рыбном дворе и рядом

с ним находилось до 15 строений, среди них “парница”, где коптили рыбу; амбар, в котором ее солили; изба “холодильная” и т.д.⁸⁶

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что рыболовецкие предприятия казанско-камского промыслового района значительно уступали аналогичным предприятиям, находившимся в более южных районах региона.

* * *

Рыболовство в акватории среднего и нижнего течения Яика, за исключением устья, не дает примеров создания крупных предприятий. Промысловые угодья находились в распоряжении яицкого казачества, как коллективного собственника. Способы его промысловой деятельности рассмотрены В. Н. Дариенко⁸⁷.

Отметим лишь, что в последние десятилетия XVII в. с Яика начались крупные поставки рыбы через Самару, Симбирск и Сызрань. Казаки либо сами вывозили свой улов, либо позволяли закупать рыбу на яицких промыслах дворцовым, монастырским и другим категориям предпринимателей. Таким образом, и этот район в последней трети XVIII в. стал одним из крупных товарных производителей рыбы в Понизовом Поволжье.

* * *

Предприятия всех рассмотренных промысловых районов вряд ли можно сравнить с учугами низовьев Волги и Яика. По организации технологического цикла, разделению труда, квалификации рабочей силы их можно отнести скорее к типу крупной кооперации. Многие из них являлись весьма значительными центрами производства товарной и потребительской продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дубман Э. Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке; Он же. Рыбные промыслы Средней Волги в XVII — начале XVIII века (по материалам монастырского предпринимательства) // Новые страницы истории отечества. Межвузовский научный сборник трудов. Пенза, 1992. С. 58-69; др. работы.

² РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 30-31, 70, 104 и др.; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи; Лепехин И. И.

Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1766 и 1769 годах. Ч.1.; Исследования о состоянии рыболовства в России. В Каспийском море и в его притоках. СПб., 1860. Т.2.

³ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. С.147-149, 190, 203-206 и др.; Тверская Д.И. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. С.81-82.

⁴ РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.29. 1683 г. Л.1-8; Д.35. 1684 г. Л.30-31, 70, 104 и др.

⁵ А СПб ИИ РАН. Ф.178. Д.224. Л.1-2.

⁶ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. С.138.

⁷ Труды СУАК. Вып.20. С.214-215.

⁸ РГАДА. Ф.281. Д.11528. Л.5.

⁹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.145.

¹⁰ РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.35, 76, 109 и др.; Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.81об. -88об.; Д.54. Ч.IX. Л.21-30, 361-362.

¹¹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.81об. -88об.

¹² Лепехин И. Дневные записки. Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1766 и 1769 годах. Ч. 1. С.361-362; Исследования о состоянии рыболовства в России. Т.2. С.75-94.

¹³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.81об. -86.

¹⁴ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.146-146об.

¹⁵ РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.35-36, 76-77, 109-110; Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.Х. Л.23об., 24 об.; 28, 30об.

¹⁶ РГАДА. Ф.11. Д.70. Л.84об.

¹⁷ Вычисления сделаны на основании данных об улове рыбы и среднем весе отдельных ее видов. См.: Исследования о состоянии рыболовства в России. Т.2. С.43-50, 87; Т.3. С.18.

¹⁸ Горская Н.А., Задера А.Г., Пронштейн А.П., и др. Промыслы // Очерки русской культуры XVI в. Ч.1. Материальная культура / Под ред. А.В.Арциховского. М., 1977. С.75; Вдовина Л.Н. Добывающие промыслы // Очерки русской культуры XVII в. Ч.1. Материальная культура. Государственный строй / Под ред. А.В.Арциховского. М., 1979. С.70-71.

¹⁹ Исследования о состоянии рыболовства в России. Т.2. С.137.

²⁰ ДАИ. Т.6. С.304.

²¹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31.

²² Там же. Л.34-34об.

²³ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.522

²⁴ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.146-146об.

²⁵ К такому выводу приходит И.В.Степанов, рассматривая ремонтные работы на астраханских учугах. Думается, что такая оценка гораздо больше подходит для обычных промыслов, а не учужных. См.: Степанов И.В.

Хозяйственная деятельность московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С. 117.

²⁶ Отдельные аспекты рассмотрены в трудах Н. Б. Голиковой и Н. А. Баклановой. Но эти авторы либо касаются только астраханского неводного рыболовства, либо рассматривают его состояние по материалам более позднего времени. См.: Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965; Она же. Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII в. Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.

²⁷ Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. С. 101.

²⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 20-21 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 133 об. - 134.

³⁰ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 29-32, 70-72, 104-106; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692-1694 гг. Л. 3-5.

³¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 323 а. Л. 2-16, 47-57 об.

³² РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 29. 1683 г. Л. 1-8; Д. 35. 1684 г. Л. 1-144; Ф. 159. Оп. 1. Д. 59. 1692-1694 г. Л. 1-19; Ф. 11. Д. 70. Л. 20-31; Ф. 26. Д. 54. Ч. IX. Л. 74 об. - 75, 84 об., 89-91.

³³ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35, 1684 г. Л. 1-144.

³⁴ РГАДА. Ф. 11. Д. 70. Л. 74 об. - 75.

³⁵ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.) // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 4. С. 57-58, 60.

³⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 20-86.

³⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 134 об.

³⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 6-6 об.

³⁹ Там же. Л. 20-21 об.

⁴⁰ Там же. Л. 33-33 об.

⁴¹ Там же. Л. 33 об.

⁴² Там же. Л. 33 об.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 57-58, 60.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 142.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 21 об.

⁴⁸ Там же. Л. 20-21.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 142.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1139. Л. 22-24 об.

⁵¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 2. 1677 г. Л. 2.

⁵² РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-21.

⁵³ Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. С.90; Она же. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. С.141.

⁵⁴ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.128-142; Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. С.89.

⁵⁵ РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1606. Л.363, 368об.-369, 372об.-375; РО РГБ. Ф.29. Д.128. Л.177 и др.

⁵⁶ РГАДА. Ф.281. Д.11542. Л.1-2; Д.11548. Л.1; Ф.141. Оп.6. Д.112. 1682 г. Л.1 и др.

⁵⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20об.-21об.

⁵⁸ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.1139. Л.91об.-99об.

⁵⁹ РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.25. Л.17-17об.; Д.30. Л.120-123, 132, 158об.; Д.38. Л.131-131об.; Д.66. Л.21об.-27.

⁶⁰ РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.66. Л.21об.-27.

⁶¹ РГАДА. Ф.11. Д.70. Л.74, 75, 84об., 87, 89, 90, 91.

⁶² Щепетов К.Н. Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства князей Черкасских) // Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: Сборник статей. М., 1961. С.36.

⁶³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.33об.

⁶⁴ Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыков во второй половине XVII в.

⁶⁵ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.49. Л.110-116об.; Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.1139. Л.14об.-22, 91об.-99об.

⁶⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.6об.-7об.

⁶⁷ Там же. Л.33об.

⁶⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: В 2 т. М., 1872. Т.2. С.242-243. Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII веках. Петро-заводск, 1966. С.170-171; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.116-121.

⁶⁹ АИ. Т.5. №62. С.91; №107. С.170-175.

⁷⁰ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-21.

⁷¹ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. С.157.

⁷² РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.26. 1676 г. Л.1.

⁷³ РГАДА. Ф.125. Оп.2. Д.35. 1684 г. Л.8-10.

⁷⁴ Там же. Л.51-54, 79.

⁷⁵ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.22об.

⁷⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.58. Л.104-105об.

⁷⁷ В довольно обширной исторической литературе о развитии торговли в России во второй половине XVII – начале XVIII вв. практически не содержится систематической сводки цен на рыбу в крупнейших торговых центрах страны. В данном исследовании также не ставится такая задача. Тем не менее, работа над вопросами рентабельности промыслов, торговых экспедиций и т.д. потребовала создания хотя бы начальной справочной таблицы о состоянии таких цен. Для этого использовались в основном архивные материалы делопроизводства Ингерманландской и других канцелярий, патриарших и монастырских фондов и т.д.

⁷⁸ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.66. Л.104-105об.; Д.22. Л.149об.-152.

⁷⁹ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.49. Л.117-118об.

⁸⁰ Там же. Оп.1. Ч.2. Д.1139. Л.22-24об.

⁸¹ Там же. Л.491-492об.

⁸² Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С.29-41.

⁸³ РГАДА. Ф.125. Оп.2. Д.323 а. Л.2-16.

⁸⁴ Там же. Л.47об.-54об.

⁸⁵ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.101-101об., 103-103об.,

⁸⁶ Там же. Л.88об.-90.

⁸⁷ Дариенко В. Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII вв. С.16-17, 59-60.

§ 6. Крупнейшие предприятия астраханской дельты

В рамках изучения юго-востока Европейской России, территории, которая интенсивно осваивалась во второй половине XVI – XVII вв. особую важность приобретает определение роли и места промыслового предприятия в возникновении постоянных поселений, складывании инфраструктуры, характерной для районов оседлого расселения. В этом отношении трудно переоценить значимость крупных промысловых комплексов для районов астраханской дельты и низовьев Яика. В исторической литературе нередко используется такое многозначное понятие как, “дельтовая цивилизация”. Нередко его употребляют для обозначения зимовий кочевников в дельтах больших рек, где скапливались значительные массы людей и скота и имелись запасы подножного корма. В нашем случае оно

вполне может быть применено к совокупности промысловых предприятий, сложившихся в астраханской дельте во второй половине XVI — XVII вв.

Эксплуатация рыбных ресурсов низовьев Волги и Яика производилась через создание самых различных форм промысловых предприятий. Возможны несколько вариантов их классификации: по товарности, организации технологического процесса, способам использования рабочей силы, типам собственности и т.д. Крупнейшими из таких предприятий являлись те, в которых главенствующее место занимали учужные забойки и городки. И.В.Степанов и А.В.Пруссак, наиболее подробно изучившие астраханское рыболовецкое производство, особое внимание уделили именно учугам и рассматривали учуг, состоявший из одной или нескольких забоек и городка, как единичное самостоятельное предприятие¹. Они не связывали его с другими промысловыми сооружениями данного владельческого комплекса, что, на наш взгляд, не совсем правильно. К тому же источники, использованные этими исследователями, весьма фрагментарны и не дают полного представления об учужном производстве во второй половине XVI — XVII вв.

Подробнейшие описания учугов были сделаны наблюдателями второй половины XVIII — XIX вв.² Но в этот период в эксплуатации такого рода предприятий могли произойти известные новации, хотя, как утверждают исследователи, «рыбный промысел необычайно консервативен»³.

Уникальный свод данных о состоянии астраханских и яицких учугов на рубеже XVII — XVIII вв. содержат материалы описания оброчных статей 1704 г.⁴ В совокупности с другими источниками (документами астраханской приказной избы, патриарших приказов и т.д.) они позволяют достаточно точно определить важнейшие характеристики этих предприятий. В состав единичного учуга (в широком понимании термина) входили одна или несколько забоек, являвшиеся важнейшим технологическим звеном промыслового предприятия (которые, собственно, и назывались учугами), хорошо укрепленный городок, неводные и другие промыслы — уголья, сооружения, оборудование. Нередко к городку примыкали сад и огород.

Известия о наличии учугов сохранились от времен существования Астраханского ханства. После завоевания Астрахани они перешли в руки русских промышленников. От второй половины XVI —

начала XVII вв. сохранились сведения только об Иванчуге, Бурунтае, Коклуе и Колкомановском учугах, причем последние два названия, возможно, относятся к одному сооружению. По данным 1614 г., кроме вышеуказанных, в волжской дельте находились следующие учуги: Чурка (часто его называют Черка), Урустоба, Басарга, Увары, Комызяк, Бирюль, Бузан, Чеган. Видимо, они также возникли до начала Смутного времени. Позднее к этим сооружениям прибавились Вешняк (первое упоминание в 1625 г.), Колобери (1625/26 г.), Карасы (1627 г.), Красноярка, или Красноярый (1628 г.), Бектемир (начало 1670-х гг.), Чета (начало 1680-х гг.) и другие. В начале 1640-х гг. (по некоторым сведениям в конце 1630-х) учуги появились в низовьях Яика.

Наиболее полный перечень понизовых учугов был сделан в начале XVIII в. во время переписи оброчных статей. Шесть из них (Увары, Бирюль, Урустоба и еще три безымянных, в которые, видимо, входили яицкие и астраханские) принадлежали дворцовому ведомству, причем Увары и Урустоба имели, по крайней мере, по 2 забойки, Бирюль же, видимо, три⁵. Патриарший дом распоряжался тремя учугами — Комызяком, Чеганом и Бельским; местная епархия — Басаргой и Тальгчем; астраханский Троице-Сергиев монастырь — Большим и Малым Иванчугами, Танычем; астраханский Спасо-Преображенский монастырь — Чуркой и забойкой на р. Подрезе. Общее количество забоек составляло не менее 20. На самом деле их было больше, так как обычно учуг называли по главной забойке, а остальные автоматически включали в него (например, учуг Иванчуг). Кроме того, рядом с учугами нередко появлялись сравнительно небольшие дочерние забойки, не имевшие самостоятельного промыслового значения. Например, в патриарших водах в последней четверти XVII в., кроме учугов Комызяка, Чегана и Четы, забойки находились также в протоках Табале, Белой, Куеве, Ургубе⁶. Часть из них относилась к типу “глухих”, то есть не имела изб. Главная задача таких забоек состояла в том, чтобы запереть выходы из проток, где велся промысел рыбы.

В записке В. Н. Татищева об астраханском рыболовстве, датированной началом 1740-х гг., сообщалось о 8 учугах — Чегане, Комызяке, Бельском, Иванчуге, Уваре, Бирюле, Урустобе, Басарге — и 2 забойках на р. Яик (следовательно, фактически о 10)⁷. Кроме построенно-

го в XVIII в. Бельского и учугов в низовьях Яика, все остальные возникли еще во второй половине XVI в.

Таким образом, в волжской дельте и в низовьях Яика на протяжении второй половины XVI – XVII вв. сложилась устойчивая группа учугов, которые являлись базовыми для развития крупного промыслового рыболовства. Отметим, что по своим размерам и доходности они значительно отличались друг от друга. Так, в патриаршем хозяйстве учуг Чеган занимал явно второстепенное место по сравнению с Комызяком. Басарга (оброчные платежи в 1704 г. – 800 руб.⁸) явно проигрывал таким гигантам, как Увары и Иванчуг.

Волжские промышленники постоянно пытались устраивать учуги на новых забойках, но, как правило, безуспешно (Красноярый, Вешняк и другие). Но бывало и наоборот. Когда один из патриарших учугов – Чета – был заброшен, его место занял Бельский, который первоначально существовал в виде второстепенной забойки, не имевшей серьезного промыслового значения.

Далеко не все “старые” учуги, возникшие до Смуты, смогли сохранить свое промысловое значение до начала XVIII в. Кроме Четы, были заброшены Колкомановский, Коклуй (доживший до последней четверти XVII в.), Бурунтай, Бузан (последнее упоминание в 50-х гг. XVII в.). У Татищева не упоминается Чурка, который к концу XVII – началу XVIII в. явно занимал второстепенное место (оброчные платежи за него в 1704 г. составили всего 250 руб., а (по некоторым документам – 150 руб.)⁹ Причины запустения могли быть самые различные – “песком занесло”, “морем разбило” и т.д.

В волжской дельте имелось не более десятка (а точнее, 7-8) крупных учугов, забойки на которых были очень выгодны и поэтому постоянно ремонтировались и возобновлялись. По-настоящему информативные карты дельты сохранились только от второй половины XVIII – XIX вв., но к тому времени ситуация с протоками в низовьях Волги серьезно изменилась. Росписи и планы проток XVII – начала XVIII вв. касаются только отдельных участков волжского устья. Таковым, например, является уникальный чертеж Иванчугской, Бирюльской и других проток последней четверти XVII в.¹⁰ Но и эти документы показывают, как много было безымянных и полубезымянных забоек, которые, просуществовав несколько лет или десятилетий, бесследно исчезали¹¹. Общее же их количество на протяже-

нии второй половины XVI – XVII вв. наверняка превышало несколько десятков. Большинство учугов было сосредоточено в западной части дельты, там, где рядом с основным руслом Волги тянулись протоки Бахтемир, Иванчуг, Бирюль, Увара, Урустоба и т.д. Центральная часть дельты была свободна от учужных забоек, а в восточной, там, где был наиболее удобный путь с Яика к Астрахани по протоке Бузан, стояли учуги Бузан, Басарга и, видимо, Красноярый (Красноярка). Все остальное пространство занимали рыболовецкие ватаги.

Выше уже говорилось о проблеме, связанной с выделением единого промыслового производственного комплекса. Думается, что под ним следует подразумевать совокупность промысловых предприятий, рыболовных угодий, перевалочных баз и т.д., сосредоточенных в географической близости друг от друга, находящихся в распоряжении одного владельца и объединенных в единый комплекс по добыче, переработке, хранению и подготовке к транспортировке полученной продукции, ремонту промысловых сооружений, оборудования и т.д. Такой комплекс отнюдь не сводился к собственно учугу или учужной забойке, а состоял из городка, одной или нескольких забоек, расположенных рядом неводных, самоловных и других ловель, стросней и оборудования для их эксплуатации. Нередко в него входили сооружения в самой Астрахани – дворы и амбары для хранения материалов и готовой продукции, изготовления и ремонта оборудования и т.д.; работничья слободка, располагавшаяся рядом с учугом или в городе, сады и огороды. Зачастую в руках собственников собиралось несколько крупных учугов, что требовало создания в Астрахани крупной перевалочной базы, складов и т.д. Среди таких предпринимателей в первой половине – середине XVII в. много крупных купцов – Светешников, Никитников, Шорин, Гурьевы и т.д. В последней трети столетия огромное промысловое хозяйство оказалось в руках дворцового ведомства, патриарха и местного Троице-Сергиева монастыря. Подобные заведения, главной целью которых являлось получение товарной и потребительской продукции (рыбы, рыбных припасов и соли), на наш взгляд, и следует считать единым производственным комплексом.

В этом комплексе важнейшее место занимала забойка, которую, собственно, и называли учугом. У астраханских забоек, имевших

местное автохтонное происхождение, были свои русские аналоги в виде езов, запоров, заколов и т.д. В Понизовом Поволжье езы получили распространение в притоках Камы. Однако размеры этих сооружений и понизовых учугов, масштабы добычи рыбы на них были несравнимы. Устройство учугов, принципы их сооружения и эксплуатации как в XVII в., так и в более позднее время подробно рассмотрены специалистами. От XVII в. сохранилось практически единственное изображение волжской протоки с многочисленными забойками из первого издания книги Я.Я.Стрейса (1676 г.), которое дает совершенно искаженное представление об астраханском учуге и принципах устройства забойки и не может служить достоверным источником¹². От более позднего времени имеется значительное количество рисунков и описаний забоек. Они достаточно верно отображают внешний их вид, однако свидетельствуют о существовании целого ряда вариантов их устройства. Поэтому имеет смысл обратиться только к основным характеристикам этих сооружений. В сохранившихся архивных источниках имеются описания примерно 1/3 всей совокупности забоек, что вполне достаточно для определения их важнейших параметров (см. табл. 18).

По-настоящему крупные забойки, а к таковым, несомненно, относились Большой Иванчуг, Басарга, Увара, Урустоба, Комызяк, Чурка, Малый Иванчуг, Бирюль, Бузан, Коклуи и другие на волжских протоках, а также учуги на Яике, имели протяженность от 300 до 600 м.

Наиболее полные характеристики забоек можно обнаружить в описаниях их ремонта. Сохранившиеся источники позволяют выявить достаточно достоверную картину таких работ (см. табл. 19). Их исполняли, как правило, юртовские татары, бывшие, в отличие от других учужных рабочих, действительно временной наемной силой. Регулярный "плановый" ремонт обычно производился в конце лета — начале осени и в конце зимы — начале весны. Кроме ежегодных профилактических работ, раз в несколько лет приходилось производить замену едва ли не всей забойки. В результате резко возрастали расходы промысла, прежде всего из-за затрат на материалы для ремонта. Например, на промысле Спасо-Преображенского монастыря в 1705 г. местные власти и учужный атаман подсчитали, что общая сумма средств на ремонт должна была составить 344 руб. Столь значительные затраты мотивировались тем, что строения были

ветхи; строительных материалов требовалось много, т.к. протоки широкие¹³. В этом же году практически полностью предполагалось перестроить и епархиальные учуги. Потому-то столь высокими в описании промысла оказались расходы на материалы для забоек. Характерно, что имеющиеся в нашем распоряжении данные об оценке забоек дворцовых учугов (см. табл. 18) гораздо ниже сумм затрат на материалы и рабочую силу при их строительстве или капитальном ремонте. Единственное объяснение этому состоит в том, что оцениваемые сооружения находились действительно в ветхом состоянии.

Видимо, такие же затраты, как на промыслах Спасо-Преображенского, были необходимы при ремонте забоек Троице-Сергиева монастыря. Чеген и кошак для заделки предполагалось завозить на судах из-под Нижнего Новгорода. Количество потребных для ремонта материалов было чрезвычайно велико — 2800 чегенин и 42 сажени кошаку¹⁴, что свидетельствует о том, что планировалось провести не текущий ремонт, а почти полную замену обветшавших сооружений. Учужный атаман не исключил возможности строительства новой забойки на месте, где ранее уже был учуг¹⁵. Следует отметить, что данные табл. 19 все же неполны. В них не отражены затраты на паузки, с которых велась забойка чегеня, другие средства, необходимые для строительства. Учесть это оборудование крайне трудно, так как его использовали и в других операциях производственного цикла.

Важнейшей составной частью учужного промысла являлся городок (см. табл. 20). Это был комплекс стросний, выполнявших одновременно несколько задач. Городок представлял собой совокупность оборонительных, производственных и жилых помещений. В нем размещалось население, работавшее на промысле, охранявшее его, а также администрация. Как правило, один городок обслуживал 2 или более забоек. В плане он представлял собой четырехугольник площадью от 3500 до 7500 кв. м. Протяженность каждой из деревянных стен составляла от 60 до 85 м. Обычно башни стояли по углам, но известны случаи, когда они дополнительно укрепляли отдельные стены. Всего их насчитывалось от 4 до 6. На башнях, а нередко и у ворот, располагались пушки. Укрепления городка, вооружение, размещенный в нем гарнизон вполне могли противостоять нападениям кочевников или казаков. Это были сравнительно небольшие, но вполне боеспособные крепости. Построенный в нача-

ле 40-х годов XVII в. деревянный Гурьевский городок относился к такому же типу, но имел несколько большую площадь. Каменная же крепость на Яике являлась сооружением совершенно иного порядка как по размерам (общая протяженность стен около 850 м), так и по укреплениям, численности гарнизона и вооружению¹⁶.

Большинство жилых и производственных строений внутри городка располагалось вдоль стен и примыкало к ним. Лишь немногие занимали свободное пространство в центральной части крепости, где, как правило, находился храм. Церковь, иногда две, или церковь и часовня являлись неотъемлемой частью большинства таких городков. Нередко часть помещений приходилось выносить за пределы укреплений и размещать рядом. Как правило, это были производственные здания, но известен случай, когда на Иванчуге рядом со вторым городком располагалась небольшая слободка из 8 изб, где жило 17 семей работников; находились скотный двор и кузница.

Удивляет слабая дифференциация производственных помещений. Понять организацию процесса добычи, переработки и хранения рыбы, даже по весьма подробным описаниям городков, практически невозможно. Как правило, фигурируют такие обозначения, как изба, амбар, чулан, без более четкой дополнительной номинации. Практически во всех городках упоминаются плоты, ледники (один или несколько); амбары рыбный, икряной, жировой, где шла обработка рыбы; сушила. Рядом с большинством забоек находились “водолазные бани”. Также постоянно указываются конюшни или конюшенные дворы, нередко располагавшиеся за городом, иногда кузницы. Собственно говоря, это и есть весь перечень производственных и жилых помещений. Поэтому судить о технологическом цикле по переработке улова, производившемся в городке, гораздо легче по текстам рядных записей или материалам более поздних описаний середины – второй половины XVIII в.

Иногда, когда забойки находились далеко на берегу, близ них устраивались дополнительные сооружения. Например, рядом с Малым Иванчугом размещалась изба с амбаром, а также двор, огороженный забором, с поварней и водолазной баней. Стоимость их в начале XVIII в. составляла 20 руб. Береговые строения при забойке Таныче были оценены в 13 руб.¹⁷

Практически неизменным элементом учужного комплекса являлись огороженные плетнем “виноградный” сад и “овощной огород”.

Размеры такового при учете Чурка составляли около 7,5 гектар (432 на 173 м). В нем насчитывалось 1050 кустов винограда, 7 яблонь, 30 груш, 14 слив, 30 тутовых деревьев, капуста и другие овощи. Сад поливали при помощи 3-х чигирей (колодцев), "что воду льют лошадми в огород"¹⁸. Нередко для этой цели использовались верблюды, которые "колесами ... воду желобами подают"¹⁹.

Таковым можно представить себе учужный комплекс: одна или несколько забоек, небольшая группа строений рядом с ними, городок с оборонительными, производственными и жилыми помещениями, храмом и садом. Нередко учужные городки использовались государством для устройства таможен (Урустоба), порой на них устраивались стрелецкие караулы во главе с десятниками или даже сотниками²⁰.

Однако промысловые комплексы понизовых промышленников нельзя ограничивать только учужными сооружениями. У действительно крупных собственников имелись административно-хозяйственные строения и слободки в Астрахани, дополнительные рыболовные угодья и промысловые предприятия. Наиболее значительным комплексом строений в самом городе, несомненно, владело дворцовое ведомство (см. табл. 21). Он состоял из зимовья на Обрубке, Закутумского яицкого городка (зимовья), Делового двора. Характерно, что ранее Деловой двор всегда считался казенным учреждением. Можно предположить, что с 1670 — 1680-х гг., кроме обслуживания городского хозяйства, нужд местной администрации, его важнейшей функцией стало обеспечение дворцовых предприятий. Крупнейшим из перечисленных выше сооружений являлся Закутумский городок, получивший название "яицкого", видимо, за то, что через него осуществлялась связь с гурьевскими промыслами. Впечатляет стоимость хранившихся здесь припасов, оценивавшихся более чем в 1600 руб. При Закутумском городке, располагавшемся за протокой Кутумом, находилась дворцовая слобода, состоявшая из 38 дворов, выстроенная на средства дворцового ведомства. Поэтому в оценке дворцового имущества фигурирует стоимость ее дворов: двор кормщика — 4 руб., 37 дворов переведенцев — 132,3 руб. (в среднем 1 двор — 3,6 руб.), погреба и бани — 1,7 руб. Все эти комплексы сооружений, кроме Делового двора, были хорошо укреплены и вооружены.

Общая стоимость сооружений, припасов, судов и строений составляла, по нашим подсчетам, 3356,15 руб. В описании И. Епанчина

указана несколько иная сумма — 3370,95 руб.²¹ Но эти данные далеко не полны, так как не включают в себя стоимость Гурьевского городка, яицких учугов и т.д. Цена самих строений составляла только около трети от всей суммы. Кроме того, в состав промысла входили неводные и частичковые речные и морские воды, которые обычно сдавались в оброк²². Несомненно, что в конце XVII — начале XVIII вв. это был крупнейший рыболовецкий промысел не только в Понизовом Поволжье, но и в целом по всей стране.

Патриарший зимовой двор и другие строения были значительно скромнее. Зимовой двор, окруженный забором с воротами к Волге, включал в себя две горницы с сенями, чуланами, черлаками и амбаром; амбары для продажи жира и хранения леса, сушила, поварню, ледник с чуланами, еще 2 амбара с сушилами и чуланами для хранения припасов (1 чулан) и проживания рабочих людей (4 чулана), конюшню с еще одним амбаром и т.д.²³ К зимовому двору примыкали причалы для волжских судов. В патриаршей слободке числилось 29 дворов²⁴.

Также весьма скромными были городские владения астраханских монастырей и епархии (имеются в виду хозяйственно-промысловые строения и хранящиеся в них припасы). Например, зимовой двор у Волги на Отрубе астраханского Троице-Сергиева монастыря в 1704 г. оценили всего в 60 руб.²⁵ Но в любом случае все эти городские дворы, сооружения, слободы с зависимым населением и т.д. органично входили в то, что мы называем понизовым производственным комплексом данного владельца.

Забойки и участки речных проток, запираемые ими, являлись важнейшим, но не единственным комплексом по добыче рыбы в учужных предприятиях. Обычно в протоках рядом с учугами располагались неводные, самоловные и другие угодья. Их либо сдавали в аренду (откупные платежи за отдельные участки достигали 20–25 руб.), либо использовали в качестве вспомогательных промыслов. Как правило, каких-либо постоянных сооружений в таких угодьях не строилось. Их эксплуатация велась либо из городка, либо из самой Астрахани, и лишь изредка на берегах проток устраивались временные шалаши, амбары и другие строения. Исключение составили только крупные морские станы, принадлежавшие местному митрополиту. На одном из них — Рышновском — были устроены

часовня, две избы, два амбара, шалаш для работных людей и баня; на втором — А(о)ленинском — изба и амбар. Общая стоимость всех этих сооружений достигала 15 руб. Несмотря на крайне низкую цену сооружений на берегу, на их базе был организован действительно крупный промысел. Он велся с 25 расшивных лодок, на которых было занято 150 человек. Годовой расход на весь этот промысел (полная стоимость лодок, рабочей силы, оборудования, материалов) составил в начале XVIII в. 2467,5 руб.²⁶

* * *

Проблема рабочей силы, занятой на учужных промыслах, подробно рассмотрена И. В. Степановым и А. В. Пруссак. В качестве основного источника для изучения данного вопроса эти исследователи использовали материалы делопроизводства Астраханской приказной палаты — поручные записи, росписи рабочей силы и другие документы²⁷. В силу основательной изученности ряда аспектов этой темы (разделение труда и специализация, заработная плата и ее эволюция на протяжении XVII в., соотношение вольнонаемного и подневольного труда и т.д.), мы остановимся только на тех из них, которые вызывают определенные сомнения или недостаточно исследованы. Например, И. В. Степанов в одной из своих поздних статей и А. В. Пруссак утверждают, что на протяжении XVII в. происходил постепенный рост заработной платы, которая достигла максимума во второй половине — последней четверти столетия²⁸. В то же время в более ранней работе Степанов пишет, что к 1680-м гг. размер заработной платы по сравнению с предшествующим периодом снизился²⁹.

Дополнительные возможности для рассмотрения данных проблем возникают в связи с вводом в научный оборот новых источников, освещающих организацию патриаршего промыслового хозяйства во второй половине XVII в., а также результатов переписи астраханских и яицких промысловых предприятий в начале XVIII в. (перепись оброчных статей 1704 и последующих годов).

Вывод И. В. Степанова, определявшего для одного учуга численность работных людей в среднем в 25 человек³⁰, находит подтверждение в материалах по астраханским учугам за начало XVIII в. При осмотре Чурки в 1704 г. было зафиксировано, что годовых работников, т.е. находившихся в городке на протяжении всего года, “живет

по 30", а во время заделок добавляется еще по 50-60 человек³¹. В том же году при осмотре 2-х городков и 3-х забоек астраханского Троице-Сергиева монастыря указывалось, что "на учугах всяких работных людей по чинам" 63 человека³². В 1 городке и 3-х забойках астраханского митрополита было насчитано 10 "ремесленных годовых людей", 10 "годовых тяглых людей" и 9 косных караульщиков³³. И, наконец, на 3-х дворцовых астраханских учугах насчитывалось 78 работных людей³⁴. Подобные подсчеты не всегда бесспорны. При попытках определить количество годовых и временных работников на один учуг нередко возникают сложности. Например, на патриарших промыслах зачастую трудно определить, кто из нанятых должен был обслуживать Комызяк, а кто Чеган или Чету. Такие же проблемы возникают и по другим предприятиям, где имелось несколько забоек. Обычно составители росписи не "замечали" администрацию, "караульщиков", садовых работников. Поэтому, вполне соглашаясь с тем, что в среднем на один учуг требовалось от 20 до 30 работных людей, отметим, что более корректным явилось бы рассмотрение количества и состава рабочей силы на всем промысловом предприятии конкретного собственника. Уникальную возможность для этого предоставляют материалы по астраханским заведениям патриаршей кафедры 1680/81 – 1681/82 гг.³⁵ Они позволяют получить общее представление об администрации, различных категориях постоянной (нанятой не менее чем на год, а иногда и более) и временной рабочей силы, заработной плате и т.д. за 2 хозяйственных года деятельности одного из крупнейших в регионе промысловых хозяйств (см. табл. 22). Рассмотрим данный случай как в определенной степени эталонный.

При определении совокупных расходов на оплату труда по всему промыслу возникает следующая трудность. Дело в том, что средства, указанные в расходных статьях бюджета предприятия на заработную плату, не совсем соответствуют суммам, обозначенным в рядных записях и других документах, оформляющих условия найма между администрацией и рабочими. Если временные рабочие получали, как правило, всю заработную плату в данном году (сроки найма были непродолжительны и обычно не переходили на следующий год), то в отношении постоянных – годовых – сотрудников действовало правило аванса, превышавшего обычно половину всей суммы

по ряду. В результате получалось так, что часть выплат переходила на следующий после найма год. В расходных книгах существовал специальный раздел с записями о выдаче "достальных рядных денег". Однако попытки рассчитать точные выдачи по каждому году не всегда дают желаемый результат из-за лакун в записях. Все же вполне уместно предположить, что суммы, указанные в соответствующих статьях бюджета и документах найма, близки друг к другу.

Следует также отметить, что совокупная заработная плата сотрудников промысла — понятие весьма сложное. Она складывалась из многих компонентов. Наиболее значимым из них являлись денежные выплаты, причем в виде аванса выдавалась, как правило, большая часть договорной суммы. В подавляющем большинстве случаев работнику полагались питание за счет владельца промысла — хлеб, молога (похлебка), квас и т.д. Часто труд оплачивался шушканом, иногда двумя или даже тремя. Отдельные работники получали дополнительно к зарплате жир, рыбу, хлеб; караульщикам полагался свинец и порох. Нередки бывали случаи, когда наемный работник получал право на рыбную ловлю в учужной поле, причем, как правило, должен был сдавать 3 из 10 выловленных рыб владельцу. Характерно, что оплату по всей совокупности статей — деньги, хлеб, жир, промысел в учужной поле, рыба и т.д. — получали, как правило, наиболее квалифицированные работники или крестьяне, приехавшие сами или переведенные на промысел. Определить всю совокупность натуральных выплат в денежном исчислении не представляется возможным. В основном у большинства работников такие натуральные "доплаты" были примерно одинаковы. Поэтому вполне возможно использовать только такой показатель, как денежные выплаты. Стоимость шушкана, мерной рыбы (по астраханским ценам 1 рыба б.ч. — 0,25-0,3 руб., а по домовым ценам в два раза меньше), ведра жира (0,07-0,14 руб. за ведро) была невелика и не могла существенно изменить общую сумму оплаты за труд.

Порой отдельные, как правило высококвалифицированные, рабочие получали дополнительно к денежной оплате несколько мехов муки (стоимость 1 меха в эти годы в Астрахани составляла 0,3-0,35 руб.). В этом случае в сочетании с рыбой, жиром и т.д. вся совокупность натуральных доплат могла существенно изменить общую сумму заработной платы. Однако такие случаи происходили редко и в данной работе будут специально оговариваться.

Таким образом, общая сумма затрат на рабочую силу и администрацию промыслов была значительно выше их денежного жалования. Только хлебных продуктов в год тратилось около 500 мехов, что составляло по местным ценам около 170 руб. Цена меда, уксуса, масла, вина и т.д. достигала примерно 30 руб. Стоимость других потребляемых продуктов, спецодежды, жира и т.д. была значительно ниже, и ее можно не учитывать в общем балансе.

• Типичным для патриаршего ведомства в Астрахани было заключение договора "с записью" или без нее на 1 год. Подобных наемных людей можно назвать постоянной рабочей силой, т.к. даже для тех, кто работал по несколько лет, универсальным являлся именно годовой договор. Таковых работников насчитывалось в 1680/81 г. 76, а в 1681/82 г. — 72 и к ним еще четверо, заключивших договор на весенне-осенний период, то есть также 76. Значительное количество нанятых сообщили свое социальное происхождение (см. табл. 23). Среди указавших большинство принадлежало к гулящим или работным людям. Различие в ряде показателей, по всей видимости, только кажущееся, т.к. составители книг не обязательно отмечали социальную принадлежность нанятых или последние не считали необходимым сообщать об этом. Самарских монастырских патриарших крестьян и крестьян других монастырей — Благовещенского и Борисоглебского — можно было бы объединить в одну группу; но первых перевели, а вторые, по всей видимости, пришли сами. Церковные дьячки одновременно выполняли должность подьячих, но все же они ближе к группе людей, обслуживающих учужные храмы. Представителей церковного клира в 1681/82 г. вряд ли было меньше, так как в предыдущем году в ряд включалась формула "без съезду", но почему-то они указаны только за один год. Среди нанятых в 1681/82 г. встречаются еще 3 человека с прозвищем "Иноземец".

Большинство (около 2/3) наемных людей предпочло не сообщать о местах своего прежнего проживания. Возможно, часть из них составили жители патриаршей бобьельской слободы в Астрахани. Сведения по остальным весьма любопытны (табл. 24). Видимо, к астраханцам можно отнести и юртовых татар (одного — в 1680/81 г., двоих — в 1681/82 г.). На район бывшего проживания указывают и прозвища работных людей — Уржумец, Казанец, Рязанец, Иноземец (троих в 1680/81 г.). Если не считать переведенцев из Самарско-

го уезда, больше всего наемных людей пришло из Нижегородского Поволжья. Значительное количество выходцев в Астрахань дали центральные уезды страны. В основном же население в Астраханский край приходило из уездов, располагавшихся по волжским берегам.

Распределение рабочей силы по промысловым предприятиям, прежде всего по учугам, указанное в документах найма, можно считать довольно условным. В процессе производства постоянно возникала необходимость усилить один участок за счет других. И все же вполне очевидно, что основным производственным звеном учужного промысла являлся Комызяк (см. табл. 25). Самостоятельное значение имели также учуг Чаган и зимовой двор. Все остальные производственные места эксплуатировались время от времени и являлись второстепенными.

Особое внимание исследователей привлекает разделение труда на учужных промыслах. Вводимые в научный оборот материалы позволяют существенно уточнить этот вопрос. По степени участия в производственном процессе, роли в его организации и выполнении среди постоянных участников промысловых работ можно выделить администрацию, квалифицированных рабочих и неквалифицированную наемную силу (см. табл. 22). При всей своей условности такое деление позволяет выявить важные стороны организации производства. Характерно, что в делопроизводстве начала XVIII в. местная администрация выделяла “годовых ремесленных людей”, т. е. квалифицированных, и “годовых тяглых людей”, не относя себя ни к одной из этих групп³⁶.

В начале 1680-х гг. руководство астраханским промысловым комплексом состояло из 7 человек: 3-х промышленников, приказчика, служебника, подьячего и учужного атамана (см. табл. 26). Главой промысловой администрации являлся промышленник старец Арон. Не менее важную роль играл подьячий. Его канцелярия находилась на зимовом дворе, а на учугах (Комызяке) всю работу по учету исполняли 2 местных церковных дьячка, совмещавшие обязанности подьячих (1680/81 г.). Два других промышленника из патриарших дворян занимали подчиненное положение³⁷. Еще один старец — Иосиф — выполнял обязанности приказчика на учуге Чагане. Характерно, что его зарплата была меньше, чем у других представителей администрации. Видимо, в качестве компенсации Иосифу раз-

решалось заниматься “про свой обиход” зимним промыслом рыбы. При этом старец должен был чинить сети и невода на учуге и плести новые. Не совсем ясна роль служебника (домового иноземца) в производственном процессе. Учужный атаман, которого нанимали в Астрахани, являлся руководителем всех учужных работ, причем в некоторых из них он должен был принимать непосредственное участие. Атаман занимал промежуточное положение между руководством, присылаемым из центра, и трудовым коллективом, находясь, на наш взгляд, ближе к последнему.

Количество квалифицированных работников в патриаршем низовом хозяйстве составляло от 20 до 25% всего постоянного персонала (см. табл. 27). Прежде всего, к ним относились люди, непосредственно занятые в рыболовном промысле. К этой же категории необходимо причислить плотников и садовников, занятых в виноградном саду. Каждый из входивших в данную группу руководил отдельной технологической операцией или циклом работ, и ему были подчинены неквалифицированные рабочие. Характерно, что в рядных записях не указано ни одного профессионального работника, связанного с добычей соли для рыболовецких промыслов. Видимо, работа на соляных озерах не требовала особой квалификации.

Представители этой группы получали высокую заработную плату. Подавляющее большинство нанимаемых не было удовлетворено только денежной оплатой, а выторговывало для себя право на самостоятельную добычу рыбы в учужных полах, получение с промысла значительного количества хлеба, жира и т.д. В реальности их заработная плата была намного выше, чем у остальных работников, не только в денежном выражении, но и по количеству предоставляемым им натуральных продуктов и льгот. Только за счет хлеба, рыбы и жира такие добавки достигали 1-2 рублей. Вероятнее всего, это были люди самостоятельные, семейные, довольно зажиточные.

На рыболовецком промысле были заняты учужный атаман, осуществлявший общее руководство и зачастую принимавший непосредственное участие в конкретной работе (его мы все же относим к администрации); баграчей — их было от 3 до 4; водолазы — 2. Водолазные работы производились время от времени. Поэтому, как правило, водолазы совмещали исполнение своих обязанностей с функциями баграчей или станового караульщика³⁸. Особую группу со-

ставляли головные, икряные и хвостовые рыбные солильщики — по 3 человека. По одному насчитывалось клеевщиков, резальщиков, укосных кормщиков и жиротопов (последние совмещали свою работу с обязанностями станových караульщиков). Можно выделить также плотников (2-3), садовников или огородников (1-2). У клеевщиков, икрянщиков были помощники — поддатни — из неквалифицированных работных людей. Вряд ли имеет смысл устанавливать какую-либо иерархию между этими профессиями по роли в производственном процессе и размерам заработной платы. Скорее всего, ее значительные колебания, в том числе и по отдельным специальностям, зависели от времени и объема трудовой деятельности.

Неквалифицированные рабочие представляли большинство на патриарших промыслах в Астрахани (см. табл. 28). Наиболее многочисленную группу из них составляла охрана промыслов, так называемые караульщики — 23 в 1680/81 г. (да водолаз, по совместительству исполнявший работу караульщика), 21 — в 1681/82 (плюс водолаз и жиротоп, исполнявшие работу караульщиков). Вряд ли можно установить какую-то систему в обязанностях этих людей по охране тех или иных объектов. Например, в 1680/81 г. 11 человек были приписаны к Комызяку, 6 — к Чагану, по большинству остальных производственных объектов сведений нет. В 1681/82 г. “произошли” значительные изменения: при Комызяке остались только 6 караульщиков, Комызяк и Чаган охраняли совместно 8 чел., и лишь один был при Чагане. В основном караульщики (75% от общего их количества) делились примерно поровну на косных и станových. Средняя оплата косных была несколько выше и составляла около 5,5 рублей против 4-5 руб. у станových. Всех остальных называли просто караульщиками: плотовыми, зимнего двора и т.д. Большинству из них, кроме денежной оплаты, выдавались порох и свинец — от 1 до 2 фунтов в год, шушканы; некоторые получали право на промысел рыбы в учужных полах.

Второй по значимости группой являлись учужные тяглые работники. Их средняя денежная зарплата была выше, чем у караульщиков. Если же судить по всей совокупности компонентов оплаты — денежным и натуральным, то группа караульщиков выглядит более обеспеченной.

Еще одной значительной группой были поддатни, помогавшие квалифицированным рабочим — икрянщику, баграчею, клеевщику и даже кухарю.

Кроме огородника и заводчика виноградного сада, все остальные работные люди, нанятые на садовые и огородные работы, должны были совмещать свою основную деятельность с работой на учугах.

Необходимо выделить еще несколько групп наемных людей, занятых на патриаршем промысле (см. табл. 29). Они занимали промежуточное место между администрацией, квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой. В первую группу входили хлебники и повара. Этих людей, видимо, можно отнести к квалифицированным работникам. Каждый из них обслуживал определенный контингент работников промыслов на Комызяке, Чагане и зимовом дворе. У них в подчинении находились поддатни — помощники. Низкая зарплата на Чагане (4,5 руб.) по сравнению с Комызяком (9 руб.) и зимовым двором (8 руб.) объясняется, видимо, сравнительно небольшим объемом работы. У чаганского повара (хлебника), единственного из всех, не было поддатня. Труднее всего приходилось повару (хлебнику) на Комызяке. Он получал за свой труд не только самую высокую зарплату — 9 руб., но и ежегодно 1 мерную рыбу и ведро жира.

Жировой сиделец с оплатой в 8 руб. в год нанимался на зимовой двор в специальный жировой амбар для продажи жира. Видимо, в начале лета, в мае-июне, он переезжал непосредственно на промыслы. На его место в 1680/81 и в 1681/82 гг. брали нового человека, получавшего уже 10 рублей и, кроме того, 15 мехов хлеба. Стоимость этого хлеба составляла 5,25 руб. в 1680/81 и 4,65 в 1681/82 гг. Ему также вменялась обязанность быть на посылках, ходить за теми, “на кого жилая запись с поруками”.

Отдельную категорию составлял причт местной учужной церкви. Многочисленность церковного причта в 1680/81 г. объясняется тем, что священник скончался, не дослужив срок договора, и на его место пришлось взять нового человека. Также пришлось менять из-за болезни дьячков, которые одновременно выполняли функцию подьячих. Трудно объяснить отсутствие данных на 1681/82 г. по позициям священника и дьячков. Численность клира в комызякском храме составляла 3 человека — священник, дьячок и пономарь. Зарплата была выше у священника, но так как дьячок выполнял функции подьячего, то и его вполне можно отнести к весьма обеспеченным работникам промысла (8,5 руб.).

Кроме постоянного персонала, на патриарших промыслах работали люди с краткосрочными договорами. Наиболее значительные группы таких работников были заняты на ремонте учужных забоек и в соляных экспедициях. Численность партий работных людей, занимавшихся ремонтными работами, составляла от 50 до 60 человек. Дополнительную рабочую силу приходилось нанимать для заготовки материалов для ремонта — чегеня, кошака, кирчина и т.д.

Регулярный “плановый” ремонт обычно производился в конце лета — начале осени и в конце зимы — начале весны. В 1680/81 г. руководство промыслом наняло по 60 юртовских татар в конце июля и в конце марта; в 1681/82 г. — в конце сентября и в конце января (см. табл. 30). Какой-либо значительной специализации у этих людей обнаружить не удастся. Выделялись лишь десятники, вырезальщик и 2 подавальщика. Заработная плата была одинаковой для подавляющего большинства рабочих. В зависимости от объема работы она колебалась от 0,54 до 2 руб. на человека. Все рабочие питались с хозяйского стола (хлеб и молога). Лишь немного выделялись десятники, как правило, получавшие дополнительно по 0,1 руб. Кроме того, десятникам (не всем), а также вырезальщику и подавальщикам выдавалось по шушкану, рыбе, ведру жира.

Владельцам промысла приходилось нести еще дополнительные расходы, в основном на заготовку и закупку материалов для ремонта. Как правило, эти затраты были невелики. В 1680/81 г. только один найм был достаточно серьезным. Тогда за заготовку кошака “саратовцу с товарищами” заплатили 44,5 руб. В 1681/82 г. можно выделить наймы юртовских татар в июле (4 человека за 1,2 руб.), в августе (10 человек за 10 руб. для заготовки кирчина), в ноябре (20 человек за 5 рублей за забивку), в декабре (10 человек за 8 руб. за рубку кошака). Итого сумма выплат составила 24,2 руб. Все работники питались с хозяйского стола хлебом и мологой (вид похлебки). Наибольшее распространение такая система получила при организации экспедиций за солью и при заготовке материалов для ремонта забоек.

Патриаршие промышленники, кроме учужного промысла, использовали и другие способы добычи рыбы. Зимой практиковался лов белорыбицы в полах учугов. В 1680/81 г. так промышляли 19 постоянных работников, в 1681/82 — 18. Из каждых десяти рыб три

пойманные таким способом ловцы должны были сдавать в домовую казну. Однако предусматривались и другие варианты оплаты. Например, с каждой выловленной рыбы ловец получал по 1 копейке (1680/81 г. — 1 случай) или 0,5 коп. (1681/82 г. — 2 случая). К сожалению, о размерах улова сведения отсутствуют.

Для наемных людей патриарших учугов дополнительным источником доходов являлась добыча рыбы в водах, расположенных в протоках рядом с забойками, с последующей сдачей ее за определенную плату в домовую казну³⁹.

Таким же образом нередко промысляли и астраханцы, не имевшие никакого отношения к работам, производимым непосредственно на учуге. Их можно назвать подрядными рабочими всего промысла. В приходо-расходных книгах 1681/82 г. этот способ хорошо представлен. Подрядчики на своих лодках и со своими снастями должны были добывать рыбу и сдавать ее по ранее заключенному ряду патриаршим приказчикам. Например, астраханские посадские люди на 10 лодках выловили 917 рыб большим числом и получили, исходя из ряда (за 100 рыб по 12,3 руб.), 112, 78 руб. Характерно, что 60 руб., т.е. больше половины, были им даны в аванс. Клей, вязигу, икру ловцы сдавали в домовую казну, а горлышки и жир могли брать себе. Еще 3 известных случая подобного найма на промысле матерой рыбы (за каждую выловленную платили по 0,1 руб.) дали подрядчикам весьма небольшие доходы — 2,67 руб., 4,2 руб., 2,86 руб. Всего за 1681/82 г. из домовой казны таким выплатили ловцам 122,51 руб.⁴⁰

В 1680/81 г. известны случаи, когда патриаршие уголья сдавались артелям промысловиков: 3 раза астраханским посадским жителям и 4 — юртовским татарам. Арендаторы обязывались промыслять стерлядь, сазанов и другую рыбу, а однажды и зверя “из третной деньги” или “половинны”. Размеры платежей были невелики и колебались от 1,2 до 7,5 руб. Общая сумма составила 23,51 руб., или в среднем 3,36 на 1 аренду⁴¹. Такие выплаты в патриаршей казне составляли около 120 руб. ежегодно. Их вполне можно отнести к оплате рабочей силы.

Таковой была ситуация с наемными рабочими, их составом, соотношением различных групп квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, оплатой труда на астраханском патриаршем

промысле в начале 1680-х гг. Выяснить ее типичность для других предприятий региона можно по материалам описания оброчных статей начала XVIII в. и сведениям, приведенным в работах других исследователей.

Материалы описания оброчных статей и сопутствующие им документы Ингерманландской и других канцелярий начала XVIII в. не содержат полных и обстоятельных, аналогичных годовым приходо-расходным книгам, текстов. Несмотря на всю содержательность этих документов, они, за исключением описей оборудования и снастей, утвари, строений, во всем остальном фрагментарны, не лишены лагун, предназначены, прежде всего, для внешнего ведомственного, а не внутривладельческого пользования. Потому-то сведения о рабочей силе, ее заработной плате, приведенные в разделах таблиц по началу XVIII в., выглядят более поверхностными и неполными. И все же они дают достаточно объективную информацию, в значительной степени подтверждая вышеприведенные данные по патриаршим промыслам.

По количеству постоянной рабочей силы в Астрахани к концу XVII – началу XVIII вв. сложились 4 действительно крупных промысловых предприятия – дворцовое, патриаршее, митрополичье и местного Троице-Сергиева монастыря. В хозяйстве дворца на астраханских учугах (из администрации мы учитываем только учужных атаманов, по которым имеются сведения) было занято 78 человек. О яицких дворцовых учугах сведений нет, и их можно считать отдельным предприятием⁶². Приказчики астраханского Троице-Сергиева монастыря нанимали 63 постоянных рабочих, патриаршего ведомства – около 70 (точное количество определить невозможно из-за неполноты источников, но, скорее всего, оно было близко к данным 1680-х гг.), митрополитного Дома – 32. Кроме того, епархиальные власти на свой морской промысел набирали по 50 постоянных и 100 временных рыбных ловцов. У Троице-Сергиева монастыря на предприятии такого же типа, но в волжских протоках, участвовало в годовом промысле по 40 постоянных рыбных ловцов. Таким образом, в среднем на каждом из вышеуказанных предприятий было занято от 70 до 100 постоянных годовых рабочих.

Определить сколько-нибудь точные данные по количеству и заработной плате временных рабочих на данный период невозможно

из-за отсутствия необходимых материалов. Наиболее очевидны расходы на найм юртовских татар для ремонта и устройства забоек. Характерно, что практически по всем промыслам (см. табл. 22) эти данные очень близки и преобладают более раннему периоду. Например, на патриарших учугах в осенней заделке 1704 г. участвовало 60 юртовских татар, получивших за работу 90 руб. (по 1,5 руб. на человека), казенные “хлеб и харчи”. 6 десятникам дополнительно было выдано по 0,1 руб., шушкану и т.д. Почти вся сумма — 84,6 руб. — была выплачена в аванс⁴³. Такое же количество людей наняли на весенние ремонтные работы в марте 1705 г. За работу им полагалось 72 руб. (по 1,2 руб. человеку, из них в качестве задатка было выплачено по 1,1 руб.)⁴⁴. Таким образом, денежное вознаграждение за осенне-весенние работы 1704-1705 гг., т.е. за год, в старом допетровском исчислении, составили 163,2 руб. (вместе с доплатой десятникам).

На промысле Спасо-Преображенского монастыря в 1705 г. на найм юртовских татар было затрачено 100 руб., митрополичьих учугах — 150 руб.⁴⁵ По сказке учужного атамана Троице-Сергиева монастыря, в год предполагались две “перемены” рабочих людей — по 50 человек в каждой. Отдельный рабочий должен был получить 2 руб. (всего 100), кроме хозяйского “корма”⁴⁶. Атаман не исключил возможности строительства новой забойки на месте, где ранее уже был учуг. Для этой работы понадобилось бы 50 человек. Каждому из них, кроме питания, полагалось по 1,3 руб., а всего 65⁴⁷.

Следовательно, затраты на денежную оплату рабочей силы, занятой на ремонте забоек в начале XVIII в., составляли от 100 до 150-160 руб. Меньшая сумма, видимо, обычна для текущих ежегодных работ. Капитальный ремонт, случавшийся раз в несколько лет, требовал затрат от 150 и более руб. (работы на патриарших забойках в 1681/82 г.).

Несмотря на неполноту данных (см. табл. 22), можно предположить, что соотношение сумм денежного жалования постоянных и временных рабочих примерно соответствовало параметрам патриаршего хозяйства начала 1680-х гг. Это соотношение составляло от 60% к 40% до 50% к 50%.

Общая сумма денежной оплаты труда в промысловых хозяйствах патриарха, митрополита, Троице-Сергиева монастыря составляла примерно по 1000 и более рублей (вместе с расходом на экспедиции

за солью и т.д.). Можно предположить, что в астраханском и яицком дворцовых учужных промыслах этот показатель был значительно выше. Питание, оплата продуктами, рыбой, жиром, одеждой и т.д. не поддаются учету. Данные по расходу хлеба на патриарших промыслах 1680-х гг., на наш взгляд, являются минимальными для промыслов такого размера.

Как правило, источники начала XVIII в. содержат крайне скудные сведения о составе администрации промысла. Информация приводится только по учужному атаману. Денежная оплата его труда — от 10 до 15 руб. в 1680-1705 гг., прежде всего, зависела от объема обязанностей, размеров промысла. Примерно такую же сумму атаман получал в 1693 г. на яицких учугах — 10 руб. и 8 четвертей “хлеба” (стоимость 1 четверти ржаной муки в конце XVII в. в Астрахани достигала 0,7 руб.). Какой-либо тенденции к росту заработной платы этой категории наемных людей в течение указанного периода обнаружить не удастся. От более раннего периода известен только один случай по учугу Комызяк в 1651 г., когда атаман получил 23 руб. в год⁴⁸. Однако насколько типична такая заработная плата в первой половине — середине XVII в., неизвестно.

Состав администрации на патриаршем промысле начала 1680-х гг., по всей видимости, характерен и для других крупнейших учужных предприятий Астрахани. Рассматривая деятельность дворцового ведомства в Понизовом Поволжье, мы уже говорили о составе руководства промыслом, которое было еще более многочисленным⁴⁹. Однако каких-либо конкретных сведений о заработной плате этих лиц не имеется. Администрация промыслов, принадлежавших местной епархии и монастырям, формировалась в основном из монахов и астраханских жителей. В 1704 г. среди руководства митрополичьего рыболовного комплекса упоминались учужный (6 руб.) и морской (6 руб.) приказчики из монахов, а также сын боярский, “что с косными караульщиками ездил” (10 руб.)⁵⁰. Неизвестно, было ли это жалование годовым или его выдавали за более короткий период. Более подробный перечень промысловой администрации, также состоявшей из монахов, представлен по промыслу Троице-Сергиева монастыря. Указаны приказчик и его помощник, который должен был “смотреть за работными людьми”, 2 человека на посылках, плотовой писарь, который одновременно должен был исполнять обязанности церковного дьячка⁵¹.

Составители описаний промыслов начала XVIII в. постоянно выделяют в общем составе рабочей силы группу “ремесленных людей”, тех, кто непосредственно руководил отдельными технологическими операциями. Как правило, перечень специалистов в этой группе по разным предприятиям схож, хотя имелись и некоторые варианты. Например, на митрополичьем промысле к ним относили: учужного атамана, солильщиков, резальщика, баграчея, икрянщика и клеевщика, водолаза, хлебника и повара, плотника⁵². На Чуркинском учуге в одних описаниях в эту группу включали даже попа с дьячком, в других их выделяли отдельно. Также несколько особняком указывали плотников, резальщиков и потрошительщиков⁵³. При описании промысловых заведений Троице-Сергиева монастыря к ремесленникам отнесли кузнеца, неводчика и даже “поддатней”⁵⁴. Несмотря на эти и другие разночтения, вполне очевиден принцип выделения такой группы, которого мы в основном и придерживались (см. табл. 27). Трудно выстроить среди этих людей какую-либо иерархию. Несколько выделяются водолазы, солильщики, баграчеи и плотники.

Для представителей данной группы, как, впрочем, и для всех других, характерен весьма значительный разброс размеров заработной платы по разным промыслам. По сравнению с другими категориями рабочей силы, кроме руководства промыслом, заработная плата “ремесленных” людей весьма высока — 8,4 руб. Но по отношению к 1680/81 — 1681/82 гг. у высококвалифицированных рабочих в 1703–1705 гг. произошло определенное снижение денежной оплаты труда. По данной категории не удастся найти подтверждения выводу И.В.Степанова и А.В.Пруссак о постоянном увеличении на протяжении XVII в. уровня заработной платы.

Следует отметить, что именно квалифицированные рабочие дополнительно к денежной оплате в ряде случаев могли получать весьма существенную прибавку, прежде всего хлебом, жиром и рыбой. Как правило, такую добавку давали тем, кто совмещал две работы — станowego караульщика и водолаза, жиротопа и станowego караульщика и т.д. Например, размеры доплаты хлебом в 1681/82 г. в двух случаях доходили до 6,5–7 мехов (головному и икряному солильщику, баграчею и водолазу). За более поздний период такие сведения отсутствуют. Любопытны случаи совмещения одним человеком двух профессий высокой квалификации, например головной и икряной солильщик или баграчей и водолаз.

Наиболее многочисленной являлась группа неквалифицированных рабочих. В нее входили тяглые учужные рабочие, поддатни, рабочие сада и огорода (см. табл. 28). Среди них, как и на патриаршем промысле в 1680-х гг., значительную часть составляли становые и косные караульщики. По численности они вполне сопоставимы со всеми остальными — учужными тяглыми рабочими, поддатнями, работниками сада и огорода. Средняя заработная плата неквалифицированных рабочих людей была намного ниже — от 4,5 до 5,5 руб. (на яицких учугах в 1693 г. — 6,3 руб.). Как и по другим категориям рабочих людей, тенденции к ее росту на протяжении всего XVII в. обнаружить не удастся. К этой же группе можно отнести годовых рыбных ловцов, промышлявших на лодках, и т.д., но размеры оплаты их труда был значительно выше.

Все вышеперечисленные особенности характерны и для других категорий постоянной и временной рабочей силы.

Таким образом, вывод исследователей астраханских рыболовецких промыслов о том, что на протяжении всего XVII в. происходил неуклонный рост заработной платы⁵⁵, не находит подтверждения при более широком привлечении документальных материалов. Напротив, по основным категориям рабочей силы в вышеуказанный период происходило даже некоторое ее снижение. Исключение составили только неквалифицированные рабочие, оплата труда которых осталась на прежнем уровне.

* * *

Единственная попытка определить бюджет учужных предприятий астраханского Поволжья в XVII в. принадлежит И. В. Степанову⁵⁶. Однако выводы исследователя весьма гипотетичны, прежде всего, в силу крайне скудной источниковой базы. Кроме того, в качестве объекта изучения Степанов брал единичный учуг, состоящий только из забойки и городка. Однако выделять из промыслового хозяйства лишь одну, хотя и важнейшую его часть, нам представляется некорректным, тем более что практика откупного и вотчинного предпринимательства в Астрахани показывает, что среди действительно крупных владений преобладали предприятия, сочетавшие несколько учугов, неводные и другие ловли, административно-хозяйственные строения в городе и т.д.

Представление о бюджете крупного промыслового предприятия в Астрахани можно получить, прежде всего, по материалам приходо-расходных книг патриаршего промысла 1680-1682 гг. К сожалению, они неполны: в них отсутствуют итоговые данные о совокупности расходов и доходов всего хозяйства. Неизвестно также, сколько было выловлено рыбы на промысле, какая продукция была получена в результате переработки улова, как она распределялась и т.д. Текст источника не дает возможности провести сколько-нибудь точный расчет основных приходных и расходных статей бюджета. Поэтому более правильно было бы назвать эти книги “приходо-расходными записями”, которые не совсем полны и которые их составители должны были обработать и объединить в настоящую сводную ведомость. Однако отдельные расходные и особенно доходные статьи вполне возможно определить, что позволяет судить о важнейших характеристиках промыслового хозяйства.

Среди расходных статей наиболее полно освещена оплата наемных рабочих и администрации. Подробно об этом компоненте говорилось в разделе о рабочей силе, что позволяет здесь остановиться только на его краткой характеристике. Еще раз отметим, что записи составителей не ограничиваются регистрацией оплаты труда в денежном выражении, а содержат сведения и о натуральной ее составляющей — продуктах питания, одежде, рыбе, жиру и т.д.

В совокупности заработная плата, выдаваемая деньгами на патриарших промыслах в начале 1680-х — 1690-х гг., составляла около 1 тысячи рублей (см. табл. 31).

Точно подсчитать расходы на хлеб и мологу, т.е. на повседневное питание рабочих людей, или на шушканы не представляется возможным. Стоимость «спецодежды» была невелика. Например, шушканы шились из холста “хряпцу” (иногда он также выдавался в качестве оплаты). Стоимость 1 аршина последнего в 1703-1704 гг. составляла в Астрахани 1,08 коп.⁵⁷ Таким образом, расходы на холст и шушканы на промысле были незначительными.

Затраты на питание, хлебные “припасы”, раздаваемые в качестве заработной платы, и т.п. можно вычислить исходя из годовых потребностей предприятия в продуктах питания. Отдельного раздела, в котором фиксировался годовой расход хлеба, нет. Можно предположить, что потреблялось все количество (или большая часть) заво-

зимых в данном году хлебных припасов. Размеры такого завоза удобнее всего представить в виде таблицы (см. табл. 31). Среднее ежегодное количество необходимых хлебопродуктов составляло примерно 500 мехов, т.к. в 1680/81 г., кроме 427 мехов, привезенных в Астрахань, на промысле оставалось 80 от прошлых лет. Понятие "мех" в русской средневековой системе мер весьма расплывчато. Мех осминный мог вмещать и 25, и 30, и иное количество пудов³⁸. Кажется бы, сведения 1680/81 — 1681/82 гг. о количестве хлеба, используемого на промысле, и данные об объеме хлебопродуктов, завозимых на патриарших судах в Астрахань (в последние десятилетия XVII в. — около 13000 четвертей ежегодно), противоречат друг другу. Объяснить это противоречие можно тем, что, вероятнее всего, патриарший насадной промысел на пути вниз, в Астрахань, должен был выполнять поручение казны по доставке хлеба для служилого и работного населения города и округи.

Часть хлебных припасов предназначалась постоянным рабочим в качестве заработной платы: в 1680/81 г. — 48 мехов, в 1681/82 г. — 51,5. В 1680/81 г. примерно 35 мехов было выдано 6 самарским переведенцам. Все остальное продовольствие расходовалось на питание работников и администрации промысла. Лишь сравнительно небольшая часть его продавалась.

Кроме хлеба, на промысел завозили масло, мед, вино, соль пермянку, уксус и т.д. Общая стоимость этих продуктов составляла примерно 30 руб.

Все остальные затратные статьи бюджета: на лес для забоек, ремонта жилых и промысловых помещений, но оборудование, материалы и т.д. — в приходо-расходных записях указаны лишь фрагментарно. Определить их величину не представляется возможным. Значительная часть материалов и оборудования поставлялась извне с помощью насадов. Поэтому администрация промысла, видимо, не считала нужным фиксировать их расход в денежном выражении. Сохранились лишь "Книги приходные леса...", где учитывались струги, лодки, завозни и другие изделия из "леса", завозившиеся из Нижнего Новгорода. Крупные средства перевозки оценивались весьма высоко. Например, в 1680/81 г. старый насад по нижегородским ценам стоил 100 руб. а по астраханским — 45; 3 паузка, завозня и другие суда были оценены в 82,85 руб. (неясно, по каким ценам).

Все эти поставки на соотношение доходов и расходов промысла в рублевом эквиваленте влияли лишь косвенно.

Годовой расход жира на самом промысле был невелик — от 25 до 50 ведер. Его выдавали в счет оплаты годовым работникам, татарам, нанятым для ремонта учугов; на экспедиции к соляным озерам и т.д. Около 20 ведер тратилось для раздачи насадным рабочим и в качестве добавки в кади и мерники с рыбными припасами.

Следует отметить, что в расходных ведомостях полностью отсутствуют сведения об оплате расходов на насал и струги, отправлявшиеся вверх по Волге. Эти затраты не входили в ведение местной администрации, их оплачивали из бюджета насадного промысла.

Таким образом, расходы на рабочую силу вместе с продуктами питания, одеждой, жиром и т. д. должны были составить 1200–1300 руб. Затраты на строительные материалы, снасти, оборудование неизвестны.

Выяснить, насколько эти данные были типичными для других крупных промысловых хозяйств, позволяют материалы начала XVIII в. Следует сразу же отметить увеличение расходов на питание, так как к началу XVIII в. в Астрахани значительно выросли цены на хлеб. Поэтому на том же патриаршем промысле стоимость использованных в 1703 г. хлебных «припасов» составила более значительную цифру (см. табл. 32).

При использовании архивных материалов, содержащих данные о затратных статьях бюджета на астраханских промыслах в 1703–1705 гг., следует отметить одну их особенность. Речь идет не о приходо-расходных книгах или выписках из них, а о сказках учужных атаманов или других представителей администрации предприятия, сообщавших, как правило, о предполагаемых расходах. Эти документы содержат гораздо больше неточностей, они более «предположительны». Например, практически во всех таких сказках указаны затраты материалов и оборудования, которые необходимы для полной смены забоек или полного обустройства речных и морских лодочных промыслов. Как правило, речь велась не о стоимости амортизации оборудования, снастей и т.д., а показывалась их полная суммарная цена. Несомненно, что текущие расходы должны были быть гораздо ниже. В то же время в сказках отсутствуют указания на расходы на экспедиции за солью и т.п.

Рассмотрим такие сообщения по отдельным промыслам. Поста-тейной росписи бюджета промыслового хозяйства астраханского Троице-Сергиева в начале XVIII в. не сохранилось. Однако по сказке учужного атамана Я. В. Воробьева, которую он дал переписывавшему в 1704 г. астраханские промыслы стольнику Ф. И. Замьпцкому, можно определить размеры отдельных расходных статей⁵⁹. Отметим, что при проверке конкретных расходных сумм, указанных атаманом, возникают сомнения в их полноте и достоверности. По его описанию, суммарные расходы на оплату труда 103 постоянных (годовых) работников учуга, неводных и других рыболовных промыслов составляли 955,7 руб. Монастырский “корм” для этих людей в пересчете на астраханские цены стоил 484 руб. По нашим подсчетам (см. раздел о рабочей силе), 63 наемным учужным рабочим и 40 рыбным ловцам предполагалось выдать в общей сложности 637,5 руб. в виде денежной заработной платы. Затраты на их питание должны были составить около 400 руб. Разницу в подсчетах можно объяснить тем, что атаман включил в вышеуказанную сумму расходы на администрацию промыслом и другие статьи.

Работникам, ремонтировавшим учуги, выделялось 100 руб. (затраты на питание — 35 руб.); рабочим людям, нанятым для строительства новой учужной забойки, — 70 руб. (затраты на питание — около 27 руб.). Таким образом, денежная заработная плата постоянным и временным рабочим на промысле должна была составить 802,5 руб. (без администрации и возможно, еще каких-то небольших групп временных рабочих), а затраты на питание — около 460 руб.

Расход на лодки, оборудование, снасти для промысла сазанов и другой рыбы (помимо учугов), по словам атамана, составил бы 685,5 руб. Но эта сумма в несколько раз превышала обычные затраты на амортизацию. Вероятно, в нее был включен совокупный расход на заведение всего лодочного промысла или стоимость всей его материальной части⁶⁰. Даже если предположить, что амортизация оборудования обеспечивающего этот способ добычи рыбы, была весьма высокой и составляла до 1/3, годовые затраты не должны были превысить 230 руб.

То же самое можно сказать о строительных материалах для забоек — чегене (2800) и кошаке (42 сажени), которых, исходя из количества, указанного атаманом, было достаточно для того, чтобы практически полностью обновить эти сооружения. Стоимость их составила 464 руб.

О каких-либо затратах на материалы и оборудование для ремонта других учужных сооружений, снастей, инструментов, оборудования для промысла и переработки рыбы на учугах и в городке сведений нет.

Подобными же лакунами и неточностями страдают росписи и по другим промысловым заведениям.

В промысловом хозяйстве митрополичьего дома в 1703 г. расходы по обобщенным данным составили 2173,33 руб.⁶¹, в 1704 г. — 1064 руб.⁶² В 1705 г. планировались затраты на 2-х морских станах — 2467,5 руб., а вместе с учужными расходами — 3698,3 руб.⁶³ Подробная роспись расходных статей, содержащаяся в других документах по митрополичьему промыслу, дает данные, весьма близкие к вышеуказанным (см. табл. 33).

Наиболее полная сводка предполагаемых затрат дана на 1705 г. Сумма их весьма велика и составляла 3699,3 руб., из них на учужный промысел 1231,8 руб., на морские станы Рышковский — 1283,1 руб., Аленинский — 1184,4 руб. Слишком большие расходы на оборудование и материалы для морских станов можно объяснить лишь тем, что их либо только начали обустраивать, либо решили полностью обновить все оборудование. То же самое можно сказать и об учужных забойках, которые, вероятно, полностью перестраивались. Вполне возможно, что администрации сознательно преувеличивала свои показания о расходах на промысел.

Более полно расходная часть бюджета представлена по сравнительно небольшому учужному промыслу Спасо-Преображенского монастыря (см. табл. 36). Предполагаемые затраты на промысловое хозяйство в 1705 г. составили в описных книгах и сказке атамана по одним данным 768,7⁶⁴, по другим — 861,7 руб. в год⁶⁵. Обе сметы практически по большинству статей полностью совпадают. Лишь в первом варианте были учтены весьма значительные расходы на вино, сбитень и уксус, составившие 91 руб.⁶⁶ Вновь определенные сомнения вызывают расходы на оборудование, снасти и т.д. Так, например, количества чегеня, указанного в росписи, должно было хватить не только для обычного ежегодного ремонта забоек, но и для их полной перестройки

К сожалению, сообщения администрации промыслов и приходо-расходные записи не позволяют определить ряд статей ежегодной расходной части бюджета. Это касается, прежде всего, затрат на обо-

рудование, снасти, ежегодный ремонт сооружений в городках, на берегу рядом с забойками, в самой Астрахани.

Дополнительные возможности для уточнения бюджета открывает использование сведений о “домовой цене”, понятие, которое широко использовалось в промышленном хозяйстве. При определении стоимости соли, рыбы и продукции из нее местная администрация, как правило, употребляла две системы отчета — “домовая” и “астраханская торговая” цены. Под астраханской торговой ценой подразумевалась продажная рыночная стоимость произведенной продукции, господствовавшая в это время в Астрахани. Термин же “домовая цена”, по нашему мнению, предполагал не что иное, как внутренние затраты на данном промысле на каждую единицу полученной продукции — пуд соли, рыбу большим числом, тешу и т.д. Это была себестоимость, включавшая оплату труда, расходы на питание, хлеб, одежду, оборудование, транспорт и т.д. Данное понятие являлось необходимым для внутрихозяйственных расчетов, отношений с метрополией. Сам механизм расчета домовой цены не совсем ясен, но ее широчайшее распространение и использование во внутриведомственной документации не вызывает сомнений. Разница между астраханской и домовой ценой означала не что иное, как степень доходности данного предприятия, его чистую прибыль. Наиболее полную сводку о соотношении астраханских и домашних цен дают материалы по патриаршему промыслу второй половины XVII — начала XVIII вв. (см. табл. 4, 34).

За 1681/82 и 1682/83 гг., по которым имеются приходо-расходные записи, домовая цена произведенной на промысле продукции составляла соответственно 1657,05 и 1945,65 руб. Разумеется, имеется в виду не вся произведенная продукция рыболовецкого и соледобывающего промыслов, а та ее часть, которая была отправлена вверх по Волге в насадах и стругах. На наш взгляд, между этими показателями, конечно, содержатся различия, но они не столь существенны и не могут всерьез изменить получаемый результат. Таким образом, вполне логично предположить, что общие затраты на патриаршем промысле при работах на рыбных и соляных промыслах, в виноградном саду и т.д. в начале 1680-х гг. составляли около 1700 руб. (а с неучтенными расходами на вино и рыбные припасы — до 2000 рублей). Расходы на рабочую силу, администрацию, питание съеда-

ли львиную долю этой суммы (примерно 68-75%). Все остальные траты приходились на оборудование, материалы и т.п.

Материалы по более длительному периоду (выборка за 1680-е — 1703/4 гг.) также свидетельствуют в пользу того, что средняя величина расходной части бюджета определена достаточно точно.

При сравнении домовых и астраханских цен необходимо учесть, что их соотношение по рыбе и рыбным припасам должно быть даже несколько выше из-за неучтенных статей (спинки, тешки и кавардак). В домовую цену соли также не входили расходы на пошлины (см. табл. 35).

Подведем некоторые итоги. Можно считать, что затраты в промысловом хозяйстве астраханских митрополита и Троице-Сергиева монастыря были близки к патриаршим промыслам, а в учужном хозяйстве Спасо-Преображенского монастыря составляли от $\frac{1}{3}$ и более. Сложнее судить о дворцовом хозяйстве. В него в Астрахани входили 3 крупных учужных комплекса, каждый из которых насчитывал по несколько забоск, а также весьма значительный соледобывающий промысел. Практически ничего не известно о размерах яицкого дворцового хозяйства.

Таким образом, полученные нами данные о затратах по основным промысловым предприятиям Волжского Понизовья в конце XVII — начале XVIII вв. в несколько раз превышают сумму расходов для учужного хозяйства, предлагаемую И.В.Степановым и, несмотря на всю их приблизительность, имеют под собой более прочную источниковую основу.

Не менее трудно выявить доходность крупного астраханского промыслового хозяйства. Вновь приходится констатировать, что каких-либо полных данных о доходах конкретного предприятия не сохранилось. Материалы прихода-расходных выписей по патриаршему хозяйству начала 1680-х гг. позволяют определить размер лишь отдельных доходных статей. Судить о количестве готовой продукции, вывозимой вверх по Волге, можно только по дворцовому и патриаршему хозяйству, т.к. прочие крупные местные предприниматели продавали ее в Астрахани. Предположим, что практически вся продукция патриарших промыслов отправлялась в насадах и стругах вверх по Волге. Следовательно, доход предприятия складывался из ее стоимости в астраханских ценах. Исходя из этого можно сделать вывод,

что в целом стоимость производимой продукции составляла в 1680-х – 1704 г. в среднем не менее 4500 рублей в год (см. табл. 4, 34). На самом деле эта сумма была выше. Дело в том, что при составлении сводной таблицы вывозимой продукции (см. табл. 4) не удалось определить стоимость кавардака, спинок, части тешек и т.д. Этот показатель, что следует из данных 1704 г., мог быть весьма значительным. Неучтенной оказалась также стоимость вина, винограда, горчицы и т.д. Кроме того, часть продукции продавалась непосредственно в Астрахани. Например, весьма значительный доход промысел получал от торговли жиром. На зимовом дворе был устроен специальный жировой амбар, в котором торговал наемный жировой сиделец. Практически весь жир продавался в Астрахани. Например, в 1680/81 г. от его реализации на зимовом дворе было выручено 105,13 руб., в следующем – до 130 рублей. Поставки жира с учугов происходили регулярно в течение всего года. В 1680/81 г. было произведено более 1153,5 ведер, да к ним осталось от предыдущих лет 273 ведра. В 1681/82 г. изготовили уже 1436 ведер. О том, что эти данные отражают обычные масштабы производства, свидетельствует тот факт, что с июня 1703 по 1 июня 1704 г. на том же патриаршем промысле в Астрахани было выполнено 1732 ведра. Лишь незначительная часть этого продукта раздавалась в почести, использовалась для оплаты местной наемной силы и вывозилась вверх по Волге⁶⁷. Лучшими и наиболее дорогими считались сорта чистого и чистого ястычного жира, составлявшие до 1/3 от всего получаемого количества. В 1680-х гг. они оценивались в 13-14 коп. за ведро. Ямный, двосточный, мазочный жиры стоили значительно дешевле – в среднем 7 коп. за ведро. Эти сорта составляли до 2/3 всего количества. Средняя цена за 1 ведро жира была в 1680/81 г. 9 коп., но к началу XVIII в. цены на жир значительно выросли. В 1704 г. на патриаршем зимовом дворе чистый жир продавали по 30 коп. за ведро, а ямный, мазочный и двосточный – по 15 коп. за ведро.

Определенной статьей доходов являлась торговля на промысле рыбой, солью, хлебом и т.д. Как правило, в результате единичных продаж выручались сравнительно небольшие средства, не вносявшие каких-либо существенных коррективов в общий бюджет промысла. Так, например, было в 1681/82 г. Однако подсчеты за 1680/81 г. позволяют предположить, что в отдельные годы из них складыва-

лась вполне значительная сумма. Под этим годом были записаны 2 заемные кабалы на патриаршего бобыля и посадского человека из Козьмодемьянска, взявших в долг крупные партии соли: первый на 100 руб., второй, расплатившийся к этому году, на 21,75 руб. У промышленника Лопухина было принято, "что осталось за расходом учужной мелкой продажи" в одном случае 27,72 руб., в другом — 17,48 руб. В результате продаж в декабре 1680 — марте 1681 гг. "третной" белорыбицы, выловленной в учужных полах патриаршими работными людьми, было получено 27,54 руб. Все эти доходы, без учета кабалы на 100 руб., составили в 1680/81 г. сумму никак не менее 100 руб.

Сравнительно небольшую прибыль приносила сдача промысловых угодий в аренду.

Следовательно, общая доходная часть бюджета достигала 5000-5500 руб., а чистая прибыль должна была составить 3 и более тысяч руб. Таким образом, рубль, вложенный в производство, давал не менее 2,5 рублей прибыли, а на соляном промысле еще больше.

Но эта прибыль непосредственно на самом астраханском промысле не ощущалась, т.к. основная часть произведенной продукции отправлялась в Москву или на продажу в Нижний Новгород. Насадной промысел и патриаршее хозяйство в Астрахани не имели ни единого бюджета, ни единой администрации. Они не были сколько-нибудь самостоятельны от метрополии в финансовой сфере. Деньги за проданную продукцию в "верховых" городах и значительная часть рыбы и соли шли на патриаршее подворье. Взамен "сверху" отправляли хлеб, лес, оборудование, снасти, а также деньги, потому что средств, выручаемых от мелких продаж в Астрахани и сдачи рыболовных угодий в аренду, не хватало. Для выявления подлинного бюджета всего промыслового хозяйства методически правильным было бы изучение всего комплекса приходо-расходных книг патриарших приказов, административно-хозяйственных подворий в Нижнем Новгороде и других городах, насадного промысла и предприятий в Астрахани, однако это невозможно в силу фрагментарности сохранившихся источников.

М.И. Горчаков, работавший в основном с материалами патриаршего Дворцового приказа, приводит данные о доходах астраханских промыслов с 1 июля 1702 по 1 июля 1703 гг. За это время было

привезено на продажу в Нижний Новгород и Москву, а также на потребление в Патриарший дом по “московской продажной” цене рыбы и рыбных припасов на 9312,23 руб. Причем из указанной суммы уже были исключены учужные и насалные расходы⁶⁸. Московские цены на рыбу в начале XVIII в. значительно колебались, и судить о них довольно сложно. В 1703 г., по материалам Высокопетровского монастыря, продажная цена 1 белуги (видимо, мерной) составляла 0,88 руб., а осетра чалбыша — 0,23 руб.⁶⁹ Если это так, то вышеприведенные данные о доходности низового промысла вполне соответствуют действительности. По подсчетам М. И. Горчакова, общая сумма годовых вотчинных доходов патриаршей кафедры составляла до 30 тысяч рублей в год, из них неокладные — с мельниц, таможен, рыбных ловель, астраханской соли — достигали 22 тыс. рублей⁷⁰. В начале 1700-х гг. из ведения Патриаршего дома были изъяты оброчные статьи, приносявшие доход в 22246,18 руб.⁷¹ Среди них основную часть поступлений давали именно астраханские промыслы.

Мнение о высокой доходности патриарших понизовых предприятий находит и другие косвенные подтверждения. М. И. Горчаков приводит данные из прихода-расходных книг, по которым в патриаршей казне от “прошлого” 1665/66 и “нынешнего” 1666/67 гг. в наличности, по кабалам, доимочным тетрадам и т. д. за астраханские рыбу и соль собралось 14453,96 руб. В домовых кладовых хранилась рыба, запасенная еще в 1663/64 г.⁷²

По другим учужным астраханским промысловым владениям сохранились только фрагментарные или оценочные сведения от начала XVIII в. Можно предположить, что промысловые предприятия астраханского митрополита и Троице-Сергиева монастыря по своим размерам и доходности были вполне соизмеримы с патриаршим хозяйством. Известно, что после конфискации оброчных статей в 1704 г. монастырь платил за учуг Иванчуг с прилегающими к нему рыбными ловлями (подразумевается весь рыболовный промысел) 4000 руб. откупа в год, а вместе с пошлинами — 4380 руб.⁷³ При этом клей и икра отдавались “на государя безденежно”. Размер оброчных платежей, несомненно, являлся компромиссом, результатом длительного торга между монастырскими властями и государством. Казна после переписи оброчных угодий получила исчерпывающие сведе-

ния об их стоимости и доходности. Естественно, что и монастырские власти не могли пойти на выплату оброчных сумм, превышающих их возможные доходы. Расходы на промысел в этом году должны были составить около 2400-2500 руб. (хотя, на наш взгляд, это завышенные данные)⁷⁴. Следовательно, стоимость произведенной продукции в астраханских ценах для того, чтобы компенсировать все расходы обитатели, не могла быть ниже 6500-7000 руб.

С учужных и морских промыслов астраханского митрополита откупные платежи с 1 сентября 1704 г. должны были составить 800 руб.⁷⁵ (по другим данным, менее достоверным, 900 руб.⁷⁶). Размер оброчных платежей с Басарги очень хорошо корректируется с арендной платой, которую брали с учуга до 1645 г., перед тем как он перешел во владение митрополита — 857,98 руб.⁷⁷. Однако откупные цены с того времени сильно изменились. Кроме того, высокой доходностью обладали морские промыслы. Следовательно, вполне логично предположить, что стоимость откупа была сильно занижена. Домовые власти в конце XVII — начале XVIII вв. постоянно жаловались на то, что им не хватает средств на епархиальные расходы. Видимо, их челобитные были услышаны в Москве⁷⁸.

В 1703 г. доходы от реализации добытой рыбы составили 2694,97 руб.⁷⁹ Кроме того, значительная часть улова шла на обиход служащим епархии. Расшифровка доходов от промысла в других источниках дает очень близкие результаты: за 5089 белуг — 1679,37 руб.; за 902 осетра — 141,55 руб. За припасы, икру, сомов, сазанов и т.д. — 774,05 руб. Итого — 2594,97 руб.⁸⁰.

Доходы в 1704 г. выглядят более скромно. По одним данным их сумма составила 1283,51 руб.⁸¹ Более пространная роспись доходов, но, к сожалению дефектная, дает несколько меньший результат — 1169,39 руб. Он состоит из следующих слагаемых:

- 2176 белуг с “полурыбой” — 718,36 руб.;
- 692 осетров с “полурыбой” — 135 руб.;
- 52 пуда 1 фунт карлучного клея, изготовленного в 1703-1704 гг. по “указной” цене 4 руб. за пуд, — 208,1 руб.;
- остальные рыбные припасы — 107,93 руб.⁸²

Весьма существенная разница в доходах за вышеуказанные годы объясняется, по всей видимости, не столько упадком добычи на промысле, сколько тем, что данные приведены не за весь 1704 год⁸³.

Неизвестно, какое количество продукции тратилось на нужды епархии, но, видимо, весьма значительное.

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать вывод о том, что промысел, по крайней мере, в начале XVIII в. был убыточным, т.к. расходы на его обеспечение и оброчные платежи не покрывались за счет прибыли от продажи. Действительно, епархиальные власти в конце XVII в. жаловались, что промысел на Басарге являлся менее доходным по сравнению с другими учугами. Причины этого, по их словам, состояли в удаленности учужных построек от Астрахани и в том, что они находились близко к морю и страдали от больших волн⁸⁴. Но у нас есть основания предположить обратное. Следует отметить, что в 1703-1704 гг. указан чрезвычайно малый улов рыбы для такого учуга, как Басарга, и 2-х морских станов. На самом деле их производительность была гораздо выше. Например, в 1681/82 г. В. Горезин купил на учуге 11840 рыб б.ч. и 64 пуда клея, заплатив за них более 2500 руб. Сумма должна быть еще больше, но Горезин отказался от части рыбы и вязиги под предлогом их плохого качества. Цена 1000 рыб б.ч. при этой сделке была чрезвычайно низкой и составила всего 190 руб.⁸⁵. В пересчете на астраханские цены начала XVIII в. стоимость только купленной предпринимателем рыбы должна была вырасти не менее чем в 1,75-2 раза. Имеется еще один любопытный факт о производительности этого промысла. При митрополите Парфении (1672-1680 гг.) "по причине смуты" рыбу приходилось вывозить в Нижний Новгород и Москву. Часть товара испортилась, но все же его удалось продать "всего" на сумму в 6850 руб.⁸⁶

Таким образом, вполне можно предположить, что по размерам производства и доходности митрополичий промысел если и уступал патриаршему и монастырскому, то незначительно.

Производительность учужного промысла Спасо-Преображенского монастыря была намного ниже. По сообщению астраханского митрополита, учуг Чурка находился далеко от Астрахани, был ветх, протоки, на которых он стоял, требовали сооружения протяженных забоек, рыбы на нем вылавливалось мало. Потому-то братия получила его назад в оброчное пользование в 1704 г. всего за 150 руб. в год по одним данным⁸⁷ и за 250 руб. — по другим⁸⁸. Клей и икра должны были сдаваться в казну. Видимо, арендная плата была зани-

жена, так как еще на рубеже 1610-1620-х гг. учуг славали на оброк за 520,63 руб.⁸⁹

В сообщениях о предполагаемых затратах на промысле в 1705 г., скорее всего, была завышена реальная величина расхода (от 768,7 по одним данным⁹⁰ до 861,7 руб. в год по другим⁹¹). Совокупность производимой на промысле продукции и доходы от сдачи в аренду рыболовных угодий можно оценить примерно в 1000 и более руб., хотя сами старцы сообщали о гораздо меньших суммах⁹².

Вполне очевидно, что доходы светских промышленников (гостей, членов гостинной сотни и т.д.) от эксплуатации ими крупнейших астраханских учугов — Увары, Урустоба, Бузан, каждый из которых представлял собой крупный производственный комплекс из нескольких забоев и городка, были ничуть не меньше. В пользу этого свидетельствуют суммы откупных платежей, достигавшие 2-3 тысяч руб. в год за 1 учуг. Если исходить из размеров откупов (данные по ним приведены выше), наиболее крупным из учугов был Увары (от 2500 до 3000 руб. в год), за ним шли Бузан, Комызяк, Урустоба (от 1500 до 2500 руб. откупа), и замыкали эту группу Бирюль и Басарга (800-1000 руб. откупа). Несомненно, что в группу наиболее продуктивных предприятий входил и Иванчуг.

Таким образом, по размерам производства, затратам на него, величине прибыли предприятия, в которые входили вышеперечисленные учуги, вполне сравнимы с теми, которые рассмотрены нами выше.

Несомненно, что дворцовое хозяйство последней трети XVII — начала XVIII вв., получавшее доходы от производства на астраханских и яицких учугах, экспедиций за солью, монополии на икру и клей, на порядок превосходило всех остальных своих конкурентов. Достаточно вспомнить, что в начале 1680-х гг. государство отдало на подряд вывоз из низовьев 100000 пудов рыбы, что составляло до 50000 рыб б.ч. Это количество в 4-5 раз превышало среднегодовой вывоз из патриаршего промысла в Астрахани.

Уже говорилось, что попытка определить суммарные доходы дворцового ведомства от понизовых (астраханских, яицких и черноморских) промыслов, предпринятая в свое время И.В.Степановым, крайне приблизительно отражает реальное положение дел, и вряд ли ее можно использовать⁹³. Автор слишком вольно подошел к подсчету

стоимостных производственных характеристик астраханских предприятий. Однако современное состояние источниковой базы не позволяет провести какие-либо реальные подсчеты по всей совокупности учужных, неводных и других дворцовых промыслов.

Рассмотрев основные характеристики учужных предприятий астраханско-нижнеяицкого промыслового района, необходимо отметить, что практически все они относились к числу крупнейших в своей отрасли для всей совокупности промысловых центров страны. Размеры производства на них, характер использования и квалификация рабочей силы, другие показатели позволяют увидеть в каждом из таких предприятий черты мануфактурного производства.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Полученные результаты позволяют выявить ряд важных характеристик развития промыслового рыболовства на юго-востоке европейской России, воздействие этой отрасли на специфику экономического освоения региона. Несомненно, что одной из базовых отраслей для промыслового хозяйства Понизового Поволжья являлось рыболовство. Выгодность организации производства в этой сфере деятельности была чрезвычайно велика, доходность на крупных предприятиях достигала 200-250%. Несмотря на издержки при перевозке грузов, продажа продукции понизовых предприятий позволяла получать значительную прибыль.

Роль региона, как крупнейшего в стране поставщика ценных сортов рыбы и "рыбных продуктов", несомненна. Но общее количество вывозимой в основные торговые центры России продукции рыболовецких промыслов подсчитать невозможно. Вся совокупность данных свидетельствует о том, что она составляла основную часть торговых операций с рыбой в Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке, в Москве. Подавляющее большинство крупных предприятий являлось товарными. Рыбу на продажу добывали представители привилегированного купечества, кадашевцы, ряд других категорий промышленников. Дворцовые и крупные предприятия церковных корпораций играли двойную роль. Значительную часть своего улова они отправляли "про обиход" в метрополию, а все остальное поставляли на рынок. Соотношение между этими потоками у различных

предпринимателей могло колебаться в весьма широком диапазоне. Например, для центральных монастырей волжские промыслы прежде всего являлись поставщиками потребительских стоимостей. Деньги, вырученные от продажи, шли на поддержание самого промысла. На нужды патриаршей кафедры затрачивалось не более четверти улова волжской рыбы.

Крупнейшие предприниматели имели рыболовецкие заведения не только в Понизовье, но и в других районах европейской части России. Но роль среди них волжских промыслов являлась преобладающей. Важнейшим рыболовецким промысловым районом Понизового Поволжья являлся астраханско-нижнеяицкий, откуда шел основной поток продукции и где сложились наиболее значительные промысловые предприятия — учуги. Но и другие районы, такие как саратово-черноярский, самарский, были крупными поставщиками товарной продукции. В последней трети XVII в. значительное количество рыбы на рынок начали вывозить с Яика.

Рыболовецкие заведения являлись основной организационной формой промыслового освоения территории Понизового Поволжья. Сеть крупных, средних и мелких, постоянных и сезонных предприятий покрывала берега Волги и других рек региона. На них сосредотачивалась большая часть наемных рабочих людей, из года в год появлявшихся в районах промыслов. Организаторами промысловых предприятий были представители самых различных сословий, прежде всего, корпоративные предприниматели — дворцовое ведомство, монастыри и епархиальные дома, а также представители привилегированного купечества, московских слобод и т.д.

Наиболее крупными и постоянными из таких предприятий являлись учуги и рыболовецкие заведения дворцового ведомства, патриаршей кафедры, центральных и местных монастырей и епархий, привилегированного купечества. Под категорией “предприятие” подразумевается не единичный учуг или неводные ловли, а вся совокупность промысловых предприятий, сосредоточенная в локальном районе и находящаяся в руках одного владельца. Большинство из них можно отнести к крупной кооперации, а в организации учужного производства вполне очевидны черты мануфактуры. Количество произведенной продукции в подобных заведениях оценивалось в денежном исчислении от 1-2 до 10 тысяч руб. и более. Ежегодно через

технологический цикл единичного производства проходило несколько тысяч (до 10000 и более) пудов рыбы. Численность постоянной рабочей силы доходила до 100 и более человек. Нередко промысловые предприятия имели свои укрепленные городки, рядом с которыми располагались слободы с постоянным населением, рабочей силой. Таковыми являлись дворцовые рыболовецкие комплексы у Саратова и Черного Яра, городки Н.Светешникова на Самарской Луке и М.Гурьева в низовьях Яика, учуги волжской дельты и т.д. При благоприятных условиях они становились центрами дальнейшего промыслово-аграрного освоения региона, как это, случилось например, с Надеинским Усольем, Сосновским рыбным двором и т.д.

Понизовой рыболовецкий комплекс, интенсивное промышленное развитие которого началось в изучаемой период, в отличие от других подобных производств европейской части России, имел блестящие перспективы. Позднее, в XVIII – XIX вв., за ним закрепилось лидирующее положение в общероссийском рыболовецком хозяйстве.

Эксплуатация природных богатств Понизового Поволжья, несомненно способствовала дальнейшей хозяйственной специализации отдельных районов, углублению экономического районирования в России, расширению товарообмена, появлению свободных денежных средств. Вместе с тем, совершенно очевидно, что социально-экономическое развитие региона шло в направлении дальнейшего укрепления и эволюции крепостнических отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.127-142; Пруссак А. Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке. // Исторический сборник. Л., 1934. №2.

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1763 и 1769 годах. Ч.1; Гмелин С.Г. Путешествие по России для изследования трех царств природы. Часть вторая. Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года; Описание Колы

и Астрахани: Из сочинений Академика Николая Озерецковского; Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 2.; др. работы.

³ Струбалина Н. Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. С.3.

⁴ РГАДА. Ф.26.

⁵ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.126.

⁶ Там же. Л.49об.-50 об., 254об.-255об.

⁷ Пальмов Н. К истории рыбной промышленности Астраханского края в первой половине XVIII века. С.116-118.

⁸ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.715об.

⁹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.379-380.

¹⁰ РО АИАМЗ. КП 41422/5. Л.107об.-111, 123об.-126об., 260об., 269-272об.

¹¹ Там же. Л.107об.-110об., 260об.

¹² Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.208-209.

¹³ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.716.

¹⁴ Там же. Л.307об., 366об.

¹⁵ Там же. Л.308.

¹⁶ Дариенко В.Н. Основание города Гурьева // Вопросы истории: Сборник статей. Алма-Ата, 1973. Вып. V. С.193.

¹⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.2. Л.29-29об.

¹⁸ Там же. Ч.1. Л.349об.

¹⁹ Там же. Ч.2. Л.30об.

²⁰ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.127-128.

²¹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.26.

²² Там же. Л.4об.-98об.

²³ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.439-450.

²⁴ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. С.101.

²⁵ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.17.

²⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.714-715.

²⁷ А СПб ИИ РАН. Ф.178.

²⁸ Пруссак А. Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке С.176-177; Степанов И.В. Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма). С.107.

²⁹ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.116.

³⁰ Там же. С.132.

³¹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.358об.

³² Там же. Л.308.

³³ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.713об.-715.

³⁴ Там же. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.21об.-22.

³⁵ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.1-468.

³⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.215-215об., 328об.-377-378; Оп.1. Д.7. Л.713об.-715.

³⁷ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.11, 11об.

³⁸ Работа водолазов на астраханских промыслах подробно рассмотрена в статье Р.А. Орбели. См.: Орбели Р.А. Водолазы в Московской Руси // Орбели Р.А. Исследования и изыскания. М.; Л., 1947. С.197-228.

³⁹ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.104-108.

⁴⁰ Там же. Л.293об. — 322.

⁴¹ Там же. Л.7об.-16.

⁴² РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.21об.-22.

⁴³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.2. Л.54об. — 55об.

⁴⁴ Там же. Л.123об.-124, 137.

⁴⁵ Там же. Л.713-714, 716; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.377.

⁴⁶ Там же. Л.307об., 366об.

⁴⁷ Там же. Л.308.

⁴⁸ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.116.

⁴⁹ Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI-XVII вв. С.99-105.

⁵⁰ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.345.

⁵¹ Там же. Д.55. Ч.2. Л.32об.-33.

⁵² Там же. Д.55. Ч.1. Л.323об., 328об.; Оп.1. Д.7. Л.713об.

⁵³ Там же. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.215, 377-378; Оп.1. Д.7. Л.716.

⁵⁴ Там же. Оп.2. Д.55. Ч.2. Л.32об.-33.

⁵⁵ Пруссак А. Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII веке. С.177-178; Степанов И.В. Работные люди Поволжья в XVII в. (к вопросу о характере найма). С.107.

⁵⁶ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.116-117.

⁵⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.12. Л.166.

⁵⁸ ААЭ. Т. 3. С.106.

⁵⁹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.307об.-312об.

⁶⁰ Там же. Л.310об.

⁶¹ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.712.

⁶² Там же. Л.712об.

⁶³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.383.

⁶⁴ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.377-379.

⁶⁵ Там же. Л.717.

⁶⁶ Там же. Л.717.

⁶⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.12. Л.251об. – 252.

⁶⁸ Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988-1738): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С.160; Е.Л.Петрова приводит другую цифру, а именно 19312,22 руб., но, на наш взгляд, прав М.Горчаков. См.: Петрова Е.Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII - первой четверти XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С.61.

⁶⁹ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.1139. Л.14об.-22.

⁷⁰ Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988-1738). С.429.

⁷¹ Петрова Е.Л. Патриаршие крестьяне в конце XVII – первой четверти XVIII в. С.61.

⁷² Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988-1738). С.427.

⁷³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.6-9, 15об.; Д.56. Л.288.

⁷⁴ В сводной ведомости Канцелярии рыбных дел в Казани расходы на промысловому предприятию астраханского Троице-Сергиева монастыря в 1703 г. составили 3872,26 руб. См.: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.288.

⁷⁵ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.715об.; Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.384.

⁷⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.288.

⁷⁷ ГААО. Ф.1011. Оп.1. Д.2. Л.1.

⁷⁸ ГААО. Ф.1011. Оп.1. Д.21. Л.1-3; Оп.2. Д.25. Л.1; Ф.1010. Оп.2. Д.2. Л.1-4.

⁷⁹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.327; Оп.1. Д.7. Л.712.

⁸⁰ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.342.

⁸¹ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.712об.; Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.327.

⁸² РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.345-345об.

⁸³ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.712об.

⁸⁴ ГААО. Ф.1011. Оп.1. Д.21. Л.2.

⁸⁵ ГААО. Ф.1010. Оп.1. Д.27. Л.1-2.

⁸⁶ Савинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С.78.

⁸⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.718об.

⁸⁸ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.379об.

⁸⁹ ГААО. Ф.10П. Оп.1. Д.2. Л.1.

⁹⁰ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.379.

⁹¹ РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.717.

⁹² Там же. Л.718-718об.

⁹³ Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.116-117.

РАЗДЕЛ II

**ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
И ИНФРАСТРУКТУРА
ЗЕРНОВОГО РЫНКА**

§ 1. Транспортные узлы Волги и гужевые пути во второй половине XIX — начале XX вв.

В XIX в. р. Волга была судоходной от г. Ржева, а в начале XX в. регулярное движение по реке существовало от Твери до впадения в Каспийское море. Общая протяженность судоходного пути - 3166 км. В Волгу впадает около 50 притоков общей протяженностью около 12 тыс км. Почти треть водных пространств притоков вполне пригодна для судоходного движения. Волжский бассейн, имевший наиболее обширную сеть водных путей, составлял 38% общей длины водных путей Европейской России. В начале XIX в. бассейн Волги был соединен с Невским водным бассейном тремя искусственными системами - Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской, с Северо-Двинским бассейном - водной системой герцога Александра Виртембергского¹.

Волжские города строились или при изломе течения реки, или при впадении небольших рек в Волгу: Казань - на берегу р. Казанки, Самара - р. Самара, Царицын - р. Царица и т.д. Такое расположение давало возможность кораблям зимовать в небольших речных затонах и ранней весной выходить на основную водную трассу. Кроме того, притоки Волги позволяли привозить по ним товары с окрестных селений.

В пору железнодорожного строительства значение таких городов еще более возросло, так как именно сюда, в соответствии с правительственной стратегией, стали проводить новые, железные пути. Такая практика была апробирована и в других странах. В 1860-1870-е гг. в Поволжье были проведены Нижегородская, Тамбово-Саратовская, Оренбургская, Грязи-Царицынская железнодорожные линии. Существовавшие в волжских губернских городах пристани уже с начала XIX в. специализировались преимущественно на хлебных перевозках. Теперь сюда пришли и железнодорожные трассы. В 1870-е гг. по Тамбово-Саратовской и Оренбургской железным дорогам вывозили около 15,2 млн пуд. хлебных грузов, а по Волге и ее притокам в этом же районе (Суре и Мокше) почти вдвое больше грузов, в том числе около 20 млн пудов зерна². Волжские города, получившие в 1870-е гг. железные дороги, укреплялись в своей позиции опорных пунктов не только местного, но и российского рынка. В эти годы такими комплексными водно-железнодорожными пунктами стали Рыбинск, Нижний Новгород, Саратов и Царицын.

В государственной политике этого периода железнодорожному строительству уделялось основное внимание, условиям же работы внутренних водных путей – второстепенное³. Спорили в основном о том, смогут ли железные дороги в России конкурировать с речным транспортом за товарные грузы. Первые подсчеты, сделанные тогда известным экономистом А.И. Чупровым, показали, что на Верхней Волге, в районе Нижнего Новгорода и Рыбинска, уже в первые годы работы железные дороги постепенно отобрали большую часть грузов у рек⁴. В других районах Волги и России в целом “железные дороги и вообще развитие русской промышленности и торговли вызвали к концу XIX века особенно усиленную деятельность и на внутренних водных путях, заставляющую обращать на них все большее внимание”⁵.

Попытаемся проследить, как менялась судьба волжских пристаней во второй половине XIX – начале XX вв., какие факторы оказывали влияние на их развитие, к чему привела конкуренция водных и железнодорожных средств передвижения в районах Средней Волги. Мы рассматриваем не только губернские центры, но и более мелкие пристани, которые имелись по обе стороны реки.

Во второй половине XIX в. в пределах Симбирской губернии на Волге располагались пристани Сызрань, Жигулевск, Новодевичье, Повальная, Сентилей, Симбирск, Шиловская, Поливинская, Ундоровская, Тархановская. На р. Сура крупные перевозки осуществлялись на пристанях Большие Березники, Бакшандинская, Сосновская, Чаглинская, Кузнецовская, Котьяковская, Промзинская, Алатырская, Барышско-Слободская, Поречковская, Мурзицкая, Пильнинская, Курмышская. Отсюда велась преимущественно вывозная торговля⁶. На долю хлебных грузов в середине XIX приходилось 63% всего вывоза из губернии⁷. Из всех пристаней губернии главными являлись Сызранская (41% губернского вывоза), Симбирская (21%) и Сентилеевская (15%). Помимо хлеба в зерне, отсюда везли муку, гречу, льняное семя, пшено. Расположение рек определяло направление товарного движения грузов, реки делили губернию на две торговые части. Сплав от Симбирска вниз по Волге зависел от казенных подрядов⁸. Грузы, которые направлялись вверх по Волге, первую часть пути делали по реке Сура. В среднем за 1857–1861 гг. вывоз хлебов по Волге из Симбирской губернии составлял 4349,6 тыс пудов (или 53%), по р. Сура – 3859 тыс пудов (47%). В 1909 г.

соотношение ввоза-вывоза хлебов в Симбирской губернии складывалось в пользу последнего, он составлял 10949 тыс пуд. (86,9% всего водного оборота), тогда как ввезено было 1653 тыс пудов (13,1%)⁹.

В начале XX в. складывалась иерархия пристаней. Местные губернские власти выделяли среди них пристани с наибольшим оборотом - Ундоровскую, Часовенскую, Симбирскую, Сенгилеевскую, Новодевиченскую. Отсюда вывозились все виды хлебных продуктов. Мелкие пристани - Усольская, Шиловская, Панская, Вышинская - имели и меньшие обороты, и меньший ассортимент вывозимых товаров¹⁰, хотя у них тоже была своя специализация¹¹. Товарное движение осуществлялось вверх и вниз. Лес и дрова поступали на пристани Царицына (среднегодовое поступление 1890-х гг. - 47,8 млн пуд.), Казани (24,5 млн пуд.), Саратова (23,9), Астрахани (20,7), Самары (7,0). Нефть и нефтепродукты получали и перераспределяли в Царицыне (39,9 млн пуд.), Саратове (23,7), Казани (8,2), Самаре (7,0), Сызрани (6,2)¹². Крупными хлебными пунктами были Астрахань (отправка 5,9 млн пуд.), Саратов (5,7), рыбными - Царицын (4,0), Саратов (0,6), соляными - Астрахань (3,8), Саратов (1,7), Царицын (2,5), чугуна, железа - Царицын (1,6), Астрахань (0,9)¹³.

В Казанской губернии большинство пристаней располагалось на волжских притоках Каме и Вятке. На Вятке стояли Плачихинская, Лубянская, Мамальшская, Атарская пристани, на Каме - Сокольская и Чистопольская. На Волге была лишь Казанская пристань¹⁴. Объем грузоперевозок по воде накануне войны составлял в губернии около 160 млн пуд, в том числе 60 млн пуд. леса¹⁵. Хлеб с казанских пристаней везли в северные губернии, а через порты Балтийского моря он переправлялся за границу. В Москву через Рыбинск хлеб вывозили мало - около 20 млн пудов, максимум - 30 млн. В районе Казани была короткая навигация, около 5 месяцев, что делало эти пристани более уязвимыми по сравнению с другими, расположенными южнее.

С водных пристаней Самарской губернии во второй половине XIX в. также вывозили хлеб и сало, ввозили лес, мануфактурные и колониальные товары. В 1870 г. отсюда вверх по Волге было отправлено более 20 млн пудов пшеницы и 900 тыс пуд. сала¹⁶, отмечалась зависимость местной торговли от российских колебаний цен, биржевого спроса, "по обширности отпуска самарская торговля находится в тесной связи с общим движением торговли в империи"¹⁷. Накануне

мировой войны водными средствами из губернии вывозилось 54% всех товарных грузов¹⁸. В начале XX в. (1909-1912 гг.) в Самарской губернии к крупным пристаням причисляли всего 9 пунктов - села Ровное, Покровскую слободу, Баронск, Балаково, Духовницкое, Васильевку, Часовню, города Самару, Ставрополь. Каждая из них в 1910-е гг. отправила более 1 млн пуд. хлеба¹⁹.

В Саратовской губернии волжские пристани были ее окраиной. Среди них Саратов, Камышин, Царицын, Балаково. В Пензенской губернии имелись только мелкие пристани на притоках Суры и Мокши.

Современники заметили, что чем больше грузов вывозилось с пристани, тем меньше туда ввозилось. Самой крупной пристанью в стране по отправке груза была Астрахань (200 млн пуд. в год), затем шли Нижегородская (96 млн пуд.), Костромская (79 млн пуд.) и Петербургская (70 млн пуд.) Иерархия по прибытию грузов выстраивалась прямо противоположная: меньше всех получала Астраханская (25 млн пуд.), а больше всех Петербургская (236 млн пуд.)²⁰, что свидетельствовало о центростремительной тенденции развития все-русского рынка.

За перевозками по Волге следил Казанский округ путей сообщения, который был разделен на дистанции. В начале XX в. их было более 20, и делили они практически всю реку и ее главные притоки от Кинешмы до Астрахани: Самарская, Чебоксарская, Симбирская, Казанская, Козмодемьянская, Васильсурская, Нижегородская, Ярославская, Рыбинская, Кинешмская, Юрьевецкая, Костромская, Хвалынская, Сызранская, Саратовская, Вольская, Камышинская, Царицынская, Астраханская, Елабужская, Чистопольская, Уфимская²¹.

Организация перевозок по Волге. Товарное движение по Волге осуществлялось вверх и вниз. Однако, как отмечал известный экономист XIX в. А. И. Чупров, "важнейшая из наших речных систем, волжская, имеет свой исход в море, лишенный всякого значения для международной торговли. Между тем местности, дающие наибольшее количество грузов, лежат ближе к устьям, нежели к истокам. Отсюда большей части волжских грузов приходится подниматься вверх по реке, а не спускаться вниз, как это имеет место на важнейших европейских реках"²². Река имеет и извилистое течение, поэтому товарное движение по ней требовало больших технических зат-

рат. Транспорт на Волге быстрее, чем на других реках, перешел на паровые энергоносители. Паровые, а позже нефтяные двигатели могли существенно ускорить перевозку по воде. В 1895 г. в стране насчитывалось 2539 паровых судов, из них в Волжском бассейне - 1392 (или более 55%). На один волжский пароход приходилось в среднем 62 номинальных силы²³. Но и непаровых судов на Волге тоже было много - 32%. Непаровые суда в Волжском бассейне состояли из барж (3549), белян (108) и барок (758)²⁴. По подъемной способности непаровых судов волжские баржи были самые мощные: они могли перевозить 1150 т груза, а их общая подъемная сила достигала 5000 т. На таких баржах перевозились хлеба и разнородные товары, более тысячи волжских барж были заняты исключительно перевозкой нефти²⁵. В конце XIX в. из 1197 волжских паровых судов уже на 862 использовался в качестве горючего мазут, на 298 - дрова и лишь на 37 - каменный уголь²⁶. На Волге возникло самое крупное речное пароходство. Буксирные пароходы на Нижней и Средней Волге находились в руках как частных лиц, так и различных акционерных обществ, товариществ и компаний, пассажирские же паровые суда, стоимость которых была исключительно высока, сосредотачивались в основном в руках пароходных обществ.

Движение хлебных купеческих караванов по Волге совершалось в четыре рейса. Первым рейсом отправляли зерно тотчас по открытию навигации. Фрахты этого рейса были всегда на 20-30% выше второго рейса. Второй рейс продолжался с начала мая до начала июня и считался наиболее благоприятным. Третий рейс - с начала июня до начала сентября - был наименее оживленным, как и сам летний период хлебной торговли. Наконец, четвертый рейс имел значение только на низовых пристанях. К этому времени Волга сильно мелела, и баржам приходилось идти с половинным грузом. Фрахт этого рейса был даже несколько выше первого²⁷.

Преобладающим способом передвижения вверх по Волге был пароходно-буксирный. В зависимости от состояния фарватера и времени года пароход с прицепленной баржей проходил в сутки от 50 до 100 верст. При средней протяженности пути в тысячу верст движение от низовых пристаней Волги к Рыбинску составляло от 10 до 20 суток²⁸.

Как правило, конечным пунктом волжских хлебных караванов был Рыбинск, куда съезжались купцы из мест потребления хлеба и агенты иностранных фирм. Условия навигации диктовали обязан-

ности по доставке груза с одной пристани на другую. В первую навигацию, когда скорость доставки играла ключевую роль в опережении конкурентов, погрузка определялась в 5-6 суток, во вторую навигацию - уже в 15-20 суток. Выгрузить товар нужно было в течение 30-40 дней, ответственность за это лежала в зависимости от договоренности либо на получателе, либо на отправителе товара.

Состояние реки Волги и ее пристаней было объектом постоянного внимания местных властей, земств, биржевых организаций. Прежде всего заботы требовало укрепление берегов реки. Губернаторы в своих отчетах, биржевые деятели Сызрани, Симбирска, Саратова неоднократно ставили этот вопрос перед правительством. Строительство железных дорог зачастую вело к обмелению реки, сыпучести берегов и т.д. Местная общественность была в набат: "Волга в торгово-промышленном отношении теряет значение великого торгового пути"²⁹. В 1908 г. Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог разработало план работ первой очереди по улучшению внутренних водных путей России, но проблемы Волжского бассейна в нем не затрагивались. Говорилось лишь о строительстве одного из волжских затонов, а также о перспективах возведения Волжско-Донского канала³⁰. Приходилось решать региональные проблемы собственными силами. В районе Саратова в XIX в. изменялось русло реки. Двадцать пять лет Саратовский биржевой комитет старался "направить русло реки мимо берегов Саратова". Для саратовских биржевиков это было чрезвычайно важно, так как соседние Сызрань и Царицын "гораздо удобнее для грузоотправителей". Саратов, "недаром именуемый в свое время столицей Среднего Поволжья, горестно отмечали биржевики, - "теряет свое торговое значение и приходит в упадок"³¹. Неоднократные ходатайства в Министерство путей сообщения наконец-то дали результат, и в 1901 г. был разработан проект Казанского округа путей сообщения по улучшению фарватера реки, начались строительные работы³². Сызранский биржевой комитет в течение восьми лет вел борьбу с правлением Сызрано-Вяземской железной дороги за улучшение волжского берега в районе города, но потерпел поражение³³. Казанский местный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности даже высказался в пользу учреждения специальных речных комитетов с представителями Министерств финансов, путей сообщения, земских го-

родских учреждений, местных землевладельцев, торговцев, судохозяев и т.д.³⁴ для разрешения волжских проблем. Местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности рассматривали Волгу не только как средство передвижения товаров, но и как возможный и удобный способ для перевозки рабочих партий. Практически все комитеты (Казанский, Симбирский, Пензенский, Уфимский) высказывались за удешевление перевозок рабочих партий³⁵, да и сама Волга, по их мнению, была важна с точки зрения "доступности работ по улучшению реки", что могло бы служить "источником широкого заработка для местного населения"³⁶.

Как видим, состояние водных пристаней рассматривалось местными торгово-промышленными кругами как важный фактор стабильности и прибыльности торговли в крае, как один из способов победы в частнокапиталистической конкуренции. В то же время в этих примерах можно увидеть и первые зародыши региональной интеграции вокруг Волги: использование ее просторов российскими железнодорожными обществами, пароходствами в собственных интересах приводило к ухудшению состояния реки, местные же деловые круги, относясь к Волге как к кормилице, пытались совместными усилиями улучшить ее положение.

Гужевые дороги. До железных дорог сухопутные грузы перевозились по гужевым путям, почтовым и скотопротонным трактам. Их огромная важность для развития местного рынка была вне всякого сомнения. На 1 января 1913 г. шоссейных, замощенных и грунтовых дорог в Саратовской губернии было 2,1 тыс верст, в Казанской 2,4 тыс верст, в Оренбургской и Пензенской - по 2,3 тыс.³⁷ Наибольшей протяженностью сухопутных дорог была в Самарской (7,8 тыс верст) и Симбирской (7,3 тыс.) губерниях. В подавляющем большинстве это были грунтовые дороги. Обыкновенно они проходили через губернские центры, важнейшие торговые селения и пристани. Их траектория лежала по землям нескольких смежных губерний по направлению к столицам и Нижнему Новгороду. Так, в Симбирской губернии главными трактами считались путь северного направления Казанский и южный (скотопротонный) из Оренбургской губернии через северные уезды Самарской губернии к Симбирской пристани³⁸. Южный тракт проходил и через значительную часть Самарской губернии - Смышляевку, Бузудук, Новоузенский

уезд (к с. Воскресенка и станции Каменный Брод). Важными также были Самаро-Симбирский, Симбирско-Оренбургский, Казанский, Уральский и другие торговые пути³⁹.

До середины 1860-х гг. гужевые дороги находились на государственном содержании и считались казенными. Постепенно, по мере расширения новой инфраструктуры, гужевые дороги стали передаваться в ведение местных земств с правительственными субсидиями на их содержание, а с 1883 г. окончательно перешли в местную собственность на местное содержание. Дорожный капитал складывался на основании Закона о дорожном капитале (от 1 июня 1895 г.) за счет отмены содержания местными земствами судебно-административных учреждений. Собранные по этой статье средства поступали в дорожный капитал, а сами дороги становились дорогами общего пользования. В пореформенный период они вписывались уже в иную транспортную картину, выполняя подсобную роль в транспортировке грузов. После передачи гужевых дорог в местное ведение внимание к ним со стороны правительства, естественно, уменьшилось. Но значение их для местного рынка по-прежнему было велико. При обсуждении вопроса о местных дорогах в Комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности в начале XX в. волжские представители говорили о том, что дороги, принадлежащие земству, находятся в хорошем состоянии (Казанский, Оренбургский, Пензенский, Симбирский комитеты). Лишь на востоке Самарской и в гористых и лесных местностях Оренбургской губернии они нуждались в улучшении⁴⁰.

Организационные перестройки, передача дорог из ведения одного министерства в местный надзор часто приводили к всевозможным спорам. В 1892 г. в Пензенской губернии возник спор, кому чинить шоссейную дорогу от станции Воейково до станции Каменка в Нижнеломовском уезде - земству или правлению Сызрано-Вяземской железной дороги. Трасса была построена в 1890 г. на средства Министерства путей сообщения, но по ходатайству местного земства. До 1892 г. дорога находилась в ведении Сызрано-Вяземской железной дороги. Значение шоссе было велико: оно выполняло функции подъездного пути от железнодорожной станции к Каменскому базару для трех уездов. Правление железной дороги обратилось к земству с просьбой улучшить состояние подъездного пути, так как

из-за этого был затруднен подвоз грузов⁴¹. Земство же хотело сначала получить дорогу в собственность и только на таких условиях соглашалось ее чинить. Спор о ремонте затянулся и дошел до Министерства путей сообщения и Министерства внутренних дел. Обоснования земства строились на том, что оно не в состоянии делать ремонт, но, признавая торговое и сельскохозяйственное значение дороги, оно просило в собственность весь дорожный капитал, причитающийся после передачи пути в местное пользование. Конфликт был разрешен в мае 1895 г.: Министерство путей сообщения установило попутный сбор с провозимых по дороге грузов в пользу земства на ремонт дороги. Капитал должен был составить 12200 руб. (по 1/10 коп. с пуда) при ввозе и вывозе товара, в ведение земства также поступал дорожный капитал в размере 12861 руб.⁴²

Отраден тот факт, что и земства, и железнодорожные общества отмечали наибольшую важность тех грунтовых дорог, которые подходили к железнодорожным станциям. Любопытно то, что все сразу оценили значение сухопутных дорог именно как вспомогательных по отношению к новым железнодорожным линиям. Притяжение последних было настолько велико, что крестьяне поначалу везли товар гужом даже издалека. Как отмечал один из землевладельцев Чембарского уезда Пензенской губернии, положительное влияние железной дороги на улучшение благосостояния населения "достигается лишь в пределах известного расстояния от станции, зависящих от местных условий и обычного состояния подъездных дорог"⁴³. В Чембарском уезде, по его мнению, таким было расстояние в 20-25 верст. "В отношении же других, находящихся далее означенного предела местностей, те же железные дороги приводят к обратным, отрицательным последствиям, искусственно, непреодолимую силою привлекая к себе население этих дальних местностей, в конечном результате теряющее, однако, при этом на дальнем и дорогом подвозе продуктов к станциям даже ту прибыль, какую можно было бы извлечь от сбыта их на местном рынке"⁴⁴.

Железные дороги строили из стратегических общеимперских соображений и финансовых возможностей. Тактика строительства определялась прагматическими соображениями: кратчайшим путем при наименьших затратах. В результате железные дороги были проведены таким образом, что местные тракты должны были приспособля-

ваться к новым дорогам, а не наоборот, как в западноевропейских странах в период промышленного переворота. В результате часто получалось так, что новая, современная инфраструктура рынка не надстраивалась, не дополняла старые пути передвижения, а наоборот, зачастую вела к тому, что они чахли и умирали. Новые пути проложили, а старые к ним либо не приспособили, либо забросили совсем, как это у нас обычно и бывает. Все это вылилось в жалобы на местном уровне: "...Беда в том, что подъездными путями к железным дорогам являются в сельской местности не старые трактовые дороги, а узкие недостроенные проселки, а нередко и простые полевые дорожки или даже межи"⁴⁵. Как отмечали в Воронежском комитете, в современных условиях, когда "железные дороги пересоздали карту России", главная потребность состояла в "массе коротких грунтовых дорог для подъезда". Из Симбирска вторили: "Инженеры ведут направление новых дорог, нисколько не сообразуясь с местными, установившимися путями сообщения; даже железнодорожные станции располагаются на новой линии, совершенно не сообразуясь - можно ли подходить к станции или нет... Благодаря этому нередко случается, что местность, раньше сравнительно сносно обслуженная дорогами, становится непроходимой, так как все прежние дороги утрачивают свое значение, все сделанные затраты пропадают и приходится прокладывать новые пути"⁴⁶. Причем правительство, по мнению местных комитетов, учитывало удобство железных дорог лишь для обрабатывающей промышленности и городской торговли, но не для сельского населения. Даже из Московской губернии писали: "Деревня наша тонет в грязи, разлучается от общением с человечеством в течение нескольких месяцев, так как нет дорог, по которым можно было бы благополучно проехать до соседнего селения"⁴⁷. Что уж тут говорить о провинции. Провоз груза (по стоимости одного пуда) из Клина в Москву был дороже, чем из Риги в Америку или из Одессы в Англию. В связи с этим современники отмечали: "Различные местности России находятся не в равных условиях, что прямо или косвенно отражается на способности отдельных сельскохозяйственных районов к конкуренции на мировом рынке"⁴⁸. Действительно, о каких устойчивых и постоянных связях с мировым и российским рынком можно было говорить, если в Пензенской губернии, по сведениям местного комитета, дороги были непроезд-

ными в течение 5 месяцев, в Казанской - до 7 месяцев, а в Бирском уезде Уфимской губернии "дороги не проезжи чуть ли не весь год". Непролазная грязь, бывало, вела к тому, что крестьянин опаздывал "к заказанному поезду"⁴⁹. Из Саратова сообщали: "При отсутствии правильно обустроенных дорог земледелец должен пользоваться возможностью подвозки хлеба, сообразуясь с погодой. От этого происходит и то, что во время дождей подвоза нет, вагоны стоят пустые в ожидании груза, а при первой возможности проезда каждый спешит воспользоваться хорошим путем и старается везти хлеб на рынок или к станциям. Отсюда сильные колебания цен на рынках, а на станциях железных дорог начинаются залежи ввиду отсутствия возможности быстро перевезти нахлынувший массой хлеб, а подчас и порча хлеба, и уже во всяком случае падение цен на хлеб в местностях производства... Особенно велики и тягостны бывают эти потери при закупках в годы неурожая по страшно повышенным ценам продовольственных продуктов жителям непроездных северных окраин"⁵⁰. Как видим, одним из значительных факторов, влиявших на состояние цен на местном рынке, было состояние гужевых дорог.

В целях улучшения состояния местных дорог комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности поволжских губерний обсуждали наиболее приемлемые для страны способы расширения транспортных путей. Одним из них было строительство шоссейных дорог. Средняя стоимость одной версты шоссейных дорог во второй половине XIX в. значительно упала. Для Министерства путей сообщения средняя стоимость строительства одной версты в 1867 г. составляла 11,5 тыс руб., в 1888 г. - 10,5 тыс руб., а для земства еще дешевле - от 2 до 10 тыс руб.⁵¹ Но все волжские представители (кроме Саратовского комитета) высказывались в пользу железных либо грунтовых дорог, а не шоссейных. "Шоссейные дороги для России - дело роскоши", - говорили симбирские представители⁵². Подавляющая часть крестьянских лошадей была не подкована, а значит, и шоссейные дороги для них были непригодны, да и дорого всю Россию было благоустроить шоссейными дорогами. Если брать за образец Францию (по плотности шоссейных дорог на версту площади), то тогда пришлось бы строить 960 тыс верст пути, на что потребовалось бы 10,5 млрд руб., при этом и на ежегодный ремонт

уходило бы около полумиллиарда рублей⁵³. Поэтому шоссе предлагали строить только в крайне необходимых местах - около крупных пристаней и торгово-промышленных центров. Гораздо важнее было благоустроить базары, замостить торговые местечки и базарные площади. В целом воззрения волжских комитетов на нужды сельскохозяйственной промышленности по вопросу о гужевых путях заключались в осознании необходимости благоустраивать местные дороги: плохое их состояние и отсутствие подъездных путей к железнодорожным станциям, пристаням и торгово-промышленным центрам вело к переплатам за извоз, потерям населения при перевозке грузов. Таким образом, все волжские представители видели зависимость условий сбыта продуктов, убытков населения от состояния местной транспортной инфраструктуры⁵⁴.

Земство волжских губерний рассматривало гужевые дороги как одну из возможностей дополнительного заработка населения губернии. Известно, что во время неурожайных лет в стране практиковались так называемые общественные работы. В 1891 г. во время неурожая пензенское земство "с целью воспособления населению, пострадавшему от недорода", получить "полезный заработок" организовало строительство шоссированной дороги от Керенска до ст. Пачелма на Моршанск, от Чембара до Башмакова, Городище-Канаевка, Мокшан-Рамзай-Симаншино⁵⁵. Финансирование строительства шоссе возлагалось на казну. Земство предоставляло рабочую силу. С этой же целью пензенское земство просило у губернатора возвратное пособие (160 тыс. руб.) для постройки двух мостов через реку Суру, нового почтового тракта и школы⁵⁶. В Саратовской губернии на средства губернатора в 1906 г. население расчищало и укрепляло берега р. Волги и ее притоков, в Новоузенском уезде Самарской губернии делали запруды для скота, шоссировали сухопутные дороги, почтовые тракты, вырубали леса и т.д.⁵⁷

Подведем итоги. Водный способ транспортировки товарных грузов оставался во второй половине XIX - начале XX вв. важным каналом развития местного и общероссийского рынка. Во второй половине XIX в. 80,2% перевозимого по реке груза приходилось на сельскохозяйственные товары, главным из которых был хлеб. Волга со множеством притоков, модернизация водного транспорта, сеть пристаней - эти и другие факторы способствовали ускорению разви-

тия местного рынка, а крупнейший в европейской России водный путь во второй половине XIX - начале XX века стал важнейшим каналом связи Поволжского региона с империей.

Исподволь происходившие перемены проявлялись в том, что в крае наблюдался процесс дифференциации пристаней. Все большую роль в сбыте хлебов стали играть крупные пристани (Самара, Саратов, Симбирск, Казань, Сызрань), мелкие отходили на второй план. Единственным способом их выживания была специализация. Специализация водных пристаней, с одной стороны, и выделение многопрофильных крупных станций, с другой, - важный фактор развития поволжского рынка начала XX в.

В период железнодорожного строительства складывались новые формы взаимосвязей как между пристанями, так и между пристанями и железнодорожными станциями. Пристани, оставшиеся в стороне от железных дорог, либо постепенно сокращали свои обороты, либо все более сужали свою специализацию. Многопрофильные пристани выживали и развивались благодаря тому, что они оказались комплексными водно-железнодорожными пунктами приема и отправки груза.

Гужевые дороги, подъездные пути продолжали выполнять во второй половине XIX - начале XX вв. важную функцию связи производителя хлеба с российским и мировым рынками. Само по себе железнодорожное строительство не могло в силу огромной территории империи кардинально изменить местную систему поставок товаров к пунктам сбыта. Только наличие сети удобных, благоустроенных грунтовых дорог и подъездных путей к пристаням и железнодорожным станциям могло принципиально улучшить ситуацию на местном рынке: сделать более равномерными поставки хлеба на рынок, обеспечить более стабильные и ровные цены, большие доходы крестьян-производителей хлеба от торговых операций.

Российское правительство осознавало важность решения этого вопроса на имперском уровне. Но, вероятно, в силу финансовых причин оно было не в состоянии решить его, поэтому и передало дороги в ведение местных органов власти и земства. В Поволжье, где губернаторы и земства понимали значимость этой проблемы, имели финансовые возможности для ее решения, местная торговля в 1900-х гг. могла функционировать довольно сносно. В районах же,

где товарное производство было развито в меньших масштабах, где железные дороги были редки, необходимость для местной власти содержать гужевые пути в нормальном состоянии была не так велика. Местные дороги вкупе с железными и водными путями либо способствовали выдвигению определенного района в число лидирующих, либо, наоборот, отодвигали его в разряд второстепенных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия в конце XIX века / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 721-722.

² Рассчитано по: Труды Высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. СПб., 1879. Т. II. Ч. II. Отдел IV: Статистическое описание юго-восточного района. С. 308-309.

³ Беляков А. А. Внутренние водные пути России в правительственной политике конца XIX - начала XX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 154.

⁴ Чупров А. И. Ученые труды в издании Императорского Московского Университета. Ч. I.: Железнодорожное хозяйство. М., 1910. Т. 1, 2. С. 467-475.

⁵ Россия в конце XIX века. СПб., 1900. С. 726.

⁶ Памятная книжка Симбирской губернии на 1880 год. Симбирск, 1881. С. 34.

⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 1, 2. С. 166-167, 182.

⁸ Там же. С. 159.

⁹ Статистический ежегодник по Симбирской губернии. Симбирск, 1910. С. 173.

¹⁰ Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 238. Л. 3.

¹¹ ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

¹² Гончаренко Л. Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX в. Чебоксары, 1994. С. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 359. Оп. 1. Д. 532. Л. 18.

¹⁵ Перцов В. В. Очерки статистики и экономики Казанской губернии. Казань, 1919. С. 60.

¹⁶ Календарь Самарской губернии на 1870 год. Самара, 1870. Разд. II. С. 51.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кабытов П. С. Хлебная торговля // Самарская летопись. Кн. 2. Самара, 1993. С. 122.

- ¹⁹ Там же. С.122-123; Сборник хозяйственно-статистических сведений по Самарской губернии. Вып.1. Самара, 1912. С.70.
- ²⁰ Гофштеттер И.М. Россия в дорожном отношении // Русское экономическое обозрение. 1903. №1. С.31-32.
- ²¹ НА РТ. Ф.359. Оп.1. Д.532. б.п.
- ²² Чупров А.И. Указ. соч. С.461.
- ²³ Россия в конце XIX века. С.728.
- ²⁴ Там же. С.729.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Гончаренко Л.Н. Указ. соч. С.17.
- ²⁷ Там же. С.96
- ²⁸ Чупров А.И. Указ. соч. С.472.
- ²⁹ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСарО). Ф.170. Оп.1. Д.20. Л.5.
- ³⁰ ГАСарО. Ф.170. Оп.1. Д.182. Л.1-5.
- ³¹ ГАСарО. Ф.170. Оп.1. Д.20. Л.6.
- ³² Очерк двадцатипятилетия Саратовской биржи. 1882-1907 гг.: Приложение к годовому отчету за 1905-1906 год. Саратов, 1907. С. 7-9.
- ³³ Отчет Сызранского биржевого комитета за 1912 год. Сызрань, 1912. С.7-8.
- ³⁴ Рудченко П.И. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Гужевые и водные пути. СПб., 1904. С.2-3.
- ³⁵ Там же. С.208, 284.
- ³⁶ Там же. С.201.
- ³⁷ Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.119-120.
- ³⁸ ГАУО Ф.48. Оп.1. Д.15. Л.58.
- ³⁹ ГАС.О. Ф.171. Оп.1. Д.331. Л.1-2.
- ⁴⁰ Рудченко П.И. Указ. соч. С.7.
- ⁴¹ ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.6895. Л.2.
- ⁴² ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.6895. Л.84, 88.
- ⁴³ Рудченко П.И. Указ. соч. С.11-12.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С.12.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С.9.
- ⁴⁸ Там же. С.13, 14.
- ⁴⁹ Там же. С.13, 16.
- ⁵⁰ Там же. С.17.
- ⁵¹ Россия в дорожном отношении // Русское экономическое обозрение. 1903. №1. С.39.
- ⁵² Рудченко П.И. Указ. соч. С.23.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Анализ анкеты Трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности проведен нами. См.: Рудченко П. И. Указ. соч. С. 231-282.

⁵⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6456. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Л. 2.

⁵⁷ Трудовая помощь / Под ред. В. Дерюжинского. Год девятый. СПб., 1906. С. 404-418; Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 6456. Л. 1. и др.

§ 2. Железнодорожные магистрали в Поволжье и их влияние на развитие местного рынка

Обширная Российская империя превращалась в единое экономическое целое посредством сети коммуникаций, прежде всего железных дорог. Единая транспортная сеть рассматривается многими исследователями как необходимое условие целостности и силы империи. Для второй половины XIX в. железные дороги были уже не просто способом укрепления Российской империи, но и средством максимального использования сырьевых богатств страны, приобщения окраинных территорий к мировому и национальному рынкам. Велико также военно-стратегическое значение железнодорожных линий.

История развития железнодорожного транспорта в России, железнодорожная тарифная политика получили достаточно подробное описание в литературе¹, однако в меньшей степени изучены вопросы влияния железных дорог на развитие торговли в стране и практически отсутствуют современные исследования о воздействии железнодорожного строительства на организацию местных рынков, формирование экономических районов Российской империи. В значительной мере это объясняется методической неразработанностью источниковой базы. Статистика железных дорог сложна для анализа: она сводилась, как правило, не по губерниям, а по отдельным дорогам и станциям.

В данном случае представляется необходимым проанализировать этапы строительства дорог в Поволжье, формы взаимодействия государственных, частных и местных торгово-промышленных кругов

по совместной эксплуатации железнодорожного парка, выявить, какую иерархию территорий волжских губерний создали железные дороги и какое это имело влияние на развитие торговли в крае.

В отличие от естественных (гузовых и водных) средств сообщения, создание железнодорожной сети империи тщательно готовилось и анализировалось. Для изучения вопроса о строительстве отдельных железных дорог при Министерстве путей сообщения создавались специальные комиссии, в задачи которых входило исследование стратегического, хозяйственного, промышленного и торгового значения предполагаемой линии. Почти всегда комиссии рассылали губернаторам письма с просьбой о доставке сведений по вверенной им губернии. Важнейшими считались сведения о том, по каким уездам желательнее проведение железной дороги и какой район тяготения грузов она охватит², причем надо было подробно обосновать эту информацию. В ответах с мест описывались близлежащие традиционные места сбыта продукции, пристани, местные цены в радиусе около 70 верст от предполагаемой станции. На основе собранных губернаторами и земствами сведений комиссии составляли статистическое описание обширного района. И вновь подготовленный труд должен был стать объектом изучения на местах. Как правило, комиссия присылала опубликованный том в губернию с просьбой указать на недостатки. Среди наиболее существенных и ожидаемых замечаний опять повторялся вопрос о радиусе тяготения грузов к железной дороге³. Подобная переписка хранится почти в каждом волжском архиве, что наводит нас на мысль о том, что правительство подходило к вопросу о проведении железнодорожных линий в стране широко, с учетом перспектив развития на их основе экономических районов. Такая практика изучения вопроса сложилась уже в 1870-е гг. Практически не изменилась она и в последующие годы. Опубликованные и архивные материалы работы комиссий по исследованию железнодорожного дела в России составляют солидную источниковую базу исследования местного рынка.

Экономическая пресса того времени писала, что в идеале дороги должны были равномерно разделить империю на районы, от железнодорожной станции радиусом к ним должны были оформиться гузовые и подъездные пути, обслуживавшие весь район тяготения груза. Только тогда дороги бы давали максимальную коммерческую

выгоду⁴. Для огромной империи железнодорожная политика становилась неотъемлемым элементом торгово-промышленной политики в целом. Железные дороги не только облегчали сбыт промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и сами давали толчок развитию других производств, зарождению новых.

Строительство железных дорог в Поволжье. Согласно первоначальному замыслу правительства, наибольшую важность представляли те дороги, которые соединяли хлебородные районы с внутренними рынками страны. Одновременно оно преследовало цель соединить Москву как главный потребительский и распределительный центр с хлебными районами, а также с югом и южными портами⁵. При осуществлении этого первоначального плана железный путь прошел через 26 губерний, соединив две столицы, судоходные реки Европейской России, хлебные районы и порты Балтийского и Черного морей. На волжские земли в 1860-е гг. дорога пришла лишь в Нижний Новгород — главный карман России. Сюда традиционно стекались грузы с Нижней и Средней Волги, Волжско-Камских территорий. Другая линия — Москва-Козлов-Воронеж — собирала хлеб с юго-восточных губерний Европейской России, в том числе Нижнего Поволжья. Первые железные дороги открывали земледельческим районам только внутренний широкий рынок⁶.

В последующее десятилетие отдельными участками стали строить дороги от хлебных районов к экспортным портам. Важнейшей из них стала магистраль Рига-Царицын (1871 г.), шедшая через Орел, Витебск, Динабург в район балтийских портов. Направление было выбрано не случайно: в районе Царицына (ныне Волгоград) Волга находится в самом западном своем положении, меняет течение с юго-западного на юго-восточное и наиболее близко подходит к другой реке — Дону, по которому также велась хлебная перевозка. Из всех волжских городов только Нижний Новгород находится на том же меридиане, что и Царицын. Расстояние от этого южного города Волги до Москвы напрямую меньше, чем от других городов, лежащих выше по течению и географически ближе расположенных к столице (например, от Самары до Москвы 1098 км, а от Царицына — 1073 км). Царицын имел преимущества по сравнению не только с волжскими, но и с южными городами, так как в низовьях Волги более продолжительная навигация, а значит, здесь более выгодна

перевалка товара⁷. Комплекс преимуществ ставил Царицын вне конкуренции с другими городами Поволжья. Дорога Рига-Царицын, пройдя с низовьев Волги и юго-восточных степей через черноземный центр, «явилась широким руслом для вывоза избытков хлеба за границу»⁸. Она разделила на две части не только всю Россию, перерезав старые пути к Москве, но и Поволжье, оторвав Прикаспийские территории, район Дона и Придонья от снабжения московского рынка и переориентировав их в балтийском направлении. Чуть позже от Москвы в направлении к юго-востоку прошли линии Москва-Козлов-Саратов, Вязьма-Сызрань. В 1877 г. началось строительство железнодорожной ветки на Средней Волге — от Сызрани к Оренбургу⁹. Район тяготения к Москве значительно продвинулся на восток и юго-восток Европейской России.

К 1875 г., отмечал П.И.Лященко, остов железнодорожной сети страны вполне сложился: Москва как главный потребительский рынок, снабжавший также и всю нечерноземную полосу, была соединена с хлебопроизводительными районами Поволжья, юго-востока, центра и юга империи. С другой стороны, каждый порт Балтийского и Черного морей получал свою дорогу¹⁰. Дороги, сооруженные в первоначальный период, почти все были земледельческими, «которые питали лишь внутренний рынок, и сами питались исключительно продуктами черноземных районов»¹¹.

Во второй половине XIX в. волжские территории находились в условиях перманентного железнодорожного строительства. Но особенно активно сеть железных дорог создавалась здесь в 90-е гг. XIX в. Строились новые дороги, мосты и переправы через Волгу. Были сданы в эксплуатацию линии Рязань-Свияжск-Казань (по территории Казанской губернии), Рузаевка-Сызрань, Инза-Симбирск (по территории Симбирской губернии), Ртищево-Сердобск, Сердобск-Пенза (по Саратовской и Пензенской губерниям), Урбах-Александров Гай (южные уезды Самарской губернии), Аткарск-Вольск (по Саратовской губернии), Самара-Уфа-Челябинск (по Самарской, Уфимской губерниям). Самой значительной из этих линий была, пожалуй, Самаро-Уфимская, впоследствии Самаро-Златоустовская ветка. Это был головной участок дороги, шедшей в Сибирь. Многие ранее построенные ветки приближались к Волге, но не пересекали ее¹². Крупным событием 1880-х гг. было возведение моста через

Волгу в районе Сызрани. Подобное строительство было под силу только государству. Новизна состояла не только в технических возможностях преодоления водного пространства Волги, но и в соединении железных дорог с узловыми пунктами водных путей, создании условий комплексных перевозок. В течение тридцати лет мост в районе Сызрани был единственным мостом через Волгу.

Сферой деятельности частного общества Рязано-Уральской дороги стали южные уезды Самарской и Сызранской губерний. Ей принадлежали ветки по обоим берегам реки. Правление дороги разработало план соединения этих линий, который был вынесен на обсуждение в 1893 г.¹³ и реализован в 1894 г. Смысл его состоял в том, чтобы построить подъездные пути прямо к реке на правом берегу от станции Саратов, на левом — от станции Анисовка, переправу же грузов осуществлять через реку в районе станции Увек. Работы были технически сложны, пассажирское движение не разрешалось. Частному обществу построить стационарный мост было не под силу, была сооружена переправа, которая работала только в навигацию. Основным перевозимым грузом здесь были керосин, нефть, мука и соль¹⁴. Переправа дала возможность соединить южные хлебные территории Самарской и Саратовской губерний, еще больше усилив тяготение этих земель друг к другу.

Большая часть построенных к концу XIX в. путей (Оренбургской, Сызрано-Вяземской и Самаро-Златоустовской железных дорог) были линиями, притягивавшими хлебные грузы, а Грязи-Царицынская, Московско-Казанская, Рязано-Уральская — по преимуществу дорогами, отправлявшими грузы.

В целом новые трассы 1890-х гг. разгружали другие центральные магистрали, увеличивая их транзитную способность, привлекали грузы с отдаленных территорий, перераспределяя их между старыми (Рига, Петербург) и новыми (Либава, Виндава) портами. Чуть позже с целью отвлечь восток от тяготения к балтийским портам и увеличить тяготение к черноморским были построены линии Пенза-Балашов-Харьков, Царицын-Тихорецк, раздвинувшие далеко на восток и северо-восток границы тяготения азовских портов и Новороссийска и давшие новый выход восточному, волжскому и заволжскому хлебу¹⁵. Большая часть этих дорог принадлежала казне. В частных руках на протяжении всего рассматриваемого периода оставались

Московско-Казанская, Рязано-Уральская и Волго-Бутульминская (пущена в 1913 г.) железные дороги¹⁶. Выше указывалось, что казенному строительству предшествовала длительная переписка с местными властями, анализ экономической ситуации. Частные дороги также ставили в известность о своих планах местные власти, выкупали попадавшие под строительство частные земли, государственные, как правило, передавались в пользование безвозмездно¹⁷.

Последнее десятилетие XIX в. создавало принципиально иную ситуацию на волжском рынке. Густая сеть железных дорог вкупе с водными пристанями была мощным магнитом, притягивающим огромные партии хлеба на продажу. С новыми рынками сбыта связывали свои надежды на процветание края волжские губернаторы. В эти годы они, а также общественные организации в лице земства всеми силами стремились привлечь внимание властей к строительству веток в пределах именно им вверенных территорий. Архивные документы воссоздают общественную атмосферу в крае в этот период. Проведение каждой ветки вызывало волну обсуждения, ходатайств земств и губернаторов перед правительством, изучение местных и общероссийских интересов. Причем это было делом не только губернских, но и уездных земств, городских дум. В 1891 г. дума г. Саранска ходатайствовала перед Министерством путей сообщения о проведении ветки от Саратова к их городу. Ходатайство было отклонено, так как направление уже было избрано¹⁸. Симбирское земство хлопотало о подъездном пути от станции Батраки Сызрано-Вяземской железной дороги к г. Корсунь, или к станции Чамзинка, или любой другой ближайшей станции Московско-Казанской железной дороги¹⁹. Губернатор, поддерживая земство, делал акцент на общегосударственных интересах: Направление Батраки-Корсунь-Чамзинка, по моему мнению, самое наивыгоднейшее для губернии и могущее поднять ее экономическое положение. Начинаясь от станции Батраки, где сходятся Сызрано-Вяземская и Самаро-Златоустовская железные дороги, линия эта пройдет диагонально почти через всю губернию на протяжении 250 верст, чем приобщит к району железных дорог до 25 000 кв. верст. Кроме несомненной пользы для населения 4-х уездов губернии предполагаемая линия будет иметь важное общегосударственное значение как прямой и кратчайший путь соединения Великой Сибирской дороги с Москвою и Петербургом.

В противном случае “наибольшая часть губернии, а также и г. Симбирск, обречены на полный застой в развитии своих экономических сил, а вместе с тем на бедность и полную необеспеченность своего будущего существования”²⁰. Записка симбирского губернатора не лишена эмоциональной окраски, в ней даже сквозит некоторая обида: “Новые дороги охватили только окраины губернии (Сызрано-Вяземская дорога — южную часть Сызранского уезда, Московско-Казанская — северо-западные окраины губернии), втягивая в свой район незначительные части... Самый же центр губернии, так сказать сердце ея, находится в совершенно изолированном от них положении... Для сбыта местных произведений громадному большинству населения губернии приходится поэтому пользоваться гужевой, по грунтовым дорогам, доставкой товаров к пристаням Волги, части Суры и на станции Сызрано-Вяземской и Казанской железных дорог”²¹. Потребность в новых путях сообщения он обосновывал и необходимостью доставки хлеба в губернию в случае неурожая. Бугульминское уездное земство Самарской губернии, заручившись поддержкой правления Самаро-Златоустовской железной дороги, отправило в Петербург депутацию с ходатайством о соединении городов Бугульмы и Бугуруслана. Земство считало невыгодным соединение проектируемого пути Бугульма-Сергиевск, так как “громадное большинство грузов, как местных, так и транзитных, ни в каком случае не пошли бы по ней”²². Обсуждение и попытки воздействовать на формирование железнодорожной политики становились важнейшим фактором общественной жизни в крае.

Как видим, проблема оснащения края новыми средствами сообщения имела широкий резонанс не только в столицах, но и в провинции. Местные власти осознавали, что железные дороги не только облегчали сбыт товаров, но и влекли за собой приток капиталов, что способствовало развитию региона в целом. В ежегодных “Всеподданнейших отчетах” губернаторов четко просматривалась центростремительная ориентация местной власти в противовес региональным связям²³. Именно в связи с железнодорожным строительством в Поволжье обозначилась экономическая конкуренция формирующихся районов²⁴, изменение экономических центров. “Чем далее вглубь страны проходил на юго-восток и на северо-запад железнодорожный путь, чем большее число рынков соединял он, тем силь-

нее сказывалось на них действие нового средства сообщения — падением одних и поднятием других”²⁵. Строительство железных дорог способствовало осознанию амбиций разных территорий, их борьбе за кусочек государственного хозяйства, но в то же время имело и более глубокие экономические последствия для страны.

В первое десятилетие XX в., на которое пришелся третий этап строительства железных дорог, экономические основания и цели правительства значительно изменились. Увеличение плотности дорог, кроме роста товаропотоков, несло с собой и рост конкуренции железных дорог за грузы. П.И.Лященко писал, что начала ощущаться конкуренция балтийских и южных портов, особенно заметная на юго-востоке, в бассейнах нижней Волги и Дона²⁶. Конкуренция дорог в какой-то степени была и конкуренцией районов. “Нетронутые поля юго-востока начинают все в большей мере работать на рынок, оттесняя в экспорте своими красными, более ценными хлебами, овес и рожь центра. И чем далее на восток распространялась сеть железных дорог, тем более должна была обостряться эта конкуренция востока и центра, тем более должно было усложняться железнодорожное хозяйство, тем большее влияние на положение земледельческого хозяйства в этих районах стало приобретать то или иное направление железнодорожной экономической политики”²⁷. В первое десятилетие нового века в крае появились ветки Красный Кут-Астрахань (по Самарской и Астраханской губерниям), Оренбург-Ташкент (по Самарской и Оренбургской губерниям), Волго-Бугульминская железная дорога (по Самарской губернии). Это были дороги, расположенные за левым берегом реки и ориентированные на использование природных богатств Заволжья, Урала, Средней Азии и, в конечном счете, на хозяйственное освоение восточных территорий Российской империи. Строились новые мосты через Волгу: в 1912 г. в районе Казани на средства казны был построен Зеленодольский мост, в 1915 г. — мост в районе Симбирска. Теперь дороги Поволжья в полной мере выполняли функции не только притяжения и сбыта местных товаров, но и транзита. Поволжье, бывшее колониальной окраиной империи, к концу XIX в. превратилось в крупный транспортный форпост на пути в Среднюю Азию и Сибирь.

Краткая история железных дорог в Поволжье

Казенная Самаро-Уфимская дорога строилась в течение 1882-1892 гг. В 1893 г. в казну была принята Оренбургская железная дорога. Две ветки были соединены на станции "Кинель", а соединенная дорога получила название Самаро-Златоустовской. Ее управление сосредоточилось в Самаре. С этого момента дорога "из окраинного убыточного тупика"²⁸ перешла в разряд дорог, имевших важное государственное и экономическое значение. С 1896 г. по ней было открыто движение в Сибирь, вплоть до 1908 г. Самаро-Златоустовская дорога была единственным рельсовым путем из Европы в Азию. В последующие годы значение Самары как железнодорожного узла значительно выросло. Со станции "Кинель" начиналась Ташкентская железная дорога, все пути которой в конечном счете выходили на Самаро-Златоустовскую дорогу. Наиболее загруженными были участки дороги Самара-Сызрань, Самара-Батраки, по которым проходили грузы и из Сибири, и из Средней Азии. Для облегчения грузоперевозок в 1904-1907 гг. был проведен второй путь, дорога разветвлялась по веткам Самара-Батраки, Вязовая-Тюлебяс, Бердяуш-Салаган²⁹. В 1905 г. от реки Волги до станции "Самара" был проложен нефтепровод длиной более 5 верст и устроена плавучая баржа-нефтекачка. Эта нефть снабжала Ташкентскую железную дорогу. Волжская ветвь Ташкентской дороги (Бузулукский уезд Самарской губернии, Оренбургская губерния) перевозила в основном коммерческие грузы. С 1908 г., после открытия второго железнодорожного пути в Сибирь через Вятку и Пермь, Самаро-Златоустовская дорога стала специализироваться на перевозке хлебных грузов из Западной Сибири и Европейской России в виде семенных и продовольственных запасов.

Чуть севернее Самары, на правом берегу реки, от г. Сызрани Симбирской губернии начиналась Сызрано-Вяземская дорога. Ее строительство шло с начала 1890-х гг. в трех направлениях: 1) Рязск-Вязьма (ветвь Узловая-Елец), 2) Рязск-Моршанск (ветвь Пенза-Уколово), 3) Моршанск-Сызрань. Все три ветки строили частные общества, а затем их выкупило государство. В 1893 г. уже за счет казны была построена еще одна ветка — Вернадовка-Земетчино³⁰. Эта дорога продолжала Самаро-Златоустовскую. "Проходя с запада на восток по центральной полосе России, дорога выполняет суще-

ственное значение, служа транзитным путем, соединяющим Заволжскую восточную часть России, Сибирь и Среднюю Азию с западными пограничными пунктами и с Юго-Западом России³¹. Главным назначением дороги были транзитные перевозки. Их доля в общих перевозках в начале XX в. составляла 38%, главным грузом оставался хлеб (34%). Дорогу так и называли – “хлебовозная”. Максимальное движение на ней наблюдалось с августа до зимы включительно. Коммерческая служба Сызрано-Вяземской дороги отмечала прямую зависимость транзита по ней от урожаев в районе Самаро-Златоустовской, Сибирской и Ташкентской железных дорог³². Дорога была построена вкруговую, так как строилась в разное время, разными частными обществами, каждое из которых имело свои цели. В итоге получилось, что профиль пути, радиус закреплений и другие технические характеристики на разных участках оказались разными, и дорога была неудобна в эксплуатации. Со временем технические изъяны сделали практически невозможной конкуренцию Сызрано-Вяземской дороги с другими. Лишь в годы первой мировой войны грузоперевозки по ней резко возросли: сказалось то, что дорога прорезывала весь центральный район России, собирая продовольствие, снаряжение и войска для армии³³.

В XX в. в районах Средней Азии строилось несколько новых веток, имевших главным образом стратегическое значение. Все они выходили на Самаро-Златоустовскую дорогу, и так достаточно перегруженную транзитом из Ташкента и Сибири. Правительство предполагало разгрузить ее, построив еще один путь из Сибири через Уральск-Царицын к южным экспортным портам. Практически незамерзающий порт при позднем созревании сибирского хлеба был бы очень удобен для его вывоза. Одновременно дорога давала бы возможность держать цены в центральных хлебных районах страны. В проекте новой дороги отмечалось: “Укоротить пробег сибирского хлеба, иначе его главная масса поступит на внутренние рынки и, как хлеб более дешевый, будет сильно давить на установившиеся у нас цены. Очевидно, такое положение никого не удовлетворит и не принесет никакой пользы для нашего торгового баланса”³⁴. Объемы сибирского хлебного транзита определялись в 21 млн пуд. зерна в год, объем местных хлебных перевозок – в 2,5 млн пуд.³⁵ Кроме того, проект предполагал не только создание новых экспортных

возможностей, но и учет сложившейся на юго-востоке Европейской России скотоводческой специализации Уральских и Калмыцких степей, Новоузенского уезда Самарской губернии. Предполагаемый объем вывоза скота в сыром и замороженном виде, сала определялся в 5 млн пуд. География отправок — помимо местных — Москва, Ростов, Баку, Астрахань, Новороссийск и даже Турция (сало мусульманской резки). Однако до войны этот проект не был осуществлен.

Устав Московско-Казанской железной дороги был утвержден в 1863 г. Частная дорога должна была по Высочайше утвержденному Уставу перейти в собственность государства 31 октября 1945 г.³⁶ Сначала она называлась Московско-Рязанской. В 1891 г. Государственный совет после утверждения дополнений к Уставу переименовал ее в Московско-Казанскую. Это означало, что общество дороги построит железнодорожную ветвь до г. Казани “без устройства моста через Волгу, проводя эту дорогу по правому берегу реки Оки, ... на города Саранск и Алатырь”. Общество “при желании и необходимости” строило дополнительные подъездные пути, обеспечивало эти ветки подвижным составом, устраивало на станциях Москва и Коломна зернохранилища, на станциях Зарайск и Рязань — элеваторы. При сооружении дороги общество пользовалось “всеми правами государственным дорогам присвоенными, в том числе правом законного отчуждения и занятия государственных недвижимых имуществ, использования строительного материала в пределах дороги”³⁷. Строительный капитал дороги складывался из государственного облигационного займа, размер которого определял министр финансов по согласованию с обществом. Правительство давало ссуду под 5% годовых³⁸.

По отношению к г. Казани московская ветка располагалась неудобно, что вызывало недовольство местного торгового класса. В 1916 г. Общество дороги решило сделать в самом городе Казань отвод ветки от Посадской улицы к Варлаамовской. Однако местное купеческое общество обратилось в городскую думу с ходатайством не делать этого, так как ветка создала бы “для местной торговли в деле перевозки грузов между городом, бухтами и Устьинскими пристанями (на Волге. — Т. Н.) большие затруднения”³⁹. Из-за чрезмерной высоты и крутизны подъема на дамбу опасались, что город будет снова отделен от Волги.

В 1899 г. правительство разрабатывало проект соединения Казани с северными городами Вятской и Архангельской губерний.

В качестве доводов, помимо технических, указывалось на низкие цены, неурожаи, все чаще поражавшие Казанскую губернию. Любопытно то, что разработчики проектов о железнодорожных магистралях видели в них не только возможность соединения рельсовыми путями разных территорий страны, но и возможность улучшения жизни местного населения. Так, при разработке проекта Казань-Вятка специальное внимание обращалось на могущее последовать вслед за дорогами повышение цен. Если само регулирование ценообразования есть мера полезная, но "паллиативная, не изменяющая болезни в ее корне", то железные дороги могли решить проблему кардинально, "проведение дороги в направлении к хлебным рынкам должно быть признано весьма желательным; для крупного землевладения такие мероприятия могут оказаться прямо благотворительными"⁴⁰. Но казанское купечество и в XX в. жаловалось на недостаток транспортных средств сообщения в крае. Дело, видимо, не в том, что дорог было совсем уж мало или Волга не обеспечивала растущий товарооборот, а в возросшей конкуренции с другими территориями, оказавшимися в более благоприятных транспортных условиях. При каждой возможности казанские торговцы и купцы пытались улучшить транспортное сообщение в крае. В 1911 г., во время приезда в Казань военного министра, местная депутация купечества, по соглашению с губернатором, ходатайствовала о благоприятном для Казани разрешении вопроса о проведении железной дороги на Екатеринбург⁴¹. Казанская губерния все более тяготела к северо-восточным территориям страны.

Общество Рязано-Уральской железной дороги было открыто в 1865 г. Первоначально она называлась Рязано-Козловской. В 1892 г. казенная ветка Козлов-Саратов была передана в пользование частному обществу, и оно было переименовано в Рязано-Уральское. Общество построило ветки Тамбов-Камышин, владело колеями в Покровской слободе, селе Александров Гай и Уральске на левом берегу Волги, на правом берегу — подъездными путями к уездным городам Саратовской губернии: Вольску, Сердобску, Петровску, торговому селу Балазда. Правление общества находилось в Санкт-Петербурге.

Железные дороги разной формы собственности задавали тон торговым и экономическим контактам в крае. Поэтому особенно важно было организовать государственное регулирование перевозок, создать

единые условия хранения, транспортировки коммерческих грузов. Сложность заключалась не только в самой процедуре, но и в том, что в железнодорожном хозяйстве достаточно активно, особенно в 1890-е гг., происходили организационные перестройки: отдельные железнодорожные ветки переходили в состав других дорог, менялись названия линий⁴². Новые названия свидетельствовали о расширении сети железных дорог в империи, а часто и об изменении форм собственности на дорогах.

Для регулирования перевозок при казенных железных дорогах были созданы коммерческие службы, в задачи которых входили контроль за хранением и погрузкой коммерческого груза, учет, анализ и выдача рекомендаций для улучшения товаропотока, изучение местного рынка с целью прогнозирования возможной конъюнктуры и т.д. Как правило, личный состав коммерческого отдела состоял из начальника и его помощника, двух коммерческих ревизоров, агента по розыску грузов, коммерческих делопроизводителей, счетоводов, конторщиков, весовщиков и сторожей. В коммерческом отделе Самаро-Златоустовской железной дороги, начальником которого в 1900-е гг. был М. Д. Морозов, штат постоянных служащих отдела составлял 43 человека⁴³. В задачу коммерческих отделов входила подготовка отчетов о своей работе, где обязательно давалась характеристика торгового состояния прилегавших к дороге территорий. Отчеты публиковались, однако далеко не все из них сохранились. Сохранившиеся отчеты коммерческой службы Самаро-Златоустовской железной дороги свидетельствуют о том, что большая часть перевозимых по дороге грузов была коммерческой ориентации, а около 40% хлебного груза в начале XX в. проходило по дороге в транзитном сообщении⁴⁴. Средняя прибыль дороги от перевозки пуда груза составляла 17-19 коп., а с одной пудоверсты — 0,02-0,07 коп.⁴⁵, причем доходы шли в основном с грузов, двигавшихся малой скоростью, т.е. хлебных. Периодически правительство собирало съезды начальников коммерческих служб казенных железных дорог⁴⁶. Коммерческие службы, или отделы, были и на частных дорогах. Они занимались аналогичной работой. Например, на Рязано-Уральской железной дороге по инициативе и под руководством коммерческого отдела в 1894-1904 гг. были сооружены подъездные пути к частным амбарам крупных хлеботорговцев Покровской слободы⁴⁷.

По мере роста железнодорожного хозяйства и интенсивности перевозок распоряжением правительства были созданы Центральный и районные комитеты по регулированию массовых перевозок грузов. Вопрос о составе районных комитетов решался согласованием целого ряда министерств: путей сообщения, внутренних дел, торговли и промышленности, Главного управления земледелия и землеустройства. Положение о порайонных комитетах было утверждено в 1906 г., в 1910 г. оно вышло в новой формулировке⁴⁸. Районные комитеты обменивались друг с другом информацией, обсуждали общие проблемы⁴⁹. Прежде в состав комитетов входили представители железных дорог и земств. По новому Положению представительство местных торговых кругов в составе районных комитетов расширялось: сюда могли входить члены биржевых комитетов, промышленных съездов и сельскохозяйственных обществ. В пределах Поволжья работали Московский (туда входила Сызрано-Вяземская железная дорога), Восточный (Самаро-Златоустовская) порайонный комитеты. Одним из крупных районных комитетов был Восточный комитет, его центр располагался в Самаре. Он курировал работу Самаро-Златоустовской, Ташкентской, Среднеазиатской, Пермской и Сибирской железных дорог, т.е. территорию "от среднего течения Волги до Байкала, от границ Персии до Белого моря"⁵⁰. На заседания Восточный районный комитет уже в 1908-1909 г., т.е. во время действия первого Положения о районных комитетах, приглашал не только председателей казенных железных дорог, но и членов земств, биржевых и сельскохозяйственных обществ, причем со всей страны, а не только с прилегавших территорий, представителей промышленного бизнеса (в Восточном комитете это были мукомолы). Главную задачу комитет видел в координации деятельности разных дорог (обмен вагонами, ремонт путей и подъездных дорог, расширение сети складов и хранилищ, организация погрузочных работ и т.д.). Среди обсуждаемых в комитете вопросов коммерческие были в числе важных. Так, в 1908 г. на заседании рассматривалось предложение Юго-Западного комитета о выделении хлебных грузов в особую категорию. Предлагалось ввести своеобразную "разверстку", для чего надо было точно определить свободный подвижной состав и имевшийся на станции груз. В соответствии с этими данными надо было заказывать дополнительные поезда. Многие биржевые и порайонные

комитеты, обсудив это предложение, согласились с ним. Восточный же комитет введение такой “разверстки” посчитал преждевременным, так как вопрос не был обсужден с общественными организациями, а мог быть решен только при добровольном согласии всех участников. Кроме того, так как главным отправителями хлеба на дорогах района были мелкие клиенты, комитет посчитал нововведения ущемляющими их интересы⁵¹.

Таким образом, государственное регулирование хлебных перевозок через коммерческие службы, а также специальные железнодорожные комитеты в Поволжье в начале XX в. охватывало широкий спектр вопросов (объем хранения и перевозок, порядок и очередность отправки хлеба и т.д.). Формы такого регулирования были преимущественно косвенные.

Что принесли с собой железные дороги в Поволжье? Как изменилась жизнь местного населения? Все исследователи, занимавшиеся в той или иной степени экономическими проблемами прошлого, отмечали революционизирующее влияние железных дорог на весь хозяйственный строй империи. В волжском крае железные дороги также выступали в качестве мультипликатора экономики, что имело самые серьезные последствия для местного рынка⁵². Постараемся обозначить основные, с нашей точки зрения. Во-первых, в капиталистический период развития *крупными торговыми центрами становились губернские города*, получившие железнодорожное сообщение. “Самара с Уфой оттяпали железные дороги у стародавних торговцев — Нижнего и Казани”, а затем “Рыбинск и Нижний отбили хлебную торговлю и казенные подряды”, — жаловались казанские купцы⁵³. В результате этих изменений из волжских торговых городов Казань и Симбирск оказались в наименее благоприятном положении. “Теперь огромные партии хлеба проходят мимо Казани, прямо в Рыбинск. Нижний перехватил посредническую роль по торговле с Сибирью и Азией, овладел торговлей пермской солью и уральским железом. Самара и Саратов устроили у себя склад главных продуктов Заволжья (пшеницы, соли, шерсти, сала) и отправляют внутрь России. Оренбург сделался центром среднеазиатской торговли, вытеснив Казань. Так что район торгового влияния Казани значительно сузился и теперь благосостояние города зиждется только на сибирской торговле”, — с некоторой обидой писали они уже в 1880-е гг.⁵⁴

Царицын, Самара, Сызрань, Саратов превращались в комплексные водно-железнодорожные пункты, что еще более усиливало их роль на местном рынке. Эти города играли две роли сразу: связывали местности Поволжья с российским рынком, с одной стороны, и выступали центрами притяжения товаров для лежащих вокруг них территорий — с другой.

Железнодорожное строительство превратило Поволжье в транзитный район. Особенно в этом отношении велико было значение Самаро-Златоустовской дороги. Железные дороги прочно связали регион со всероссийским рынком. Уже в конце XIX в. основные товаропотоки волжского хлеба, доля которых составляла более 12% всех хлебных перевозок страны, шли во внутренние губернии Российской империи (38,8%) и две столицы (31%). Вторым приоритетом — местный рынок и внутригубернские перевозки. Особенно велики они были в Самарской (41,3%), Саратовской (14,1), соседней Уфимской (31,9%) губерниях. Самара, в отличие от других, была станцией преимущественно приема, нежели отправки, выступала центром местного регионального рынка. Статистику подтверждала и коммерческая служба железной дороги: Самара «интересна как станция прибытия хлебных грузов, но не отправок»⁵⁵. Ежегодно в начале 1890-х гг. сюда приходило по железной дороге более 5 млн пуд. зерна. Дорога давала возможность везти хлеб из заволжских степей, заменяя гужевую транспортировку. «В Самаре же почти весь хлеб с открытием навигации грузится на баржи и отправляется водою в Казань, Нижний, Рыбинск и другие торговые порты»⁵⁶.

Другие губернские города Поволжья — Саратов, Пенза, Казань — более отчетливо демонстрировали центростремительные, общероссийские тенденции: отсюда больше вывозилось, чем ввозилось зерна. География движения была самой разнообразной. Из Казанской губернии хлеб вывозили в 3 губернии России, из Самарской — в 35, Оренбургской — в 29, Саратовской — в 32, Симбирской — в 12. Общероссийские торгово-экономические связи, таким образом, становились преобладающими.

Однако железные дороги привели не только к изменению привычного торгового равновесия между губернскими центрами Поволжья, но и к более глубинным подвижкам. В 1870-е гг. конечными станциями, куда пришли новые пути сообщения, были Саратов (1870 г.),

Аткарск (1870 г.), Царицын (1871 г.), Кузнецк (1874 г.), Сызрань (1874 г.), Бузулук (1877 г.)⁵⁷. Получение ими круглогодичной связи со страной ставило их по сравнению с другими местностями Поволжья в более привилегированное положение. П. И. Ляшенко отмечал, что новые железнодорожные центры, пока они являются конечными пунктами, переживают период расцвета, но стоит только движению открыться далее вглубь плодородной местности, как “временно оживавшая деятельность нового торгового центра быстро падала, рассеивая свои обороты, капиталы и деятельность по отдельным местностям”⁵⁸. Действительно, в 1890-е гг. в крае появились новые железнодорожные центры — Алатырь, Казань, Камьшин, Балашов, Покровская слобода, Николаевск, Александров Гай, Новый Узень, Вольск, Пенза, Сердобск⁵⁹, — иногда затмевавшие старые. Вне железных дорог остались к началу XX в. все уездные города Казанской губернии (кроме Алатыря), большинство уездных центров Симбирской губернии (Ардатов, Буинск, Корсунь, Курмыш и Сентилей).

Вокруг железнодорожных станций в 1890-е гг. *стали быстро развиваться близлежащие населенные пункты*, особенно в районе Самаро-Златоустовской железной дороги. На ее примере рассмотрим, как повлияло появление новых пунктов сбыта на развитие местного рынка, какие структурные формы (или ступени) он принимал. В первом отчете коммерческой службы была дана краткая характеристика главных станций дороги: Самары, Черкасской, Бугуруслана, Сарай-Гира, Абдуллина, Белебея, Аксакова, Шафранова, Давлеканова. На уфимском направлении дороги преобладало производство ржи, овса, гречихи, пшеницы. Главным торговым центром здесь была Самара, которая стягивала к себе большую часть хлебного зерна. В среднем в начале 1890-х гг. сюда привозилось более тысячи, а бывало и до десяти тысяч возов из Самарского, Бугурусланского, Николаевского, Новоузенского уездов⁶⁰. Самара была главным пунктом приема хлебов. Все станции, расположенные восточнее губернского города, наоборот, отправляли зерно. Каждая из них превращалась в небольшой местный пункт сбыта хлеба, подвозимого из окрестных селений, а Самара становилась как бы второй, более высокой, ступенькой на пути зерна к российскому рынку. Причем если станции располагались недалеко от Самары, как, например, Черкасская, торговцы могли сделать оборот в течение недели. Скупщики из других

городов приезжали и скупали здесь разнорослицу, пропускали здесь же, на станции, через веялки в амбарах. Покупали зерно в понедельник с расчетом продать в Самаре в конце недели и с вырученными деньгами опять приехать на станцию Черкасская⁶¹. Иногда был прямой расчет везти хлеб гужом в Самару. Обычно так складывалась ситуация зимой, когда гужевые цены были низкими (5-8 коп. с пуда) и можно было сэкономить на двойной доставке-выгрузке (на станцию и вывозе со станции). С Черкасской станции 75% хлеба отправлялось в Самару. Мы видим, что эта станция входила в район тяготения губернского центра.

А вот другая крупная станция отправления – Бугуруслан – располагалась в 170 верстах от Самары. Сюда приезжали уже не только мелкие торговцы, но и представители крупного капитала, торговавшие с портами Петербурга, Ливавы, Ревеля. 51% грузившегося здесь хлеба шел в губернский центр, “но уж непременно по железной дороге, гужом из Бугуруслана в Самару хлеба не возят”⁶². Чем дальше от Самары, тем более заметна тенденция к уменьшению хлебных отправок непосредственно в Самару и все больше через нее на чужие дороги – в Ревель, Ригу, Петербург и Ливаву.

Таким образом, максимально возможная гужевая доставка на Самарскую железнодорожную станцию грузов была равна приблизительно 75-100 верстам. Следовательно, радиус притяжения грузов на Самарский рынок составлял около 75-100 верст. Станции, расположенные далее этого расстояния, либо сами становились центрами местного рынка, притягивая к себе товар соседних селений, либо тяготели к другим крупным пунктам.

Станции дороги уфимского направления дали толчок развитию средним и мелким населенным пунктам. До 1889 г. Абдуллино было небольшой башкирской деревней, где никаких торговых операций не велось. Географическая удаленность от Бугуруслана (90 в.), Белебея (54 в.), Сорочинского (150 в.) и северных пристаней реки Камы (более 150 в.) была быстро преодолена строительством железной дороги. Уже через пять лет здесь проживало более 2 тыс. жителей, местечко превратилось в значительный торговый пункт, куда привозили преимущественно рожь из Бугульмы, Белебея, Бузулукского уезда. Почти сразу были выстроены частные амбары (вместимость 465 тыс. пуд.), зимний базар работал ежедневно.

В 1890-е гг. в Абдуллино стали приезжать не только местные, но и иногородние покупатели — комиссионеры фирм Петербурга, Ревеля, Риги. 70% вывозимого хлеба шло на пограничные пункты, а всего со станции вывозилось около миллиона пудов зерна. В эти же годы здесь развилась торговля с безналичными расчетами. Ссуды под дубликаты накладных на хлеб выдавал Русский торгово-промышленный банк⁶³.

В связи с появлением железной дороги стала расцветать небольшая башкирская деревня Уткулово, в которой раньше торговля не велась. Появление станции Давлеканово поглотило деревню. Здесь образовался настоящий хлебный рынок. Сюда, в основном зимой, привозилось зерно, выращенное в больших владельческих экономи-ях, расположенных вокруг станции. Операции по отправке хлеба были не очень велики, около 350 тыс. пуд. в год, поэтому и торговцы были в основном местные.

Другая ветвь Самаро-Златоустовской дороги, шедшая на Оренбург, проходила по пшеничным территориям. Влияние этой дороги сразу стала ощущать на себе станция Борская. Здесь и раньше велась зимняя базарная торговля, существовали крупные частные амбары. С появлением в 70 в. от села на другом, уфимском направлении станции Бугуруслан объемы железнодорожных перевозок Борской стали падать. Сюда теперь стали везти только тот хлеб, который шел в Самару (70% всего вывоза). Расцвела деятельность мелких торговцев, покупавших здесь хлеб и перепродававших его приезжавшим⁶⁴.

На данном примере мы можем отметить начало процесса специализации железнодорожных станций на ближних и дальних перевозках. Если две станции располагались недалеко друг от друга, в досягаемых пределах гужевой перевозки, то продавец, в зависимости от целей сбыта, выбирал себе направление отправки. Формировалось как бы разделение обязанностей: станция Бугуруслан больше работала на российский рынок, и сюда стремился крупный иногородний капитал, а станция Борская переориентировалась на местный рынок, и главную роль здесь стали играть местные скупщики. Мы полагаем, что такое разделение объяснялось расстоянием от каждой станции до главного губернского пункта сбыта — г. Самары. Так как ст. Борская была ближе к Самаре, чем Бугуруслан (100 против 170 верст), то сюда везли хлеб для местного рынка. Для продавца, ориентированного на

дальний сбыт, лишний перегон из Борского в Самару становился обременительным, гораздо выгоднее было отправлять хлеб на другую ветку, в Бутуруслан, чтобы, уплатив однажды за погрузку и провоз, отправить дальний груз по назначению.

От уездного города Самарской губернии Бузулука станция располагалась всего в двух верстах. К 1890-м гг. этот город превратился в центр пшеничной торговли на всей территории до Оренбурга. Сюда везли хлеб не только со своего уезда, но и из Уральской области. Бузулукский хлебный рынок снабжал пшеницей все мукомольные мельницы Оренбургской ветки и Самары. Уже в 1890-е гг. на станции располагалось 285 частных амбаров вместимостью 200 тыс. пуд⁶⁵. В начале XX в. вместимость амбаров возросла до 2 млн. пуд.⁶⁶ Здесь покупали пшеницу не только местные, но и самарские торговцы, и торговцы из портовых городов. В 1892-1896 гг. среднегодовые отправки пшеницы и проса в зерне со станции Бузулук составляли 1,7 млн пуд., 71% из которых распределялся в местном сообщении, в основном на мукомольные мельницы Самары, Марычевки, Колтушки, Сорочинской. На российский и зарубежный рынки шло около трети (29%) всего вывоза зерна, причем четверть его шла в северные столицы и порты Риги, Ревеля, Новый порт, а остальная часть — на переработку и потребление в Тверь, Серпухов, другие города центральной России.

Если станция, например Бузулук, располагалась в центре хлебной зоны и могла обеспечить постоянный подвоз зерна не только с соседних сел, но и с близлежащих железнодорожных станций или пристаней, то этот район получал возможность для развития перерабатывающей промышленности, в частности мукомольного производства. В 1910-е гг. площадь притяжения грузов на станцию Бузулук значительно расширилась и составляла уже около 100 тыс. дес. Бузулук превратился в “выдающийся по своему значению пункт по прибытию разных грузов и отправлению хлебных грузов”, на станции даже “образовался небольшой поселок, заселенный русскими промышленниками и торговцами”, сообщал путеводитель по Среднеазиатской и Ташкентской дорогам⁶⁷. В 1909 г. ввоз товаров превышал 2,3 млн пудов (в том числе зерна и муки 180 тыс. пуд.), а вывоз — 8,2 млн пудов (в том числе 6 млн пудов зерна и 1,8 млн пуд. крупы)⁶⁸.

Подобные превращения пережила и станция Сорочинская. До появления здесь железной дороги хлеб везли в Абдуллино (Уфимская ветка), за 150 верст по проселочной дороге. Теперь сбыт значительно облегчился. Довольно быстро на станции были выстроены частные амбары (в 1890-е гг. объем 970 тыс. пуд.). Сюда приезжали покупать хлеб торговцы не только из Бузулука и Самары; известные в крае мукомолы Соколов и Федоров построили здесь две паровые мельницы. Большая часть (69%) вывозимого хлеба направлялось в Самару, 30% — в северные пограничные порты. В 1910-е гг. привоз хлеба сюда составлял более 2 млн пуд., а вывоз — почти вчетверо больше (7,8 млн пуд.).

Последней станцией на этой ветке в XIX в. был г. Оренбург, наиболее активная по хлебной торговле на всей дороге. Расположенный в пшеничной зоне и довольно далеко от других станций, Оренбург был районом исключительно низких цен. В конце XIX в. местные цены на пшеницу не превышали 52 коп., на просо — 35 коп. за пуд. Покупали зерно местные мукомолы и крупорушники, поэтому и подавляющая часть грузов шла в местном отпращивании (83%). Лишь 17% проса и пшеницы шли в Петербург, Тверь, Сызрань и другие города.

Железные дороги создавали *новые центры тяготения товарных потоков*, причем их становилось достаточно много. В 1870-е гг. Высочайше учрежденная комиссия для исследования железнодорожного дела в России дала описание имевшихся в Поволжье станций. Если сравнивать описания местных рынков 1870-х гг. и начала 1890-х гг., заметно прежде всего то, что число их увеличилось, выделилось несколько крупных станций по приему груза. В этом мы видим *начавшуюся специализацию рынков и возникновение транспортной иерархии*. Чтобы проверить наши гипотезы, посмотрим статистику отпращивания-прибытия грузов, сделанную в 1892 г. Именно в эти годы транспортная статистика приобретала однотипный вид и устойчивую структуру. Эта статистика сделана по дорогам, а не губерниям⁶⁹. Мы выделяли на каждой дороге станции отпращивания груза до 100 тыс. пуд., которые мы обозначили как мини-центры местного рынка. Такой оказались лишь станция Новодевичье и Батраки на Сызрано-Вяземской дороге. Большинство станций волжских губерний отпращивали значительно большие партии хлеба. Из проанализи-

рованной 61 крупной станции волжских дорог по преимуществу принимающими грузы от 100 до 500 тыс. пуд. были Пачелма, Никулино, Канаевка, Сюзюмь, Просковнино (Сызрано-Вяземская железная дорога), Богатое, Борская, Обшаровка, Безенчук, Ново-Сергиевская (Оренбургская железная дорога), Ртищево, Аткарск, Лопуховка, Салтыковка (Рязано-Уральская железная дорога), Абдуллино, Давлеканово (Самаро-Златоустовская железная дорога). Станций, куда привозили по ж.д. более полумиллиона пудов хлеба, в крае в конце XIX в. было всего две – Титово и Новоспасская (Сызрано-Вяземская железная дорога). Более миллиона пудов привозили на станции Кузнецк, Пенза, Сызрань (Сызрано-Вяземская железная дорога), Царицын, Саратов, Самара, Сорочинская. Всего станций, которые были пунктами притяжения, оказалось 25, семь из них были крупными. Станциями отправления от 100 до 500 тыс. пуд. были Сызрань, Новоспасское, Студенец (Сызрано-Вяземская железная дорога), Самара-пристань, Черкасская (Самаро-Златоустовская железная дорога). До миллиона пудов зерна отправляли станции Воейково (Сызрано-Вяземская железная дорога), Абдуллино (Самаро-Златоустовская железная дорога), Ртищево и Беково (Рязано-Уральская железная дорога). Более миллиона пудов отправляли Аткарск и Салтыковка (Рязано-Уральская железная дорога). Всего на вывозе хлебов специализировалось 11 станций. Остальные 25 станций вели прием и отправку грузов одновременно.

Получается, что большинство станций, расположенных на территории Поволжья, были пунктами притяжения грузов, побуждавшими местное население к сбыту товарного зерна по железной дороге. Станции отправления груза мы предположительно можем назвать пунктами связи региона с российским рынком (11 станций).

Подведем итоги нашим рассуждениям. Строительство железных дорог в крае можно разделить на три этапа. На *первом этапе* (до 1880-х гг.) строительство велось в основном на правобережных территориях Волги. Эти дороги соединяли хлебные районы страны с внутренним рынком и экспортными портами. Железные дороги дали толчок развитию местного рынка, главным образом в пределах уездных и губернских центров, куда были проведены эти ветки. Были пущены Грязи-Царицынская, часть будущей Рязано-Уральской и Самаро-Уфимской дорог.

Второй этап проведения железнодорожных трасс через Волгу пришелся на 1890-е годы. В это время с помощью волжских дорог шло освоение окраинных территорий империи — Сибири и Средней Азии. В дополнение к экспортно-зерновой специализации региона добавилась еще и транзитная функция. Местный рынок пополнился значительным числом железнодорожных станций, которые стали формировать вокруг себя рыночную среду. Центрами рынков становились уже не только административные, но и экономически значимые пункты.

В 1900-е гг., на *третьем этапе* железнодорожного строительства, помимо проблем расширения территории российского рынка, правительство все больше обращало внимание на условия развития русского хлебного экспорта. Плотность дорог в Поволжье возросла с вводом в действие Волго-Бугульминской дороги, линии Красный Кут-Астрахань.

Железные дороги значительно *расширили торговые возможности Поволжья*. Практически с самого начала железнодорожной эпохи товаропотоки пошли не только вдоль Волги, в южно-северном направлении, но и вширь, в восточно-западном. С 1890-х гг. под влиянием общеземельной и тарифной политики железные дороги все больше открывали Поволжью еще и экспортный рынок.

Каждая волжская губерния получала свой путь соединения со столицами, так закреплялись центростремительные связи Поволжья со страной. На первом этапе строительства выгоды новых путей сообщения ощутили Саратов и Царицын, на втором — Сызрань и Самара. Царицын, притягивая грузы с районов Придонья, становился центром Нижнего Поволжья, Самара и Саратов — Среднего Поволжья. Казань, попадая в проекты соединения ее с северо-восточными территориями, все более притягивала грузы Волжско-Камского региона, связываясь с Вятской и Архангельской губерниями. Здесь, видимо, сказались преимущества речного сообщения: соединение Волги и Камы, тяготение к ним северных территорий, а также наличие старого торгового пути в Сибирь. Торговое значение Симбирска, не получившего до первой мировой войны железнодорожного сообщения, падало.

Можно предположить, что разветвление железнодорожных путей сообщения в крае и сопутствующее развитие здесь рыночной инф-

раструктуры делало регион привлекательным для проникновения сюда крупного отечественного банковского, а возможно и иностранного капитала. Мы также предполагаем, что в зависимости от местоположения того или иного рынка, его отдаленности от крупных культурно-экономических центров между крупным, средним и мелким торговым капиталом постепенно распределялись “рыночные ниши”.

Контроль за массовыми перевозками грузов в пределах региона осуществляли несколько районных комитетов, подотчетных правительству. Ведущую роль в коммерческих перевозках играло государство.

Несомненно влияние железнодорожных путей сообщения на *пространственную организацию и структуру поволжского рынка*. Во-первых, можно говорить о росте товарного вывоза (динамика которого будет рассмотрена отдельно). Во-вторых, дороги втягивали в товарооборот крестьянское и частновладельческое хозяйства, облегчая им возможности транспортировки груза. В этих условиях и при наличии дешевого сырья, каковым были зерновые культуры и особенно пшеница в степных районах, местный рынок получал благоприятные возможности для перехода на ступень промышленной переработки этого сырья. Вдоль железнодорожных станций в степных районах в 1880-е гг. строились паровые мукомольные мельницы⁷⁰.

В-третьих, дальние станции дороги по сути превращались в самостоятельные центры местных рынков, осуществляя транзитные, минуя остановки в губернских городах, перевозки товаров на российский и заграничный рынки. Тарифная система, определившаяся в конце 1880-х гг., ориентировала производителей на дальний вывоз. Объективно это способствовало увеличению числа местных рынков в крае.

В-четвертых, уже в конце XIX в. определилась иерархия железнодорожных станций как центров, работавших преимущественно или на российский, или на местный рынки. Среди рынков первого типа в конце XIX в. были Самара, Бугуруслан, Бузулук, Царицын, Саратов, Сызрань. Некоторые города, в основном губернские центры, могли выполнять обе функции одновременно, если имели возможности комплексной перевозки, достаточно развитую инфраструктуру в виде хранилищ и пр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайлов И. Д. Эволюция русского транспорта. 1913-1925. М., 1925; Зайцев А. Ф. Очерки по истории железнодорожных тарифов СССР. Ч. 1: Хлебные тарифы. М., 1925; Яцунский В. К. Транспорт СССР: История развития и современное состояние. М., 1926; Лесин В. И. Развитие железнодорожного транспорта и хлебный экспорт России во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1971; Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975; Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг.: Очерки правительственной политики. М., 1978; Слепнев И. Н. Железнодорожная политика правительства и ее влияние на развитие зернового производства России (60-90-е годы XIX века): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; История железнодорожного транспорта в России. М.; СПб., 1996. Т. 1.

² ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 227. Л. 1; НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 51.

³ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 227. Л. 16.

⁴ Гофштеттер И. М. Россия в дорожном отношении // Русское экономическое обозрение. 1903. № 1. С. 27.

⁵ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции. СПб., 1908. Т. 1. С. 238.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ Поволжье: Экономико-географическая характеристика. М., 1957. С. 10-14.

⁸ Лященко П. И. Указ. соч. С. 239.

⁹ История железнодорожного транспорта в России. Т. 1. С. 94.

¹⁰ Лященко П. И. Указ. соч. С. 240.

¹¹ Там же.

¹² История железнодорожного транспорта. Т. 1. С. 103.

¹³ ГАСарО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 36. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 110.

¹⁵ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции. Т. 1. С. 261.

¹⁶ История железнодорожного транспорта в России. Т. 1. С. 284-285.

¹⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6889. Л. 1.

¹⁸ ГАУО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6458. Л. 6.

¹⁹ Записка Симбирского губернатора к Всеподданнейшему отчету об обозрении губернии в 1893 году. Симбирск, 1893. С. 10.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Там же. С. 10.

²² Государственный архив Самарской области (далее ГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 1298. Л. 12-13.

²³ Тагирова Н. Ф. Взгляд из окна губернаторского комитета: Об отношении к железнодорожному строительству в Поволжье в конце XIX - начале XX в. // Самарский земский сборник. 1998. № 1. С. 41-46.

²⁴ См.: Тагирова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний Поволжья во второй половине XIX века // Предпринимательство Поволжья: Истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. Чебоксары, 1998. С.65-85.

²⁵ Лященко П.И. Указ. соч.С.258.

²⁶ Там же. С.260.

²⁷ Там же.

²⁸ Краткий обзор развития и деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 25-летие деятельности. 1888-1913. М., 1914. С.23.

²⁹ Там же. С.24-25.

³⁰ Краткий отчет эксплуатационной деятельности Сызрано-Вяземской железной дороги и ее финансовые результаты. 1909-1913. М., 1915. С.5.

³¹ Там же.

³² Там же. С.18-23.

³³ Там же. С.47.

³⁴ К проекту железнодорожной линии Царицын-Уральск: Экономическая записка. М., 1913. С.2.

³⁵ Там же. С.75-76.

³⁶ Устав Общества Московско-Казанской железной дороги. М., 1909. С.60.

³⁷ Там же. С.56-57.

³⁸ Там же. С.67.

³⁹ НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.365. Л.1.

⁴⁰ Описание экономического состояния Казанской губернии и некоторых уездов Вятской губернии в связи с вопросом о соединении этих губерний рельсовым путем. Казань, 1899. С.42.

⁴¹ НА РТ. Ф.299. Оп.1. Д.323. Л.118.

⁴² Козлово-Ростовско-Воронежская дорога с 1893 г. стала именоваться Юго-Восточной, Московско-Рязанская с 1891 г. - Московско-Казанской, в 1890 г. Моршано-Сызранская стала Сызрано-Вяземской железной дорогой, Тамбово-Саратовская с 1893 г. - Рязано-Уральская, Уфимская и Оренбургская с 1892 г. - Самаро-Златоустовской.

⁴³ ГАСО. Ф.148. Оп.1. Д.779. Л.1.

⁴⁴ Краткий обзор коммерческой деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 1923-24 гг. сравнительно с 1913 и 1922 гг. Самара, 1925. С.89.

⁴⁵ Там же. С.10.

⁴⁶ Сохранились отчеты Пятого (1901 г.), Седьмого (1912 г.), Восьмого (1913 г.) съездов начальников коммерческих служб казенных железных дорог.

⁴⁷ ГАСарО. Ф.203. Оп.1. Д.174. Л.1-57.

⁴⁸ Положение о Центральном и порайонном комитетах по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам от 10 марта 1910 г. // ГАСарО. Ф.170. Оп.1. Д.238. Л.15-21.

⁴⁹ См., например: ГАСамО. Ф.159. Оп.1. Д.2а, 74, 75.

³⁰ Восточный порайонный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам: Отчет за время с 1 января 1908 года по 1 января 1909 года. Самара, 1909. С.21.

³¹ Восточный порайонный комитет по регулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам: Журнал третьего заседания. 1908 год. Самара, 1909. С.108-109.

³² См. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье... С.108; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья... С.141, 146; Самарская летопись. Кн. 2. С.124.

³³ Монастырский П. Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884. С.48.

³⁴ Там же. С.167-168.

³⁵ Отчет о коммерческой деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 1894 год. Самара, 1895. С.20.

³⁶ Там же. С.19.

³⁷ Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья. Чебоксары, 1994. С.19.

³⁸ Лященко П.И. Указ. соч. С.247.

³⁹ Там же. С.19-20.

⁴⁰ Краткий обзор коммерческой деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 1894 год. С.19.

⁴¹ Там же. С.21.

⁴² Там же. С.21-22.

⁴³ Там же. С.23-24.

⁴⁴ Там же. С.26.

⁴⁵ Там же. С.27-28.

⁴⁶ Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. СПб., 1912. С.332-333.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С.333.

⁴⁹ Рассчитано по: Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. Вып.6. 1892; Хлебные грузы: Общие итоги отправления. СПб., 1893. С.1-59.

⁵⁰ Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX - начале XX века. Саратов, 1981. С.138.

§ 3. Зерновое производство

Развитие зернового производства длительное время оставалось вне поля зрения историков-аграрников, что было связано с неразработанностью методики изучения этой проблемы. Лишь в некоторых новейших исследованиях по аграрной истории анализируются вопросы эволюции зернового производства в отдельных регионах и в целом по России¹.

Динамика и структура посевных площадей

В конце XIX — начале XX в. в земледельческом производстве происходили качественные изменения, связанные с дальнейшим развитием капитализма в сельском хозяйстве, углублением специализации, заменой простейших орудий труда усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем и машинами, проведением столыпинской земельной реформы. Росту сельскохозяйственного производства способствовало развитие водного и железнодорожного транспорта, а также наличие в Поволжье большого числа мукомольных предприятий, что создавало условия как для переработки зерна, так и для широкого товарного обмена внутри России и вывоза хлеба за границу.

Анализ динамики и структуры посевных площадей дан нами на основе использования материалов официальной статистики издания Центрального статистического комитета "Урожай 18...-го года". Несмотря на все недостатки урожайной статистики, ее данные, как отмечает И.Д.Ковальченко, "позволяют раскрыть важнейшие аспекты развития земледелия. При этом целесообразнее всего опираться на сведения ЦСК как наиболее полный, однородный и доступный исследователям комплекс данных"². А.М.Анфимов, говоря о методике сбора сведений ЦСК по урожайной статистике, также подчеркивает, что этот массовый источник позволяет проследить "основные тенденции в развитии русского земледелия и в изменении роли отдельных культур в этом развитии"³.

Земледелие являлось основной отраслью хозяйства Поволжья. В нем были заняты практически все жители села. Исключение составляла Астраханская губерния, которая относилась не к производя-

щим, а к потребляющим хлеб. Лишь крестьяне Енотаевского, Черногоярского и Царевского уездов занимались сельским хозяйством. Поэтому изучение зернового производства в Поволжье проводилось нами на основании данных по Казанской, Пензенской, Симбирской, Самарской и Саратовской губерний.

В начале XX века посевные площади увеличились как в целом регионе, так и в отдельных губерниях. Динамика посевных площадей фиксирует колебания роста и снижение посевных площадей как в целом в губерниях Поволжья, так и на надельных и частновладельческих землях. Эти колебания были вызваны многими причинами, прежде всего развитием торгово-капиталистического земледелия, хозяйственной конъюнктурой, почвенными и климатическими условиями и т. д.

По росту посевных площадей на первом месте в регионе находилась Самарская губерния (см. табл. 1). Здесь уже в 1901-1905 гг. прирост по сравнению с 1897 годом колебался от 12 до 22%.

Во втором пятилетии (1906-1910 гг.) произошло дальнейшее увеличение посевных площадей. Наибольший прирост в губернии наблюдался в третьем пятилетии (1911-1915 гг.). Второе место по росту посевных площадей занимала Саратовская губерния, где темпы роста посевов были также высоки, особенно в 1911-1915 гг. Промежуточное положение занимала Пензенская губерния. Менее значительным был прирост посевов в Казанской и Симбирской губерниях. Следовательно, существенное увеличение посевных площадей произошло в губерниях с более высоким уровнем развития капитализма в земледелии. По сравнению с 1897 годом посевные площади выросли к 1914 году в Самарской губернии на 31,2%, в Саратовской — на 25,6%, в Пензенской — на 12,9%, Казанской — 10,8, в Симбирской — на 9,4%, а в целом по региону — на 21,2%. По данным В. Г. Тюкавкина, с 1901 по 1913 г. посевные площади в России выросли на 4%, тогда как в — в 2 раза Сибири⁴. По темпам прироста посевных площадей Поволжье опережало Россию, но отставало от Сибири. Это объясняется тем, что к началу XX века процесс колонизации завершился в Казанской, Симбирской, Пензенской, а также в лесостепных уездах Самарской и Саратовской губерний. Рост посевных площадей здесь шел за счет запашки залежей, лугов и пастбищ, проведения мелиоративных работ, расчистки леса и т. д.

Более значительное расширение посевных площадей в Самарской и Саратовской губерниях произошло за счет южных уездов, где интенсивно развивалось торговое зерновое земледелие и имелся большой фонд неосвоенных земель государства. Этот район все еще привлекал к себе новых переселенцев.

В период первой мировой войны произошло сокращение посевных площадей во всех поволжских губерниях. Пагубное влияние войны сказалось уже в 1915 году. За исключением Самарской губернии, в которой произошел рост посевов, в остальных наметилась тенденция к сокращению посевных площадей, которая особенно проявилась в 1916-1917 гг. Это связано с мобилизациями мужского населения в действующую армию, реквизициями скота, что подтверждают как официальные делопроизводственные документы и отчеты, так и земское обследование, проведенное в 1915-1916 гг. в Самарской губернии. В 65% ответов указано, что главной причиной сокращения посевных площадей был недостаток рабочих рук⁵. Сокращение посевных площадей шло за счет уменьшения ярового клина, особенно в южных уездах Самарской губернии. По данным А.М.Анфимова, посевные площади в губернии сократились в 1915-1916 гг. на 24%⁶. По сведениям земской статистики, у крестьян посевы уменьшились на 17,2%, у частных владельцев — на 20%⁷. В Саратовской губернии посевные площади сократились на 20%, в Симбирской — на 15%.

Темпы роста посевов на наделных и частновладельческих землях были различны. В Самарской губернии прирост составил 17,3% на наделных и 74% на частновладельческих землях в Саратовской — 7,6 и 57,7%, Казанской — 5,8 и 48,7% соответственно. В Пензенской губернии посевы на наделных землях увеличились лишь на 3,4%, на частновладельческих — на 31,5%, в Симбирской — на 3,2 и 21,4%.

Говоря о соотношении крестьянских и частновладельческих посевов, следует отметить, что в 1901-1905 гг. в Казанской губернии посевы на наделных землях составляли 87,1% от общего количества посевной площади губернии, а на частновладельческих — 12,9%, затем при общем увеличении посевных площадей в 1906-1910 гг. удельный вес крестьянских посевов несколько снизился, а частновладельческих возрос (см. табл. 2). В третьем пятилетии (1911-1915 гг.) наблюдался рост посевов на наделных землях и снижение на част-

новладельческих. Та же тенденция в соотношении крестьянских и частновладельческих посевов прослеживается в Симбирской, Пензенской, Самарской и Саратовской губерниях. Отметим, что рост посевов на наделных землях в 1911-1915 гг. был более высоким в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях, менее значительным — в Казанской и Пензенской. В Поволжье в 1911-1915 гг. произошло сокращение посевов на частновладельческих землях. Особенно интенсивно сокращение посевных площадей происходило в хозяйствах помещиков. По данным земской статистики, помещики Саратовской губернии в 1901 г. засевали 371,3 тыс. десятин, а в 1909 г. — 290,6 тыс. дес.⁸ В Самарской губернии в трех крупных имениях размером более 10 тыс. дес. под посевом находилось 10% удобных земель⁹. О сокращении посевных площадей у помещиков Самарской губернии свидетельствуют и материалы фонда Самарского отделения Государственного Дворянского банка. Во многих делах о залоге имений встречаются записи: “Вся пахотная земля, — писал 17 июля 1901 г. помещик Бузулукского уезда А. Ф. Племянников, — сдавалась крестьянам на 1 год”¹⁰. Помещица В. А. Усаковская в 1916 г. большую часть земли сдавала в аренду на один посев. “Собственное хозяйство, — отмечает чиновник Дворянского банка, — ведется в небольших размерах”¹¹. Далее указывается, что до начала первой мировой войны и даже в 1915 г. на эту землю был большой спрос со стороны крестьян сел Ключи и Солянка. Эти и другие факты говорят о том, что в начале XX века шел процесс падения роли помещичьего хозяйства в земледельческом производстве¹². Но если помещики сокращали посева, то другие частные землевладельцы — купцы, крестьяне и мещане — увеличивали посева в своих экономиях. Однако материалы урожайной статистики не дают возможности выявить удельный вес посевной площади в отдельности у помещиков, купцов, мещан и крестьян, так как составители этого издания объединяли их в категорию частных владельцев. Вот почему по данным ЦСК на частновладельческих землях в регионе было не снижение, а рост посевных площадей.

Эта тенденция к расширению хлебных посевов на владельческих землях наметилась еще в 70-е годы XIX в. Она, как убедительно показал А. С. Нифонтов, продолжалась до конца XIX в.¹³ Рост посевных площадей на частновладельческой земле имел место в поволжс-

ких губерниях и в первом десятилетии XX в. при одновременном сокращении посевов в имениях помещиков.

Масштабы расширения посевной площади не были равномерными в разных губерниях Поволжья. Более интенсивнее земледелие развивалось в Самарской губернии. В 1901-1905 гг. на ее долю приходилось 35% посевной площади региона, а в 1917 году этот показатель возрос до 38,8% (см. табл. 3). На втором месте находилась Саратовская губерния. Здесь наблюдался рост удельного веса посевных площадей вплоть до 1915 года.

В первом пятилетии (1901-1905 гг.) на долю Самарской и Саратовской губернии приходилось 58,8% посевов, в третьем пятилетии — 61,3%, тогда как удельный вес посевов Казанской, Симбирской и Пензенской губерний в 1901-1905 гг. составлял 41,5%, а в 1911 — 1915 гг. — 38,7%. В Самарской губернии посевная площадь с 1901 по 1914 г. увеличилась на 1451,7 тыс. дес. земли, в Саратовской — на 448,5, Казанской — на 110,5, Пензенской — на 37,5, Симбирской — на 35,4 тыс. дес.

Одним из показателей уровня развития земледелия является размер посева на душу сельского населения. По нашим подсчетам, с 1897 по 1914 год, несмотря на рост посевных площадей, этот показатель во всех поволжских губерниях имел тенденцию к снижению. Так, в Казанской губернии в 1897 г. на душу населения приходилось 0,88 дес. земли, а в 1914 г. — 0,75, в Симбирской — 0,83 и 0,72, в Самарской — 1,30 и 1,24 дес. соответственно. Это явление было отмечено также на IV губернском агрономическом совещании¹⁴. Если в Сибири рост посевной площади опережал рост численности населения, то в Поволжье, наоборот, увеличение площади посева отставало от прироста населения более чем в 2 раза.

Безусловно, темпы развития земледелия в Поволжье не могли быть более высокими, так как основная масса плодородных черноземных почв в среднем и нижнем течении р. Волги и ее притоков была освоена к концу XIX в. Дальнейшее расширение посевов в степных уездах требовало крупных денежных затрат, необходимых для проведения мелиоративных работ, строительства дорог и т.д., которое было под силу лишь государству, а также помещикам и крупным землевладельцам из купцов, мещан и крестьян, получавшим от Министерства земледелия ссуды на сельскохозяйственные

улучшения. Так, на проведение орошения полей с 1897 по 1 января 1916 г. было отпущено 44 ссуды землевладельцам Саратовской губ. в размере 302268 руб. На эти же цели более 265 тыс. руб. получили 62 помещика Самарской губернии¹⁵. Но чаще всего полученные деньги шли на удовлетворение личных потребностей владельцев экономий.

Важное значение для выяснения характера земледельческого производства и направления развития и размещения поволжского зернового земледелия имеет анализ структуры посевов сельскохозяйственных культур (см. табл. 4). При некотором снижении посевов озимой ржи в Казанской губернии эта культура продолжала занимать первое место среди как озимых, так и яровых хлебов. В Симбирской и Пензенской губерниях озимая рожь преобладала над посевами яровых.

По мнению Е.С.Карнауховой, особенности эволюции зернового хозяйства России выразились в росте удельного веса посевов пшеницы и ячменя и сокращении овса, а с 90-х годов XIX в. — ржи¹⁶. Тенденция к сокращению посевов ржи в этот период была отмечена и А.С.Нифонтовым¹⁷. Увеличение посевов ржи произошло в 1899-1900 гг. в Симбирской, а особенно в Казанской и Пензенской губерниях. Рост удельного веса посевов пшеницы происходил крайне медленно, посевы ячменя в Симбирской и Пензенской губерниях находились в течение всего изучаемого периода на одном и том же уровне. В Казанской и Саратовской губерниях посевы ячменя сократились, что, по мнению А.М.Анфимова, было вызвано ростом посевов технических культур¹⁸. Таким образом, в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях структура зернового производства не претерпела существенных изменений.

В Самарской и Саратовской губерниях происходило сокращение посевов озимой ржи при одновременном увеличении доли яровой пшеницы как главной рыночной культуры. Особенно велики были посевы пшеницы в Самарской губернии и достигали здесь 2 млн дес. в начале столетия до 2,7 млн дес. в 1914-1915 гг. Более 1 млн дес. были заняты пшеницей в Саратовской губернии. Удельный вес посевов пшеницы в 1911-1915 гг. достиг в Самарской губернии 60,76%, в Саратовской — 38,14 %. По размерам посевных площадей, занятых яровой пшеницей, Самарская губерния наряду с Донской областью

занимала первое место в Европейской России, а Саратовская губерния находилась после Екатеринославской, Оренбургской, Херсонской и Таврической.

Такое преобладание пшеницы в структуре посевов убедительно свидетельствует об основной направленности земледельческого производства этих губерний, заключающейся прежде всего в выращивании культуры на рынок, росте ее товарности.

Примерно на одном уровне и равный удельный вес в регионе занимали площади посевов озимой пшеницы и яровой ржи. Небольшое увеличение посевов овса произошло в Казанской и Пензенской губерниях, а в Симбирской, Самарской и Саратовской площади сократились. На первом месте в крае по количеству десятин посева этой рыночной культуры находилась Казанская губерния, за ней следовали Саратовская, Пензенская, Симбирская и Самарская. Повсеместно сокращались посевы полбы, в Саратовской губернии она занимала весьма скромное место. Уменьшились посевы гречихи в Казанской, Пензенской, Самарской и Саратовской губерниях. Неравномерность наблюдалась в посевах проса, гороха и чечевицы. В начале XX века произошел рост посевов картофеля. «Капиталистический характер процесса наглядно иллюстрируется увеличением роли картофеля в общем размере земледельческого производства»¹⁹. Особенно заметно тенденция к росту посевов картофеля проявилась в Пензенской и Симбирской губерниях. Посевы льна оставались на одном уровне, а конопли снизились.

Структура посевов сельскохозяйственных культур в Поволжье периода империализма сохраняла пестроту, но географическое размещение озимых и яровых хлебов свидетельствует о повышении товарности поволжского земледелия. Структура посевов была приспособлена к потребностям и запросам внутреннего и внешнего рынков. Казанская, Симбирская и Пензенская губернии входили в район производства озимой ржи и овса, а Самарская и Саратовская губернии — в район преобладания посевов главной рыночной культуры — яровой пшеницы.

Размещение и специализация земледелия

В исследованиях по аграрной истории России периода капитализма вполне правомерно отмечается, что к концу XIX века вполне

сложилась специализация сельского хозяйства²⁰. В работе “Развитие капитализма в России” В. И. Ленин отметил особенности развития сельскохозяйственного производства от промышленности. “По самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, не похожим на соответствующий процесс в индустрии. Промышленность обрабатывающая раскладывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае — одного, в другом случае — другого рыночного продукта, причем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту. Поэтому формы торгового земледелия отличаются гигантским разнообразием, видоизменяясь не только в различных районах, но и различных хозяйствах”²¹. На развитие земледелия в Поволжье оказывали влияние почвенные и климатические условия, особенности колонизации, а также направление и темпы развития капитализма в земледелии. Например, в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях специализация сельского хозяйства сложилась еще при крепостном праве. В пореформенный период здесь медленно происходили изменения в структуре посевов, наряду с расширением производства таких традиционных культур, как озимая рожь и овес; несколько возросло производство товарных культур пшеницы и ячменя.

Известно, что в 70-80 гг. XIX в. шло интенсивное освоение степных просторов Самарской, Саратовской и Оренбургской губерний. Здесь с каждым годом расширялись посевы такой рыночной культуры, как пшеница, складывалось торгово-капиталистическое земледелие, а данные окраинные земледельческие губернии стали новым очагом зернового производства. Эта особенность экономического развития степного Заволжья была подчеркнута В. И. Лениным: “Земледелие здесь развивается всего быстрее (сравнительно с другими районами России), и эти губернии отесняют на второй план среднечерноземные губернии, первенствовавшие раньше... Таким образом, происходит **перемещение** главного центра производства зерна: в 1860-х и 1870-х годах среднечерноземные губернии стояли впереди всех, а в 1880-х годах они уступили первенство степным и нижневолжским губерниям; производство зерна в них начало **понижаться**”²².

В начале XX века произошло углубление специализации земледелия. Рассмотрим пространственное, географическое размещение зерновых культур. В соответствии с почвенными и климатическими условиями, рельефом местности в Поволжье выделяются три природные зоны: лесная, лесостепная и степная. В лесных и лесостепных уездах Казанской губернии высевались преимущественно озимая рожь и овес. Они занимали в 1900 г. 77,2% от всей площади крестьянских посевов. К 1914 г. удельный вес этих культур составил 76,8%. В хозяйствах частных владельцев посевы озимой ржи и овса составляли в 1900 г. 84,3%, а в 1914 г. — 81,5%. В 1900 г. наибольших размеров посевы озимой ржи и овса достигли у крестьян Чистопольского, Казанского, Мамадышского, Тетюшского, Спасского, Лаишевского и Цивильского уездов. У земледельцев Спасского уезда под посевом озимой ржи находилось более 30 тыс. дес., Чистопольского — 27, Лаишевского — 26 тыс. дес. Посевы овса в Спасском уезде составили 23,1 тыс. дес., Лаишевских — 18, Чистопольском — 16 тыс. дес.

К 1914 году увеличились в 5 раз посевы яровой пшеницы в крестьянских хозяйствах Чистопольского уезда, в 2 раза — Казанского, Мамадышского, Тетюшского. Производство ячменя было сосредоточено в Козьмодемьянском, Цивильском, Чебоксарском и Ядринском уездах, а гречихи — в Казанском, Мамадышском, Чистопольском, Лаишевском и Спасском.

В Курмышском и Буинском уездах Симбирской губернии 80% всей посевной площади находилось под озимой рожью и овсом. Наряду с этими традиционными культурами к началу XX в. увеличились посевы яровой пшеницы. Так, в Сызранском уезде они составили 14,8 тыс. дес. в крестьянских хозяйствах и 18,6 — в частновладельческих. Более 15 тыс. дес. земли засевали пшеницей крестьяне Алатырского уезда, 11 — Ардатовского. Посевы проса занимали 25,3 тыс. дес. земли в Сызранском уезде и 20,1 — в Сенгилеевском²³.

В Пензенской губернии в начале XX в. посевы озимой ржи и овса размещались по всем уездам. Первое место по посевам озимой ржи занимал Чембарский уезд — 49,3 тыс. дес. на крестьянских и 46,4 тыс. дес. на частновладельческих землях. За ним шли Инсарский, Краснослободский, Пензенский, Н.-Ломовский, Городищенский уезды. Посевы яровой пшеницы и ячменя в губернии были

незначительны. В Пензенском, Мокшанском и Саранском уездах были сосредоточены посевы гречихи, а в Чембарском, Н.-Ломовском, Пензенском, Краснослободском и Наровчатском — проса. В период империализма в Пензенской губернии увеличились посевы под картофелем.

Бугульминский и Ставропольский уезды Самарской губернии входили в зону лесостепей, а северная часть Самарского и Бугурусланского уездов — предстепья. Здесь озимые хлеба занимали половину посевной площади на наделных крестьянских землях²⁴. Посевы овса равномерно распределялись по всем уездам губернии и занимали в Бугульминском уезде 52,5 тыс. дес., Бузулукском — 47,4, Бугурусланском — 48, Николаевском — 42,7 тыс. дес. На юге Самарского, Бугурусланского, в Бузулукском, Николаевском и Новоузенском уездах преобладали посевы яровых, преимущественно яровой пшеницы. Здесь было сосредоточено более 93% от всего количества посевов в губернии этой рыночной культуры. С 1900 по 1914 год произошло дальнейшее расширение посевов пшеницы. Крестьянские посевы увеличились за это время на 569,7 тыс. дес., частновладельческие — на 38,4 тыс. дес. Рост посевов произошел во всех уездах: в Ставропольском — в 3 раза, Самарском и Бугурусланском — в 2, в Бузулукском — в 1,4 раза. Первое место по посевам пшеницы как на крестьянских, так и на частновладельческих землях занимали Новоузенский и Николаевский уезды, за ними шли Бузулукский, Бугурусланский и Самарский. Посевы ячменя и проса находились также в зоне торгового зернового земледелия. Производством гречихи занимались крестьяне Бугульминского и Бугурусланского уездов.

В Саратовской губернии можно выделить три зоны, в которых доминировали одна или две-три зерновые культуры. В северной части губернии — Кузнецком, Петровском и Сердобском уездах — сеяли озимую рожь, овес и просо. Промежуточное положение занимали Хвалынский, Вольский и Саратовский уезды, а также западные части Балашовского и Аткарского, где преобладали рожь, пшеница и подсолнух. Яровая пшеница высевалась в Камышинском, Царицынском, на юге Аткарского и Балашовского уездов, а также прилегающих к Волге территориях Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов²⁵. Этот район входил в зону торгового зернового земледелия. Подобная схема размещения зерновых культур подтверждается

и материалами урожайной статистики. В уездах с сохранением крепостнических пережитков — Петровском, Сердобском и Кузнецком — посевы яровой пшеницы были незначительны. К 1900 г. по посевам этой рыночной культуры выделялись Камышинский уезд — 180,5 тыс. дес., Хвалынский — 62,4, Аткарский — 53,8, Царицынский — 43,6 тыс. дес. Больших размеров достигли посевы и у частных землевладельцев Балашовского уезда — 81,4 тыс. дес., Камышинского — 58,5, Аткарского — 59, Саратовского уезда — 50 тыс. дес. В последующий период посевы пшеницы увеличились повсеместно, за исключением Петровского, Сердобского и Кузнецкого уездов.

Рассмотрим изменения в структуре крестьянских посевов и размещении культур в регионе и в отдельных губерниях. В изучаемый период в Поволжье произошло сокращение посевов озимой ржи несмотря на то, что в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях наблюдался рост посевов этой культуры (см. табл. 5). Площадь под озимой рожью уменьшилась в крае на 10,1%, причем в Самарской губернии — на 29,8%, в Саратовской — на 11,6%. Как в целом по Поволжью, так и в Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях посевы озимой ржи занимали первое место среди зерновых культур, а в Саратовской и Самарской губерниях — второе место. Посевы озимой пшеницы и яровой ржи как в отдельных губерниях, так и в регионе были незначительны.

Посевы овса увеличились в Казанской и Пензенской губерниях, в Симбирской губернии они оставались на одном уровне, а в Самарской и Саратовской сократились. За исключением Пензенской губернии, повсеместно произошел рост посевов яровой пшеницы, но особенно значительным он был в Самарской и Саратовской губерниях, где эта рыночная культура занимала первое место. Здесь же увеличивались посевы ячменя. На 49,9% сократились посевы полбы, на 24,4% — гороха, на 9,1% — гречихи. Посевы гречихи возросли лишь в Самарской губернии. Повсеместно расширились посевы чечевицы, а сокращение посевов проса произошло в Пензенской, Самарской и Саратовской губерниях.

Посевы кукурузы увеличились в Самарской и Саратовской губерниях. Торговое значение имели посевы подсолнечника в Саратовской губернии, которая по производству этой культуры занимала второе место в России после Воронежской губернии²⁶. В Саратовской

губернии крестьяне засевали подсолнечником 78,1, в Самарской — 15,4 тыс. дес. Во всех губерниях произошел рост посевов картофеля. Наиболее значительным он был в Казанской, Симбирской, Пензенской и Самарской губерниях. Производство картофеля концентрировалось в Казанском, Лайшевском, Свяжском, Тетюшском уездах Казанской губернии, Симбирском, Ардатовском, Карсунском, Курмышском, Сызранском уездах Симбирской губернии, Новоузенском, Самарском, Бугульминском, Бугурусланском, Николаевском, Ставропольском уездах Самарской губернии, Н.-Ломовском, Чембарском, Краснослободском, Инсарском, Городищенском и Пензенском уездах Пензенской губернии, Петровском, Камышинском, Вольском, Аткарском и Саратовском уездах Саратовской губернии.

Посевы льна сократились повсеместно за исключением Казанской губернии, а конопли — Казанской и Самарской губерний.

Итак, в размещении сельскохозяйственных культур в Поволжье в начале XX в. происходили качественные изменения, свидетельствующие об углублении специализации сельского хозяйства. Специализация земледельческого производства отвечала насущным потребностям внутреннего и внешнего рынков, способствовала дальнейшему развитию зажиточного хозяйства, как в зоне торгового капиталистического земледелия, так и в районах с сохранением живых остатков крепостничества. В начале XX века продолжался процесс вытеснения тех культур, которые пользовались меньшим спросом на рынке, возрастал в связи с этим и удельный вес посевов рыночных культур. Об этом свидетельствует сокращение в крестьянских хозяйствах Поволжья посевов озимой ржи, овса, полбы, гречихи, проса, гороха, увеличение посевов яровой пшеницы, ячменя, чечевицы, картофеля²⁷.

На частновладельческих землях возросли посевы озимой ржи и яровой пшеницы, ячменя, проса, чечевицы, картофеля и конопли; сократились посевы овса, полбы, гречихи, гороха, льна (см. табл. 6). Естественно, и здесь наиболее существенный рост посевов рыночных культур наблюдался в хозяйствах Самарской и Саратовской губерний, которые производили 95,4% яровой пшеницы и 80,5% ячменя.

Помимо зерновых культур, картофеля, льна, конопли и подсолнечника, в Самарской и Саратовской губерниях крестьяне сеяли куку-

рузу. Но площадь посевов этой культуры была невелика — 1,4 тыс. дес. земли в Самарской, в Саратовской губернии — 1,6. Население Саратовской и отчасти Астраханской губерний занималось производством горчицы, посевы которой появились на юге Царицынского уезда в конце XVIII в. Центром горчичного производства в России стала немецкая колония Сарепта. Расширению посевов этой рыночной культуры способствовал широкий спрос на нее на внутреннем рынке. На крупных и мелких заводах перерабатывалось около 300 тыс. пудов горчицы. Горчичное масло и столовая горчица поступали в Москву, Петербург, на Нижегородскую ярмарку²⁸.

В кризисном состоянии находилось табаководство. В Самарской губернии в конце XIX в. немцы-колонисты Николаевского и Новоузенского уездов засеивали табаком низших сортов 4 тыс. дес. земли. Затем посевы табака в 1901-1905 гг. сократились до 1,9 тыс. дес., а в 1906-1910 гг. — до 1,6 тыс. дес. и остались на том же уровне в 1911-1915 гг.²⁹ В других губерниях Поволжья размеры плантаций табака были невелики: в Саратовской губ. — 10-20, в Симбирской — 20-60, в Пензенской — 130-140 тыс. дес.

Нижнее Поволжье, в которое включены Астраханская губерния и южные уезды в Саратовской губернии, было крупным центром по выращиванию овощных культур. В Астраханской губернии под садами, огородами бахчами было занято 30 тыс. дес. земли. Астраханские арбузы, дыни, огурцы, лук, помидоры, перец поступали на внутренний рынок России, на Кавказ и в Закаспийскую область. В 1904 г. из Астрахани было вывезено 2288 тыс. пудов фруктов, валовый доход от продажи овощей и фруктов составил 15 млн. руб.³⁰ В Пензенской губернии огородничеством и садоводством занимались крестьяне и помещики Пензенского, Наровчатского и Краснослободского уездов³¹.

В Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской губерниях промышленное значение имели сады и огороды в селах и деревнях. Главным образом, на рынок производили овощи крестьяне Александровской волости Саратовского уезда. Капусту выращивали крестьяне Вольского уезда³². Население Рождественской, Осиновской, Аскульской и Жигулевской волостей Сызранского уезда продавало овощи и фрукты жителям г. Самара³³. Торговое значение имели посевы овощей в селах Царицыно, Салмыги, Большие и Малые Клыки,

Константиновка, Борисково и Ометьево и в деревнях Киндереи, Большие и Малые Дербьшки Казанского уезда, а также в селах Теньки, Красновидово и Лабьшка Свияжского уезда³⁴. В Симбирской губернии под огородами было занято более 7 тыс. дес. Огородничество было распространено в селах Алатырского и Ардатовского уездов.

Наибольшего развития садоводство достигло в прибрежной полосе Волги и ее притоков. В Саратовской губернии сады находились на правом берегу р. Волги в окрестностях Саратова, Вольска, Хвалынска, Камышина, Царицына³⁵.

В Самарской губернии садоводство было сконцентрировано на узких полосах вдоль Волги в Ставропольском, Самарском, Николаевском уездах, а также в бассейнах рек Еруслана и Большого Узенья. В Симбирской и Казанской губерниях садоводство было развито во всех приволжских уездах. Значительная часть садов находилась в имениях помещиков. В Казанской губернии, например, садоводством занимались более 300 землевладельцев, площадь садов достигла 763 дес. земли³⁶, а в Самарской губернии у 261 помещика под садами было занято 603 дес.³⁷ Большинство владельцев сдавали сады в аренду. В имении В. В. Обухова при селенье Куралове имелся сад на 5 дес. земли, защищенный парком на черноземной почве, в возрасте более 50 лет. В 1907 г. сад был сдан в аренду за 400 руб.³⁸ Сдача садов в аренду на съём урожая практиковалась помещиками Симбирской и Самарской губерний³⁹.

В начале XX века получило развитие крестьянское садоводство. В Казанской губернии садоводством занимались 24918 домохозяев, или 6% от общего количества крестьянских дворов, в Самарской — 17357 дворов. Крестьянские сады были сосредоточены главным образом в Свияжском, Тетюшском, Козмодемьянском уездах. Промышленное значение имело крестьянское садоводство в Симбирском, Сызранском, Самарском, Новоузенском и Николаевском, Саратовском, Вольском, Хвалынском, Камышинском и Царицынском уездах⁴⁰. Под крестьянскими садами было занято в Казанской губернии 5050 дес., в Симбирской — 6400, Самарской — 4400, Саратовской — 14280 дес.⁴¹ Как правило, садоводством занимались зажиточные крестьяне, для них оно было одной из статей дохода. Большинство садов сдавалось в аренду. В Самарском уезде сады арендовали торговцы г. Самара, сел Екатериновка, Сороки, Черкассы⁴². Аренд-

ная плата была высокой и достигала 300-400 руб. за десятину⁴³. Сады арендовали как местные купцы и крестьяне, так и приезжие из Саратовской губернии и других поволжских городов⁴⁴. Наряду со сдачей садов в аренду широкое распространение получила эксплуатация садов без посредников. В Свияжском, Тетюшском, Козмодемьянском уездах 63,7% крестьян сами вели садовое хозяйство⁴⁵. Кроме продажи фруктов, важной статьёй дохода владельцев садов являлось производство посадочного материала. Крупными центрами этого промысла стали села Новая Яблонка, Подлесное, Ивановское Хвалынского уезда, Ваулино, Золотое, Утихино, Рогаткино Камышинского уезда, Козловка Курмышского уезда⁴⁶. Так, крестьянин с. Сюкеево Казанской губ. И.Липатов ежегодно продавал 3-4 тыс. саженцев на сумму от 400 до 500 руб.⁴⁷

Через поставки фруктов и овощей Поволжье в начале XX века усилило рыночные связи с другими регионами страны: это были преимущественно центральные губернии, Урал, Казахстан и Сибирь. Размещение и специализация земледелия оказывали существенное влияние на эволюцию аграрных отношений. В пригородных селах процесс развития капитализма протекал быстрее, так как зажиточная часть деревни обогащалась, специализируясь на производстве овощей и фруктов. Так же, как и в степных уездах, социальное расслоение крестьянства здесь шло быстрее, чем в лесостепных и лесных уездах края.

Системы земледелия

Рост производительных сил в деревне в начале XX века был связан с теми качественными изменениями, которые происходили в земледелии и были обусловлены углублением специализации, расширением посевных площадей, применением усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и машин и т.д. Но развитие земледельческого производства шло крайне медленно.

Важное значение при рассмотрении проблемы эволюции зернового производства имеет анализ систем земледелия в Поволжье. Известно выражение К.Маркса, что земля "постоянно улучшается, если правильно обращаться с ней"⁴⁸.

Проблема развития и смены систем земледелия в России в конце XIX — начале XX в. получила освещение как в трудах выдающихся

отечественных агрономов⁵⁰, так и в исследованиях советских историков-аграрников⁵¹. Говоря о смене отживающих систем новейшими, А. М. Анфимов отмечает их переплетение, “а иногда и закономерное их сосуществование в условиях одной и той же формации, диктуемое, например, почвенно-географическими и климатическими условиями”⁵². К этому следует добавить также наличие свободных неосвоенных земельных просторов или острое малоземелье, наблюдавшееся в уездах с преобладанием буржуазной эволюции прусского типа, что не могло не наложить отпечаток на эволюцию систем земледелия. Учитывая всю совокупность природных, экономических и социальных факторов, степень интенсификации земли и способы восстановления плодородия почвы, академик Д. Н. Прянишников выделял 4 системы земледелия: залежную, трехполье, плодосмен и промышленную⁵³.

В Поволжье ввиду различных климатических и почвенных условий, а также в связи с неодновременным освоением региона и разной степенью развития капитализма в сельском хозяйстве практически существовали все системы земледелия, применявшиеся в хозяйствах крестьян и помещиков в тех или иных регионах Европейской России.

В конце XIX века в Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях и в северных уездах Самарской и Саратовской губерний повсеместно была распространена трехпольная система земледелия, которая находилась (как и в других губерниях России) в кризисном состоянии⁵⁴. Лишь в части помещичьих хозяйств и экономиях “чумазных лендлордов”, купцов, мещан и крестьян, использующих капиталистическую систему ведения хозяйства, вводились многопольные севообороты. В отчетах уездных земских управлений Пензенской губернии за 1901 год отмечалось, что как у крестьян, так и у помещиков господствует трехпольная система. Исключение составляли Керенский, Краснослободский и Инсарский уезды. В Керенском уезде “некоторые частные владельцы, — указывалось в отчете, — начинают переходить к многопольной системе”⁵⁵, а в Краснослободском такие севообороты велись лишь на 443 дес. земли, в Инсарском в имении при с. Бервиль — на 500 дес.⁵⁶ Подобные сведения содержатся в отчетах земств Казанской губернии за 1907–1908 гг. “Преобладающей системой земледелия, — читаем в отчете

Казанского уездного земства, — является трехпольная; многопольная система встречается в немногих частных хозяйствах”⁵⁷. Из Царевкокшайского уезда сообщали: “Система земледельческого хозяйства ведется трехпольная...”⁵⁸. Характерно указание на причины сохранения трехполья. Так, в Чистопольском уезде “посев производится по прежней трехпольной системе за недостаточностью земли у крестьян”⁵⁹ (подчеркнуто нами. — П.К.).

Трехпольная система земледелия использовалась во всех крестьянских хозяйствах Симбирской губернии и сохраняла свои позиции в северной части Самарской⁶⁰. На юге Самарского и Бузулуцкого, в Николаевском, Новоузенском и Бузулукском уездах существовала залежная система, причем она преобладала у помещиков и других частных владельцев. В крупных имениях была залежная, а в средних и мелких — трехпольная система. Иногда существовали обе системы, например в имении В.Позднюнина в с. Карасевке Бузулукского уезда⁶¹. В условиях острого малоземелья крестьяне применяли трехпольные севообороты. На существование залежной и трехпольной систем на юге Самарской губернии указывал Д.Н.Прянишников. “Так, например, мне пришлось быть в 90-х годах в районе Бузулустана и наблюдать такую картину: у крупных помещиков было типичное залежное хозяйство с ковыльными степями, мериносовым овцеводством и сравнительно малой запашкой, а крестьянское хозяйство, как малоземельное, уже перешло к трехполью”⁶².

На юге Саратовской губернии (в Царицынском и в южной части Хвалынского и Камышинского уездов) сохранялось пестрополье — одна из ранних систем земледелия. Крестьяне пахали землю плугом один раз в два года и два раза бороновали. Вспашка производилась ранней весной под посев пшеницы, а рожь сеяли по стерне, заделывая семена бороной. При такой системе земледелия применялся севооборот: пшеница — рожь — пшеница — рожь — пшеница и т.д. Иногда после ржи земля оставалась в залежи на 2-4 года⁶³. Пестрополье было распространено в степных районах, где имелся фонд неосвоенных земель. Здесь целина поднималась под посев осенью плугами на 2-3 вершка. Затем весной высевались пшеница, или просо, или лен, а пашня забороновывалась в 5-6 следов. Крестьяне практиковали и такие севообороты: пшеница — просо — подсолнечник, или: подсолнечник — пшеница — ячмень. Ржи в районе пестро-

поля высевалось мало. Крестьяне мотивировали это тем, что “для ржи земля дорога”⁶⁴. Некоторые крестьяне считали, что рожь удобряет землю: “...после нее опять можно пшеницу сеять”⁶⁵.

В Саратовском уезде наблюдалось сложное сочетание систем земледелия: на юге пестрополье, в остальной части двуполье и трехпольная системы. Но здесь явно прослеживается стремление крестьян ввести плодопеременную систему. Наряду с такими севооборотами рожь — пшеница или просо — рожь, встречались: пшеница — подсолнечник — пшеница или ячмень. В пригородных селах половину пашни занимали посевы картофеля, а на остальной площади высевались пшеница, ячмень и овес⁶⁶. Крестьяне, вводя в севооборот пропашные культуры, полагали, что земля таким образом отдыхает под посевами картофеля и подсолнечника. Однако они начинали осознавать недостаточность обычного плодосмена для полного восстановления почвы. Острое малоземелье привело к исчезновению паров. “Так как земли мало, — говорили крестьяне, — под пар нечего оставлять”⁶⁷. Многопольные севообороты встречались в хозяйствах зажиточных крестьян Ивановской, Марининской и Александровской волостей. В район трехпольной системы входила северо-западная часть Саратовской губернии. Многие крестьянские хозяйства страдали от острого малоземелья и не были обеспечены в достаточной степени рабочим и продуктивным скотом. Здесь практиковались севообороты: пар — рожь — овес, или: пар — рожь — просо. Как правило, крестьяне пахали землю под рожь по 2-3 раза, под яровые — 1-2 раза. Удобрение в пашню вносилось эпизодически⁶⁸. Следовательно, в северо-западной части Саратовской губернии, где сохраняло свои позиции помещичье землевладение, использовалась трехпольная система, в Камышинском и Царицынском — залежная, а на юге — пестрополье⁶⁹. Вместе с тем, в капиталистических экономиках и хозяйствах немцев-колонистов наблюдалась тенденция к замене трехполья многопольной системой и травосеянию. “В последние годы в частновладельческих хозяйствах наблюдается, — отмечалось в земском исследовании, — довольно заметное стремление улучшить технику земледелия и этим поднять его доходность, сильно понизившуюся вследствие низких цен на хлеб, задолженности и частых неурожаев; удобрение полей, усовершенствованные орудия, многопольные системы и травосеяние... распространяются в тех частных хо-

зяйствах Саратовской губернии, которые оказались достаточно жизнеспособными⁷⁰. 28 корреспондентов земства высказалось положительно по поводу замены в хозяйствах помещиков трехпольной системы многопольной, что составило 18% от общего числа корреспондентских сообщений⁷¹. Переход частновладельческих хозяйств от трехполья к более сложным системам полеводства в Балашовском, Саратовском и Аткарском уездах зафиксирован земскими статистиками накануне первой русской революции⁷².

В частновладельческих хозяйствах Самарской и на юге Саратовской губернии залежная система приобрела характер многопольно-выгонной; отличие ее от прежней системы состояло в стремлении помещиков создать искусственные луга и пастбища, включаемые в севооборот, что способствовало развитию как зернового производства, так и животноводства⁷³. Четырехполье было распространено и в хозяйствах немцев-колонистов. Именно в этом районе Поволжья высевались сорта твердых и сильных пшениц: белoturки, кубани, египтянки. Крестьяне эмпирическим путем подошли к осознанию того, что при залежной системе необходимо сначала высевать набор пластовых растений: сорта твердой пшеницы, просо, масляный лен на зерно, через два года сеялась мягкая пшеница, а затем рожь и овес⁷⁴. Это и определяло, в конечном счете, продвижение твердых пшениц дальше в южные степные районы Поволжья.

Развитие капитализма в земледелии, оживление хозяйственной конъюнктуры в начале XX века, возросшие потребности внутреннего и внешнего рынков заставляли крестьян и помещиков отказываться от традиционных способов ведения хозяйства и использовать новые приемы агротехники, что нашло выражение в переходе от трехпольной к плодопеременной системе и травосеянию⁷⁵. Новый этап в эволюции систем земледелия в Поволжье связан с реализацией столыпинской земельной реформы, организацией опытных полей и участков в хозяйствах землеустроенных хуторян и отрубников. Известно, что для плодосмена как системы земледелия характерно чередование зерновых хлебных растений с пропашными культурами (картофель, кукуруза, свекла, подсолнечник) и травами. Кроме трав можно использовать бобовые растения, люцерну, горох⁷⁶. Как считает Д.Н.Прянишников, предпосылкой к переходу от трехполья к плодосмену служит введение в ротацию севооборота клеверного

поля⁷⁷. Говоря о развитии травосеяния в Поволжье, следует отметить, что интенсивнее оно распространялось в Самарской, Саратовской и Пензенской губерниях, менее интенсивно — в Симбирской и Казанской. Так, посевная площадь кормовых трав с 1901 по 1917 год увеличилась в регионе в 2,8 раза, в Самарской губернии — в 5 раз, в Пензенской — в 2,9 раза, в Саратовской — в 1,7 раза. Некоторый рост посевов трав произошел в Казанской и Симбирской губерниях (см. табл. 7). Продажей семян овса шведского и шатиловского, люцерны, красного клевера, ковра и других трав занимались уездные земства⁷⁸. Анализ структуры посевных площадей и специализации сельскохозяйственного производства показал, что пропашные культуры, как правило, получили большее распространение в Самарской и Саратовской губерниях. Все это свидетельствует о том, что в Казанской, Пензенской и Симбирской губерниях в сельской общине продолжала сохраняться трехпольная система земледелия с принудительным севооборотом⁷⁹. Трехполье преобладало и в большей части хуторских и отрубных хозяйств как с посевом до 5 дес., так и в высших группах с посевом свыше 10 дес. Например, в одном из крестьянских хозяйств Чебоксарского уезда Посадско-Сотниковской волости площадь пахотной земли равнялась 3 дес. «Севооборот принят трехпольный. Высевается ежегодно: озимой ржи 1 дес., яровой пшеницы — 1 дес.»⁸⁰. Подобное явление наблюдалось и в отрубном хозяйстве Мамадышского уезда. «Всего в хозяйстве 11,79 дес. пахотной земли. Вся пашня, — читаем в сообщении корреспондента, — обрабатывается самим хозяйством. Севооборот принят трехпольный. Высевается ежегодно: озимой ржи 4 дес., овса — 3 дес., гороха — 7 дес.»⁸¹ Но в данном случае в севообороте присутствовали элементы плодосмена. В мелких помещичьих имениях и крупных латифундиях, сохранявших в общественно-экономическом строе крепостнические пережитки, также преобладала трехпольная система земледелия. При заключении арендных договоров помещики обязывали крестьян на снятой в аренду земле вести трехпольное хозяйство. Такое условие выговорил при сдаче 1390 дес. земли А. М. Козлов, владелец имения при селе Брыковке Николаевского уезда Самарской губ.⁸² В хозяйствах смешанного типа и с преобладанием капиталистической системы, как правило, вводились многопольные севообороты.

В имении графа С. Д. Шереметьева при станции Баланда Аткарского уезда Саратовской губернии применялись два севооборота: че-

тырехпольный и залежный с переходом к семнадцатипольному. Проводилось задержание снега на полях и дождевание⁸³. Плодосмен успешно использовался в капиталистической экономике В.В.Обухова при с. Куралово Свияжского уезда. Всего в имении под посевом находилось 1200 дес., 300 из которого занимала озимая рожь альпийская, 300 – овес шведский, 50 – вика черная, 250 – картофель алкаголь. Болотистые угодья очищались и засеивались костром⁸⁴. Четырехпольный севооборот был введен и в экономике К.И.Курлина при с. Шмелевке Самарской губернии: здесь 2220 дес. земли находилось под рожью и пшеницей и 270 дес. – под посевными травами⁸⁵. По нашим подсчетам, в 15,1% помещичьих хозяйств Самарской губернии существовала многопольная система земледелия⁸⁶. По данным А.М.Анфимова, удельный вес многопольной системы земледелия составил в Средневолжском районе 7,5%, в Нижневолжском – 16,4%⁸⁷.

Определенное влияние на рост зернового производства оказывало применение удобрений. В Казанской, Симбирской, Пензенской и северных уездах Самарской и Саратовской губерний как крестьяне, так и частные владельцы удобряли поля навозом. Потребность в удобрении особенно сильно ощущалась в районах интенсивной эксплуатации земли и господства трехпольной системы – там, где плотность населения была наибольшей. В северных уездах Саратовской губернии 54,6% сообщений свидетельствовали о применении удобрений. С продвижением на юг удельный вес таких сообщений сокращался и в Камышинском и Царицынском уездах составил лишь 2%⁸⁷. Удобрение земли как в крестьянских, так и в помещичьих хозяйствах распространялось по губернии крайне неравномерно⁸⁸. Оно не применялось на землях крестьян Царицынского и Камышинского уездов и было распространенным явлением в Кузнецком, Сердобском, Петровском, Хвальнском и Вольском уездах. Вместе с положительными ответами о применении удобрений в корреспонденциях было много и таких сообщений: “удобрение применяется некоторыми крестьянами” или “удобряются только ближние поля”⁸⁹. В некоторых корреспонденциях подчеркивалось отрицательное влияние общинного землевладения на распространение удобрения: “Если бы не общинное владение, то каждый домохозяин лучше бы постарался выхаживать свою полосу, а то не знаешь – кому на следующий год достанется по разделу твоя удобренная полоса”⁹⁰.

О слабом распространении удобрений на полях крестьян и помещиков свидетельствуют сообщения из Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губернии. В них, как правило, отмечалось: «Пашня под рожь не удобрялась... не удобрялась она, конечно, и под яровой посев»⁹¹.

В районах с сокращением крепостнических пережитков крестьяне вывозили навоз на ближние поля. Из-за недостатка рабочего и продуктивного скота, невозможности вывезти навоз на дальние поля, нужды в деньгах и других причин крестьяне продавали навозные скопы помещикам⁹². Так, в экономии Л. М. Гильхен при деревне Александровке Бугульминского уезда на поля вывозился навоз со скотного двора имения и приобретенный у крестьян, причем плата была только за доставку навоза⁹³.

В период проведения столыпинской земельной реформы земства через сельскохозяйственные склады вели продажу суперфосфата и других искусственных удобрений. С 1908 по 1913 год в Самарской губернии было продано 7106 пудов суперфосфата⁹⁴.

В начале XX века увеличилось количество усовершенствованного инвентаря и машин, улучшилась обработка пашни и посевов зерновых и технических культур. Глубина пахотного слоя зависела от многих факторов — почвенных условий, наличия доброкачественного живого и мертвого инвентаря. В нашем распоряжении имеется «Анкета — вопросный лист» Главного управления государственного коннозаводства за 1914 год. Ее ответы дают представление о качестве обработки пашни. Например, глубина пашни в Бугульминском уезде колебалась от $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ вершков, редко практикуется вспашка на предельную глубину, что вызывает дальнейшее распыление почвы»⁹⁵. В Бугурусланском уезде глубина пахотного слоя достигала от 2 до 5 вершков, в Ставропольском — от 2 до $3\frac{1}{2}$, в Самарском — от $2\frac{1}{2}$ до 4, в Бузулукском — от 2 до 4 вершков. В Николаевском и Новоузенском уездах «пашня, — отмечалось в ответах корреспондентов, — нередко очень тяжела, вследствие особенностей почвы и климата глубина (пахотного слоя. — П. К.) $3\frac{1}{2}$ — 4 вершка»⁹⁶. Естественно, что в капиталистических экономиках и хозяйствах фермерского типа качество обработки земли было выше. На землях, сдаваемых помещиками крестьянам в аренду на один год, удобрение не вносилось и обработка почвы велась традиционными приемами и способами.

Анализ эволюции систем земледелия свидетельствует о том, что наличие помещичьего землевладения, малоземелье крестьян тормозило этот процесс, но, тем не менее, новое пробивало дорогу. «Как ни медленен прогресс, — указывал В.И. Ленин, — но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т.д.»⁹⁷.

Таким образом, в начале XX века в эволюции систем земледелия, в агротехнике и агрокультуре происходили качественные сдвиги, свидетельствовавшие о несомненном поступательном развитии капитализма в земледелии, что привело к росту сельскохозяйственного производства, урожайности зерновых культур и усилению связей Поволжья с рынком. Решающие успехи в освоении земель и развитии земледельческого производства в крае были достигнуты путем неустанным творческим трудом русских и украинцев, мордвы, татар, мари, чувашей — всего многонационального крестьянства, которое проживало и трудилось на берегах великой реки Европейского континента — Волги.

Итоги развития зернового производства

В начале XX века в связи с ростом посевных площадей, эволюцией систем земледелия, применением усовершенствованного инвентаря увеличился объем валовых сборов зерна и картофеля. В первое пятилетие XX в. удельный вес валовых сборов зерна составил в регионе 414951 тыс. пудов, или 12,9% от сборов Европейской России, а картофеля — 58297, или 5,2%. В 1905-1910 гг. произошло дальнейшее увеличение сбора как зерновых, так и картофеля. Возросло количество собранного зерна и в 1911-1915 гг., хотя удельный вес зерновых в общих сборах Европейской России снизился на 0,4%; что касается картофеля, то по сравнению со вторым пятилетием валовые сборы увеличились на 15671 тыс. пудов и составили 90192 тыс. пудов (см. табл. 8).

Наибольший объем валовых сборов был достигнут в Самарской и Саратовской губерниях. В 1901-1905 гг. он составлял в Самарской губернии 29,6%, в Саратовской — 23,1, в Казанской — 18,9, в Сим-

бирской – 14,5, в Пензенской – 13,7%. Лидирующее положение в производстве зерна Самарская и Саратовская губернии сохраняли во втором и третьем пятилетиях. Так, в 1911-1915 гг. удельный вес валовых сборов в Самарской губернии достиг 35,6% от общего количества собранного зерна в Поволжье, в Саратовской – 21,8, в Казанской – 16,6, в Симбирской – 12,7, в Пензенской – 13,1%.

Обратимся к анализу соотношения валовых сборов на крестьянских наделных и частновладельческих землях. В 1901-1905 гг. валовые сборы зерна составили на крестьянских землях 53,3%, а на частновладельческих – 36,7%, картофеля – 71,8 и 28,7% соответственно. В 1906-1910 гг. удельный вес валовых сборов у крестьян снизился до 58,3%, а у частных владельцев возрос до 41,7%, наблюдалось также снижение у первой категории владельцев сборов картофеля⁹⁸. Наконец, в 1911-1915 гг. произошел рост валовых сборов у крестьян и сокращение у землевладельцев, в то же время валовые сборы картофеля у них неуклонно росли как во втором, так и в третьем пятилетии. Если говорить об удельном весе валовых сборов в крестьянских хозяйствах, то следует выделить Самарскую губернию.

Средние сборы за 1901-1910 гг. всех зерновых культур здесь составили 63% от всего количества валовых сборов губернии. Наибольшие сборы были в Новоузенском (24 млн пудов) и Бузулукском (22,1 млн пудов) уездах. Крестьяне Симбирской губернии ежегодно собирали 56,7, Пензенской – 55,4, Саратовской – 46,7 млн пудов⁹⁹. Валовые сборы озимой ржи наиболее высокими в 1914 г. были в Пензенской губернии и составили 69,8% от всех сборов, а на крестьянских землях – 32,7%; в Симбирской губернии 63,3 и 31,9, в Казанской – 56,3 и 44,8, в Саратовской – 42,3 и 17,6% соответственно. Высокими валовые сборы яровой пшеницы были в Самарской губернии. Здесь они достигли 67,6%: на крестьянских – 37,5 и на владельческих – 30,1%; в Саратовской – на наделных – 16,5%, на землях помещиков – 21,9%.

Отсутствие источников затрудняет определение количества производимого хлеба у беднейших слоев, середняков и зажиточных верхов деревни, т.е. в разных группах крестьянства. Мы можем лишь говорить о концентрации посевных площадей в руках зажиточных крестьян. Так, в 1910-1911 гг. в Симбирской губернии 50% дворов малоимущего крестьянства имели в своем распоряжении 21,8% по-

севной площади, а 18% дворов высшей группы — 47,5%¹⁰⁰ посевной площади.

Сравнивая соотношение валовых сборов зерна у двух основных категорий владельцев, мы отмечаем, что в третьем пятилетии происходит не только сокращение посевов у частных владельцев, но и падение их роли в зерновом производстве региона. Общее увеличение валовых сборов на территории Поволжья говорит о росте товарности сельскохозяйственного производства, расширении связей производителей с внутренним и внешним рынками, его торгово-капиталистической направленности.

Валовые сборы зерна в Поволжье в 1901-1910 гг. росли медленнее, чем посевные площади. Так, посевные площади достигли 115,2%, а валовые сборы — 101,9%. Как уже отмечалось, рост валовых сборов произошел в 1911-1915 гг., но и он продолжал отставать от прироста посевов (табл. 9). Резкое снижение сборов произошло в 1916-1917 гг. в связи с сокращением посевных площадей, мобилизациями запасных на фронт, реквизициями рабочего и продуктивного скота. Поволжские губернии из производящих зерно губерний превратились в потребляющие, что способствовало обострению классовых противоречий как в городе, так и в деревне.

Рост населения в начале XX века шел быстрее валовых сборов зерна, что влияло на такие важные показатели, как количество пудов хлеба на одного жителя и удельный вес чистых сборов хлебов. В совокупности все это наглядно свидетельствует об экстенсивном характере земледельческого производства. Увеличение объемов валовых сборов происходило за счет расширения посевных площадей и в меньшей степени за счет интенсификации земледелия — внесения удобрений, применения усовершенствованного инвентаря и новых приемов агротехники¹⁰¹.

В динамике валовых сборов зерна наблюдались значительные колебания, что непосредственно влияло на социально-классовую структуру крестьянства, мобильность типов хозяйств, а также на другие стороны производства, например на развитие животноводства. Эти подъемы и спады в сборах зерновых хлебов были вызваны также почвенными и климатическими условиями. Известно, что Поволжье находится в зоне кризисного земледелия. Здесь через каждые три-четыре года в связи с засухой был обычно частичный или полный

неурожай хлебов. Неурожайными годами были 1903, 1906, 1911, 1914, а урожайными — 1904, 1909, 1912, 1913 и 1915 годы¹⁰². Истощение почв способствовало падению урожайности хлебов. Анализируя урожайную статистику России 70-х годов XIX века, К. Маркс пришел к выводу: «Почва, которая непрерывно истощается и не получает путем искусственного, растительного и животного удобрения и т.п. — необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, то есть от независимых от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по величине урожаи... При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия пролагают путь голодному году, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. Наоборот, голодный год и тем более ряд следующих за ним неурожайных лет, позволяют минералам, входящим в состав почвы, накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия...»¹⁰³. Эта тенденция, отмеченная К. Марксом в 70-80 гг. XIX в., прослеживается и в начале XX в. Урожайность хлебов в Поволжье как на надельных, так и на частновладельческих землях была подвержена довольно широким колебаниям. В начале XX в. наметилась тенденция к росту урожаев, что несомненно свидетельствовало о развитии производительных сил деревни. Приведенные в табл. 10 данные дают представление о динамике урожайности в губерниях Поволжья. Урожайность озимой ржи на надельных землях в Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской губерниях снизилась во втором пятилетии (1905-1910 гг.), а затем увеличилась в 1911-1915 гг. Та же тенденция прослеживается и на частновладельческих землях в Казанской, Самарской и Саратовской губерниях. В Пензенской губернии урожаи озимой ржи возросли на крестьянских и частновладельческих землях, а в Симбирской — лишь на частновладельческих. У крестьян урожай озимой ржи с десятины земли были на 20-25% ниже, чем у землевладельцев, что объясняется более высоким качеством земельных угодий у помещиков, внесением удобрений, применением усовершенствованного инвентаря¹⁰⁴. Немаловажное значение имели сроки посева и уборки зерновых. Так, например, в Самарской губернии крестьяне сеяли и убирали урожай на один-два дня позднее землевладельцев¹⁰⁵. Помещики

и зажиточные крестьяне покупали новые сорта зерновых культур на сельскохозяйственных складах и пользовались услугами семенных обозов, которые улучшали качество посевного материала.

Урожай яровой пшеницы также были подвержены колебаниям, но рост их произошел в Самарской и Саратовской губерниях. В Пензенской и Симбирской губерниях урожай понизился на наделных и частновладельческих землях, а в Казанской губернии сократился в 1905–1910 гг. и затем возрос в 1911–1915 гг., но уровня 1901–1905 гг. не достигли; на частновладельческих землях во втором пятилетии урожайность повысилась, а затем сократилась до уровня первого пятилетия. Снизились урожай овса на землях крестьян и частных владельцев в Казанской и Симбирской губерниях, а в Пензенской, Самарской и Саратовской урожайность этой рыночной культуры увеличилась. По сравнению с первым пятилетием произошел рост урожая ячменя и, за исключением Симбирской губернии, гречихи. В 1911–1915 гг. урожай картофеля по сравнению с 1901–1905 гг. увеличились в Казанской губернии на наделных землях на 7,9%, на частновладельческих — на 13,1, в Пензенской — 7,6 и 40,8, в Самарской — на 75,3 и 85,2, в Саратовской — на 20,3 и 30,1, в Симбирской — на 26,6 и 20,4 % соответственно. Как видим, урожайность картофеля была более высокой у землевладельцев, большая часть этой рыночной культуры шла на изготовление спирта.

В целом у крестьян урожай зерновых с одной десятины земли были на 20–25% ниже урожаев на полях землевладельцев¹⁰⁵. Поэтому в начале XX века многие зажиточные крестьяне, учитывая влияние на урожайность климатических условий, стремились расширить посевы зерновых культур для того, чтобы создать излишки товарного хлеба, иногда не заботясь о соблюдении очередности выполнения тех или иных сельскохозяйственных работ и качестве обработки пашни.

В Поволжье отмечается незначительный рост урожаев озимой ржи. В первом пятилетии 1901–1905 гг. она составила 50,6 пудов с десятины, а в третьем — 51,7 пудов. Низкими темпами росла урожайность и яровой пшеницы. В 1901–1905 гг. урожайность этой культуры достигла 36,7 пудов, а в третьем пятилетии — 37,4 пудов. В этой связи вряд ли обоснованным является утверждение С.М.Дубровского о повышении роста урожайности важнейших культур на 25,3%¹⁰⁷. Земские статистики Самарской губернии отмечали снижение уро-

жайности зерновых на крестьянских полях в 1905-1909 гг. по сравнению с 1895-1899 гг. на 10, а иногда и на 20%¹⁰⁸. Но если в первом и во втором пятилетиях наблюдался застой, то в 1911-1915 гг. несомненно определенным рост урожайности зерновых, причем более низкие урожаи собирались в районах преобладания трехпольной системы земледелия. Там, где сохраняло свои позиции крупное помещичье землевладение, крестьяне, испытывая острую нужду в земле, не могли добиться высоких урожаев на выпаханных наделах. Вряд ли нужно говорить о том, что крестьянское хозяйство находилось в кризисном положении. На наш взгляд, прав А. М. Анфимов, подчеркивая, что в неравной борьбе крестьянского и помещичьего хозяйства "все преимущества были на стороне последнего, но крестьянское, что называется, из последних сил старалось удержать свои позиции, используя в меру своих ограниченных возможностей новое в технике земледелия и свой производственный опыт"¹⁰⁹.

Известно, что сельскохозяйственный кризис 80-90-х гг. XIX в. оказал пагубное воздействие на сельское хозяйство России. Как указывал В. И. Ленин, кризис вызвал "гигантское усиление экспроприации крестьянства, повел к значительному понижению производства зерновых хлебов и к понижению урожайности всех хлебов"¹¹⁰. Но в 1900-1904 гг., как это убедительно доказано в работах российских историков-аграрников, произошел рост сельскохозяйственного производства. Падение цен на сельскохозяйственные продукты вынуждало крестьян продавать на рынке не только излишки урожая, но и зерно, необходимое для продовольственных и фуражных нужд.

Вопрос о товарности крестьянских и помещичьих хозяйств в период империализма получил освещение в трудах В. С. Немчинова, П. И. Лещенко, И. Д. Ковальченко, А. М. Анфимова и других историков. Причем многие исследователи в своих работах приводят расчеты В. С. Немчинова об удельном весе в товарном производстве зерна основных типов хозяйств в 1909-1913 гг. (см. табл. 11).

Видный исследователь аграрных отношений в России И. Д. Ковальченко произвел расчеты соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве Европейской России за этот же период. Полученные автором расчеты были близки к результатам В. С. Немчинова. "Приведенные расчеты, — отмечает И. Д. Ковальченко, — показывают, что доля помещичьего хозяйства

в общем объеме товарной продукции была почти вдвое выше его удельного веса в производстве. Это значит, что лишь в тех районах, где удвоенная доля помещичьего хозяйства в производстве была более 50%, имело место доминирующее положение помещичьего хозяйства на местном рынке... в эпоху капитализма общая тенденция развития была такова, что роль помещичьего хозяйства падала, а крестьянского повышалась¹¹¹. О снижении удельного веса товарной продукции, производимой в помещичьих хозяйствах, свидетельствуют материалы Поволжья.

Мы уже отмечали, что на зерновое производство Поволжья сильное влияние оказывали неурожайные годы. Неурожай 1906 года привел к тому, что валовые сборы составляли в Казанской губернии лишь 28,9% от средних сборов за 1901-1905 гг., в Симбирской — 30, в Самарской — 26,5, в Пензенской — 39,8, в Саратовской — 46,4%. В 1911 г. валовые сборы по сравнению со среднегодовым показателем 1906-1910 гг. равнялись в Казанской губернии 52,4%, в Симбирской — 45,4, в Самарской — 34, в Пензенской — 68, в Саратовской — 48,1%¹¹². Это приводило к тому, что помещики и другие землевладельцы, продавая хлеб по более высоким ценам, получали высокие доходы, а крестьяне вынуждены были терпеть лишения и бедствия. Так, населению Самарской губернии в 1906-1907 гг. в связи с неурожаем были выданы ссуды на сумму 18,9 млн. руб., которые должны были погашаться в течение трех лет¹¹³. Неурожай вели также к росту продовольственных долгов крестьян. Если в 1905 г. продовольственные долги крестьян Бузулукского уезда Самарской губернии составляли 175 тыс. руб., то к 1911 г. долг увеличился до 5 млн руб.

Неурожай 1911 года был настолько велик, что многие крестьяне уже в августе — сентябре 1911 г. были вынуждены покупать хлеб на рынке. Самарское губернское земское собрание считало, что для обеспечения населения продовольствием необходима сумма в размере 25 млн руб.¹¹⁴ В Пензенской губернии неурожай хлебов в 1913 и 1914 гг. сильно повлиял на состояние крестьянского хозяйства. Правительство и земство выдало крестьянам ссуды до 750 тыс. пудов зерна и продало 265 тыс. пудов. В 1917 г. неурожай привел к тому, что населению Пензенской губернии на продовольствие не хватало 6,3 млн пудов, Самарской — 3,8, Саратовской — 12,2 млн пудов¹¹⁵.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что товарность большинства крестьянских хозяйств в большой степени за-

висела не только от уровня развития земледелия, но и от климатических условий.

Существует два метода подсчета товарности зернового производства. Л. М. Горюшкин при определении товарности учитывал потребность сельского населения в продовольствии, фураже и семенах, оставшаяся часть продукции являлась товарной. В. Н. Ратушняк полагает, что необходимо определять удельный вес внедеревенского и внутридеревенского товарооборота, в том числе закупки мельниц, расходы зерна на винокуренных и пивоваренных заводах, потребление хлеба населением городов, закупки интендантства и т. д.¹¹⁶ Второй метод состоит в том, что из абсолютного остатка продовольственных хлебов (за исключением семян на посев) вычитается необходимое количество зерна для продовольственных нужд из расчета 15 пудов на одного человека¹¹⁷. По данным Самарского земства, для удовлетворения продовольственных потребностей требовалось 18 пудов, Саратовское земство считало, что эта норма должна равняться 20 пудам¹¹⁸.

В 1905-1910 гг. на 200 винокуренных и пивоваренных заводах ежегодно перерабатывалось 3464,5 тыс. пудов ржи и 994 тыс. пудов ячменя, а в 1910-1914 гг. 277 предприятий для производства спирта и пива употребляли 3134 тыс. пудов ржи и 981,2 тыс. пудов ячменя¹¹⁹. Таким образом, более 4 млн пудов ржи и ячменя использовались в качестве сырья на винокуренных и пивоваренных заводах Поволжья. Рост посевов картофеля стимулировался развитием предприятий спирто-водочной промышленности. В Саратовской и Симбирской губерниях эти предприятия в два раза увеличили переработку картофеля. В наиболее широких масштабах переработка картофеля на спирт велась в Пензенской губернии, ячменя двухрядного на пиво — в Казанской и Самарской губерниях (табл. 12).

Крупными потребителями зерна были мукомольные предприятия. В Самаре насчитывалось 10 крупнейших паровых мельниц с производительностью до 10 млн пудов, на которых перерабатывалось зерно, выращенное в Самарской губернии. В неурожайные годы хлеб скупался в районах, прилегающих к Оренбургского-Ташкентской, Самаро-Златоустовской и Симбирской железным дорогам. На 10 мельницах Саратова перерабатывалось от 18 до 23 млн пудов зерна. Около 10 млн пудов зерна поступало сюда из Самарского

Заволжья, района торгового капиталистического земледелия, остальное зерно (около 12 млн пудов) — из Актарского, Петровского, Вольского и Саратовского уездов, до 2,5 млн пудов — со станций Рязано-Уральской железной дороги, а также с Кавказа и из Сибири¹²⁰.

В Самарской губернии главными рынками хлебной торговли были Самара, Николаевск, Бутульма, Балаково, Бузулук, Сорочинское, Борское. Второстепенное значение имели Духовницкое, Баронск, Богатое, Сергеевск и Мелекесс. В Симбирской губернии выделялись Симбирск и Сызрань, Часовня; в Казанской — Казань, Лаишев, Чистополь, Чебоксары, с. Теньки, д. Козловка, железнодорожные станции Свияжск, Ибряси, Урмары, Шихраны и Мариинский посад. В Саратовской губернии насчитывалось 47 хлебных рынков. Главными пунктами хлебной торговли были Саратов, уездные города Царицын, Камышин, Кузнецк, Сердобск и др.¹²¹

Основная масса товарного зерна и муки поступала по Волге в Рыбинск, а затем на Николаевскую и Виндаво-Рыбинскую железные дороги, Мариинскую систему, а также по Казанской и Рязано-Уральской железным дорогам. Важное значение имела и железнодорожная линия Рига-Царицын, соединившая Рижский порт с Поволжьем¹²². Около 10 млн пудов зерна в конце XIX — начале XX века поступало с волжских пристаней в Ростов-на-Дону и Новороссийск. Учитывая это обстоятельство, правление Азовско-Донского коммерческого банка обратилось в 1899 г. к министру финансов с просьбой открыть отделение банка в Самаре¹²³.

Итак, около 35–40 млн пудов зерна ежегодно поступало на промышленную переработку. Кроме того, следует учитывать и земские поставки интендантству. По данным Т.М. Китаниной, Пензенское, Симбирское и Казанское земства, являясь продавцами, совмещали и функции посредничества между интендантством и крестьянами и помещиками. Вполне естественно, что преимущественным правом продажи хлеба, как и прежде, пользовалось дворянство¹²⁴. В 1909 году Симбирское земство поставило интендантству 130966 пудов крестьянской ржи, 156511 — дворянской, 240510 — подрядчиков; Пензенская — 251608 пудов крестьянской ржи, 253800 — дворянской. Казанская губернская земская управа закупила для интендантства у крестьян 694482 пуда ржи и 43444 пуда овса и у дворян 996163 пуда ржи и 379325 — овса¹²⁵.

Размещение сельскохозяйственного производства и специализация сельского хозяйства оказывали влияние и на товарность зернового производства (табл. 13). Казанская, Симбирская и Пензенская губернии поставляли на рынок озимую рожь и овес. В Самарской губернии товарная масса яровой пшеницы составляла более 84 млн пудов, а в Саратовской — 29,9 млн пудов. За исключением Самарской губернии, в регионе высокой была товарность овса, она составляла в Поволжье 34,8%.

Наибольшее количество товарного зерна давала Самарская губерния. Самарские сорта пшеницы белотурка и перерод, египетка, кубанка, полтавка, сандомирка и бельковка высоко ценились как на внутреннем, так и на внешнем рынках. В урожайные годы из Самары вывозились от 70 до 90 млн пудов зерна и муки¹²⁶. В Саратовской губернии валовой сбор зерновых составил в 1909 г. 180 млн пудов. По данным оценочно-статистического отделения губернского земства, семенной фонд составлял 16,4 млн пудов, на продовольствие и фураж — 75,7 млн пудов (200 пудов в год на крестьянское хозяйство). Оставшиеся — 87,9 млн пудов составляли товарную массу¹²⁷.

Наличие большой массы товарного зерна привело к тому, что в хлебной торговле активное участие приняли Государственный банк, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской, Волжско-Камский, Петербургский международный коммерческий банки, акционерные общества и торговые дома, хлебные биржи, кредитные товарищества и т.д. Под влиянием аграрной политики самодержавия, проводившейся в пореволюционный период в интересах помещиков, сельской буржуазии, хуторян и отрубников, широкое развитие получили хлебозалоговые операции. Ряд уездных земств: Бугурусланское, Сызранское, Арлатовское, Аткарское, Хвальинское, Теплошское — имели для этой цели зернохранилища¹²⁸. Например, в Бугурусланском уезде находилось 9 зернохранилищ вместимостью до 2 млн пудов, в Симбирской губернии — 7 емкостью 510 тыс. пудов. Зернохранилища сдавались в аренду фирмам и торговым домам, купцам и другим лицам, занимавшимся хлебной торговлей. Алатырское, Бугульминское, Бугурусланское, Бузулукское, Буинское, Сызранское, Самарское, Саратовское, Симбирское, Новоузенское и другие земства через кредитные товарищества занимались выдачей ссуд под хлеб¹²⁹. Помимо выдачи денежных ссуд и приема вкладов, коо-

перативные учреждения осуществляли хлебозалоговые операции, занимались выщачей ссуд под обеспечение земельного надела, а также организацией сбыта хлеба¹³⁰. Особенно большое распространение такие операции получили в Самарской и Саратовской губерниях. В хлебозалоговых операциях участвовала деревенская буржуазия. В Самарской и Уфимской губерниях ссудами под залог хлеба, — сообщал “Вестник мелкого кредита”, — в большинстве пользуется состоятельный элемент деревни. Бедняку, продающему 20–30 пудов хлеба, залоговая операция особой пользы принести не может... Выдавая ему вместо полной стоимости хлеба только две трети или три четверти ее, его лишают тех рублей, которые ему крайне необходимы сейчас для расплаты с податью и срочными долгами”¹³¹.

Накануне Февральской буржуазно-демократической революции в России сложилась финансово-кредитная система, включавшая деревню в общую орбиту российского капитализма в империалистической фазе его развития¹³². П.Н.Першин писал, что с развитием капитализма “повышается степень кооперирования населения; кредитные кооперативы становятся более крупными как по составу участников, так и по сумме кредитно-денежных операций”¹³³. Быстрый рост кооперативных учреждений способствовал дальнейшему развитию буржуазных отношений в деревне. Кооперативы пользовались поддержкой со стороны правительства, так как усиливали позиции сельской буржуазии в деревне, что отвечало на данном этапе интересам царизма. Следует иметь в виду, что кооперативные учреждения и земства выступали в роли посредников в хлебной торговле. Известно, что в период империализма Государственный банк выдавал кредиты под залог зерна и под обеспечение документами на хлеб. Ссуды выдавались как отделениями Государственного банка, так и через посредников в лице земств, фирм, кооперативов, частных лиц¹³⁴. “Обыкновенные клиенты Госбанка, — отмечал управляющий Симбирским отделением, — крупные скупщики хлеба, их векселя составляли примерно четверть всех учтенных”¹³⁵.

Государственный банк принял участие и в создании сети элеваторов в России. Так, в “Особом журнале Совета Министров” от 13 марта 1914 г. отмечается, что Государственным банком в 1910–1914 гг. было намечено построить в Заволжском, Воронежско-Тамбовском, Саратовском, Симбирском, Пензенском районах 118 постоянных зерно-

хранилищ¹³⁶. Вопрос о строительстве элеваторов обсуждался на особом совещании при Самарском отделении Государственного банка, а также на совещании председателей уездных земских управ Саратовской губернии¹³⁷. В 1912-1913 гг. такие элеваторы объемом по 300 тыс. пудов были сооружены на железнодорожных станциях Неприк, Бугуруслан, Богатое, на станциях Сорочинское и Абдулино по 700 тыс. пудов. На правом берегу реки Самары в г. Самаре был построен элеватор емкостью 3,4 млн пудов¹³⁸.

Крупные торговые операции производила Самарская биржа. Она имела связи как с местными хлебными биржами (Покровская, Балаковская, Уральский хлебный рынок), так и с хлебными рынками, поставляющими российское зерно на экспорт (Петроград, Ревель, Рига). Вывоз хлеба шел как по железным дорогам, так и по волжскому водному пути. Всего со всех волжских пристаней в 1909-1913 гг. было отправлено 182967 тыс. пудов хлебных грузов¹³⁹.

Прочные позиции в хлебной торговле Поволжья занимали торговый дом Стахеева, фирма Борель, товарищества Н. Е. Башкирова, Я. Г. и И. Я. Соколовых, Д. П. Смирнова и др.¹⁴⁰

Мелкий производитель в условиях сохранения остатков крепостничества, принуждаемый властями платить налоги и сборы осенью, вынужден был продавать хлеб скупщикам, купцам, торговым фирмам по низким ценам. Бузулукская земская управа, например, сообщала, что выжидать поднятия цен на зерно многие крестьяне не могут, так как совершенно лишены других источников дохода, поэтому на рынке продается не определенное количество зерна, а весь урожай¹⁴¹. Помещики и зажиточная часть деревни продавали зерно весной по более высоким ценам.

Таким образом, основная часть средств, полученных от реализации сельскохозяйственных продуктов, попадала в распоряжении банков, фирм, монополий, помещиков, городской и сельской буржуазии, а большая часть крестьянства, производящая зерно, вынуждена была терпеть лишения и бедствия.

Состояние агрономической службы

Развитие производительных сил в российской деревне в начале XX века было связано с организацией агрономической службы

и созданием сети сельскохозяйственных опытных станций и опытных полей. В.К.Ядунский вполне правомерно указывал на хозяйственное значение селекционной работы, приобретшей в период капитализма научный характер¹⁴². Большой интерес представляет исследование вопросов, связанных с организацией агрономической сети, внедрение в практику новых агротехнических приемов, форм и методов работы агрономов среди крестьянства¹⁴³.

Первые агрономы в Поволжье появились в конце XIX века. В 1900 году в России было 22 губернских и 108 уездных агрономов, а в 1912 г. насчитывалось 32 губернских и 242 уездных агронома. Число инструкторов и других специалистов среднего и высшего звена возросло с 31 человека в 1900 г. до 526 человек в 1912 г.¹⁴⁴

Во всех губерниях Поволжья организацией агрономической службы занимались губернские правительственный и земский агрономы и инспекторы сельского хозяйства, а также губернские и уездные земства. В Казанской губернии насчитывалось 37 агрономов, в Симбирской — 26; более 80 агрономов было в Самарской и Саратовской губерниях¹⁴⁵. Разветвленная сеть агрономической службы возникла в Николаевском, Бузулукском, Новоузенском, Балашовском, Камышинском и Царицынском уездах. Здесь, помимо агрономов, работали помощники агрономов, инструкторы по полеводству и садоводству и т.д. Самарское губернское земство в весеннее и летнее время привлекало к работе в качестве инструкторов студентов сельскохозяйственных академий и учащихся училищ¹⁴⁶. Если в Самарской, Саратовской, Симбирской и отчасти в Казанской губерниях в период империализма существовала сеть агрономической службы, то в Пензенской губернии до 1910 г., кроме инспектора по сельскому хозяйству, имелся лишь один инструктор по садоводству и огородничеству. С 1910 года были введены должности 4 инструкторов: по полеводству, конопле, по садоводству и огородничеству¹⁴⁷.

В начале XX в. при губернских и уездных земствах создавались губернские и уездные экономические советы, созывались губернские агрономические совещания. Губернский экономический совет, как правило, разрабатывал планы и мероприятия по оказанию агрономической помощи населению, которые затем рассматривались на губернских агрономических совещаниях¹⁴⁸.

В Самарской губернии на агрономических совещаниях обсуждались такие вопросы: о сельскохозяйственных курсах, показательных

хозяйствах, об улучшении крестьянского животноводства, о проведении агрономических мероприятий в крестьянских хозяйствах, обсуждался доклад директора Безенчукской сельскохозяйственной станции Н. Тулайкова о задачах агрономии юго-востока Европейской России в связи с неурожаем 1911 года и т. д.¹⁴⁹ В Казанской губернии, кроме агрономических совещаний, созывались губернские совещания по животноводству, опытному делу, функционировала комиссия по коннозаводству при Казанской заводской конюшне¹⁵⁰.

Пропаганде и распространению новых методов и приемов агротехники и агрикультуры способствовали сельскохозяйственные выставки. Так, в 1905 г. губернские земства устроили выставки в Казани, Саратове, Астрахани¹⁵¹. В Самаре был открыт губернский сельскохозяйственный музей, издавались журналы "Самарский земледелец" и "Земский агроном". Научные сведения и практические рекомендации по ведению хозяйства содержались в земских календарях, земско-статистических справочниках и сборниках, сельскохозяйственных обзорах губерний и других справочных изданиях земств. Следует также отметить и деятельность сельскохозяйственных опытных станций, сотрудники которых стали заниматься селекционной работой и улучшением существующих сельскохозяйственных растений, приспособленных к местным условиям. В Самарской губернии в 1898 г. была открыта Костычевская опытная станция, в 1903 г. — Безенчукская¹⁵². В 1910 г. приступили к работе сотрудники Симбирской опытной станции. Тогда же была учреждена опытная станция при железнодорожной станции Чуфарово Московско-Казанской железной дороги¹⁵³. В 1913 г. была открыта Саратовская губернская опытная станция. Кроме того, земские агрономы имели опытные поля, на которых предпринимались попытки демонстрировать те или иные агрономические приемы. В Казанской губернии было 4 поля (Лайшевское, Козмодемьянское, Спасское, Чистопольское), в Симбирской — 3 (Симбирское, Буинское, Ардатовское), в Самарской — 5 (Краснокутское, Бугурусланское, Алексеевское, Бугульминское и Бузулукское), в Саратовской — 7 (Балашовское, Сердобское, Кузнецкое, Вольское, Камышинское, Петровское, Хвалынское)¹⁵⁴. Из 20 опытных полей 16 появились в 1907-1914 годах, в период проведения столыпинской земельной реформы.

Сотрудники опытных станций вели работу по улучшению местных сортов сельскохозяйственных растений¹⁵⁵. На Безенчукской сель-

скохозяйственной опытной станции, в зоне засушливого земледелия начинал свою деятельность академик Н.М.Тулайков. Он проделал опыты по задержанию снега с использованием оставшихся на зиму стеблей кукурузы и применением снегопахов¹⁵⁶. Предпринимались попытки приспособить скороспелые сорта кукурузы “чинквантино обыкновенное и оранжевое”, “кавказская высокорослая”, “Адамс” к условиям заволжских степей¹⁵⁷. Выступая на третьем Самарском губернском агрономическом совещании с докладом “Неурожай 1911 года и задачи агрономии Юго-Востока Европейской России”, Н.М.Тулайков рекомендовал наряду с традиционными культурами сеять пропашные, переходить от трехпольной системы земледелия к плодосмену¹⁵⁸.

Если на опытных станциях были получены первые положительные результаты, то иначе обстояло дело на опытных полях. Крестьянство скептически отнеслось к устройству опытных полей и расценивало эти мероприятия как “барскую” затею. Не было единого мнения в отношении ведения показательных хозяйств на опытных полях и среди агрономов. На областном сельскохозяйственном совещании в Саратове, состоявшемся 9–15 сентября 1911 года, при обсуждении вопроса о том, кому преимущественно оказывать агрономическую помощь — общинникам или хуторянам, — многие участники совещания высказались за то, чтобы агрономы обслуживали все слои сельского населения, а также выступили против ведения показательных хозяйств на опытных полях и участках, закрепленных за уездными агрономами. По мнению Д.Д.Трипольского, для крестьян опытное поле агронома не убедительно¹⁵⁹. Самарский агроном В.В.Тейс отметил, что на опытных полях велось “безобразное хозяйство, которое не только не могло служить образцом для крестьянского хозяйства, но скорее скоординировало агрономию”¹⁶⁰. Крестьяне относились к опытам на таких полях крайне недоверчиво. Когда агроном Балашовского уезда Саратовской губернии М.М.Обухов демонстрировал крестьянам выгоду раннего пара, многие из них шупали землю. “На вопрос, что они делают, мне отвечали — “глядим не полил ли ты землю”¹⁶¹. В условиях острого малоземелья, отсутствия денежных средств крестьяне чаще всего не могли вводить новые приемы и методы агротехники и агрикультуры, и потому они заявляли: “Может все, что говорит агроном, и правда, — у него все удастся, но зато какую же уйму деньжищ отвалило ему земство для

его клочка... Пускай бы он показал свое искусство на крестьянской земле, с крестьянскими средствами"¹⁶².

Известно, что аграрная политика самодержавия после первой русской революции проводилась в интересах помещиков и зажиточной верхушки деревни. Реализация столыпинской земельной реформы, интенсивное развитие торгово-капиталистического земледелия в ряде районов страны подталкивало земства к дальнейшему развитию сети агрономической службы. При этом учитывались потребности и настроения главным образом помещиков и сельской буржуазии в лице хуторян и отрубников. Поэтому территория уездов была разделена на участки, и вводилась должность участкового агронома¹⁶³. Впервые участковая агрономия возникла в 1906 году в Новоузенском уезде Самарской губернии и Одесском уезде Херсонской губернии. К 1912 году Самарская губерния по числу агрономических участков (их насчитывалось 70) находилась на втором месте в России после Полтавской губернии (72); за ними шли Харьковская (66), Херсонская (58), Вольнская (57), Владимирская (56), Екатеринославская (55), Пермская (52), Тамбовская (50), Московская (49), Симбирская (31) участок¹⁶⁴. Наибольшее число агрономических участков было создано в Новоузенском (20) и Самарском (11) уездах. В Казанской губернии сеть участковой агрономии существовала в Спасском уезде и частично в Казанском, Мамадымском, Чебоксарском и Лапшевском уездах¹⁶⁵.

В этой связи возросла потребность в специалистах. В Поволжье только в Казанском ветеринарном институте велась подготовка специалистов высшей квалификации. В Самарской губернии среднее образование получали выпускники сельскохозяйственного училища в Кинеле¹⁶⁶. Были открыты сельскохозяйственные школы в Самарском и Бузулукском уездах. В 1896 году Симбирское губернское земство открыло на ферме Симбирского общества при с. Вьрьпаевке низшую сельскохозяйственную школу I разряда¹⁶⁷. Но ее выпускники, не желая работать в деревне, уходили на службу в страховые общества и пароходные компании. Поэтому земство в 1909 г. закрыло школу и организовало годичные сельскохозяйственные курсы. Краткосрочные курсы были открыты и в других поволжских губерниях.

Все это привело к увеличению численности агрономического персонала, росту его образовательного ценза. В Самарской губернии губернские, уездные и часть участковых агрономов имели высшее образование, в Казанской губернии из 121 специалиста лишь

20 человек были с высшим образованием, они состояли на службе правительства и губернского земства¹⁶⁸. Расширились обязанности и функции агрономов. Помимо пропаганды научных знаний и бесед, организации краткосрочных курсов, ведения хозяйства на показательных полях при земствах, в заведовании агрономов находились прокатные станции, зерноочистительные обозы, они занимались демонстрацией работы сельскохозяйственных орудий и машин. Участковые агрономы стали вводить отдельные приемы на полях помещиков и крестьян, а затем приступили к созданию показательных участков и хозяйств, которые возникали, как правило, на полях и в хозяйствах крестьян, ведущих торгово-капиталистическое земледелие, заинтересованных в интенсификации сельскохозяйственного производства.

Показательными полями и хозяйствами земства стремились доказать крестьянам целесообразность правильной обработки почвы при введении улучшенных севооборотов.

В районе с сохранением остатков крепостничества число показательных хозяйств было незначительно. В 1908 г. в Симбирской губернии было создано 8 показательных хуторов: 5 — в Курмышском, 1 — в Буинском, 2 — в Карсунском уезде. Причину неудачи в устройстве показательных хозяйств Симбирское земство видело в “новизне дела”, влиянии традиций и привычных представлений: “Трудно рассчитывать, отмечалось в отчете земства, — что наш земледелец сразу мог воспользоваться всеми выгодами и преимуществами нового землеустройства и мог бы приспособить свое хозяйство к совершенно непривычным ему условиям хуторского хозяйства”¹⁶⁹. В Казанской губернии крестьяне отдавали предпочтение созданию на их полях показательных участков. “Организация целого полевого хозяйства является для рядового крестьянина чрезвычайно сложной и нередко невыполнимой задачей и учет выгодности представляется не всегда ясным и недостаточно ярким”¹⁷⁰. Число таких хозяйств увеличилось в связи с тем, что владельцам показательных хозяйств земство выделяло ссуды в размере 300 руб. на условиях соблюдения указаний агронома и ведения записей расходов и доходов от хозяйства. На юге Самарской и в Саратовской губернии зажиточные крестьяне-хуторяне и отрубники чаще прибегали к советам и помощи агрономов. Так, в отчете Николаевского уездного агронома

за 1908 год отмечалось, что крестьяне больше всего обращались за советами, какую машину предпочтительнее купить, какими способами сеять кормовые травы¹⁷¹. Большое внимание агрономы уделяли пропаганде сеялок и других сельскохозяйственных машин. В Бугурусланском уезде в 1910 г. производился посев рядовыми сеялками у землевладельцев С. П. Сульдина, В. Д. Титова, у крестьян сел Андреевки и Коровино. «Сеялки, — писал в отчете агроном Н. Парганский, — устанавливались и пускались в работу при народе... интересующиеся хорошо ознакомились с машиной и, зная ее устройство, стали правильно применять на своих полях»¹⁷².

Троицкий участковый агроном Бугурусланского уезда К. И. Дроздов демонстрировал работу рядовых сеялок, сортировок и железных борон в 10 хозяйствах частных землевладельцев и крестьян. Отмечая преимущества рядового посева перед ручным, агроном писал: «Рядовой посев дал во всех случаях больший урожай, чем разбросной при одинаковой почве, равной обработке и посевном материале. Да еще плюс к этому экономия в семенах, так как разбросной посев требует 10-11 пудов на десятину, а рядовой лишь 8»¹⁷³. Крестьяне хорошо понимали преимущества правильной обработки земли и посева семян сеялками. Но из-за малоземелья, недостатка средств, дальноземелья и чересполосицы, недостатка рабочих рук большинство крестьян-общинников не могло приобрести сеялки. По мнению К. И. Дроздова, «главная масса крестьянства еще не усвоила себе возможности ведения своего хозяйства с черным паром, с невозможностью пасти по нему скотину до конца июля месяца»¹⁷⁴. Многие агрономы отмечали, что большинство крестьян несвоевременно обрабатывали паровые поля, семена были низкого качества как по натуре, так и по чистоте. Анализ крестьянского посевного материала урожая 1908 года показал, что в нем имелись семена сорных трав: вьюнок, овсюг, куколь, польнь, пастушья сумка и др.¹⁷⁵ Земские агрономы указывали, с каким вниманием и настороженностью относились крестьяне к их опытам. «Всякое начинание, — писал в отчете инструктор по пчеловодству и садоводству И. Карабанов, — не остается чуждым для других. С каким живейшим интересом рассматривается какое бы то ни было нововведение, и если оно действительно разумно и твердо поставлено, воочию убеждая в рациональности, то дальнейший успех этому началу обеспечен»¹⁷⁶.

Итак, малоземельные крестьяне-общинники, получив теоретические советы по агрономии на лекциях, беседах и курсах, в силу объективных причин не могли вести рациональное хозяйство. Даже в хозяйствах зажиточных крестьян-хуторян сказывалось влияние традиций. «Хуторские хозяйства только тем и отличаются от крестьянских, что хозяева посильнее, позажиточнее, — отмечал в отчете за 1908-1909 г. Покровский (участковый агроном), — вследствие чего могут своевременно и глубоко вспахать с осени землю под главный хлеб пшеницу... Единственным средством восстановления почвы и здесь (в хуторских хозяйствах. — П.К.), как и в большинстве общин служит краткосрочная одно или двухлетняя естественная залежь, в действительности не восстанавливающая ни плодородия, ни структуры почвы»¹⁷⁷. Лишь 1/6 часть хуторских хозяйств широко применяла усовершенствованные машины, рациональные способы посева и обработки почвы¹⁷⁸.

Эффективность агрономической помощи населению была незначительной. Мы указывали, что ею воспользовались помещики и зажиточные слои деревни. К тому же хотя в 1899-1912 годах и наблюдался рост ассигнований на сельскохозяйственные и экономические мероприятия, но эти суммы не могли полностью удовлетворить потребностей и нужд сельского населения.

По размерам земских ассигнований Самарская и Саратовская губернии занимали 8 и 9 место в Европейской России, Казанская находилась на 19, Симбирская — на 23 и Пензенская — на 30 месте. Только Саратовская губерния на 0,5 коп. превзошла средний показатель по России по количеству ассигнований на 1 дес. земли. Здесь так же, как и по сумме, приходящейся на одного жителя, Казанская и Пензенская губернии находились на последнем месте в регионе (табл. 14). В этой связи часть мероприятий, намечаемых губернскими экономическими советами и агрономическими совещаниями, из года в год не выполнялась. Несмотря на то, что Самарская и Саратовская губернии были лучше остальных губерний Поволжья обеспечены агрономическим персоналом, и здесь агрономы не могли полностью охватить все население. В Самарской губернии участковый агроном обслуживал 6-7 волостей, в Казанской — 9-12¹⁷⁹. В селе Ключи Бузулукского уезда агроному Дмитриеву был задан вопрос, каков размер района, который он обслуживает, и сколько он получа-

ет жалованья. Затем один из крестьян сказал: “Разве наша Ключевская волость не может содержать агронома, а ведь на 7 волостей одному довольно трудно”¹⁸⁰. В Казанской губернии на одного агронома приходилось более 68 тысяч человек и 43 тыс. дес. посевной площади¹⁸¹.

Агрономической помощью населению могли воспользоваться помещики и зажиточные слои деревни. Введение передовых для того времени приемов и методов агротехники повышало товарность хозяйств кулаков и сельской буржуазии, усиливало процесс классового расслоения в деревне. Ощутимее агрономическая помощь населению сказывалась в районах торгово-капиталистического земледелия — в южных уездах Самарской и Саратовской губерний. Это отмечали и земские статистики. “Техника обсеменения полей с развитием деятельности сельскохозяйственных складов, частных контор по продаже сельскохозяйственных орудий и, в особенности, института общественной агрономии, по-видимому, находится в период изменения к лучшему”¹⁸².

В районах с преобладанием крупного помещичьего землевладения агрономическая помощь населению была мизерной. Низкая урожайность, применение простейших орудий труда и традиционных методов ведения хозяйств объясняются не столько забитостью и отсталостью крестьянства, сколько рядом объективных причин, влиявших как на направление и темпы буржуазной аграрной эволюции, так и на развитие крестьянских хозяйств. Наличие помещичьего землевладения, острое малоземелье, низкое качество крестьянских земель, отсутствие усовершенствованного инвентаря — эти и другие причины оказывали определенное воздействие на процесс проникновения в крестьянское хозяйство агротехнических приемов, и все-таки агрономическая служба в Поволжье не оказала положительного воздействия на процесс модернизации аграрного сектора экономики.

Подведем итоги. В конце XIX — начале XX века зерновое производство в крае развивалось на экстенсивной основе. Наибольший прирост посевных площадей произошел в степных уездах Самарской и Саратовской губерний — в районе торгового зернового земледелия. Главным образом увеличились посевы пшеницы, ячменя, что было вызвано усиливающимися связями крестьянских хозяйств с рынком. Темпы прироста площадей, занятых рыночными культу-

рами, были наиболее высокими в 1911-1915 гг. Медленно шел рост посевов в Пензенской, Казанской и Симбирской, а также в северных уездах Самарской и Саратовской губерний – в зоне сохранения живых остатков феодализма. Большая часть земельных угодий была занята озимой рожью и овсом. Вместе с тем произошло некоторое увеличение посевов яровой пшеницы и ячменя. Сокращение посевных площадей в Поволжье произошло в период первой мировой войны, этот процесс был ускорен мобилизациями мужского населения на фронт, реквизициями рабочего и продуктивного скота, слабой обеспеченностью крестьянских хозяйств сельскохозяйственным инвентарем. Эти и другие причины привели к тому, что Поволжье в 1917 г. из производящего зерно района превратилось в потребляющий район.

Соотношение крестьянских и частновладельческих посевов убедительно свидетельствует о падении роли частновладельческого хозяйства в зерновом производстве. Размещение сельскохозяйственных культур и структура посевов были ориентированы на потребности и запросы внутреннего и внешнего рынков. Изучение сельскохозяйственного производства позволяет выделить районы с более высоким уровнем развития капитализма. Сюда, помимо степных уездов, производящих на рынок пшеницу, ячмень, просо, подсолнечник, горчицу, можно включить пригородные села и деревни, жилищная верхушка которых специализировалась на выращивании овощей и фруктов. Стремление сельской буржуазии и землевладельцев повысить доходность хозяйств подталкивало их к переходу от трехпольной системы земледелия к плодосмену. Плодопеременная система получила развитие в пригородных селах и в районе торгового зернового земледелия, а также в хозяйствах землеустроенных хуторян и отрубников. В большинстве уездов Поволжья трехпольная система была преобладающей. Распространением в земледелии новых приемов агротехники и агрокультуры занималась агрономическая служба, ее влияние сильнее сказывалось в Самарской и Саратовской губерниях.

О поступательном развитии производительных сил свидетельствует и некоторый рост урожайности зерновых. Наибольший объем валовых сборов был достигнут в Самарской и Саратовской губерниях, которые сохраняли лидирующее положение в производстве зерна в течение всего исследуемого периода. Ведущее место в зерновом

производстве занимали крестьянские хозяйства, которые давали основную массу товарного хлеба. Но если сельская буржуазия продавала излишки зерна, то бедняки вынуждены были продавать часть, а иногда и весь урожай по низким осенним ценам, что способствовало ухудшению их социально-экономического положения и нарастанию острых противоречий в деревне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М.: Наука, 1974. 317 с.; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904. М.: Наука, 1980; Асалханов И.Н. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, Наука, 1975; Будаев Д.И. Смоленская деревня в XIX — начале XX в. Смоленск, 1972; Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства: В 2 т. Чебоксары, 1969; Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974; Смыков Ю.И. Земледельческое производство Среднего Поволжья в пореформенное время (60-90-е годы XIX в.) В кн.: Проблемы аграрной истории (XIX — 30-е годы XX в.). Гл. II. Минск: Наука и техника, 1978. С.86-97 и др.

² Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979. С.254.

³ Анфимов А.М. Указ. соч. С.178.

⁴ Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С.302.

⁵ Земский агроном. Самара, 1916. № 2. С.114.

⁶ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914-февраль 1917 г.). М., 1962. С.226.

⁷ Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1916 г. Вып. II. Самара, 1918, С.22; Земский агроном. Самара. 1916. №2. С.109.

⁸ Оценочно-статистическое отделение Саратовской губернской земской управы. Бюллетень 7: Посевная площадь в Саратовской губернии и распределение полевых культур в 1909 г. с показанием колебаний их за последующие годы. Саратов, 1909. С.3.

⁹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. I. Самарский уезд. Самара, 1912. С.152.

¹⁰ ГАСО. Ф.322. Оп.2. Д.447. Л.3.

¹¹ Там же. Д.1432. Л.9-10.

¹² Первым обратил на это внимание И.Д.Ковальченко. См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России / В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С.171-194.

¹³ Нифонтов А.С. Указ. соч. С.328.

¹⁴ См.: Труды IV Самарского губернского агрономического совещания 16-20 ноября 1913 года. Самара, 1914 С.81.

¹⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С.552-553.

¹⁶ Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С.83.

¹⁷ Нифонтов А.С. Указ. соч. С.253.

¹⁸ Анфимов А.С. Крестьянское хозяйство Европейской России. С.182.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.249.

²⁰ Нифонтов А.С. Указ. соч. С.313; Смыков Ю.И. Земледельческое производство Среднего Поволжья в пореформенное время (60-90-е годы XIX в.) / В кн. Проблемы аграрной истории (XIX - 30-е годы XX в.) Ч.11. Минск, Наука и техника, 1978. С.87 и др.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.308-309.

²² Там же. С.252-253.

²³ Земские статистики выделяли в Симбирской губернии 4 района: 1) северный (Курмышский и Буинский) – ржано-овсяной; 2) западный (Ардатовский и Алатырский) – ржано-овсяно-пшеничный, просо и греча; 3) центральный (Симбирский и Корсунский) – ржано-овсяно-просяной; греча и полба; 4) юго-восточный (Сенгилеевский и Сызранский) – ржано-просяно-пшенично-овсяной. См.: Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1910 г. Симбирск, 1912. С.22.

²⁴ На это же указывали и земские агрономы. См.: Труды I Самарского губернского агрономического совещания 2-6 ноября 1910 г. Самара, 1910. С.151.

²⁵ Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Вып. IV. Распределение полевых культур. Ч.1. Крестьянское хозяйство. Саратов, 1904, С.20; Статьи по сельскохозяйственной статистике за 1914 год. Саратов, 1915. С.69.

²⁶ Рост посевов подсолнечника был тесно связан с развитием маслобойного производства. В конце XIX века в Саратовской губернии насчитывалось 38 заводов. "Изготавливаемое подсолнечное масло за весьма малым исключением находит себе сбыт на внутреннем рынке. Подсолнечные жмыхи имеют большой спрос и сбыт за границу". См.: Россия.... Т. 6. СПб., 1901. С.216.

²⁷ Это явление подтверждается и данными земской статистики. В Саратовской губернии увеличились посевы пшеницы, ячменя, проса, льна и картофеля за счет сокращения других культур. См.: Посевная площадь в Саратовской губернии и распределение полевых культур в 1909 г. с показанием колебания их за последние годы. Саратов, 1909.

²⁸ Неуклонное падение посевов озимой ржи и овса наблюдалось в Николаевском и Новоузенском уездах, а посевы пшеницы увеличились. См.: Материалы для установления норм доходности земель и лесов Самарской губернии. Самара, 1912. С.15.

²⁹ Россия... Т.6. С.216; Юго-восток Европейской России. СПб., 1911. С.53.

³⁰ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С.129-130; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С.223.

³¹ Статистический обзор Астраханской губернии за 1904 г. Астрахань, 1905. С.20, 23.

³² ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.7252. Лл.58. 98, 137.

³³ Юго-Восток Европейской России. С.85.

³⁴ Баскин Г.И. Хозяйственно-административные границы Самарской губернии / В кн.: Сборник избранных трудов Г.И.Баскина. Вып. IV. Самара, 1925. С.88.

³⁵ НАРТ. Ф.359. Оп.1. Д.468. Л.36. Ф.498. Л.102.

³⁶ РГИА. Д.218. Л.47, 48.

³⁷ Плодоводство Казанской губернии. Казань, 1911. С.137.

³⁸ Плодоводство в России: Материалы и исследования. Вып. IX. Плодоводство в Самарской губернии / Сост. В.И.Пашкевич. СПб., 1906. С.225; По данным А.В.Шестакова, площадь садов у частных владельцев Казанской губ. составляла 500 дес., Симбирской — 1250, Самарской — 750, Саратовской — 3800. См.: Шестаков А.В. Капитализация сельского хозяйства. М., 1925. С.79.

³⁹ Плодоводство Казанской губернии. С.104.

⁴⁰ Плодоводство в России. Вып. IX. С.285.

⁴¹ На успехи крестьянского садоводства указывал в записке от 11 февраля 1902 г. министр земледелия и государственных имуществ А.Ермолов. См.: РГИА. Ф.395. Оп.1. Д.218. Л.48.

⁴² Шестаков А.В. Указ. соч. С.79.

⁴³ ГАСамО. Ф.372. Оп.1. Д.325. Л. 2 об.

⁴⁴ А.Л.Вайнштейн определял чистую доходность десятины сада в 92 руб., включая и земельную ренту. Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С.201.

⁴⁵ Земская жизнь. Самара, 1918. №1-2. С.59.

- ⁴⁶ Плодоводство Казанской губернии. С.176.
- ⁴⁷ Юго-Восток Европейской России. С.83.
- ⁴⁸ Плодоводство Казанской губернии. С.147. Губернские земства также предпринимали меры для снабжения хуторян и помещиков саженцами фруктовых деревьев. См.: НАРТ. Ф.359. Оп.1, Д.553, Лл.177-178.
- ⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч.11. С.343.
- ⁵⁰ Прянишников Д.Н. Избранные сочинения: В 3 т. Общие вопросы земледелия и химизации М.: Колос, 1965-637 с.; Суринов В.М. Вопросы истории систем земледелия в творчестве Д.Н.Прянишникова / В кн.: Из исторического опыта сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. VII. М.: Наука, 1969. С.321-323 и др.
- ⁵¹ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. С.173-178; Асалханов И.А. Указ. соч. С.134-160; Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С.316; Смыков Ю.И. Указ. соч. С.86-97 и др.
- ⁵² Анфимов А.М. Указ. соч. С.173.
- ⁵³ Прянишников Д.Н. Указ. соч. С.112, 113, 115; Суринов В.М. Указ. соч. С.326; Анфимов А.М. Указ. соч. С.174.
- ⁵⁴ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 11. Капитализм. 2-е изд. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1950. С.68, 70. Мнение П.И.Лященко о кризисе трехполья разделяет А.М.Анфимов. См.: Анфимов А.М. Указ. соч. С.175.
- ⁵⁵ ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.7252. Л. 4.
- ⁵⁶ Там же. Лл.133, 172.
- ⁵⁷ НАРТ. Ф.359. Оп.1. Д.468. Л. 36.
- ⁵⁸ Там же. Д.498. Л. 62.
- ⁵⁹ Там же. Д.499. Л. 106.
- ⁶⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. XXXV, Самарская губерния. СПб., 1903. С.50; Россия... Т.6. С.211.
- ⁶¹ ГАСО. Ф.322. Оп.2. Д.426. Л. 8.
- ⁶² Прянишников Д.Н. Указ. соч. С.115.
- ⁶³ Материалы для оценки земель Саратовской губернии: Севообороты и системы полеводства. Крестьянское хозяйство. Ч.1. Вып.III. Саратов, 1906. С.3.
- ⁶⁴ Там же. С.113.
- ⁶⁵ Там же. С.26.
- ⁶⁶ Там же. С.112.
- ⁶⁷ Там же. С.115.
- ⁶⁸ Там же. С.140.
- ⁶⁹ Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Вып.II. Эксплуатация пашни в частновладельческих хозяйствах и крестьянские внепашенные аренды. Саратов, 1905. С.28, 37, 41.

- ⁷⁰ Сборник сведений по Саратовской губернии за 1899 год. Вып. II. Саратов, 1900. С.92-93.
- ⁷¹ Там же. С.99.
- ⁷² Материалы для оценки земель Саратовской губернии. Вып. II. Саратов, 1905. С.52.
- ⁷³ Россия.... Т. 6. С.212; Юго-Восток европейской России. С.39.
- ⁷⁴ Прянишников Д.Н. Указ. соч. С.212
- ⁷⁵ На это указывали и составители сборника "Россия...". "В некоторых частных хозяйствах трехпольного района начинает применяться совместное введение в севооборот злаковых растений, корнеплодов и кормовых трав, дающее основание для высшего развития плодотворной системы хозяйства". Россия.... Т.6. С.211.
- ⁷⁶ Суринов В.М. Указ. соч. С.328.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ РГИА. Ф.1302. Оп.112. Д.35. Л. 37; Крестьяне С.Маколово Ардатовского уезда засеяли люцерной, клевером и викой 17 десятин земли. Травосеяние получило развитие в 17 селах уезда, а также в имении Н.Н.Богданова, Н.Н.Ахматова, А.Н.Бобоедова. — Там же. Л.38.
- ⁷⁹ Земские статистики Казанской губернии отмечали отсутствие "посевов технических и промышленных растений и зачаточное применение травосеяния". См.: Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 год. Казань, 1914.
- ⁸⁰ Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. II. Статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Пг., 1916. С.157.
- ⁸¹ Там же. С.160.
- ⁸² ГАСО. Ф.322. Оп.2. Д.807. Л.6 об.
- ⁸³ Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Пг., 916, С.190-191.
- ⁸⁴ Там же. С.214-215.
- ⁸⁵ РГИА. Ф.616. Оп.2. Д.152. Л. 15, 16.
- ⁸⁶ Подсчеты произведены по материалам фонда Государственного Дворянского земельного банка. ГАСамО. Ф.322. Оп.2. Д.426-700.
- ⁸⁷ Анфимов А.М. Указ. соч. С.177; Стоимость производства главнейших хлебов. Вып.1. Пг., 1915. С.442, 449.
- ⁸⁸ Сборник сведений по Саратовской губернии за 1899 год. Вып. II. Саратов, 1900. С.117.
- ⁸⁹ Там же. С.111-112.
- ⁹⁰ Там же. С.115.
- ⁹¹ Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911-1913 гг. Самара, 1914. С.58.
- ⁹² Юго-Восток Европейской России. С.41.
- ⁹³ ГАСО. Ф.276. Оп.1. Д.281. Л. 27 об.

⁹⁴ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.103. Л. 27.

⁹⁵ Там же. Д.169. Лл.51-51 об.

⁹⁶ Там же. Л. 55.

⁹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С.124.

⁹⁸ По данным П.И.Ляшенко, в 1906–1910 гг. доля крестьян России в производстве всех хлебов составляла 70,2%. См.: Ляшенко П.И. Экономические предпосылки 1917 года / В кн.: Аграрная революция. М., 1928. Т. 2. С.30.

⁹⁹ Юго-восток Европейской России. С.62-63.

¹⁰⁰ Кабытов П.С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Куйбышев, 1977. С.61.

¹⁰¹ В.Г. Тюкавкин указывает, что в период империализма в Сибири существовали два пути увеличения производства зерна: 1) простое расширение запашки; 2) внесение удобрений, улучшение систем полеводства на уже разработанной площади. Оба эти пути имели место и в Поволжье. См.: Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С.316.

¹⁰² Так, в неурожайные 1906 и 1911 годы сборы яровых хлебов в Самарской губернии составляли 50-40% по отношению к урожайным годам. См.: Воскресенская Т.А. Сельское хозяйство Поволжья в конце XIX — начале XX вв. (на материалах б. Самарской и б. Саратовской губерний) / В кн.: Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959. С.125.

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С.128.

¹⁰⁴ В 1910 г. урожай ржи с одной десятины у землевладельцев Казанской губернии оказался выше, чем у крестьян, на 14,3 пуда, или на 32,5%. См.: Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1910 год. Казань, 1912. С.58.

¹⁰⁵ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. III. СПб., 1906. С.110, 111, 116.

¹⁰⁶ Земские статистики Симбирской губернии отмечали, что у помещиков урожай выше, чем на крестьянских наделах, на 5,1 пуда. Статистический ежегодник Симбирской губернии за 1910 год. Симбирск, 1912. С.18.

¹⁰⁷ Дубровский С.М. Указ. соч. С.217.

¹⁰⁸ ГАСамО. Ф.5. Оп.11. Д.199. Л. 53.

¹⁰⁹ Анфимов А.М. Указ. соч. С.194.

¹¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.249.

¹¹¹ Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России. С.191.

¹¹² На III агрономическом совещании было отмечено, что в 1911 году в Самарской губернии была собрана одна треть ежегодного среднего сбора зерна. См.: Труды III Самарского губернского агрономического совещания 10-14 ноября 1911 года. Самара, 1912. С.75-76.

¹¹³ ГАСО. Ф.4. Оп.1. Д.1240. Л. 2.

¹¹⁴ Обзор Симбирской губернии за 1911 год. Симбирск, 1912. С.2, 3; Труды III Самарского губернского агрономического совещания. С.76.

¹¹⁵ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С.69.

¹¹⁶ Урожай хлебов в России в 1917 году. М., 1918. С.31.

¹¹⁷ Ратушняк В.Н. Товарно-зерновой рынок Кубани и его связь с внутророссийским и мировым рынками в конце XIX – начале XX в. (Постановка проблемы и методика изучения) // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев: Штиинца, 1978. С.61-62.

¹¹⁸ Урожай 1905 года. Ч.I. Озимые хлеба. СПб. 1905. С. XX. Продовольственная норма на одного человека в конце XIX в. по расчетам ЦСК равнялась 12,5 пудам, а в 1915 г. – 18 пудам. – См.: Россия.... Т. 6. СПб., 1901. С.213.

¹¹⁹ Труды III Самарского губернского агрономического совещания. С.76, Оценочно-статистическое отделение Саратовской губернской земской управы. Бюллетень 6. Урожай полевых культур в Саратовской губернии в 1909 г. Саратов, 1909. С.17.

¹²⁰ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С.176-179, 198-201; Там же. Год девятый. Пг., 1916. С.180-182, 201-202.

¹²¹ Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России / Под ред. Л.Н.Яснопольского. Киев, 1913. С.368.

¹²² Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в 1875-1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л.: Наука, 1988. С.51; НАРГ. Ф.81. Оп.2. Д.828. Л. 14; Баскин Г.И. Нормы доходности пашни // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов: В 6 т. Т.5. Самара, 1925; Доклады управы по оценочно-статистическому отделению. Саратов, 1911. С.3, 4, 5; Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1913 год. Симбирск, 1914. С.55-56.

¹²³ Китанина Т.М. Указ. соч. С.55.

¹²⁴ См.: Бирон А.К. Экспорт сельскохозяйственной продукции из латвийских портов (1860-1900 гг.) // Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1964. С.322.

¹²⁵ РГИА. Ф.616. Оп.1. Д.5. Л.1.

¹²⁶ Китанина Т.М. Указ. соч. С.263-263.

¹²⁷ Там же. С.263.

¹²⁸ Г.И.Баскин считал, что в среднем из губернии ежегодно вывозилось 70,4 млн пудов хлебных грузов, из них 56 млн зерна, 11,2 муки, 1,9 – крупы и т.д. См.: Баскин Г.И. Приложение дистанционного принципа к группировке бюджетов крестьянского хозяйства // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. Т.4. Самара, 1925. С.11. По данным Е.С.Карнаухо-

вой, в 1909 г. из Самарской губернии было вывезено 51,3 млн пудов хлеба. Карнаухова Е.С. Указ. соч. с.101.

¹²⁹ Доклады по оценочно-статистическому отделению. Саратов, 1911. С.2-3.

¹³⁰ РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.7.

¹³¹ РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.210.

¹³² В Казанской губернии в 1913 г. насчитывалось 167 кредитных товариществ, в Симбирской — 101, Пензенской — 157, Самарской 266, Саратовской — 168. См.: Кабытов П.С. Указ. соч. С.68-69.

¹³³ Цит. по кн.: Першин П.Н. Аграрная революция в России. От реформы к революции. М., 1966. Кн.1. С.161.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С.143.

¹³⁶ РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.32.

¹³⁷ РГИА. Ф.587. Оп.33. Д.1121. Л.3.

¹³⁸ РГИА. Ф.1276. Оп.5. Д.458. Л.488.

¹³⁹ Морозов В.М. Доклад особому совещанию при Самарском отделении Государственного банка и сбыте хлеба в связи с организацией элеваторов. Самара, 1911; Доклады управы по оценочно-статистическому отделению. Саратов, 1911.

¹⁴⁰ За два года: Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. 1913-1914 гг. Самара, 1915. С.194-196.

¹⁴¹ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. С.312.

¹⁴² См.: Китанина Т.М. Военно-инфляционные концеры в России 1914-1917 гг. Концерн Путилова-Стахлеева-Батолина. Л., 1969. С.53; За два года: Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. С.86-89.

¹⁴³ См.: Морозов В.М. Указ. соч. С.14.

¹⁴⁴ См.: Яцунский В.К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI в. до 1917 г. // Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии-симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964 г.). Кишинев, 1964. С.18.

¹⁴⁵ Эта проблема не нашла отражения в трудах историков-аграрников Поволжья. Имеется ряд работ, освещающих состояние агрономической помощи населению в Смоленской деревне, Сибири. См.: Будаев Д.И. Изменения в агротехнике, структуре посевных площадей и урожайности в крестьянском хозяйстве пореформенной Смоленской губернии // Тезисы докладов и сообщений восьмой (Московской) сессии-симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. С.134-138; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири XIX — начале XX в. С.179-188 и др.

¹⁴⁶ Краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности земств в 1912 году. Под редакцией В.В.Морачевского. Пг., 1915. С.17.

¹⁴⁷ Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии за 1912-1913 г. С.11, 16; РГИА. Ф.1291. Оп.120. Д.103. Л.2 об.

¹⁴⁸ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.129. Л.11 об.

¹⁴⁹ Отчеты инспекторов сельского хозяйства, уполномоченных по сельскохозяйственной части, и правительственных агрономов 19 губерний Европейской России за 1910 год. СПб., 1912. С.62.

¹⁵⁰ Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С.73; Сельскохозяйственные мероприятия земств Казанской губернии. Казань, 1910. Вып.1. С.6.

¹⁵¹ См.: Труды 10-го Самарского губернского агрономического совещания 2-6 ноября 1909 г. Самара, 1910. — 272 с.; Труды 2-го Самарского губернского агрономического совещания 5-9 ноября 1910 г. Самара, 1911. С.57; Труды 3-го Самарского губернского агрономического совещания 10-14 ноября 1911 г. Самара, 1912. С.339 и др.

¹⁵² Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии за 1912-1913 год. С.10-11.

¹⁵³ РГИА. Ф.338. Оп.69. Д.8. Л.28, 30.

¹⁵⁴ Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений с 1 января 1915 г. Пг., 1915. С.4-9.

¹⁵⁵ РГИА. Ф.1291. Оп.120. Д.103. Л.3.

¹⁵⁶ Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений с 1 января 1915 г. С.4-9; Ф.81. Оп.12. Д.228. Л.16; Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. С.73-74.

¹⁵⁷ См.: Жуков Я.М. О технических приемах полевого хозяйства Юго-Восточной России в борьбе с засухами. Приложение к трудам съезда представителей кредитных товариществ Самарской губернии 23-25 мая 1908 г. Самара, 1908. — 103 с.

¹⁵⁸ Тулайков Н. Опыты задержки снега в 1911 и 1912 гг.: Результат опытов с кулисами в 1910 и 1911 гг. Самара, 1912. — 4 с.

¹⁵⁹ Тулайков Н. Возделывание кукурузы. Самара, 1913. С.4-6.

¹⁶⁰ См.: Труды 3-го Самарского губернского агрономического совещания 10-14 ноября 1911 г. С.76-81.

¹⁶¹ Труды областных сельскохозяйственных совещаний в гт. Харькове и Саратове (9-15 сентября 1911 года). Ч.II, СПб., 1912. С.242.

¹⁶² Там же. С.243.

¹⁶³ Там же. С.244.

¹⁶⁴ Там же. На слабое воздействие агрономов на крестьян Казанской губернии указывали и сотрудники губернского земства. См.: Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии. С.43.

¹⁶⁵ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.158 а. Л.4 об; Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Т.1. Самара, 1906. С.6.

¹⁶⁶ Краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности земств в 1912 году. С.19; РГИА. Ф.1291. Оп.120. Д.103. Л.3.

¹⁶⁷ Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии за 1912-1913 год. Вып. IV. Казань, 1915. С.17.

¹⁶⁸ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.129. Л.11 об-12.

¹⁶⁹ РГИА. Ф.1291. Оп.120. Д.103. Л.1.

¹⁷⁰ Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии за 1912-1913 год. С.16.

¹⁷¹ РГИА. Ф.1291. Оп.120. Д.103. Л.2.

¹⁷² Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии. С.43.

¹⁷³ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.102. Л.12 об.

¹⁷⁴ Там же. Д.113. Л.16 об.

¹⁷⁵ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.113. Л.68 об-69.

¹⁷⁶ Там же. Л.69.

¹⁷⁷ Труды I Самарского губернского агрономического совещания 2-6 ноября 1909 г. С.262; ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.113. Л. 73 об.

¹⁷⁸ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.104. Л.350; Лаишевский уездный агроном также отмечал: "Каждый удачно примененный прием, способ или машина быстро находят подражателей... С другой стороны, каждая малейшая неудача учитывается населением в тысячу раз скорее, чем любой удачный прием". См.: Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии за 1912-1913 год. С.63-64.

¹⁷⁹ ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.102. Л.52.

¹⁸⁰ Там же. Л.83.

¹⁸¹ Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии за 1912-1913 год. С.19.

¹⁸² ГАСО. Ф.5. Оп.11. Д.113. Л.79 об.

§ 4. Организация сбыта хлеба в 1860-1910-е гг.

Вопрос об организации хлебной торговли — важнейший при выявлении рыночного механизма аграрного Поволжья. Здесь к началу XX в. сформировались самые разные способы торговли, к хлебной были причастны ярмарки, биржи, оптовые склады, магазины. С 1890-х гг. все больший интерес к этой стороне рынка стали проявлять Государственный и коммерческие банки. Как все эти участники рынка были связаны с производителем товарного зерна — крестьянином или помещиком? Какой была хлеботорговая цепочка и как отдельные звенья формировали единую цепь, соединявшую потребителя и производителя? Эти проблемы интересовали общественность страны на протяжении 1860-1910-х гг. постоянно. “Хлебный вопрос, — писал журнал “Россия” в 1910 г., — один из самых обсуждаемых. Обрисовывается поучительная картина множества отдельных составных частей обширного дела, частей взаимно связанных между собой и настолько цепляющихся одна за другую, что, взявши за одну, неизбежно приходится вникнуть и во все остальные”¹. Практически все исследователи “хлебного вопроса” отмечали его чрезвычайную сложность, огромное разнообразие форм и условий торговли, зависимость от множества факторов, часто непредсказуемых.

В капиталистический период хлеботорговый аппарат страны перестраивался. До железнодорожной эпохи в производящих хлеб районах он был построен на системе посредничества. Операции распались на ряд последовательных звеньев: 1) покупка зерна у производителя; 2) скупка зерна торговцами, организующими партии товара; 3) покупка зерна крупной оптовой фирмой для экспорта, мукомольной и биржевой перепродажи². В разных районах эти звенья могли, в свою очередь, еще более дробиться, но в целом они представляли собой восходящий, централизующий цикл. За ними начинался другой, децентрализующий цикл, распыляющий продукт вплоть до потребителя. Реорганизация частного торгового капитала, появление кооперативного сбыта зерна были связаны с железнодорожным строительством, вмешательством в хлебную торговлю банков и других коммерческих структур. Н. Д. Кондратьев замечал, что это переходное состояние практически невозможно исследовать в общем плане³.

Для Поволжья, вывозившего хлеб, важно в первую очередь рассмотреть первый цикл хлеботорговли — движение товарного зерна

от производителя на рынок, то есть сбыт. В зависимости от того, как была организована эта часть рынка и какую прибыль от этой торговли получал непосредственный производитель, в значительной степени зависели использование вырученных от продажи хлеба денег, покупка на них товаров первой необходимости. Поэтому мы сосредоточим внимание на сбыте хлеба. Попытаемся проследить эволюцию хлеботоргового аппарата в Поволжье на протяжении второй половины XIX — начала XX вв., выявить факторы, влиявшие на эти изменения, узнать, существовала ли разница в торговле разными хлебами.

Материалы *середины XIX в.* по Поволжью свидетельствуют о *преобладании в хлебной торговле крупного капитала и обилии посредников*. В Симбирской губернии в 1860-е гг. всем вывозом ведали иногородние предприниматели, местное “малосильное” купечество имело влияние на хлебные закупки лишь в районе губернского центра. Здесь были мелкие лавочки, велась перепродажа, сюда помещики приезжали продавать свой хлеб, сделки можно было совершать небольшим оптом⁴. В Самарской губернии “мощные хлебопотоки рождались из мелких и мельчайших ручейков крестьянских поставок по базарным дням в ближайшие к ним центры внутреннего потребления. Здесь хлеб попадал в руки скупщиков всех мастей, хозяйничавших на внутреннем рынке края”⁵. В Саратовской губернии большая часть грузов шла транзитом, а местные товары покупали также скупщики⁶.

В последующие два десятилетия ситуация принципиально не изменилась. Можно говорить о формировании в 1880-е гг. специализированных хлебных пунктов по купле-продаже разного зерна. По данным казанских податных инспекторов, в это время выделились и стали известны окрестному населению пункты, куда привозили для продажи зерно, не выращиваемое в данной местности: в Казанскую губернию — пшеницу, пшено и ячмень, в Саратовскую — рожь и овес для потребления, пшеницу для переработки⁷. Торговлей по-прежнему ведали немногие: в Казанской губернии сделками с крупчаткой заправляло девять человек, они только пятую или шестую часть продавали на “чистые деньги”, а большую же часть — на срок от 6 до 15 месяцев. Для покупавших крупчатку уже из вторых рук покупка на срок выступала как “непосредственный заем

денег"⁸. В третьи руки опять продавали на "чистые деньги". И только потом крупчатка поступала потребителю в Вятскую губернию⁹. Между производителем и потребителем крупчатки стояло как минимум три посредника, каждый из которых имел по 2-3 коп. дохода с пуда.

Торговля серыми хлебами складывалась почти так же, лишь посреднических звеньев было на 1-2 меньше. Казанские инспектора отмечали в 1880-е гг. наличие либо одного перекупщика, либо "крупного отправителя со списками"¹⁰. Последний, выполняя заявки российских или иностранных фирм, обращался к базарным скупщикам, маклерам, "зайцам", торговцы же из соседних губерний "предпочитали покупать хлеб на базарах возами, сами составляя партии"¹¹. Среди покупателей крестьянского хлеба главенствовали крупные дельцы. В Казани это были купцы Чунашев и Курзаев, в Саратовской губернии при покупке ржи, овса определяли ход торговли Юренков и Решетников. Были и мелкие покупатели, но при незначительном повышении цены рожь поступала все к тем же крупным торговцам. Даже комиссионеры и иногородние фирмы, составляя партии, "всегда дополняли покупку ржи у главных скупщиков"¹². Аналогичные сведения поступали из Симбирской губернии, где тамошние крупные торговцы всегда ориентировались на настроения в Рыбинске и Петербурге¹³. Такой была ситуация в губернских центрах, а в глухих и отдаленных уездах хлеботорговый аппарат состоял из еще большего числа ступеней, который в 1880-е гг. инспектора связывали с состоянием путей сообщения¹⁴. Симбирский губернатор даже во Всеподданнейшем отчете царю в 1893 г. жаловался на большое распространение в губернии скупщиков, которое он связывал с изолированностью губернии от железных дорог. При урожае хлеба сбыт его был вполне обеспечен, хотя он и сопровождался "падением цен, доводимых скупщиками, в руках которых при настоящих условиях сосредоточены все операции по хлебной торговле, до крайних пределов"¹⁵. "Скупщик безжалостен", "скупщик-кулак понижает цены на продукты питания до последней возможности", вторил саратовский губернатор¹⁶.

В 1880-е гг. появились и мелкие покупатели крестьянского хлеба. Это были богатые крестьяне, лавочники, которые покупали зерно с первого умолота, пользуясь нуждой крестьян в деньгах на повин-

ности. “Купив хлеб, они хранили его у себя на семена или везли на пристань, где цена оказывалась выше на 3–4 коп.”¹⁷ В официальном правительственном издании, посвященном России конца XIX в., отмечалось, что характерной чертой русской внутренней торговли было “обилие посредников при переходе товара от производителя к потребителю. Особенно много посредников принимало участие в русском товарообороте с границей. В полном развитии цепочка движения хлеба за границу составляла пяти-шестичленный ряд, от производителя к мелкому скупщику, городскому торговцу, экспортной конторе или экспедитору, заграничному агенту и, наконец, заграничной торговой фирме или фабрике (по продаже сырья или полуобработанных материалов). Самый процесс первоначальной сккупки товаров производился двояко: или самостоятельным классом мелких торговцев, известных под названием прасолов, шибаетов, маклаков, малахаев, мартышек и т.д., или приказчиками торговых фирм, носящими также разнообразные местные названия”¹⁸.

Скупщики определяли настроение местного рынка. В 1880-е гг. А.А.Клопов по поручению Министерств финансов и государственных имуществ составил подробное описание хлебной торговли¹⁹. В Поволжье сделки совершались на базарных площадях или квартирах купцов. Для крестьянина важно было лично знать покупателя. Землевладельцы и крупные посевики Симбирской, Казанской губерний везли хлеб прямо к знакомым купцам, с которыми имели дело уже несколько лет²⁰. Хорошо, если покупатель давал деньги за товар сразу, но так было не всегда. А.А.Клопов отмечал уже сложившиеся к 1880-м гг. традиции при совершении сделки, например чаепитие и предварительное угощение продавца. Чистопольские купцы не брали с крестьянина платы за ночлег, за каждый проданный воз давали 5 коп. на водку²¹. Обычай эти были распространены в большей степени на волжско-камской территории, в Казанской губернии, но и на юге, главным образом среди немецких купцов, стал складываться обычай угощать продавца сигарами, иногда и чаем. Крестьяне придавали этому значение, замечал А.А.Клопов²².

Цена на хлеб на базаре почти всегда устанавливалась заранее, в крупных пунктах (Саратове, Баронске, Симбирске) ее определяла телеграмма из Петербурга или Рыбинска. Покупатели входили в предварительное соглашение, цену объявлял кто-нибудь один, а “осталь-

ные по принятому обычаю должны были молчать”²³. Когда цена была объявлена, начиналась жеребьевка, чаще всего в виде “грошей с особой отметкой, которые кладутся каждым участвующим в торге покупателем в шапку продавца, и тот покупатель, на которого пал жребий, считается с этого момента владельцем сторгованного хлеба”²⁴. Затем на купленный хлеб продавцу давался ярлык, в котором была обозначена цена, род хлеба, его количество, фирма покупателя, с этим ярлыком продавец вез хлеб в амбар или прямо на баржу²⁵. Так же действовали и крупные фирмы: если они торопились сделать закупку, то посылали своих приказчиков за город купить хлеб заранее у везших его на пристань мужиков: приказчики ловили крестьян на дороге с возами, торговались и покупали хлеб, но и здесь в случае конкуренции бросали жребий, покупали даже ночью, выходя за околицу, навстречу везущим к пристани хлеб²⁶.

Как видим, никакого “чистого” рынка, где бы устанавливалось соотношение между спросом и предложением, в такой сделке не было. Продавец оказывался перед фактом: либо ты продаешь зерно по предложенной цене, либо не продаешь совсем и везешь его “за тридевять земель” на другой рынок, что практически было уже невозможно. Жребий бросался и при малом привозе. Продавец хлеба, не знавший конъюнктуры, не имевший выбора на базарной площади среди сговорившихся покупателей, был “птицей”, загнанной в силки рынка.

Преобладание всероссийского и заграничного спроса было отмечено А.А.Клоповым как характерное явление 1870-1880-х гг. Для мелких торговцев самостоятельная отправка хлеба в порты была практически невозможна из-за отсутствия кредита, медленного оборота, большой конкуренции со стороны крупного капитала²⁷, влияла также и отдаленность местного рынка от крупных пунктов сбыта²⁸.

Господство крупного торгового капитала как главного зла хлебной торговли было отмечено на Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г. в Нижнем Новгороде. Все другие беды – обвес, обмер и прочий обман – были лишь следствием главного зла. “Крестьянин – жертва базарных скупщиков”, – афористично заявлял на съезде представитель Самарской губернии П.П.Смирнов²⁹. Крестьянин “никогда не везет хлеб обратно, этим и пользуется крупный покупатель. Сначала он покупает хлеб по близким ценам предыду-

шего базара, а затем, видя большой подвоз, снижает цену даже до 20%”³⁰. Изменение ситуации участникам съезда виделось в расширении закупок хлеба земством, строительстве элеваторов, усилении контроля за торговлей. Так, Симбирское земство предлагало строить элеватор на собственные средства, пензенцы высказывались за развитие хлебных ссуд, которые можно было получать из хлебных земских касс. Саратовцы предлагали земству организоваться по типу больших торговых домов и тем самым устранить множество посредников³¹. Однако практическое исполнение этих проектов всегда упиралось в недостаток земских финансов. Земства не могли организовать подобную работу в крупных масштабах и не хотели рисковать имеющимися у них небольшими средствами.

Поволжские историки отмечают успешность работы в 1890-е гг. Самарского, Симбирского земств по закупке зерна у крестьян и помещиков для нужд армии. Но попытки самостоятельно выйти на рынок и организовать торговлю напрямую требовали специальных знаний, анализа ценовой конъюнктуры, поиска покупателей и т.д. В 1894 г. Самарская губернская земская управа обратилась в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов с просьбой подыскать ей постоянного заграничного клиента. Начальник хлеботоргового отдела В.И.Касперов попытался решить вопрос, обратившись к рижскому купцу Л.А.Овиндерову. Однако тот ответил В.И.Касперову, что никто из экспортеров не возьмется за такое невыгодное дело: низкие мировые цены и высокий тариф на перевозку зерна делали торговлю с Самарой бесперспективной для рижан³². Подобные попытки принимались и в других губерниях в конце XIX в. и позже. Председатель Саранской уездной земской управы (Пензенская губерния) Лиленфельд тоже обращался в Департамент торговли и мануфактур с предложениями по уничтожению такого явления русской торговли, как скупщик. Он предлагал “установить непосредственные торговые сношения русских землевладельцев с заграничными хлебными рынками”, на место скупщика поставить “земства со своими коммерческими агентствами для торговли хлеба”³³. Второй стороной, организующей закупки, должны были стать, по мнению автора, заграничные фирмы, которые бы брали за это от 0,5 до 1,5% за агентуру. Лиленфельд предлагал также создать Всероссийский хлебный банк с правлением в Петербурге и филиалами

в виде коммерческих отделов земств, который выдавал бы ссуды под хлеб, брал его на комиссию, перевозил внутри и вне империи и в целом производил торговлю за свой счет³⁴. Ощутимых результатов такие проекты не дали, да и решительно изменить ситуацию на хлебном рынке эти предложения не могли. Конъюнктура рынка определяла поведение крупного торгового капитала, тогда как местные продавцы всегда исходили из избыточного предложения зерна и ориентировались на урожай.

Существенные изменения в организации хлебной торговли пришли на последнее десятилетие XIX века. Современные исследователи связывают их, во-первых, с оформлением системы государственных закупок зерна для армии сначала через земства, а с 1905 г. через интендантства³⁵, во-вторых, с реорганизацией структуры продовольственных магазинов³⁶, в-третьих, с появлением на хлебном рынке новых участников в лице Государственного и коммерческих банков³⁷. Изменилась и географическая ориентация поставок зерна в связи с пуском железнодорожных линий в крае. Несомненно, новые участники создавали иную ситуацию на хлебном рынке и требовали корректировки "правил игры".

Все большее влияние на рынке в начале XX в. стали получать крупные промышленные дельцы, которые стремились соединить хлебную торговлю с производством. Покупка хлеба для них была лишь первым шагом в длинной цепочке переработки, транспортировки и продажи зерна и хлебной продукции. Наиболее подробно их деятельность описала Т. М. Китанина. Она отметила тенденции монополизации хлебной торговли в начале XX в. в деятельности концерна Стахеева-Путилова-Батолина, первые шаги которого были связаны с созданием вместе с Русско-Азиатским банком Камско-Вятского торгового товарищества. Оно организовывало закупку, транспортировку, экспорт и переработку зерна и вышло не только за пределы региона, но и страны³⁸. Комплексный подход в торговле зерном был присущ и многоотраслевому товариществу Гессен-Демкин, Н. Мешкову совместно с Волжско-Камским, Сибирским торговыми банками и др. Практически все крупные хлеботорговцы были связаны с банковским капиталом³⁹. Фактически это были тенденции концентрации и монополизации хлебной торговли и производства.

Изменения в составе покупателей, трансформацию торгового капитала в промышленный в связи с развитием мукомольного произ-

водства в Поволжье в 1890-е гг. отметила Н.Л.Клейн⁴⁰. Торговые дома, будучи главными покупателями зерна в Поволжье, превратились в мукомольные фирмы. Своими закупками выделялись нижегородцы Башкировы и Бугровы, Калашников, Меньковы из Балаково, Аржановы и Шихобаловы из Самары. Большие партии зерна скупали торговые дома Галунова из Петербурга и Оконишников из Казани, купцы первой гильдии костромич Аристов и бр. Цвылевы из Торжка, Коняевы из Твери, Стахеевы из Елабуги. Исследователь начала XX в. П.И.Лященко крупные закупки зерна мукомолами считал особенностью оптовой торговли в Поволжье, которые он в целом определял как капиталистически организованные. Крупные мукомолы стремились делать покупки из первых рук, так как для них был важен сорт зерна. Они либо ездили сами по рынкам, либо посылали своих приказчиков. Так было в Самарской и Саратовской губерниях. У ссыпщиков и перекупщиков брали зерно только в случаях недостатка его на рынке и срочности покупки⁴¹. Часто мукомолы имели и собственные флотилии судов для отправки хлеба. Мукомолы же средней руки иногда действовали так: брали у крестьян зерно и расплачивались не деньгами (или частично деньгами), а мукой. Существовал еще один вид торговли, когда крупная фирма отдавала зерно в кредит "полностью и без задатка", а мукомолы оплачивали его векселями на несколько сроков, не более 3-4 месяцев. Крупными фирмами эти сделки охотно принимались потому, что в таких случаях мельники платили за хлеб на 2-3 коп. дороже: "Продавец тотчас учитывал векселя и имел деньги, а покупатель в течение трех месяцев успевал размолоть, продать и выручить деньги тоже не без пользы. Часто при застое дел и больших запасах продавцы шли на сделки в кредит, чтобы развязаться с товаром"⁴².

Покупатели-экспортеры. Помимо мукомолов, спрос на зерно предъявляли и крупные экспортные фирмы, коммерческие агентства железных дорог, общества вывозной торговли и банки. Часто комиссионеры, артельщики коммерческих банков просто жили на станциях. Эти покупатели прибегали к услугам посредников, что дало основания самарским биржевикам говорить о постепенном распылении хлебной торговли, переходе ее к представителям с разных мест крупных иногородних и иностранных контор⁴³. Биржевики и местные мукомолы видели в иногородних и иностранных комиссионерах

конкурентов, которые только путали дело. Вся оптовая скупка зерна была далека от идеала правильно организованной капиталистической торговли. В основании ее была разветвленная сеть агентов, которые действовали самыми рутинными способами и “улавливали” клиентов, не брезгуя жульническими приемами.

В начале XX в. споры волжских торгово-промышленных и российских экспортных дельцов на хлебном рынке только оттеняли новую ситуацию, состоявшую в превращении их в главных фигур рынка. Они чувствовали себя хозяевами положения, у них под рукой всегда был банковский кредит, новейшая информация о ценах с биржи и т.д. Они могли позволить себе многое — меценатство и благотворительность, с одной стороны, уклонение от налогов — с другой. В 1901 г. Самарская казенная палата рассматривала жалобу главы Торгового дома Я.Г.Соколова о наложенном на него штрафе в 1650 руб. за то, что тот не взял промыслового свидетельства 1 разряда на право оптовой торговли хлебом. Из принадлежавшей Соколову лавки (свидетельство по 2 разряду) при конторе в нарушение правил велась оптовая торговля зерном. Зерно отпускалось как иногородним покупателям, так и иностранным. Предъявить торговые книги для проверки Я.Г.Соколов отказался, ссылаясь на то, что они находились на мельнице в Сорочинске Бузулукского уезда. В деле участвовал свидетель Федосеев. Обвиняемый объяснял эту ситуацию очень своеобразно: нашли-де свидетеля — доверенного товарищества механической мукомольной мельницы, который “мог как конкурент преследовать известную цель, отвечая на вопросы податного инспектора в смысле неблагоприятном для торгового дома”⁴⁴. Обвиняемый иронизировал: “Я решаю хозяйственные вопросы, веду переписку, отвечаю на телеграммы, отдаю приказания, а иногда и продаю что-либо, тогда уже облагайте нас свидетельствами на конторы везде, где бы мы ни появлялись и где бы только ни продали две-три партии”⁴⁵. Чувствуя свою силу, Я.Г.Соколов самоуверенно заявлял: “Нас таких хлеботорговцев всего 5-6 человек в Самаре, почему именно нас нужно штрафовать?”⁴⁶ Тем не менее проверяющие органы посчитали “жалобу купца не заслуживающей уважения”, и торговец направил ее в Сенат. Дело велось более двух лет, в итоге Соколов проиграл. Но сам тон его жалобы, достаточно самоуверенный, демонстрировал силу небольшой группы торгово-про-

мышленных тузов края. Показательно то, что подобные взгляды разделял не только он.

Мы уже отмечали, что уклонение от налогов путем покупки торговых свидетельств меньшего разряда имело довольно большое распространение в регионе. Но в данном контексте важно заметить, что развитие биржевых, банковских форм торговли, особенно в условиях повышательной ценовой конъюнктуры на мировом рынке, сказочно обогащало теперь уже не скупщика, а экспортера, мукомола и других крупных покупателей крестьянского зерна. По данным Симбирского податного присутствия, биржевая торговля давала ее участникам в 1910-е гг. до 15-20% прибыли⁴⁷.

При монополизации хлебного рынка крупным торгово-промышленным банковским капиталом скупщик уже выглядел иначе, чем полвека назад. Источники начала XX в. дают ему более мягкие определения, чем раньше, находя даже “благородные черты” в его деятельности: “скупщик освобождает от монополии крупного экспортера”, хотя зачастую он “идет на фальсификации и другие ухищрения, роняет доверие к русскому хлебу за границей”⁴⁸. Волжские биржевики, будучи сторонниками “здоровой, основанной на точных данных спроса и предложения” конкуренции, вынуждены были констатировать живучесть мелких скупщиков, “мартышек”, которые “портили все дело”, но бороться с которыми часто было бессмысленно⁴⁹. Биржевики сами обращались за помощью к мелким посредникам, знавшим местную ситуацию. Скупщики могли быстро исполнить поручение оптовика, и всего лишь за небольшую плату. Часто посредник, “мартышка”, или повозник, жил в самой деревне и знал как никто лучше положение дел в ней. Хотя биржевики и относились к ним с некоторой презрительностью, но обойтись без них могли далеко не всегда. Симбирские биржевики, отмечая засилье скупщиков, говорили, что контингент этой группы пополнялся из людей разных профессий — тут сапожники, хлебные пекаря, дворники, кучера и часть бывших приказчиков. “Весь этот разнородный элемент состоит из людей или выгнанных с их прежних мест службы за пьянство, небрежность и полнейшее непонимание своего дела, или из людей, не желающих иметь заработка постоянным трудом, т.е. подчас просто из любителей случайной наживы”⁵⁰. Скупщик водил из лавки в лавку крестьянина-продавца и “ссыпал хлеб, там,

где ему, повознику, давали больше. Часто измученный крестьянин уступал еще в цене, лишь бы прекратить свое мытарство по городу⁵¹. Монопольное положение скупщика на рынке Самарской губернии в начале XX в. описал П. С. Кабытов⁵².

Податные инспектора описали положение скупщика на волжском рынке. Так, Самарский уездный податной инспектор замечал, что в августе-сентябре 1913 г. цены на пшеницу стояли довольно высокими, но “к повышению их склонности не замечалось, почему скупщики и старались скорее продавать ее из опасения получить убыток”⁵³. В дальнейшем цена на пшеницу, действительно, пошла на понижение. “Уменьшение скупки отразилось на торговле комиссионеров, являвшихся посредниками по продаже вагонного хлеба на Самарской бирже как для местных нужд, так и для экспортеров”. Убытки скупщиков повлекли за собой сбои в работе комиссионеров. Риск, неопределенность, с одной стороны, интуиция скупщика — с другой, часто решали исход хлебной компании на местном рынке. Особенно активна скупка развивалась в тех местностях, писал податной инспектор Новоузенского уезда Самарской губернии, где есть хлебные биржи. “Вся выгода скупки зависит от цены на хлеб в слободе Покровской, куда он вывозится”⁵⁴. Та же ситуация была и в ржаном районе — Бугульминском уезде: “Скупка, преимущественно мелкая, на сумму от 10 тыс. руб., сосредоточивается на небольшом районе, а именно вокруг сел и станции железной дороги Клявлино”⁵⁵. Перекупщики учитывали не только ценовую конъюнктуру, но и чисто географический момент. В южном Новоузенском уезде хлеб поспевал раньше, чем в других местностях. Ранний урожай — самое выгодное время для скупки, так как можно было опередить конкурентов и раньше отправить хлеб по железной дороге. Но если дорога оказывалась неготовой к этому обстоятельству — не хватало вагонов, мешков, а крестьяне ждать благоприятной ситуации не могли, — то цены на этот первый хлеб понижались, и убытки скупщика могли достигать 200 руб. на вагон⁵⁶. Скупщик, который оперировал на рынке только зерном одного урожая, получал в среднем прибыль в 1-2%, тогда как крупный торговец, имевший прошлогодние запасы зерна, при малейшем повышении цены выбрасывал его на рынок и получал прибыль до 50%. Именно так обстояло дело в 1910 г. в Самарской губернии⁵⁷. Если ценовая ситу-

ация на хлебном рынке складывалась неопределенно, риск на себя брал опять-таки посредник. В 1909-1913 гг. крупные экспортеры, крупные фирмы покупали зерно, постоянно ориентируясь на ситуацию на мировом рынке. Снижение спроса на зерно, поступаемого на внешний рынок за границу приводило к падению местных цен, что было довольно часто⁵⁸. В таких условиях экспортеры выжидали максимальную цену, тормозя свои закупки на местном рынке. Для поволжского крестьянина же это было чревато множеством осложнений. Ждать “момента” он не мог. Посредник, перекупщик зерна, пусть даже мелкий, покупал крестьянское зерно за низкие цены, в надежде на их рост в последующие месяцы. Тем самым он выручал крестьянина. “Хлебный рынок большой, но население почему-то воздерживается от покупок, — писал в 1913 г. податной инспектор из Бузулукского уезда Самарской губернии. — Отзывы скупщиков зерна печальные — нет спроса, а если и есть, то нет расчета продать. Мукомолы покупают осторожно, видимо, ожидая понижения цен. Наблюдается повышение оборота только по скупке, остальные — вряд ли”, — многозначительно заключал он⁵⁹. Скупщик, как видим, был не просто очень мобилен. В условиях неизвестности рынка и нужды крестьянина скорее сбить товар, чтобы получить деньги, такой посредник брал риск на себя и был своего рода “палочкой-выручалочкой” для крестьянина. Положение скупщика определяло также наличие у него собственного капитала, от чего зависели и его доходы: если скупщик “может выждать выгодных цен”, то может рассчитывать и на значительные доходы. “Оперируя на чужой капитал, он вынужден работать на риск, довольствуясь ничтожной прибылью”⁶⁰. П.И.Лященко писал, что в ряде случаев без скупщика в торговле обойтись невозможно, хотя объективно интересы его и земледельца противоположны. Он замечал также, что мелкие скупщики могли оказывать повышательное влияние на цены⁶¹. Каким образом? Скупщик — это посредник в торговле, получавший небольшой процент за сделку. На базаре или железнодорожной станции покупатель заранее сговаривались о цене, не оставляя крестьянину выбора, и он оказывался бессильным перед лицом торгового монополиста. В то же время крестьянин понимал, что скупщик получал процент за сделку. Значит, минуя это торговое звено, зерно можно было продать чуть дороже, включив в продажную крестьянс-

кую цену и примерный процент посредника. Ехал ли производитель на станцию, обращался ли к комиссионеру крупной фирмы или банка напрямую, он мог рассчитывать на получение за свой хлеб более высокой цены, чем при сделке с мелким скупщиком. Рассуждая таким образом, можно увидеть и определенные выгоды в существовании института скупщика-посредника. Опять-таки в материалах податного присутствия находим следующие соображения: "Мелких скупщиков (речь шла о Новоузенском уезде Самарской губернии. — Т.Н.) перебывали представители крупных мукомольных фирм — Смирнова, Шмидта, Богословского из Саратова, Канаева из Твери, Галунова из Нижнего Новгорода и Башкирова. Фирмы эти забирают в свои руки главную часть скупки и отбивают даже работу у коммерческих банков. Поэтому цены на хлеб стояли в общем достаточно высокие, выгодные для продавцов"⁶². По сути дела скупщик выступал в качестве конкурента на рынке. Это была фигура, которую никто не любил, но терпели по необходимости. Крестьянину трудно было сразу разобраться в разных требованиях покупателей — железнодорожных агентов, коммивояжеров, банковских комиссионеров, мукомолов. Искать рынок сбыта дальше соседнего базара или ближайшей железнодорожной станции он считал бессмысленным: с каждой верстой дорожал извоз, и можно было проиграть в цене. Крупный экспортер или банковский артельщик зачастую не мог объездить все местные базары или мелкие станции и пристани. Вот скупщик и становился необходимой фигурой рынка.

Распространение скупщиков особенно было заметно при железнодорожных станциях. Выгод здесь было много. Во-первых, сюда постоянно везли зерно крестьяне, во-вторых, отсюда практически сразу можно было отправить купленный товар, и, в-третьих, под железнодорожную квитанцию об отправке зерна можно было получить кредит. Кредит под товарные документы считался современной и удобной формой обслуживания поволжского рынка. Но в этой процедуре таились и свои опасности. О некоторых из них мы уже говорили ранее, речь идет о всевозможных неожиданных обстоятельствах, которые приводили к дополнительным расходам по транспортировке продаваемого зерна. Риск невозвращения банковского кредита в такой ситуации возрастал. Трудно было уберечься от спекулянтов, мошенников без оборотных средств. Получив квитанцию

за купленный хлеб, они предъявляли ее к платежу. Этот дубликат, как отмечалось на Межведомственном совещании по хлебной торговле 1910 г., “уже не есть товар, а своего рода перевод платежа от продавца к покупателю, и его можно оценивать выше, чем само зерно”⁶³. Но если дубликат оценивать по полной стоимости, то мелкие спекулянты без всякого риска оказывались в самом благоприятном положении, “получая под дубликат 100%-ю стоимость зерна”⁶⁴. Тем самым они “вносят в хлебную торговлю большую неустойчивость, которая вредно отражается на интересах солидных торговцев, рискующих собственными капиталами”⁶⁵. Совещание решило выдавать ссуду под товарные документы в размере 75% стоимости зерна, оценивая само зерно на основе экспортной цены⁶⁶.

Конечно, масштабы хлебной торговли, царивший в заволжском земледелии дух хищнического предпринимательства привлекали сюда искателей легкой наживы. Их спекулятивные, а то и авантюрные действия причиняли хлебной торговле безусловный вред. Они подрывали доверие к торговле, поскольку часто искусственно ухудшали качество зерна, смешивая разные сорта, добавляя сор для увеличения объема и веса. Они путали все карты как на внутреннем рынке, так и в экспортной торговле, поскольку направляли свои небольшие партии зерна на случайные рынки или прямо в порты, помогая иностранным экспортерам сбивать цены на зерно⁶⁷. Учрежденный в 1909 г. в Петербурге съезд представителей торгового посредничества должен был противопоставить таким спекуляциям цивилизованное посредничество. Комиссионеры, биржевики объединялись и должны были “способствовать возникновению местных обществ торговых посредников” для “упорядочения отношений торговых посредников и препоручителей”⁶⁸. Однако в полной мере результаты работы этого съезда в Поволжье не проявились. Итак, цепочку между производителем зерна и крупным торгово-промышленным или банковским капиталом в Поволжье по-прежнему соединял скупщик.

Земство, у которого был опыт заготовок зерна по государственным заказам, постепенно сокращало свою деятельность на рынке края. В Симбирской, Пензенской губерниях работа земств по-прежнему была связана с большими поставками ржи, овса для армии. Однако в остальном их функции на рынке уменьшались. Земство по отношению к крестьянству выполняло филантропические цели —

покупало товар по заготовительной цене, пользовалось многолетним кредитом и в то же время не было обременено государственными повинностями. По сравнению с частными торговцами оно имело несомненные преимущества. “Земство сокращает частную торговлю, не ниже как в пределах 60-70% торгового оборота”, что вело к недополучению доходов государства в виде налога от частного торговца⁶⁹. Вот он, парадокс российского рынка начала XX в.: государство в интересах пополнения бюджета должно было содействовать развитию частной инициативы и торговли, хотя массовый потребитель далеко не всегда мог пользоваться ее благами из-за недостатка средств и опять-таки монополии торгового капитала на рынке. Если земство приходило на помощь массовому производителю товарного зерна, то теряла от этого государственная казна. Зачем государству развивать крестьянский рынок с помощью земства, если казна от этого пустеет? Зачем государству развивать частный рынок, если население от такого рынка беднеет? Вот проблема, которая вставала перед правительством в 1900-е гг.

Легче было сохранить институт скупщика, втянув его в русло “цивилизованной торговли”. Для этого, прежде всего, надо было регулярно собирать с них налоги. Думается, не случайно материалы податных инспекторов по Поволжью начала века изобилуют данной тематикой. В отчетах отмечалось, что инспектора следили за тем, чтобы перекупщики покупали свидетельства на право торговли, хотя последние всячески уклонялись от этой процедуры, причем грешили этим не только посредники-одиночки, но и торговые фирмы. Так, в 1904 г. в Балаковское раскладочное присутствие поступила жалоба владельцев торгового дома “Бр. П. и Г. Дизендорф”, которые вели торговлю хлебом в селе Екатериненштадт Николаевского уезда Самарской губернии. Жалоба заключалась в нежелании платить в Балаковское раскладочное присутствие положенного налога в 143 руб. 3 коп. Доводы жалобщиков состояли в том, что они скупали хлеб не только для себя, но и для торгового дома “Рейнеке”, скупку производили на правах приказчика⁷⁰. Скупка хлеба облагалась в поволжских губерниях дополнительным промысловым налогом, причем размеры его были довольно значительны. По данным Самарской губернской казенной палаты, в 1911 г. на долю скупки хлеба приходилось 45118 тыс. руб., или 25% всего товарооборота торговых и промыш-

ленных предприятий губернии⁷¹. Зависимость всей торговли от хлебной скупки отмечали практически все податные инспектора⁷², но говорили они и о том, что практически невозможно учесть все тонкости работы скупщиков, особенно в разных торговых пунктах (вблизи или в отдалении от железнодорожной станции). Все это означало “невозможность учитывать среднюю прибыль скупщика” для обложения его промысловым налогом⁷³. Податные инспектора Самарской губернии наиболее подробно и тщательно описывали ситуацию на хлебном рынке губернии, постоянно говоря о необходимости провести градацию при оценке их работы, хотя сделать это было чрезвычайно трудно. Ведь надо было учитывать не только наличие собственного капитала, но и размеры хлебных запасов, урожай и ценовую ситуацию на местном рынке, которая менялась непредсказуемо. Самарские инспектора даже просили Министерство финансов разработать специальный циркуляр и предложили свой вариант этого документа. Операции по скупке были названы в нем “торговыми сезонными предприятиями”, которые должны были к 1 апреля ежегодно выплачивать налоги по итогам прошедшей хлебной компании. “Все предприятия по скупке, выбравшие на данный окладный год промысловые свидетельства первых трех разрядов, должны быть привлекаемы к раскладке за тот же год на общем основании, независимо от того, истекает ли годичный к этому времени срок их существования”⁷⁴. Исключения допускались только для начинающих, хотя очень трудно было определить, вели ли они подобные работы в соседних губерниях.

Итак, мы приходим к заключению, что в Поволжье в начале XX в. институт скупщика не только не уничтожился современными способами торговли, но, напротив, рос вместе с ними, приспособляясь к ситуации. Эта ситуация состояла в том, что скупщик был наиболее приближен к реальному производителю зерна, освобождал его от стихии рынка и мог довольствоваться небольшими, по сравнению с биржевиками или комиссионерами, доходами. Скупщики были самым устойчивым и привычным звеном торговли.

Организация торговли на местном рынке в XX в., “как ни странно, претерпела мало изменений за последние 25-30 лет”, — писал в 1912 г. П.И.Ляшенко. В Казанской губернии и Сурском районе Симбирской губернии, где было меньше, чем у соседей, железнодо-

рожных пунктов сбыта, отделений коммерческих банков, сохранилось преобладание крупного капитала в торговле. Небольшое развитие мукомольного спроса также ограничивало размеры местного рынка. Торговля здесь носила по преимуществу заготовительный, осенне-зимний характер. Предварительно собранный хлеб складывался в амбары покупателей, построенные уже давно и вполне достаточные для стабильных оборотов местного рынка⁷⁵. На самарских и саратовских рынках оживленнее было летом и осенью, зимой сделки велись в меньших масштабах. При описании того, как совершалась сделка, П. И. Лященко практически повторял своего предшественника А. А. Клопова: опять мы видим обязательное рукобитие при сделке, бросание жребия. “Иногда громадный базар длится собственно несколько минут, так как еще до официального открытия обыкновенно большинство возов уже осмотрено и приценено, цена также всеми скупщиками установлена, и тотчас, по открытии базара путем поднятия флага или удара колокола, почти все возы оказываются раскупленными”⁷⁶. “Скупив известное количество возов по известной цене, приказчик метит мелом на груди полушубка продавца первоначальную букву фамилии своего хозяина, количество возов и договорную цену и с такой меткой отправляет его к амбару своего хозяина, где производится ссыпка”. Продавцу давали ярлык с обозначением количества пудов и цены, по которому в кассе он получал деньги. Крупные партии, которые покупались по пробам, “иногда даже с воза, и не въезжают на площадь”. Вся объявленная партия в 100 и 200 возов от одного лица покупается одним покупателем. “Вообще крупные партии уже известны покупателям накануне, так как пробы сдаются кому-нибудь из комиссионеров, пользующихся и доверием и опытностью по расценке; около этих лиц собираются покупатели, которые и решают сделку”⁷⁷. Из новых явлений прижились лишь скупка крупных партий по образцам с обязательством хранения до известного срока или поставки к определенному сроку на пристань или станцию, отмечал П. И. Лященко. Число посредников (среднее звено между первым скупщиком и покупателем) стало меньше. “Вторыми руками” чаще всего были крупные местные фирмы или мелкие спекулянты, которые продавали зерно экспортерам⁷⁸. *Произошло дробление крупного торгового капитала, который раньше закупал большую часть продаваемого на базарах зерна. Его место*

заняли либо скупщик мелкой руки, либо местные торговые фирмы. Скупщики сохранились, но изменили свой облик, приспособившись к новым временам. Это же явление отмечал и Н.Д.Кондратьев: “Теперь уже нет только концентрации товарного хлеба в исторически определенных центрах, в руках крупного капитала. На сцену выступил мелкий торговый капитал, притягивающий хлеб небольшими партиями к многочисленным железнодорожным станциям и направляющий эти партии прямо в порты, в пограничные пункты, на крупные внутренние пункты... Произошло частичное распыление торгового капитала и “демократизация” торговли”⁷⁹. Однако организация базарных сделок практически не изменилась, строение русско-го хлеботоргового аппарата “в результате исторических наслоений” стало необычайно сложным и пестрым. Наряду со старыми местными мелкими, средними и крупными торговцами мы наблюдаем и массы скупщиков-комиссионеров, и новые образования крупного характера.

“Вековое хаотическое состояние торговли”, по выражению члена Государственного совета В.И.Денисова, осталось преобладающим и в начале XX в.⁸⁰ Не только господство скупщика-спекулянта внушало В.И.Денисову опасения, но и то, что биржи, эти оплоты капиталистической торговли, “начинают склоняться в сторону спекулятивной торговли”, выступая, таким образом, в роли коллективного скупщика⁸¹. Живучесть скупщика на российском рынке нам видится одной из наиболее типичных черт российского капитализма начала XX в., так же, как и сохранение мелких кустарных промыслов в промышленности.

Торговля в Поволжье во второй половине XIX — начале XX вв. представляла собой сложную, перестраивавшуюся систему. Организаторами торговых сделок выступали как государственные учреждения, закупавшие зерно и муку с помощью земств, так и частные лица и фирмы. Последних было значительно больше. Каждый из покупателей преследовал свои цели. Государственные организации, экспортные конторы, биржи, используя новейшие формы оплаты, часто с помощью банков, ориентировались на оптовые сделки и охватывали лишь “верхний этаж” рынка. На “нижнем этаже” — базарах, мелких железнодорожных станциях, пристанях, куда везли на продажу зерно его производители, — в 1880-1890-е гг. появились

новые покупатели — мукомолы, но неизменной фигурой здесь по-прежнему оставался и скупщик. Если в 1860–1880-е гг. это был человек, обязательно обладавший капиталами, то в начале XX в. размер его собственного капитала мог быть совсем небольшим. Кредит под товар и под товарные документы давал такую возможность. Мелкие посредники, перекупщики были неистребимы на поволжском рынке. Они были связующей ниточкой между “этажами” рынка, по которым рыночные отношения проникали во все, даже глухие уголки региона.

Конечно, такая ситуация не была идеальной, но в начале XX в. стало ясно, что не скупщик главное зло хлебной торговли. Сам рынок с его неопределенностью и риском, отсутствие или малочисленность (до 1910–1911 гг.) элеваторов, стремление крестьянина быстрее продать хлеб, чтобы осенью уплатить налоги, — все это в своей совокупности создавало такую организацию торговли, в которой скупщик был самой устойчивой фигурой. Представители крупного капитала, экспортные фирмы часто выжидали на местах, ловили конъюнктуру в целях повышения собственной прибыли. Для них крестьянин со своим мелким грузом в 2–3 воза был не более чем песчинкой в хлебном потоке. Крестьянскую нужду в срочной продаже хлеба и выплате долгов, налогов эти воротилы рынка не понимали. Лишь скупщик, имевшийся практически на каждом базаре, мог сразу, пусть и дешевле, купить крестьянский хлеб и выдать за него наличные. Единоличный мелкий производитель в России обойтись без скупщика не мог.

Общественность и правительство видели перспективу реорганизации торговли в кооперировании крестьянства. Но для совместного сбыта, как мы уже отмечали ранее, опять-таки нужны были денежные средства, собственные хранилища и знание конъюнктуры рынка. Для этого требовалось время, положительный пример. Многие кооперативные объединения, маломощные с финансовой точки зрения, так же, как и в Америке, не могли конкурировать с крупным капиталом.

Правительство находилось меж двух огней — монополистическую торговлю хлебом оно поддерживать не могло, так как от этого страдали многомиллионные производители, поддержка же производителя и мелкой торговли порождала скупщика, но его деятельность

приносила мало дохода в государственную казну. Задача поддержки "цивилизованной торговли" преломлялась в необходимость улучшения работы податных присутствий на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА. Ф.23. Оп.9. Д.214. Л.53.

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1992. С.110.

³ Там же. С.110-111.

⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч.1,2. СПб., 1868. С.196-198.

⁵ Самарская летопись. Кн.1. С.177.

⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т.1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С.148.

⁷ РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27410. Л.8; Д.27405. Л.3.

⁸ РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27410. Л.10.

⁹ Там же.

¹⁰ РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27410. Л.17об.; Д.27405. Л.25.

¹¹ Там же.

¹² РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27405. Л.3.

¹³ РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27403. Л.5.

¹⁴ РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27405. Л.5, 9, 15, 22.

¹⁵ Записка Симбирского губернатора к Всеподданнейшему отчету об обозрении губернии в 1893 году. Симбирск, 1893. С.10.

¹⁶ Всеподданнейший отчет губернатора Саратовской губернии за 1887 год. Саратов, 1887. С.10.

¹⁷ РГИА. Ф.573. Оп.18. Д.27410. Л.30.

¹⁸ Россия в конце XIX века / Под ред. В.И.Ковалевского. СПб., 1900. С.584-585.

¹⁹ Клопов А.А. Материалы для изучения хлебной торговли на Волге. М., 1886; Он же. Отчет по исследованию волжской хлебной торговли, произведенному по поручению Министерств финансов и государственных имуществ в 1887 году. СПб., 1889.

²⁰ Там же. С.71.

²¹ Кабытов П.С. Хлебная торговля в Самарском крае в начале XX века // Записки историка. Ч. II. Самара, 1998. С.67.

²² Клопов А.А. Отчет по исследованию волжской хлебной торговли... Самарская летопись: В 3 т. Т. 2. Самара, 1993. С.64.

²³ Там же. С.63.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С.71-73.

²⁷ Там же. С.46.

²⁸ Там же. С.58-59.

²⁹ Смирнов П.П. Об устранении недостатков торговли крестьянским хлебом в торговых центрах // Труды Высочайше учрежденного торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб., 1897. Т.5. Вып. IX. С.138.

³⁰ Турбин И.С. Об устранении главнейших недостатков торговли крестьянским хлебом // Труды Высочайше учрежденного торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб., 1897. Т.5. Вып. IX. С.176.

³¹ Сазонов Г.П. Вопросы хлебной промышленности и торговли, разработанные земскими учреждениями (1865-1890 гг.). СПб., 1891. С.53-55, 203-204, 221.

³² РГИА. Ф.20. Оп.10. Д.216. Л.15.

³³ Свод ходатайств, донесений и проектов по вопросам хлебной торговли, поступивших в Министерство финансов. Журнал хлебной комиссии сельскохозяйственного комитета по пересмотру торговых договоров. Заседание 20 мая 1913 г. Б.г., б.м. С.2.

³⁴ Там же.

³⁵ Китанина Т.М. Хлебная торговля... С.201-220; Клейн Н.Л. Зерновое производство Поволжья и его связи со всероссийским рынком. Куйбышев, 1982. С.25. Деп. в ИНИОН. ФН 16891.

³⁶ Тагирова Н.Ф. Государственное регулирование хлебного рынка на Средней Волге в конце XIX - начале XX вв. // Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США: Российско-американский симпозиум. Россия, Самара. 6-8 июня 1998 года. Самара, 1998. С.75-80.

³⁷ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - начала XX века. М., 1983. С. 113.

³⁸ Китанина Т.М. Хлебная торговля в России... С.152.

³⁹ Там же. С.155; Самарская летопись. Кн.2. С.128-134; Кабытов П.С. Хлебная торговля в самарском крае в начале XX в. // Записки историка. С.69.

⁴⁰ Клейн Н.Л. Зерновое производство Поволжья и его связи со всероссийским рынком (начало XX века). С.17.

⁴¹ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С.325.

⁴² Там же. С.315-316.

⁴³ За двадцать лет: Юбилейный сборник очерков... С.33.

- ⁴⁴ ГАСАМО. Ф.446. Оп.1. Д.27. Л.4-4/об.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Л.5/об.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ РГИА. Ф.23. Оп.9. Д.214. Л.53.
- ⁴⁹ За двадцать лет... С.32-34.
- ⁵⁰ Отчет Симбирского биржевого комитета за 1908 год. Симбирск, 1909. С.15-16.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Кабыгтов П.С. Хлебная торговля... С.65-67.
- ⁵³ РГИА. Ф.573. Оп.34. Д.79. Л.69.
- ⁵⁴ РГИА. Ф.573. Оп.34. Д.79. Л.120.
- ⁵⁵ Там же. Л.100.
- ⁵⁶ РГИА. Ф.573. Оп.34. Д.79. Л.121.
- ⁵⁷ РГИА. Ф.573. Оп.29. Д.1377. Л.5.
- ⁵⁸ РГИА. Ф.573. Оп.34. Д.78. Л.63; Д.79. Л.110.
- ⁵⁹ Там же. Д.79. Л.102 а.
- ⁶⁰ РГИА. Ф.573. Оп.29 Д.1377. Л.5/об.
- ⁶¹ Лященко П.И. Указ. соч. С.316.
- ⁶² РГИА. Ф.573. Оп.34. Д.79. Л.121.
- ⁶³ РГИА. Ф.23. Оп.27. Д. 565. Л.34.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Клейн Н.Л. Зерновое производство Поволжья... С.19.
- ⁶⁸ ПСЗ-III. № 32152.
- ⁶⁹ Фармаковский С. Земство в роли торговца. СПб., 1909. С.9.
- ⁷⁰ ГАСАМО. Ф.446. Оп.1. Д.16. Л.1. 7/об.
- ⁷¹ РГИА. Ф.573. Оп.29. Д.1377. Л.15/об.
- ⁷² РГИА. Ф.573. Оп.34. Д.79. Л.64.
- ⁷³ РГИА. Ф.573. Оп.29. Д.1377. Л.5.
- ⁷⁴ РГИА. Ф.573. Оп.29. Л.6.
- ⁷⁵ Лященко П.И. Указ. соч. С.350.
- ⁷⁶ Там же. С.305, 333.
- ⁷⁷ Там же. С.314.
- ⁷⁸ Там же. С.305-306.
- ⁷⁹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С.111.
- ⁸⁰ Денисов В.И. Современное положение русской торговли. СПб., 1913. С.55.
- ⁸¹ Там же. С.57.

§ 5. Товарные перевозки хлеба

Прежде всего рассмотрим движение товара. В аграрном Поволжье это были зерно и мука. Объем товарной массы можно определять разными способами¹, один из них базируется на вычислении остатков от сбора хлебов после вычитания потребительского зерна (они определяются различно для городского и сельского населения). Другой состоит в определении товарной массы на основе размеров вывоза. Исследователи вправе использовать любой из них, важно помнить, что расчеты, сделанные на основе потребительских норм, показывают потенциальный объем товарной массы, так как в действительности потребительские нормы выдерживались далеко не всегда. Расчеты, сделанные на основе вывоза хлебных грузов, показывают реально существовавший объем товарной массы. Объемы товарной массы хлебов Поволжья в 1909-1913 гг., посчитанные П. С. Кабытовым на основе потребления, составляют 191,6 млн пуд., из которых 117,7 млн пуд. (61,4%) – пшеница, 38,4 млн пуд. (20%) – рожь, 33,9 млн пуд. (17,7%) – овес².

Реальную массу товарного хлеба определим на основе сведений о вывозе, воспользовавшись данными транспортной статистики (водной и железнодорожной). Выявим также структуру регионального экспорта, направления движения хлеба на протяжении капиталистического периода.

В середине XIX в. (в 1859-1862 гг.) по Волге перевозилось в среднем 105,8 млн пуд. груза, из которых 55,2 млн пуд. (52%) составляли сельскохозяйственные товары³. В последующие годы в Поволжье наблюдался неуклонный рост вывоза хлебов всеми видами транспорта. В 1884-1891 гг. он составлял в среднем 98,1 млн пуд., в 1892-1899 гг. уже 147,8 млн пуд., в 1901-1907 гг. – 216,7 млн пуд. В предвоенное пятилетие волжский вывоз достиг своего максимума – 254,6 млн пуд. зерна и муки⁴. За весь период капитализма объемы экспорта из региона выросли почти в пять раз, причем наибольший прирост пришелся на рубеж XIX-XX вв. Однако надо иметь в виду, что в данные о перевозках 1880-1910-х гг. включены сведения о транзитном грузе, что увеличивает суммарные показатели. Тем не менее рост перевозок хлебов из Поволжья бесспорен.

Посмотрим более детально на движение хлебов, которое шло разными транспортными путями.

Водные перевозки. Водная статистика перевозок страдает неполнотой, что неоднократно замечалось исследователями. Тем не менее П.И.Ляшенко назвал как характерный для Поволжья 1895-1908 гг. процесс роста водных перевозок (на 8%), тогда как по России в целом они неуклонно сокращались⁵. Наиболее точные данные о товарных перемещениях зерна по воде существуют по предвоенному пятилетию (см. табл. 15). Они свидетельствуют, о том, что в 1909-1913 гг. ежегодно по воде из региона вывозилось 114 млн пуд. зерна и муки. Основным предметом вывоза была пшеница (51,3 млн пуд., или 44,9%) и пшеничная мука (22 млн пуд., или 19,3%). Главными экспортерами этих товаров были Самарская (38,4 млн пуд.) и Саратовская (11,2 млн пуд.) губернии. В совокупности на них приходилось 96,6% регионального вывоза пшеницы и 78,7% пшеничной муки. Самарцы вывозили преимущественно сырое зерно (74,8% регионального вывоза пшеницы в зерне), саратовцы — муку (51,6%). Рожь (13 млн пуд.) и ржаная мука (12,3 млн пуд.) составляли 30,7% регионального вывоза. По Волге отправлялась преимущественно казанская (6,3 млн пуд., или 48,4% регионального вывоза ржи) и самарская рожь (4,1 млн пуд., или 31,6%). Ржаная мука отправлялась с пристаней Симбирской (3,2 млн пуд.) и Казанской (5,4 млн пуд.) губерний. Третье место в водном экспорте принадлежало овсу (14,9 млн пуд.), который в наибольших размерах вывозился из Симбирской (3,3 млн пуд.) и Казанской (10,6 млн пуд.) губерний. Структура вывоза соответствовала сложившейся структуре посевов, что было свидетельством сбалансированного производства и обмена.

Роль губерний и отдельных пристаней в перевозках зерна различалась. Наибольший вывоз приходился на пристани Самарской губернии (44,9%), другие шли со значительным отрывом: на долю саратовских пристаней приходилось 22,8% регионального вывоза, казанских — 20,6%, симбирских — 11,7%. Более подробно статистику работы крупных волжских пристаней можно анализировать на основе данных ЦСУ СССР 1920-х гг., которое опиралось на довоенные сведения Министерства финансов⁶. Анализ этих материалов за 1901-1913 гг. дает нам основания говорить о том, что отправки хлебных грузов особенно возросли с пристаней Саратова, Царицына, затем Самары и Сызрани. Пристани Казани, Симбирска, Камышина постепенно сокращали среднегодовые отправки хлебов. В эти годы пристани не только дифференцировались по размерам вывоза, но и выстраивались в определенную иерархию: Самара, Саратов в начале

XX в. стали многопрофильными водно-железнодорожными пунктами по отправке практически всех сортов зерна и муки. Другие скорее напоминали специализированные пристани, из Симбирска и Сызрани все больше вывозилась пшеница и пшеничная мука, из Царицына — рожь и ржаная мука, Казань сохраняла позиции экспортера сырого зерна. Но все они имели миллионные обороты с хлебом. Оформление комплексных водно-железнодорожных пунктов сразу же вывигало их в ряд торговых центров российского значения.

В целом статистика водных перевозок на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. показывает общий рост перевозок хлебов, хотя со временем он приобретал все более затухающий характер. В 1913 г. отправки хлеба по воде составляли 87,5% от 1901 г., тогда как привоз хлебов увеличивался (на 13%), что означало, что водный транспорт все более приспособлялся к нуждам местного рынка, находя именно здесь собственную нишу, тогда как железнодорожный транспорт обслуживал общероссийские интересы.

Железнодорожные перевозки благодаря точной статистике с 1890-х гг. можно анализировать в динамике. В 1898-1902 гг. по железным дорогам из Поволжья ежегодно вывозилось 94,9 млн пуд. хлебных грузов, из которых 67,7 млн пуд. (71,3%) было непереработанным зерном, а 27,2 млн пуд. (28,7%) составляла мука (см. табл. 16). Разные виды зерна вывозились примерно в равных пропорциях: 31,6% пшеницы, 22,7% ржи, 16,6% овса, минимальным был вывоз ячменя (0,4%). Доля пшеничной муки составляла 17,7%, ржаной — 11%. Монокультурный характер экспорта, который определился уже в конце XIX в., демонстрировала Самарская губерния, здесь доля пшеницы в общегубернском вывозе составляла 58,9%, а в совокупности с мукой — 77,1%. Подобный тип вывоза был представлен и в Казанской губернии, где в общем вывозе лидировал овес (73,6%). Другие губернии края имели более разнообразные пропорции зернового вывоза.

Через десять лет картина регионального экспорта существенно изменилась. В предвоенное пятилетие среднегодовой вывоз хлебных грузов вырос почти наполовину и составлял уже 141,5 млн пуд. Преобразилась структура хлебного вывоза: упала доля ржи (с 22,7% до 10,6%) и увеличилась доля пшеницы (с 31,6% до 46,1%), наиболее заметен рост доли пшеничного экспорта был в Самарской (68,5%) и Саратовской (36,9%) губерниях, в остальных районах она уменьшилась. Возрастание доли пшеницы в экспорте региона свидетель-

ствовало об успехах товарного производства этой культуры. Практически весь ее урожай в предвоенные годы за исключением семенного фонда шел на вывоз. По расчетам Н.Д.Кондратьева, у частных владельцев норма товарности пшеницы составляла 82,3% в Саратовской, 87,4% в Самарской, 74,7% в Симбирской губерниях. Крестьяне также выращивали пшеницу преимущественно на продажу (норма товарности в Саратовской губернии 87,2%, в Самарской – 79%, в Симбирской – 59,3%)⁷. Волжский производитель зерна сделал ставку на производство товарной пшеницы.

Доля ржи в вывозе за десятилетие XX в. возросла лишь в Казанской губернии (с 12,3 до 19,8%), из других районов ее стали вывозить меньше. Это было связано с развитием местной переработки ржи на муку в Саратовской, Симбирской губерниях. Рожь была главной потребительской культурой, она выручала крестьянина в любые времена, именно ее стремились припасать “на черный день”, поэтому и нормы товарности этой культуры были ниже, особенно у крестьян. У саратовских частных владельцев ее норма не превышала 39,9%, у симбирских – 57,4%, у казанских – 57,2%, у пензенских – 59,3%. В Самарской губернии частные владельцы рожь почти не продавали (4,1%). Нормы товарности ржи у крестьян Самарской губернии составляли 38,9%, Саратовской – 34,5%, Казанской – 26,2%, Симбирской – 12,5%, Пензенской – 10,7%⁸. В лучшем случае крестьяне продавали не более одной трети выращенной ржи.

Доля овса в региональном вывозе осталась почти неизменной (16,6% – 13,4%). Наиболее заметны подвижки были в Симбирской, где его доля упала с 32,5% до 24,8%, и Казанской (с 73,6% до 47%) губерниях. В Пензенской губернии доля вывозимого овса увеличилась до 54,6%. Местные статистики отмечали, что овес стал главной товарной культурой края. Вместе с ростом объемов по производству и вывозу овса поменялись географические ориентиры: в конце XIX в. главными потребителями пензенского овса были внутренние рынки страны, а с 1910-х гг. возрос вывоз овса в балтийские порты с целью экспорта (58,7% всего вывозимого овса)⁹.

Соотношение в вывозе сырого (70,3%) и переработанного (29,8%) зерна за 1898–1913 гг. практически не изменилось, что было явным подтверждением сложившейся и закрепившейся за регионом исключительно зерновой специализации. Итак, железнодорожный вывоз хлебов из Поволжья за 1890–1910-е гг. демонстрировал консервирование за Поволжьем его зерновой специализации. Промышленное

мукомолье развивалось в отдельных крупных пунктах (Саратове, Сызрани, Самаре, Мелекесе и Балакове), расположенных в пшеничной зоне. Эти центры могли снабжать мукой не только российский, но и местный потребительский рынок.

На остальных территориях края закреплялось земледельческое производство. Пензенские земские статистики отмечали, что “продукты перемола постепенно составляют все меньший процент общей отправки хлебных грузов”¹⁰, а “земледелие отвоевывает в продуктах вывоза все более значительное место”¹¹.

Закрепление зерновой специализации Поволжья на российском рынке сопровождалось одновременно внутрорегиональным общественным разделением труда.

В зерновом экспорте Поволжья все большее место занимала пшеница.

Рассмотрим географию железнодорожного вывоза хлебов. Выявить направления товарных потоков в Российской империи достаточно трудно, на что указывал в свое время Н. Д. Кондратьев. В конце XIX в. Поволжье считалось частью восточной окраины Европейской России, которая тянулась широкой полосой от рек Камы и Вятки вниз по Волге и захватывала губернии Вятскую, Пермскую, Уфимскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую, Самарскую, Оренбургскую, Саратовскую, Тамбовскую. Эта область давала главным образом серые хлеба, рожь и овес, “коих собирается здесь около трети всего производимого в России количества”¹². Главные направления движения хлебов отсюда складывались от востока к западу “для потребностей внутренних и экспортных”. 1) “Хлеб проходил здесь самые длинные расстояния, через всю Россию, почти по параллелям, пользуясь Волгою с системою каналов и поперечными железнодорожными линиями, соединявшими Волгу от Казани, Симбирска, Самары, Саратова и Царицына с обеими столицами, балтийскими портами и сухопутной границей”¹³. 2) Более короткие пути к югу шли по железной дороге к Черному и Азовскому морям или по рекам из близлежащих территорий к морю. Здесь хлеб шел преимущественно для экспорта. 3) К северу по смешанному водно-железнодорожному пути до Архангельска вывозились волжские хлеба, а также экспортная сибирская пшеница¹⁴. Как видим, волжское зерно могла получать вся Европейская Россия. Сопоставление размеров хлебного вывоза по материалам Тарифного съезда российских железных дорог 1896 г. показало, что волжский хлеб шел преимущественно во внутренние губернии империи (38,8%) и две столицы

(31%), заграничный вывоз был минимальным (около 2%)¹⁵.

В начале XX в. произошли структурные изменения, связанные с ростом вывоза яровых культур, и прежде всего пшеницы. Как изменилась география хлебного вывоза? Ответить на этот вопрос можно, воспользовавшись опубликованными в 1916 г. Особым совещанием продовольствия «Материалами о вывозе и ввозе главнейших хлебов и сахара в 25 губерниях Российской империи, незанятых неприятелем»¹⁶, где были проанализированы среднегодовые данные за 1908-1911 гг. об объемах сбора, экспорта-импорта, потребления хлеба. Здесь же имелись указания на то, куда товар переправлялся. На основании этих материалов можно говорить о том, что география вывоза волжского хлеба в начале XX в. была чрезвычайно разнообразна. Зерно и муку из Саратовской губернии получали 36 пунктов Российской империи, из Самарской — 38, Пензенской — 25, Симбирской — 23, Казанской — 7. Однако главные направления грузопотоков в начале XX в. остались прежними: северо-западное — в Ревель и Новый порт и — центральное — на Москву и Московскую губернию. Наиболее обширной география вывоза была у саратовских и самарских хлебов: помимо указанных направлений пшеница и мука шли на север (Архангельск, Вологду) и запад (Минск, Чернигов, Курск, Орел). Эстляндская, Лифляндская, Орловская, Курская, Черниговская губернии получали пшеницу, пшено и другое зерно. Хлеба Казанской, Симбирской губернии поступали на экспорт в Ревель и Новый порт, а также в Москву и Петербург, откуда распределялись далее.

В начале XX в. определилось еще одно направление сбыта зерна — в Среднюю Азию, где в районах Бухары и Ташкента развивалось хлопководство, посевы зерна на поливных землях уменьшались. Это направление не стало ведущим, но, как свидетельствует переписка Министерства торговли и промышленности с биржевыми комитетами края, «население Ферганской, Самаркандской областей, Бухарских владений... питается исключительно хлебом Оренбургской и Самарской губерний»¹⁷.

Как видим, направления вывоза волжского хлеба на российский рынок сложились давно и к концу XIX в. были достаточно устойчивы, что свидетельствовало о сформировавшейся географии товаропотоков и наличии традиционных мест сбыта.

Точно разделить количество хлеба, вывезенного за границу или на внутренний рынок на 1913 г., пока не представляется возмож-

ным. Мы располагаем лишь эпизодическими сведениями. Так, из Симбирской губернии по Волго-Бутульминской дороге в 1913 г. было вывезено 4,6 млн пуд. хлебных грузов, из них 89,2% было направлено в порты Балтийского моря, 8,6% — в Москву и Петербург¹⁸. Только что вошедшая в строй железнодорожная ветка имела явно экспортную ориентацию. В Пензенской губернии, где местные статистики определяли пропорции вывоза в стоимостном выражении, 37% сельскохозяйственных товаров шло за границу, 32% — на столичные рынки и 31% — на внутренний российский рынок¹⁹. Заграничный экспорт шел через северные территории. Несомненно то, что заграничный экспорт зерна из региона в начале XX в. вырос.

Определим общий объем вывоза волжского товарного хлеба, поступавшего в предвоенное пятилетие на внутренний и заграничный рынки. Вывоз хлебов по воде составлял 114,2 млн пуд., по железной дороге — 141,5 млн пуд. В данные о железнодорожных грузах входили сведения о транзите, существование которого и практическую невозможность его отделения от всех российских перевозок отмечают исследователи этого вопроса. Принимая в расчет указания коммерческих служб Самаро-Златоустовской, Сызрано-Вяземской железных дорог о том, что доля транзитных грузов, перевозимых по ним, составляла от 35 до 40%, мы считаем возможным для Поволжья уменьшить данные железнодорожной статистики на 35%. В этом случае объем вывоза хлебов по железной дороге составит 91,9 млн пуд., а общий объем вывоза всеми видами транспорта — 205,4 млн пуд. Главные товаропотоки направлялись в северо-западном и центральном направлениях. Поволжье закрепило за собой на российском рынке преимущественно зерновывозящую специализацию. Доля товарных хлебных грузов составляла 54,2% от среднегодового сбора хлебов.

В то же время в Поволжье приобрели значительный размах внутригубернские перевозки. В конце XIX в., по нашим подсчетам, они составляли около одной пятой всего вывоза по железным дорогам²⁰. На основании данных о ввозе хлебов в Поволжье можно судить о емкости регионального рынка и региональной интеграции.

Большой ввоз зерна на территории, где оно выращивалось и его было достаточно, свидетельствовал о товарных передвижениях внутри самого Поволжья. Это были первые ручейки товарного зерна, формировавшие местный рынок. Собираясь в крупные партии, оно либо перераспределялось на российский рынок, либо шло на местную промышленную переработку. Точно воссоздать объемы местного

рынка практически невозможно, для этого нужно было отслеживать объемы местных перевозок, что было не под силу волжскому земству, да оно и не задавалось подобной целью. Транспортная статистика учитывала внутренние перевозки преимущественно по железным дорогам, а не по губерниям. Для определения объемов регионального хлебного рынка мы считаем возможным использовать сведения о ввозе хлеба по железным дорогам и водным путям. Основанием тому служат неоднократные указания архивных источников на то, что край обеспечивался исключительно собственным зерном и только в неурожайные 1891, 1901 гг. его привозили сюда со всей России.

Ввоз хлебов по воде в предвоенное пятилетие составлял 36 млн пуд. в год, подавляющей его частью были пшеница (59,4%) и пшеничная мука (25,1%) (см. табл. 15). В край ввозили твердые сорта пшеницы для промышленной переработки, а за пределы региона вывозили мягкие сорта²¹. Второе место в регионе по ввозу занимала рожь (8,4%) и ржаная мука (3,0%). Емкость местного рынка росла, о чем свидетельствовали и данные по крупным пристаням. Рост поступлений пшеницы был замечен на Царицынской пристани (39% за 1901-1913 гг.), в Саратове (51,5%), Сызрани и Батраках (123%), Самаре (102%)²², на Казанскую пристань стали больше привозить ржи (на 38,3%) и муки. Крупные волжские пристани были точками пересечения интересов местного и национального рынков.

Ввоз хлебов по железной дороге в 1898-1902 гг. (см. табл. 16) составлял 47,2 млн пуд. В предвоенное пятилетие он сократился до 29 млн пуд. С учетом водного, ввоз составил около 65 млн пуд. Структура ввоза зерна также претерпела изменения: в конце XIX в. доля муки составляла здесь 17,2%, а накануне войны уже — 46,2%. Эти сведения являются еще одним доказательством как развития товарного мукомолья в крае, так и глубоко зашедшей здесь хозяйственной специализации. Объемы же ввозимого в волжские губернии зерна упали почти вдвое, тогда как ввоз муки вырос на 65,5%. Наибольшим ввоз зерна был в Самарской, Саратовской, Симбирской губерниях, что означало увеличение спроса на зерно со стороны местных мукомолов и превращение этих губерний в распределительные центры местного рынка.

Таким образом, исследование объемов и направлений движения хлебных грузов на Средней Волге в конце XIX — начале XX вв. привело нас к следующим выводам. На протяжении всего периода просматривалась прямолинейная траектория роста вывоза волжских

хлебов на российский рынок, что означало только укрепление связей региона с российским потребителем. Устойчивые направления товаропотоков свидетельствовали об их прочности.

В предвоенное пятилетие среднегодовой вывоз зерна и муки по воде и железнодорожным транспортом держался на уровне 205,4 млн пуд., а ввоз — 65 млн пуд. Если исходить из того, что в данные о вывозе хлебов волжскими губерниями вошли и сведения о ввозе их, то тогда, вычтя из данных вывоза сведения о ввозе, мы определим чистую массу товарного зерна, которая поступала на российский и заграничный рынки. Эта цифра составит 140,5 млн пуд. Таким образом, в начале XX в. емкость поволжского рынка, вычисленная на основе транспортной статистики, составляла 65 млн пуд. в год, а объем хлеба на общероссийском рынке (без волжского потребления) — 140,5 млн пуд. Общая товарная масса хлеба составляла 205,4 млн пуд. в год. По расчетам Н.Д.Кондратьева, сделанным на основе потребления и железнодорожных перевозок, товарная масса поволжского хлеба составляла 199,2 млн пуд.²³ Разница наших расчетов с цифрами Н.Д.Кондратьева составила 3,1%, и ее можно считать несущественной. Главным экспортным товаром в начале XX в. стала пшеница, второе место занимала рожь. Регион на российском рынке закрепил за собой зерновывозящую специализацию.

Цифра в 65 млн пуд. зерна составляла реальное предложение хлеба в Поволжье. А каковы были потребности в хлебе? Для ответа на этот вопрос важно выяснить емкость регионального рынка, т.е. соотношение спроса и предложения зерна на рынке. Это предполагает выявление массы потребителей данной местности на данный товар и массы производителей, продающих этот товар²⁴. Используем для этого другой методический прием — расчет потребления хлеба городским населением и промышленными предприятиями. Для производящих губерний среднедушевые нормы потребления хлеба определены в 16,1 пуд.²⁵ А.С.Нифонтов делал расчеты исходя из нормы в 18 пуд.²⁶, П.И.Лященко ориентировался на душевое потребление в 15-16 пуд.²⁷. Рассчитывая объемы потребления (спроса) в Поволжье исходя из нашей задачи — определения максимально возможной емкости регионального рынка — за потребительскую норму горожан мы брали 18 пуд. на человека в год. (см. табл. 17). Товарное сельское потребление мы не учитывали. Н.Д.Кондратьев также игнорировал его как незначительное²⁸, П.И.Лященко определял его в три пуда в год на человека для беднейшего крестьянства и в 7 пуд.

для близких к средняцкому хозяйств, хотя и замечал, что эти цифры весьма приблизительны, так как не учитывают устных договоров крестьян, отработок и проч.²⁹

Наши расчеты за 1860-1910-е гг. показали, что прежде всего увеличился спрос городского товарного потребления с 10 млн пуд. в 1860-е гг. до 24,8 млн в 1909-1913 гг. Техническое потребление пивоваренного, винокуренного, дрожжевого производства в начале XX в. находилось на уровне 4,5 млн пуд. Совокупный спрос местного рынка на хлеб в начале XX в. составлял 29,3 млн пуд. (по расчетам Н.Д.Кондратьева, 24 млн пуд.³⁰). Но в данных расчетах совершенно не учтены потребности мукомольного производства, которое потребляло до 73 млн пуд. зерна в год³¹. С учетом этих данных максимальный спрос волжского рынка находился на уровне 100 млн пуд., из которых 25% приходилось на городское потребление, а 75% на промышленную переработку.

Изучение предложения хлеба на Поволжском рынке напрямую связано с вопросом о степени товарности сельскохозяйственного производства в регионе. В литературе встречаются разные способы исчисления товарности, в основе которых лежит анализ либо потребления, либо железнодорожных и водных перевозок. В своих расчетах мы использовали методику А.С.Нифонтова, который вычислял объем возможных товарных излишков, вычитая из чистого сбора хлеба потребление его сельскими жителями и расходы на фураж³². По его расчетам, в Средневолжском и Заволжском районах во второй половине XIX в. объем возможных товарных излишков не превышал 18-24% от сбора хлебов, причем тенденция сокращения предложения хлеба на Поволжском рынке была заметна в 1870-80-е гг. В начале XX в. (см. табл. 18), как показывают наши расчеты, максимально возможные объемы предложения местного хлеба на рынке в самые лучшие периоды времени не превышали 127,2 млн пуд., доля возможного предложения хлеба на рынке по-прежнему не превышала 20-30% общего сбора.

Это означало, что безболезненно для собственного потребления и своего хозяйства деревенские жители могли поставить на рынок в лучшие годы 127,2 млн пуд. зерна, это был товарный излишек. Превышение предложения над спросом создавало объективно хорошие возможности для развития местного рынка. Однако реальное предложение хлеба (205,4 млн пуд.), как показали наши расчеты на основе транспортной статистики, с лихвой перекрывало возможный

товарный избыток. Это могло означать только одно – рынок вытягивал из поволжской деревни не только товарную массу зерна, но и часть потребительского хлеба.

Анализ спроса-предложения в динамике показывал неблагоприятную для поволжского рынка перспективу в недалеком будущем: во второй половине XIX в. рост товарного сельскохозяйственного производства в крае опережал потребности городского населения и промышленных предприятий, в начале XX в. просматривалась другая тенденция – увеличение спроса опережало рост предложения зерна на рынке. Это означало, что при сохранении неизменной ситуации в перспективе 10-15 лет Поволжье столкнется с проблемой дефицита природных ресурсов (свободных земель) и производимых товаров (зерна) для переработки. Изменить ситуацию могла интенсификация сельскохозяйственного производства или развитие рыночных связей. Укрепление торговых контактов Поволжья с российскими производителями зерна (например, сибиряками) в целях обеспечения сырьем мукомольного производства также могло благоприятно сказаться на развитии местной экономики.

Однако здесь вступал в силу другой фактор рынка – хозяйственная конъюнктура и цены, которые тоже постоянно менялись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание подобных методов исчисления см.: Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье... С 110-111.

² Там же. С.108-109.

³ Статистический временник Российской империи. СПб., 1867. С.76-79.

⁴ Рассчитано по: Авакова Л.А. Новые материалы о развитии торгового земледелия в Европейской России в конце XIX – начале XX века // Историю СССР. 1982. №6. С.100-110.

⁵ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С.19.

⁶ Товарное движение на внутренних водных путях довоенной России и Советского Союза. М., 1929. С.64-81.

⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1992. С.323-333.

⁸ Там же.

⁹ Движение хлебных грузов в Пензенской губернии по Сызрано-Вяземской и Московско-Казанской железным дорогам за десятилетие 1900-

1909 г. и 1910-1911 сельскохозяйственные годы. Пенза, 1913. С.4-6.

¹⁰ Там же. С.3.

¹¹ Вестник Пензенского земства. 1914. №18. С.959.

¹² Россия в конце XIX века. СПб., 1900. С.676.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С.677.

¹⁵ Тагилова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний Поволжья во второй половине XIX века // Предпринимательство Поволжья: Истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции. Чебоксары, 1998. С.87.

¹⁶ Материалы для суждения о средних за 1908-1911 годы вывозе и ввозе главнейших продовольственных продуктов по отдельным губерниям и областям (кроме занятых неприятелем) Российской империи с указанием для главнейших хлебов величины производства и потребления с приложением данных за 1913 год о распределении по дорогам и губерниям отправления хлебных грузов, ввозимых в 25 северных, северо-западных и центральных губерний Европейской России. Пг., 1916.

¹⁷ РГИА. Ф.23. Оп.9. Д.211. Л.48.

¹⁸ ГАУО.Ф. 127. Оп.2. Д.9. Л.14 -15. Подсчет наш.

¹⁹ Вестник Пензенского земства. 1914. № 11. С.593.

²⁰ Тагилова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний... С.87.

²¹ За два года: Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. 1913-1914 годы. Самара, 1914. С.26.

²² Рассчитано по: Товарное движение на внутренних водных путях... С.64-81.

²³ Рассчитано по: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов... С.323-333.

²⁴ Лященко П.И. Экономика торговли. М., 1925. С.25.

²⁵ Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С.58.

²⁶ Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века (По материалам ежегодной статистики урожая). М., 1974. С.118.

²⁷ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России Т. 1. СПб., 1908. С.394-400.

²⁸ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов... С.315.

²⁹ Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции. Т.1. СПб., 1908. С.389-394.

³⁰ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов... С.323-333.

³¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье... С.108; Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья... С.142-145.

³² Нифонтов А.С. Указ. соч. С.200-201.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Региональное изучение становления и эволюции промыслового хозяйства, предпринимательства, зернового производства и инфраструктуры позволяет проследить общее и особенное в социально-экономической истории юго-востока Европейской России. Во многом хозяйственное развитие региона определялось системой социальных, экономических, политических сложившихся отношений в старом центре Российского государства, переносом этих отношений в результате массовых миграций населения, а также политикой империи по отношению к незаселенным окраинам страны. Одна из характерных черт этого процесса на раннем его этапе во второй половине XVI — XVII вв. состояла в том, чтобы не только воспроизвести традиционные для центральных районов России формы хозяйственной жизни, но и создать новые типы хозяйств и очагов предпринимательской деятельности. Подобные же тенденции прослеживаются и в земледельческой деятельности в XIX — начале XX вв., в организации хлебной торговли и создании аграрной инфраструктуры. Становление экономической составляющей сопровождало и в значительной степени обуславливало развитие других сторон жизни региона: социально-политической, культурной и т.д., способствовало формированию особого типа жизненного уклада, бытовой и этнокультурной определенности.

Вместе с тем, по мере формирования новых экономических структур на юго-востоке Европейской России наблюдался процесс обратного воздействия быстро развивающейся "окраины" на российскую метрополию. Формы и способы такого воздействия выявлены далеко не полностью и требуют дальнейшего исследования.

Словом, мы попытались если не проследить, то обозначить те специфические черты хозяйственной деятельности, которые выделяли юго-восток Европейской России среди других экономических районов империи.

Будем надеяться, что наша книга даст импульс для дальнейшего изучения сложных и неоднозначных экономических процессов XVI — XX вв.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ К РАЗДЕЛУ I

**ПРОМЫСЛОВОЕ РЫБОЛВСТВО
И ОСВОЕНИЕ ЮГО-ВОСТОКА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
В КОНЦЕ XVI-XVII ВВ.**

Таблица 1

**Распределение рыболовных угодий на территории
Симбирского уезда по данным 1704 г.**

№	Местность	Количество			Рыбные ловли		Особенности промысла	
		Сызань	Сельца	Промышленники	Всего	В т.ч. оборотки	На себя	На продажу
1	Симбирск ¹	4	4	-	-	-	-	-
2	Юдыськ (р. Сельдь)	6	6	-	3	-	3	-
3	Тагай (р. Тагай)	6	4	-	-	-	-	-
4	Урень (р. Урень)	5	10	-	1	-	1	-
5	Корсуи (р. Бараш, Сура и др.)	11	9	-	3	3	-	1
6	М. Корсуи (р. Б. Корсуи)	4	3	-	3	-	3	-
7	Тальский острог	1	1	-	-	-	-	-
8	Аршиц и слободы (р. Аршиц)	5	5	-	-	-	-	-
9	Сурацкий острог (р. Сура)	1	1	-	1	-	1	-
10	Белый Яр (р. Волга и озера)	2	2	-	-	-	-	-
11	Брыковск (р. Бирли)	2	1	1	1	1	-	-
12	Арбузинская волость (р. Волга)	1	5	-	1	1	1	-
13	Потышский острог (р. Потыш)	1	1	-	-	-	-	-
14	Сыгрань (р. Сыгранка)	13	13	-	1	-	1	-
15	Заволжские селения (р. Бетва, Урень)	15	15	-	3	2	на помочники	-
16	Селения по р. Сюште	33	40	1	6	2	4	1
17	Селения по р. Бирюгу, Язю, Челшю	37	37	1	2	-	2	-
18	Селения по р. Карю, Бедше	37	37	-	3	3	-	-
19	Селения по р. Сянго и Гуше	31	30	1	2	2	-	-
20	Селения по р. Тушлему и Усе	21	19	-	1	-	1	-
21	Селения "за валом" (р. Корсуи и Барыш)	27	27	-	10	-	12	-
22	Селения "за валом" (р. Ила и Сыган)	14	14	-	-	-	-	-
23	Селения "за валом" (р. Кадра, Томряки)	19	17	-	-	-	-	-

Примечания

¹ здесь и далее подразумевается город или населенный пункт с округой.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.20; Оп.2. Д.54. Ч.IX.

Таблица 2

Поставки продукции рыбных промыслов
на патриаршее подворье в 1658-1676 гг.

Годы	Общий вес в пуд.	Астрахань		Нижегор. Благовещенский монастырь			Варзуга	Поной
		Кол-во р. б. ч.	Вес в пуд.	Кол-во р. б. ч.	Вес в пуд.	Стоим. в руб.		
1658/59	9100,5	4057	8520	200	420	318	160,5	
1659/60	7854,5	3561	7478	100	210	64-80	166,5	
1660/61	7218,5	3258	6842	100	210	66-70	166,5	
1661/62	804,5	204	428	100	210	104	166,5	
1662/63	3848,5	1735	3644	50 ¹	105	65-150	99,5 ²	
1663/64	3455,5	1566	3289 ³				166,5	
1664/65	3547,5	1560	3276 ⁴	50 ¹	105	46-100	166,5	
1665/66	3687	1756	3687 ⁵					
1666/67	7228,5	3263	6852 ⁶	100	210	98	166,5	
1667/68	7285	3269	6865	200	420	391		
1668/69	4893	1885	3959	300	630	317		304
1669/70	6215,5	2352	4939	500	1050	470	165,5	61
1670/71	2718			600	1260	915	70	1388
1671/72	772						587	185
1672/73	11040	3999	8398	600	1260	586	1314	68
1673/74	8468	2994	6287	300	630	230	469	1082
1674/75	9641,5	3969	8335	300	630	255-270	374,5	302
1675/76	8092	3696	7762	300	330	347-360		
Сумма	105870	43124	90561	3800	7680	4272-4459	4239	3390
Средне-годовое	5882	2396	5031	211	427	237-248	236	424
			85,5%		7,3%			

Примечания

¹ 100 осетриков, видимо, чалбышей.

² Остальные 67 пудов семги потонули в бурю.

³ По нижегородской росписи рыба весила 3131 пудов, по московской — 2981. В обоих случаях не учли довольно крупную партию икры (5 бочек), привезенной отдельно.

⁴ По нижегородской росписи рыба весила 2666 пудов, по московской — 2395. Однако и в том и другом случае не учитывали икру, вязягу и бочечную рыбу, а также довольно крупную партию икры, привезенной отдельно.

⁵ Судя по количеству подвод (148), на которых вывозили эту рыбу из Нижнего Новгорода, и среднему весу груза, приходившегося на 1 подводу (27 пудов), вес всей партии рыбы и припасов должен был составлять около 4000 пудов.

⁶ По количеству подвод (204) вес всей рыбы должен был составлять 5508 пудов. Однако не были учтены небольшие партии рыбных припасов, поступивших отдельно.

Источники: РГАДА. Ф.236. Оп.1. Д.12. Л.1-67 об.

Таблица 3

Поставки в Москву астраханской рыбы в 1684-1697 гг.

Годы	Из Астрахани через Нижний Новгород в Москву	
	Кол-во рыб б. ч.	Вес в пудах
1684/85	2542	5338
1685/86	3457	7260
1686/87	2757	5790
1690/91	3494	7337
1692/93	2750	5775
1694/95	3150 ¹	6615
1695/96	3995 ²	8390
1696/97	2554	5363
Сумма	24699	51868
Среднегодовое	3087	6483
Реальные поставки в Москву	2624 – 2778	5510 – 5834

Примечания

¹ Количество посланной рыбы составило 2695 пудов.

² К этому же числу затребованной рыбы было послано 135 рыб б.ч. дополнительно.

Источники: РГАДА. Ф.235. Оп.2. Д.84. Л.2-441.

Таблица 4

Продукция астраханских патриарших промыслов в 1681-1704 гг.

№	Год	Транспорт	Единицы измерения	Рыба и рыбные припасы	Икра, яйца, взвеша, тешки межукос,	Сумма в руб.	Спинки, тешки и лавараки	Всего в руб.	Соль в пудах и руб.	Вино в лодах в лодах
1	1681/82	Насад	Объем, вес	10457 р.б.ч.	-	-	-	-	53062	298
			Домовая цена	-	-	-	-	1498,5	158,55	-
			Астр. торг. цена	3137,4	527,69 ¹	3665,09	-	-	716,3	-
2	1682/83	Насад	Объем, вес	15171 р.б.ч.	-	-	-	-	36322	486
			Домовая цена	-	-	-	-	1833,25	112,4	-
			Астр. торг. цена	3792,75	618,93 ¹	4411,68	-	-	435,86	-
3	1690/91	Насад	Объем, вес	6975 р.б.ч.	-	-	-	-	16688	-
			Домовая цена	-	-	-	-	1304,69	85,53	-
			Астр. торг. цена	2301,75	533,85	2835,6	-	-	216,94	-
4	1691/92	Насад	Объем, вес	7676 р.б.ч.	-	-	-	-	-	-
			Домовая цена	-	-	-	-	-	-	-
			Астр. торг. цена	-	-	-	-	-	-	-
		Виноградный струг	Объем, вес	339 р.б.ч.	-	-	-	-	-	-
			Домовая цена	99,16	-	-	-	-	-	-
			Астр. торг. цена	113,57	-	-	-	-	-	-
5	1694/95 ¹	Насад	Объем, вес	17479 р.б.ч.	-	-	-	-	3229	-
			Домовая цена	-	-	-	-	3146,22	18,73	-
			Астр. торг. цена	5768,07	983,6	6751,67	-	-	38,75	-

6	1695/96	Насад	Объем, вес	9679 р.б.ч.	-	-	-	-	-	35936	-
			Домовая цена	-	-	-	-	-	1688,69	208,43	-
			Астр. торг. цена	3194,07	524,57	3718,64	-	-	-	431,23	-
		Виноградный и струг	Объем, вес	1371 р.б.ч.	-	-	-	-	-	-	-
			Домовая цена	292,26	-	-	-	-	-	-	-
			Астр. торг. цена	459,29	-	-	-	-	-	-	63 бочки
7	1696/97	Насад	Объем, вес	4919 р.б.ч.	-	-	-	-	-	41045	-
			Домовая цена	-	-	-	-	-	1896,47	201,54 ⁸	-
			Астр. торг. цена	1623,27	434	2057,27	-	-	-	533,59	-
		1-й виноград. струг	Объем, вес	1570 р.б.ч.	-	-	-	-	-	-	-
			Домовая цена	460,28	-	-	-	-	-	-	-
			Астр. торг. цена	525,95	-	-	-	-	-	-	-
		2-й виноград. струг	Объем, вес	1272 р.б.ч.	-	-	-	-	-	-	-
			Домовая цена	372,06	-	-	-	-	-	-	-
			Астр. торг. цена	426,12	-	-	-	-	-	-	-
8	1703-1704 ⁹	Весь вывоз	Объем, вес	15619 р.б.ч.	-	-	-	-	-	11000	-
			Домовая цена	-	-	624,78	640,37	1265,12 ⁷	-	37,4	-
			Астр. торг. цена	-	-	5154,38	1520,76	6675,14	-	132	-
		Среднегодовой объем		11566	-	-	-	-	-	28183,14 ⁸	-
		Среднегодовая домовая цена		- ⁴	-	-	-	1775,02 ⁵	-	117,51 ⁶	-
		Среднегодовая астраханская цена		3048,89 ³	603,77 ⁶	4084,9 ⁵	-	-	-	357,81 ⁹	-

Примечания к табл. 4

- 1 Расчет сделан по данным следующего года, т.к. по текущему сведения отсутствуют.
- 2 В этом же году из Москвы просили прислать на коломенке (вид речного судна) еще 407 мест рыбы.
- 3 Расчет стоимости "тешек межужосных" сделан исходя из астраханских торговых цен 1690-х гг.
- 4 Среднегодовая цена из-за отсутствия данных по большинству лет не дает репрезентативного результата.
- 5 За 7 лет.
- 6 За 6 лет.
- 7 Слэшом малая сумма, на наш взгляд, обусловлена опиской составителей документа, уклавших домовую цену 1000 руб б.ч. в 40 руб. См.: РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.12. Л.262об.
- 8 Из них 12181 пудов соли были "засмными". Введена среднестатистическая домовая цена по этому количеству за данный год.
- 9 В приходах-расходных книгах 1703-1704 гг. осенние поставки 1703 г., зимние и весенние 1704 г. объединены вместе. Составители, которые должны были исходить из реаллий реформы годового цикла, проведенной Петром I, все же приняли за основу более удобную для них традицию составления учетных материалов за хозяйственный год, который начинался на астраханских промыслах 1 июня текущего года и заканчивался 31 мая последующего.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.12. Л.264-267об.; Ф.235. Оп.2. Д.84; Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.195-202об., 426-234.

Таблица 5

Размеры добычи отдельных видов рыбы
А) На промысле Надинского Усоля в последней четверти XVII в.

№	Вид рыбы	1678/79 г. (за полгода)				1684/85-1686/87 гг. (в среднем за год)				1692-1694 г.			
		Закупочн. цены		Рылочн. цены		Закупочн. цены		Рылочн. цены		Закупочн. цены		Рылочн. цены	
		в руб.	в %	в руб.	в %	в руб.	в %	в руб.	в %	в руб.	в %	в руб.	в %
1	Белуга	83,5	25,3	228,5	30	197,4	30,6	564,03	34,9	133,7	8,2	537,2	15,6
2	Осетр	37,5	11,4	69,2	9,1	178,03	27,7	381,17	23,6	132,4	81,4	2519,7	73,2
3	Белорыбца	197,7	59,8	395,4	51,9	189,6	29,4	379,5	23,5	114,6	7,1	228,8	6,7
4	Стерлядь	8,8	2,7	68,9	9,0	31,07	4,8	178,83	11,0	27,83	1,7	155,7	4,5
5	Лосось	-	-	-	-	22,8	3,5	112,37	7,0	-	-	-	-
6	Севрюга	2,1	0,6	-	-	5,5	0,9	-	-	-	-	-	-
7	Сом	0,7	0,2	-	-	3	0,5	-	-	3,6	0,2	-	-
8	Частик	-	-	-	-	16,9	2,6	-	-	22,3	1,4	-	-
	Итого	330,3	100	762,0	100	644,3		1615,9	100	1634,5	100	3441,4	100

Б) На волжских промыслах в начале XVIII в.

№	Вид рыбы	Самое-Старожка, монастырь						Независимый монастырь					
		1701 - 1702 гг.			1701 - 1702 гг.			1701 - 1702 гг.			1703 г.		
		Засуш. цены в руб.	В %	Рыночные цены в руб. в %	Засуш. цены в руб. в %	Рыночные цены в руб. в %	Засуш. цены в руб. в %	Рыночные цены в руб. в %	Засуш. цены в руб. в %	Рыночные цены в руб. в %			
1	Белуга	125,0	10,3	417,6	15,0	40,0	16,4	127,3	22,1	28,4	12,7	75,9	17,3
2	Осетр	905,0	74,5	1752,8	63,2	186,0	76,0	413,4	71,9	150,3	66,9	283,6	65,1
3	Белорыбца	107,2	8,8	214,3	7,7	-	-	-	-	33,5	14,9	67,6	15,4
4	Стерлядь	70,0	5,8	390,9	14,1	1,3	0,5	7,0	1,2	4,7	2,1	9,4	2,2
5	Лясоксъ	-	-	-	-	6,9	2,8	27,6	4,8	-	-	-	-
6	Северная ³	7,4	0,6	-	-	10,6	4,3	-	-	7,6	3,4	-	-
7	Сом	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8	Чистик ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Итого	1214,6	100	2775,6	100	244,8	100	575,3	100	224,5	100	438,5	100

Примечания

¹ По содержанию документа не совсем ясно, улов ли это за один год или за два.

² Видимо, улов дан за один переходный год (1701/02).

³ Рыночные цены на северюгу, сома и частиковую рыбу установить не удалось. Цены взяты нижегородские.

Источники: РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.29. 1683 г. Л.1-8; Д.35. 1684 г. Л.1-144; Ф.159. оп.1. Д.59. 1692-1694 гг. Л.1-19; Ф.11. Д.70. Л.20-31; Ф.26. Д.54. Ч.IX. Л.740б.-75, 84, 89-91.

Таблица 6

**Стоимость оборудования и материалов рыболовного промысла
Новодевичьего монастыря по данным 1704 г.**

№	Наименование статей	Оценка в руб.	
		Монастырскими промышленными	Государственными "ценовишками"
A	Оборудование и снасти, в т. ч.:	244,3	82,4
1	Рыбные дворы		
	А) Сооружения	? (40) ¹	28
	Б) Оборудование	26,6	18,5
2	Ватаги		
	А) Лодки	19,5	11,5
	Б) Снасти	108,2	15,2
3	Материалы для ремонта	50,0	9,2
B	Соль и продукты, в т. ч.:	242,8	165,6
4	соль	208	135,3
5	продукты питания	34,8	30,3
	Общая стоимость	487,1	248

Примечания

¹ Стоимость определена по аналогии с другими оценочными статьями.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31.

Таблица 7

Закупочные цены на выловленную подрядными ловцами рыбу

А) В последней четверти XVII в. по промыслу Надеинского Усолья

№	Вид рыбы	Стоимость единицы в руб.		
		1678/79 г.	1684-1687 гг.	1692-1694 г.
1	Белуга			
	матерая		0,95	0,95
	урлочная		0,17	0,18
	мерная	0,18	0,17	0,25
	полурыбная	0,09	0,09	0,09
2	Осетр			
	мерный	0,12	0,11	0,1
	полурыбный	0,06	0,06	0,06
3	Севрюга	0,04	0,02	0,02
4	Белорыбца	0,04	0,04	0,04
5	Лосось	-	0,1	0,1
6	Стерлядь (за 1000)	1,8	2,5	1,4-2,0

Б) На волжских промыслах в начале XVIII в.

№	Вид рыбы	С.-Сторож.	Симб.	Ф.Ю.Ромод-	Новодевич.	В.-пстр.
		мон-рь	дворцовый	новский	мон-рь	мон-рь
		1703-04 гг.	1703-04 гг.	1703-04 гг.	1703-04 гг.	1704 г.
1	Белуга					
	матерая	0,7-1,0	3,0	0,7	1,0	
	урлочная		-	-	0,5	
	мерная	0,12-0,17	0,15-0,17	0,12	0,12-0,15	0,12 ¹
	полурыба	-	0,07	-	-	-

Продолжение таблицы 7

2	Осетр мерный полурыба.	0,12-0,15 0,06	0,12-0,14 0,06	0,12 0,06	0,12-0,15 -	0,12 ¹ -
3	Севрюга	0,03	0,03	0,03	0,3	0,015
4	Белорыбца	0,05	0,05-0,08	0,05	0,05	0,03
5	Лосось	0,13	0,13	0,13	-	-
6	Стерлядь (за 1000)	1,8	-	-	1,8	-

Примечания

¹ За 100 блуг и осетров мерных платили по 11,75 руб.

Источники: РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.2. Без даты. Л.1-4. Д.35. 1684 г. Л.1-144; Ф.159. оп.1. Д.59. Л.3-5; Ф.26. Д.54. Ч.IX. Л.5об.-6, 20-21, 33-33об.; Д.56. Л.133об.-135.

Таблица 8

**Рентабельность рыболовецкого промысла Наденинского Усолья
Савво-Сторожевского монастыря**

№	Наименование статей	1684/85 г. (в руб.)	1685/86 г. (в руб.)	1686/87 г. (в руб.)	Средне- довое (в руб.)	Средне- годовое (%)
А) Приход						
1	Продажная рыба, в т.ч. соленая свежая	1111,3 876,3 235,0	1136,8 949,7 187,1	1090,0 1002,6 87,4	1112,7 942,9 169,8	46,3 -
2	Рыба, вывозимая в монастырь, в т.ч. соленая свежая	877,1 877,1	1254,1 1101,8 152,3	942,4 388,8 553,6	1024,5 496,9 527,7	42,6 -
	Всего, в т.ч. за янскую рыбу	1988,4 747,0	2390,9 757,9	2032,4 381,0	2137,2 628,6	-
3	Оброчные платежи	223,3	267,2	197,6	229,4	9,5
4	Пени за недолов	3,6	4,0	65,5	24,4	1,0
5	Продажа оборудования и материалов	25,2	9,1	6,0	13,4	0,6
	Итого	2240,5	2671,2	2301,5	2404,4	100
Б) Расход						
1	Подрядчики, в т.ч. за "вослепую рыбу" львиное прочие	649,2 612,2 37,0 -	653,5 609,7 43,8 -	636,0 578,1 52,0 6,9	646,2 600,0 43,8 2,37	42,1 -
2	Ватажки, работники	23,1	78,2	93,6	65,0	4,2
3	Закупки янцкой рыбы	203,9	234,4	104,0	180,8	11,8
4	Транспорт. расходы	495,4	460,2	238,0	397,9	25,9
5	Покупки оборудования	60,4	74,7	20,4	51,8	3,3
6	Соль	270,7	156,0	157,6	194,7	12,7
	Итого	1702,7	1657,0	1249,6	1536,4	100
В) Превышение прихода над расходам						
		537,8	1014,2	1051,9	868,0	
Г) Доход на 1 вложенный рубль.						
		1,3	1,6	1,8	1,57	

Источники: РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144.

Таблица 9

Рабочая сила волжских промыслов в начале XVIII в.

№	Состав	Симбирский дворянский промысел 1681 г.			Симбирский дворянский промысел 1704 г.			Промысел Ф. Ю. Ромодановского 1704 г.			Промысел Новодевичьего монастыря 1704 г.		
		Работники	Средняя зарплата, руб.	Сумма, руб.	Работники	Средняя зарплата, руб.	Сумма, руб.	Работники	Средняя зарплата, руб.	Сумма, руб.	Работники	Средняя зарплата, руб.	Сумма, руб.
1.	Неводные рабочие, в т.ч.	24	2,75	66	18	3,78	68	12	4,83	58	46	2,13	98
	неводчики	6	4	24	2	8	16	1	16,5	16,5	3 ¹	4	12
	пагички	6	3	18	4	4	16	1	9	9	3	2	6
	работники	12	2	24	12	3	36	10	3,25	3,25	40	2	80
2.	Рабочие рыбн. дворов, ставов, в т.ч.	14	3	42	18	3	54	23	2,83	65			
	разделывающ.	14	3	42	2	3	6	2	5	10			
	рабочие	-	-	-	16 ¹	3	48	10	2,5	25	12 ¹	?	?
	стан. рыб-ки	-	-	-	-	-	-	2	3	6	-	-	-
	садовые рыб-ки	-	-	-	-	-	-	2	1	2	-	-	-
	кузнецы	-	-	-	-	-	-	1	3	3	-	-	-
	хлебники	-	-	-	-	-	-	2	2,5	5	-	-	-
	кашвары	-	-	-	-	-	-	2	4	8	-	-	-
	бочкары	-	-	-	-	-	-	2	3	6	-	-	-
	плотники	-	-	-	-	-	-	35	3,51	123	-	-	-
	Всего	38	2,84	108	36 ¹	3,39 ¹	122 ¹	35	3,51	123	-	-	-

Примечания

¹ По другим данным на промысле было занято 40 человек, получавших годовую заработную плату в 124 руб., 178 четвертей ржи и 178 овса.

² Чуваши.

³ Неводчики кроме денежной оплаты получали по 6 четвертей ржи, 7 овса тож¹; овсяные крупы, толокно, горох по полосины.

⁴ Рукопись дефестна.

Источники: Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.) // ЧОИДР. М., 1893. Кн.4. С.57-58, 60; РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.6, 33-33об.; Оп.1. Д.20. Л.335-335об.

Таблица 10

Подрядные ловцы Высокопетровского монастыря в 1704 г.

№	Подрядчики	Промысел рыбы	Коль-во связок	Задаток (в руб.)	Неделов (в руб.)
1	Посадские	"вешья красная рыба"	6	42,0	16,0
2	Отставные стрельцы и посадские люди	"вешья стерлядь"	11	46	19,94
3	Стрельцы	"вешья красная рыба"	-	3	-
4	Посадские	красная рыба и осенняя стерлядь	9	95	3,06

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.130-135.

Таблица 11

Работники рыболовецкого и судового промыслов
Наденнского Усоля по данным писцовой книги 1686/87 г.

№	Профессия	Количество дворов					Итого
		Бобыли	Работные люди	Мастеровые	Крестьяне	Монастырские люди	
1	Рыбн. ловцы	9	12	-	-	-	21
2	Рыбные ловельщики	1	-	-	-	-	1
3	Рыбные раздельщики	-	1	-	-	-	1
4	Ватаж. рыбн. раздельщик	1	-	-	-	-	1
5	Струтовой корытник	-	1	-	-	-	1
	Итого	11	14	-	-	-	25

Примечания

¹ Можно судить только о количестве дворохозяев, т.к. сведения имеются лишь о главах семей, живущих в отдельных дворах.

Источники: РГАДА. Ф.281. Д.11562.

Таблица 12

Годовая потребность Савво-Сторожевского монастыря в рыбе
и продукции из нее «про братию и про всяких чинов служилых
людей на почестные дачи» (по данным 1688 г.)

№	Наименование статей	Количество, в шт.	Закупочная цена, в руб.	Рыночная цена (нижегородская), в руб.
1	Белуги:	605	81,55	255,35
	в т.ч. замерные	5	4,75	21,35
	мерные	300	51,30	138,0
	полурыбные	300	25,5	96,0
2	Осетры:	1500	101,0	200,0
	в т.ч. мерные	500	55,0	100,0
	полурыбн. и третник.	1000	46,0	100,0

Продолжение таблицы 12

3	Северюга	100	2,1	8,9 ²
4	Стерляди	500	1,75	3,5
5	Белорыбца	3000	120,0	240,0
6	Лещи	6000	-	-
7	"Рыбные припасы"	-	-	100,0-150,0
	Итого	-	306,4 ¹	800-850

Примечания¹ Стоимость приблизительная, без учета «припасов».² По московским и нижегородским ценам более позднего времени.

Источники: РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.66. Л.21об.-27.

Таблица 13

**Рентабельность рыболовецкого промысла
Новодевичьего монастыря по данным 1703 г.**

№	Наименование статей	Сумма в руб.	Соотношение в %
А) Приход			
1	Проданная рыба и "припасы"	220,9	19,0
2	Продукция, вывезенная в монастырь ¹	900,0	77,5
3	Оброчные платежи	41,0	3,5
	Итого	1161,9 ²	100
Б) Расход			
1	Оплата рабочей силы В т.ч. денежная	254,9 207,0	42,6-41,5
	продовольственная	47,9	-
2	Соль	140,0	23,4-22,8
3	Транспортировка рыбы в монастырь	195,0	32,6-31,7
4	Амортизация оборудования ³	8,2-24,4	1,4-4,0
	Итого	598,1-614,3	100
В) Превышение прихода над расходом 563,8 - 547,6³			
Г) Доход на 1 вложенный рубль 1,94 - 1,9¹			

Примечания¹ Подсчеты сделаны по нижегородским и московским ценам начала XVIII в. Данные примерны.² Амортизация принята в 10% годовых. Расхождения вызваны различными оценками стоимости оборудования промыслов.³ Итоги приближенные.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31.

Таблица 14

Рентабельность волжских промыслов в начале XVIII в.

№	Наименование статей	1701 г. (в руб.)		1702 г. (в руб.)		1703 г. (в руб.)		1704 г. (в руб.)		1705 г. (в руб.)	
		Савло-Сторож.	Ново-спасский	Савло-Сторож.	Новоспасский	Новоспасский	Савло-Сторож.	Новоспасский	Савло-Сторож.		Новоспасский
А) Приход											
1	Рыба и "припасы" в продаже	3095,7	2243,1	4230,6		220,9		3323,1	2806,2	136,2	-
2	Рыба на обиход владельца	-	269,1	-		900,0		-	-	-	-
3	Оброчн. платежи	353,5	107,1	427,1		41,0		-	-	-	-
	Итого	3449,2	2619,3	4657,7		1161,9		3323,1	2806,2	136,2	4206,4
Б) Расход											
	Сумма расходов	-	1377,8	-		606,9-638,9		2248,1	1288,0	144,5	2335,58
В) Чистая прибыль											
		-	1241,5	-		555,0-523,0		1175,0	1518,2	-8,3	1870,82 ¹
Г) Доход на 1 вложенный рубль											
		-	1,9	-		1,9-1,8		1,5	2,2	-	1,8

Примечания

¹ В 1704 г. прибыль составила 438,4 руб.

Источники: РГАДА, Ф.11. Д.70, Л.74об.-75, 84об., 89-91; Ф.26. Оп.1. Д.54. Ч.1Х. Л.20-31; Оп.2. Д.58. Л.118, 290-291.

Таблица 15

Рентабельность операций Савво-Сторожевского монастыря по закупке и реализации яицкой рыбы

№	Наименование статей	1684/85 г. (в руб.)	1685/86 г. (в руб.)	1686/87 г. (в руб.)	Среднегодовое (в руб.)	Соотношение в %
А) Расход						
1	Закупочная стоимость	203,9	234,4	104,0	180,8	46,1
2	Оплата труда рабочих	6,4	10,5	7,0	8,0	2,0
3	Провоз рыбы в Усолье	105,4	149,1	54,6	103,0	26,3
4	Пошлины в Самаре	20,0	18,0	7,0	15,0	3,8
5	Провоз до Москвы	169,8	-	86,6 ²	85,5	21,8
	Итого	505,5	412	259,2	392,3	100
Б). Доход от продажи (или стоимость рыбы, вывозимой в монастырь)						
		747,0	757,9	381,0	628,6	
В) Превышение прихода над расходом						
		241,5	345,9	121,8	236,6	
Г) Доход на 1 вложенный рубль						
		1,5	1,8	1,5	1,6	

Примечания

¹ Вся рыба продана в Надеинском Усолье.

² Показатель подсчитан по аналогии с предыдущими годами. Не учтены мелкие расходы на питание и т.д.

Источники: РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144; Ф.1199. Оп.1. Д.58. Л.15об.-17, 124об.-126.

Таблица 16

Рентабельность торговых экспедиций в Нижний Новгород (данные 1686/87 г. по Надеинскому Усолью)

№	Наименование статей	Сумма, руб.	Соотношение, %
А) Расход			
1	Закупки рыбы у подрядчиков в Надеинском Усолье	301,8	75,0
2	Оплата труда работных людей	47,5	11,8
3	Таможенные сборы	38,0	9,4
4	Прочие расходы	15,0	3,8
	Итого	402,3	100
Б) Доход			
	Выручка от продажи рыбы в Н. Новгороде	761,4	
В). Превышение прихода над расходом			
		359,1	
Г) Доход на 1 вложенный рубль			
		1,9	
Д) Соотношение закупочных и рыночных цен			
		2,5	
Е) Стоимость рыбы, не проданной в Н. Новгороде и отправленной в монастырь			
		863,7	

Источники: РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.24. 1687 г. Л.1-24.

**Бюджет камского промысла
Савво-Сторожевского монастыря в 1667/68-1668/69 гг.** Таблица 17

	Статья бюджета ¹	1667/68 г. (в руб.)	1668/69 г. (в руб.)
1	Приход	901,09	679,79
2	Расход	663,29	487,53
3	Прибыль	237,8	192,26

Примечания

¹ Видимо, эти сводные данные включают в себя средства и от соляного монастырского промысла, находившегося рядом с ловлями.

Источники: РГАДА. Ф.125. Оп.2. Д.323 а. Л.241об.-243об.

Астраханские забойки в начале XVIII в. Таблица 18

№	Учуги	Принадлежность	Длина в метрах	Кол-во ноб	Кол-во пол	Кол-во крыльев	Кол-во чегеня		Стоимость (руб.) ¹
							Всего	Из 1 м	
1	Басарга	Митрополит	496,8	20	20	-	2000 ²	4	-
2	Тальча	Митрополит	248,4	10	10	-	1000	4	-
3	Б. Иванчуг	Астр. Тр.-С. м.	583,2	10	9	2	1500	2,6	-
4	М. Иванчуг	Астр. Тр.-С. м.	317,52	9	8	2	700	2,2	-
5	Тавыч	Астр. Тр.-С. м.	259,2	6	5	2	600	2,3	-
6	Чурка	Астр. С.-Пр. м.	287,28	11	10	2	700	2,4	-
7	Подрета	Астр. С.-Пр. м.	97,2	4	4	2	250	2,6	-
8	Узвара ³	Дворец	-	-	-	-	-	-	111,45
9	Бирьоль	Дворец	-	-	-	-	1160 ²	-	44,03
10	Урустоба ³	Дворец	-	-	-	-	-	-	138,52

Примечания

¹ Стоимость только забойки без сооружений на берегу.

² Не менее 2-х забоек.

³ По данным И.В.Степанова на забойку в 3-х протоках (видимо, 3 отдельные забойки) Бирюля понадобилось 1160 чегенин, а на учуг Басаргу - 2390 (с Тальчей?).

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.25-26, 322об., 353; Ч.2. Л.28об.; Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. С.126.

**Планируемые расходы на учужные забойки астраханского
митрополита и Спасо-Преображенского монастыря в 1705 г.** Таблица 19

№	Статьи расходов	Митрополит (в руб.)	Монастырь (в руб.)
1	Материалы, в т. ч. чеген, кошак	558,53 ¹ 450 60	190 150 40
2	Рабочая сила (50 чел. на 1 забойку)	150	100
3	Продовольствие	51	54
	Итого	759,53	344

Примечания

¹ В эту сумму вошли затраты на пучки лык, дубовые бревна на бабы и соколы общей суммой 48,53 руб. Неучтенными оказались расходы на заготовку 3000 снопов кирпича.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.713-714, 716; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.377.

Узкие городки волжской дельты в начале XVIII в.

№	Название	Площадь кв. м.	Периметр м	Кол-во башен	Кол-во пушек	Кол-во забоек	Кол-во сооружений в городке ¹	До 30	Кол-во сооружений за пределами городка ²	Кол-во храмов	Наличие сада или огорода	Оценки в руб. ³
1	Иланчуг	Около 7300	343,44	4	7	3			5	2	Сад, огород	550
2	Иланчуг (2-й городок)	-	-	-	-	то же	8		14	1	Сад	200 ⁴
3	Чурка	Около 3500	237,6	4	9	2	До 20		4-5	1 и часовня	Сад, огород	150,17
4	Басарга	Около 5400	293,76	6	4	2	Более 10 ⁵		2	1 м часовня	Огород	225,5
5	Улары	-	-	-	3	-	-		-	1	-	232,07 ⁶
6	Бирюль	-	-	-	7	-	-		-	-	-	29,39 ⁷
7	Урустаба	-	-	-	1	-	-		-	1	-	58,37 ⁸
8	Гурьевский	-	-	-	15	-	-		-	-	-	-

Примечания

¹ Данные примерные. Учитывались только отдельные сооружения — избы, амбары, кельи, ледники и т.д. Не учтен сам городок, церковь, забойки и сооружения рядом с забойками.

² Сведения неполны из-за дефектности документа.

³ Стоимость строений (кроме церкви), оборудования.

⁴ Только "хорошее" строение. Кроме того, припасов на 138,6 руб. и "хлебных запасов" на 5,03 руб.

⁵ Только строение. Кроме того, припасов на 29,39 руб.

⁶ Только строения. Кроме того, припасов на 22,5 руб.

⁷ Вместе со слободой работных людей (8 изб, скотный двор, кузница), садом и конюшеним двором.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1; Ч.2.

Таблица 21

Строения, оборудование и «припасы» дворцовых астраханско-яицких промыслов

№	Статья	Замовы на Обрубке	Закутужский яицкий городок	Дельной двор	Гурьевский городок	Учуг Увары	Учуг Бяголь	Учуг Урустаба	Всего
1	Вооружение (пушки)	18	19	-	15	3	?	1	56
2	Оборудование и материалы (в руб.), в т.ч.	133,17	2026,76	249,4	-	514,65	130,46	301,69	3356,15
	"хорошее" стрелное	75,84	224,55	5,1	?	232,07	29,39	58,37	625,32
	припасы	57,33	1664,21	244,3	?	144,63	29,48	22,48	2162,48
	узуждые забавы	-	-	-	-	111,45	44,05	138,52	294,02
	строения, припасы и суда на борту при учугах	-	-	-	-	26,5	27,56	82,27	136,33
	дворы ремесленников	-	138,0	-	-	-	-	-	138,0

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.40б.-110б., 23-26, 98об.

Рабочая сила и ее оплата на астраханских промыслах *Таблица 22*
последней четверти XVII – начала XVIII вв.

№	Статья	Патриох				Тр.-Сорг. монастыря	Сп.-Пробр. монастыря		Мигро- полит
		1680/81	1681/82	1703/4	1704/5	1704	1704	1705	1704/5 ¹
А Постоянные рабочие									
1	Руководство. Количество	7	7	1	1	1	1	1	1
	Сред. зарплата	14,4	14,7	10	10	15	13	10	10
	Сумма в руб.	101	103	10	10	15	13	10	10
2	Квалит. рабочие	14	17	7	7	18	7	7	8
	Сред. зарплата	9,5	9,3	7,4	7,2	8,9	6,7	7	8
	Сумма в руб.	133,25	158,5	51,5	50,3	160	47	49	64
3	Неквалит. рабочие	44	46	14	50	38	10	10	19
	Сред. зарплата	5,1	5,4	5,8	4,8	4,9	5	5	5,5
	Сумма в руб.	226,3	245,6	80,8	239,5	186,5	50	50	104
4	Прочие	11	6	3	5	6	2	4	4
	Сред. зарплата	7,5	7	?	?	6	6,5	5,8	5,8
	Сумма в руб.	83	42	?	?	36	13	23	23
5	Головные рыбы: лавды	-	-	-	-	40	-	-	50
	Сред. зарплата	-	-	-	-	6	-	-	9
	Сумма в руб.	-	-	-	-	240	-	-	450
	Итого:								
	Количество	76	76	25	63	103	20	22	82
	Сред. зарплата	7,2	7,2	6,5 ¹	5,2 ²	6,2	6,15	6,14	7,9
	Сумма в руб.	543,6	549,1	142,3	299,8	637,5	123	135	651
	% от общей суммы вт.	55,1%	52,5%			79,4	55,2	57,4	61,9
Б Временные рабочие									
1	Ремонт утруга	120	180	-	-	50	50	50	60
	Сред. зарплата	0,94	1,18	-	-	2	2	2	2,5
	Сумма в руб.	112,8	211,8	-	-	100	100	100	150
2	Строительство новой забойки	-	-	-	-	50	-	-	-
	Сред. зарплата	-	-	-	-	1,3	-	-	-
	Сумма в руб.	-	-	-	-	65	-	-	-
3	Временные ковады	-	-	-	-	-	-	-	100
	Сред. зарплата	-	-	-	-	-	-	-	2,5
	Сумма в руб.	-	-	-	-	-	-	-	250
4	Экспедиции в степь	97	72	-	-	-	-	-	-
	Сред. зарплата	1,3	-	-	-	-	-	-	-
	Сумма в руб.	123,8	72 ²	-	-	-	-	-	-
	Долгов. изредники	39,6	49,5	-	-	-	-	-	-
	Общая сумма	149,4	124,5	-	-	-	-	-	-
5	Подрачные про- мысловики (в руб.)	120	120	-	-	-	-	-	-
В Мелкие наймы									
	Сумма в руб.	60	40	-	-	-	-	-	-
	Итого, оплата времен. рабочих	442,2	496,3	-	-	165	100	100	-
	% от общей суммы зарплаты	44,9%	47,5%	-	-	20,6	44,8	42,6	38,1
Г.	Общая сумма:	985,8	1045,4	-	-	802,5	223	235	1051
	Патриох (в руб.)	200	200	-	-	479	-	257	-

Примечания

¹ Сохранились 2 росписи рабочей силы, в деталях отличающиеся друг от друга. В данном случае использована наиболее полная.

² Часть денег недоплатили из-за недовоза соли. Поэтому определить точную сумму не представляется возможным.

³ При определении показателя не учитывались работные люди из графы "Прочие".

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1-2.

Таблица 23

Социальный состав наемной рабочей силы патриарших промыслов

№	Социальная принадлежность	1680/81 г.	1681/82 г.
1	Гулящие люди	19	13
2	Работные люди	13	6
3	Юртовые татары	1	2
4	Домовые крестьяне	2	1
5	Монастырские крестьяне	2	2
6	Самарские монаст. крестьяне	5	5
7	Новокрепченые	1	-
8	Посадские люди	1	-
9	Домовые иноземцы	-	1
10	Старцы	2	2
11	Патриаршие дворяне	2 ?	2 ?
12	Белое духовенство, пономари, дячки	6	1
13	Приказные люди	2	1
	Итого	56	35

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.1-468.

Таблица 24

Места выхода рабочей силы патриарших промыслов

№	Местность	1680/81 г.	1681/82 г.
1	Самарцы	5	5
2	Нижегородцы	3	4
3	Арзамасцы	1	1
4	Балахонцы	1	-
5	Останковцы	1	-
6	Муромцы	1	1
7	Владимирцы	1	-
8	Тверичи	1	1
9	Костромичи	-	1
10	Ярославцы	-	1
11	Переяслав-рязанцы	1	1
12	Кашинцы	-	1
13	Симбиряне	-	2
14	Ломовцы	-	2
15	Саратовцы	2	1
16	Лебедянцы	-	1
17	Казанцы	-	1
18	Астраханцы	1	1
	Итого:	18	24

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.1-468.

Таблица 25

**Распределение рабочей силы по предприятиям
на патриарших промыслах**

№	Промысловые предприятия	1680/81 г.	1681/82 г.
1	Учуг Комызяк	38 ¹	37
2	Учуг Чаган	10	5
3	Зимний двор	6	6
4	Коса у Астрахани	1	1
5	Забойка Белая	1	1
6	Учуги Комызяк, Чаган	-	9
7	Комызяк, Чаган, Вешняя протока	1	1
8	Комызяк, Чаган, зимний двор	2 ²	3
9	Комызяк, Белая, Табала	1	1

Примечания

¹ Плюс 3 человека церковного причта.

² Один из них направлен к работе на Комызяке, Чагане и дворе на косе у Астрахани.

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.1-468.

Таблица 26

Администрация астраханских промыслов

№	Статьи	Патриарх			Митро- полит	Тр.-С. м-рь	С.-Пр. м-рь
		1680/81	1681/82	1704/5			
1	Промышленники	3	3	-	-	-	-
	Средняя зарплата	13,3	13,3	-	-	-	-
	Сумма в руб.	40	40	-	-	-	-
2	Прочие	3	3	-	-	-	-
	Средняя зарплата	12	12,7	-	-	-	-
	Сумма в руб.	36	38	-	-	-	-
3	Учужьей атаман	1	1	1	1	1	1
	Средняя зарплата	15	15	10	10	10	13
	Сумма в руб.	15	15	10	10	10	13
4	Итого	7	7	-	-	-	-
	Средняя зарплата	14,4	14,7	-	-	-	-
	Сумма в руб.	101	103	-	-	-	-

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1-2.

Таблица 27

Квалифицированные рабочие астраханских промыслов

№	Статьи	Патриарх			Мигро-	Тр.-С.	Ст.-Пр.
		1680/81	1681/82	1704/5	полит	мон-рь	м-рь
		1680/81	1681/82	1704/5	1704/5	1704/5	1705
1	Баграчен	2	3	1	1	3	1
	Средняя зарплата	6,5	8,7	12	8	8	6
	Сумма в руб.	13	26	12	8	24	6
2	Водолазы	2 ¹	2 ¹	-	1	1	1
	Средняя зарплата	12	12	-	9	11	7
	Сумма в руб.	24	24	-	9	11	7
3	Солильщики	3	3	2	2	2	1
	Средняя зарплата	11,5	11,5	8,5	8,5	15	7
	Сумма в руб.	34,5	34	17	17	30	7
4	Плотники	2	3	2	1	5	1
	Средняя зарплата	11	9,3	6,25	10	9	10
	Сумма в руб.	22	28	13	10	45	10
5	Жиротопы	-	-	1	-	1	-
	Средняя зарплата	-	-	4,5	-	6	-
	Сумма в руб.	-	-	4,5	-	6	-
6	Резальщики	-	-	-	1	2	1
	Средняя зарплата	-	-	-	8	7,5	7
	Сумма в руб.	-	-	-	8	15	7
7	Икрашники	-	-	-	1	1	1
	Средняя зарплата	-	-	-	6	7	6
	Сумма в руб.	-	-	-	6	7	6
8	Клещевники	-	-	1	1	1	1
	Средняя зарплата	-	-	4,5	6	8	6
	Сумма в руб.	-	-	4,5	6	8	6
9	Кузнецы	-	-	-	-	1	-
	Средняя зарплата	-	-	-	-	6	-
	Сумма в руб.	-	-	-	-	6	-
10	Неводчики	-	-	-	-	1	-
	Средняя зарплата	-	-	-	-	8	-
	Сумма в руб.	-	-	-	-	8	-
11	Садовники	1	2	-	-	-	-
	Средняя зарплата	10	8	-	-	-	-
	Сумма в руб.	10	16	-	-	-	-
12	Прочие	4	4	-	-	-	-
	Средняя зарплата	7,4	7,5	-	-	-	-
	Сумма в руб.	29,75	30	-	-	-	-
	Итого	14	17	7	8	18	7
	Средняя зарплата	9,5	9,3	7,2	8	8,9	7
	Сумма в руб.	133,25	158,5	50,5	64	160	49

Примечания

¹ Один из них одновременно был и баграчеем, второй — ставовым караульщиком.
 Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1-2.

Таблица 28
Неквалифицированная рабочая сила астраханских промыслов

№	Статьи	Патриарх			Митро-	Тр.-Серг.	Сп.-Пр.
		1680/ 81	1681/ 82	1704/5	полит	м-рь	м-рь
		1704/5	1704/5	1704/5	1704/5	1705	1705
1	Караульщики,	23	20	23	9	14	-
	в т.ч. косные	12	9	8	9	9	-
	в т.ч. стеновые	6	9	15	-	5	-
	Средняя зарплата	4,9	5,1	4,44	6	5,21	-
	Сумма в руб.	113	101,75	102	54	73	-
2	Учужные тяглые рабочие,	9	14	21	10	20	10
	в т.ч. на Комыжье	7	12	-	-	-	-
	в т.ч. на Чагане	2	2	-	-	-	-
	Средняя зарплата	5,8	5,9	5,05	5	5	5
	Сумма в руб.	52	82	106	50	100	10
3	Поддатни	4	5	-	-	2	-
	Средняя зарплата	4,8	5,1	-	-	4,5	-
	Сумма в руб.	19,3	25,3	-	-	9	-
	Годовые ловцы	-	-	-	50	40	-
	Средняя зарплата	-	-	-	9	6	-
	Сумма в руб.	-	-	-	450	240	-
4	Работники сада и огорода	6	5	6	-	-	-
	Средняя зарплата	6	4,9	5,25	-	-	-
	Сумма в руб.	30	24,5	32,5	-	-	-
5	Прочие	2	2	-	-	2	-
	Средняя зарплата	6	6	-	-	2,5	-
	Сумма в руб.	12	12	-	-	5	-
6	Итого	44	46	50	69	78	10
	Средняя зарплата	5,1	5,3	4,8	8,03	5,47	5
	Сумма в руб.	226,3	245,6	239,5	554	427	50

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1-2.

Таблица 29
Прочие категории людей, обслуживающих потребности астраханских промыслов

№	Статьи	Патриарх			Митро-	Тр.-С.	Сп.-П.
		1680/81	1681/82	1704/5	полит	м-рь	м-рь
		1704/5	1704/5	1704/5	1704/5	1705	1705
1	Хлебники, повара	3	3	3	2	3	2
	Средняя зарплата	7,2	7,2	5,2	6	6,3	6,5
	Сумма в руб.	21,5	21,5	15,6	12	19	13
2	Жировой сиделец	2	2	-	-	-	-
	Средняя зарплата	9	9	-	-	-	-
	Сумма в руб.	18	18	-	-	-	-
3	Духовенство	6	1	2	2	3	2
	Средняя зарплата	7,25	2,5	2,5	5,5	5,7	5
	Сумма в руб.	43,5	2,5	5	11	17	10
4	Итого	11	6	5	4	6	4
	Средняя зарплата	7,5	7	4,12	5,75	6	5,75
	Сумма в руб.	83	42	20,6	23	36	23

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.; Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1-2.

Таблица 30

Затраты на оплату труда работников, занятых в ремонте забоек на патриарших учугах в 1680/81 – 1681/82 гг.

№	Вид работ	1680/81 г.	1681/82 г.
1	1-я летняя заделка ¹	-	58,2 руб.
2	2-я летне-осенняя заделка	70,8 руб.	120,6 руб.
3	3-я зимне-весенняя заделка	42 руб.	33 руб.
	Итого:	112,8 руб.	211,8 руб.

Примечания

¹ Сведения отсутствуют.

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.49об.-51, 63-64об., 254-255об., 261-262, 265об.-266.

Таблица 31

Количество хлебных продуктов, завозимых на патриаршие промыслы в 1680/81-681/82 гг.

№	Статьи	1680/81 г.			1681/82 г.		
		Кол-во в мехах	Стоимость 1 мсха, руб.	Сумма, руб.	Кол-во в мехах	Стоимость 1 мсха, руб.	Сумма, руб.
1	Ржаная мука	300	0,35	105,07	400	0,31	124
2	Пшенич. мука	4	0,61	2,44	9	0,63	5,67
3	Солод ржаной	70 ¹	0,19	13,48	45	0,18	8,1
4	Толокно	14	0,53	7,44	4	0,81	3,24
5	Солод ячнев.	30	0,23	6,9	45	0,31	14,06
6	Крупа гречн.	5	0,97	4,85	5	0,99	4,95
7	Крупа овсяная	1	0,57	0,57	10	0,88	8,8
8	Горох полевой	3	1,08	3,23	4	1,07	4,26
	Всего	427	0,34	143,98	522	0,33	173,08

Примечания

¹ Меха осминные.

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3. Л.1-468.

Таблица 32

Количество хлебных «припасов», используемых на патриарших промыслах в начале XVIII в.

№	Статьи	1703 г.			1704 г.		
		Кол-во в мехах	Стоимость 1 м., руб.	Сумма, руб.	Кол-во в мехах	Стоимость 1 м., руб.	Сумма, руб.
1	Ржаная мука	100	0,64	64	600	-	189,73
2	Овес	350	0,27	94,5	-	-	-
3	Солод ржаной	100	0,33	33	-	-	-
4	Солод ячневый	50	0,4	20	-	-	-
5	Крупа овсяная	80	0,81	64,8	-	-	-
	Всего	680	-	276,3	-	-	-

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.12. Л.165, 179об.

Таблица 33

Расходы на митрополичий промысел в Астрахани в начале XVIII в.

Статьи	1703 г. ¹	1704 г. ²	1705 г. ⁴		
			Учуги	Морские станы	Итого
Зарплата основн. рабочим	1100.21	611.65 ³	206	700	906
Зарплата учужным ташельщикам	60	-	150		150
Продолышастые рабочие	179.4	100	203	262.5	465.5
Материалы и оборудование на учужную заделку	185 (?)	-	558.53	-	558.53
Оборудование, материалы	337.54 (?)	205.96 (?)	114.29	1505	1619.29
Жалование по явкам, другие расходы	?	-	-	-	-
Итого:	-	-	1231.8	2467.5	3699.32

Примечания

- ¹ Ведомость дефектна, поэтому ряд данных не ясен.
- ² Ведомость неполна, нет конца; сведения, возможно, не за весь год.
- ³ Неточность в знаках после запятой.
- ⁴ Планируемые расходы.

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.1. Д.7. Л.712об.-715; Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.342об.-345.

Таблица 34

Количество и стоимость продукции астраханских патриарших промыслов в 1681/82 — 1682/83 гг.

№	Продукция	1681/82 г.			1682/83 г.		
		Кол-во	Дом. цена, руб.	Астр. цена, руб.	Кол-во	Дом. цена, руб.	Астр. цена, руб.
1	Рыба и рыбы, припасы (рыб б. ч.)	10457		3137.4	15171		3792.75
2	Икра, клей, вашига	?		527.69	?		618.93
3	Станки, казардак	?	1498.5	?	?	1833.25	?
4	Соль в судах	53062	158.55	716.3	36322	112.46	435.86
5	Вино в ведрах	298	?	?	486	?	?
6	Горчица в суд.	-	-	-	1.5	?	?
	Итого	-	1657.05	4381.39	-	1945.65	4847.54

Примечания

? — данные отсутствуют, хотя поставки в этот год были.

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.

Таблица 35

Соотношение домовых и астраханских цен на патриаршем промысле

№	Продукция	Соотношение домовых и астрах. цен	
		1681/82 г.	1682/83 г.
1	Рыба и рыбные припасы	1:2,44	1:2,41
2	Соль	1:4,52	1:3,88
3	Сумма	1:2,64	1:2,49

Источники: РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.1. Д.3.

Таблица 36

Расходы на промысел Спасо-Преображенского монастыря в начале XVIII в.

Статьи	Сумма, руб. (версия 1)	Сумма, руб. (версия 2)
Рабочая сила	235	235
Продовольствие рабочим	159	257
Дерево для забойки	190	190
Суда, снасти, оборудование	174,7	179,7
Итого	768,7	861,7

Источники: РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.55. Ч.1. Л.377-379; Оп.1. Д.7. Л.717.

**ПРИЛОЖЕНИЯ
К РАЗДЕЛУ II**

**ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И ИНФРАСТРУКТУРА
ЗЕРНОВОГО РЫНКА**

Таблица 1

Динамика посевных площадей в Поволжье 1897-1917 гг.*

Годы	Казанская		Симбирская		Пензенская		Самарская		Саратовская		Поволжье	
	Число десятилетий	% к 1897 г.	Число десятилетий	% к 1897 г.	Число десятилетий	% к 1897 г.	Число десятилетий	% к 1897 г.	Число десятилетий	% к 1897 г.	Число десятилетий	% к 1897 г.
1897	1763,6	100	1277,2	100	1290,8	100	3374,0	100	2400,8	100	101106,3	100
1891-	1721,4	97,6	1295,7	101,3	1251,1	96,9	2977,9	88,3	2238,8	93,2	94844,9	93,8
1900	1844,9	104,6	1361,9	106,6	1421,1	110,1	3778,9	112,0	2569,0	107,0	10975,7	108,6
1902	1830,3	103,7	1356,2	106,2	1547,0	119,8	3844,7	113,9	2526,7	105,2	11194,9	109,8
1903	1855,9	104,1	1392,1	109,0	1473,5	114,1	3945,7	116,9	2650,2	110,3	11297,0	111,7
1904	1757,8	99,7	1445,3	113,1	1432,6	110,9	4048,1	119,9	2582,5	107,5	11266,3	111,4
1905	1873,7	106,2	1493,1	116,9	1334,9	103,4	4119,7	122,1	2851,4	120,4	11712,8	115,8
1906	1823,4	103,4	1479,1	115,8	1468,3	113,7	4513,2	133,7	2976,2	123,7	12254,3	121,2
1907	2043,5	115,8	1524,5	119,3	1419,0	109,9	4173,1	123,6	2813,2	117,1	11973,3	118,4
1908	1861,5	105,5	1450,0	113,5	1414,2	109,5	4228,2	125,3	2854,1	118,8	11808,2	116,8
1909	1888,1	107,0	1578,9	123,6	1448,7	112,2	4402,3	130,4	2839,4	118,2	12156,2	120,3
1910	1881,6	106,7	1415,8	110,8	1425,0	110,3	4383,4	129,9	2837,1	118,1	11942,9	118,1
1901-												
1910	1862,8	105,6	1430,1	111,9	1438,4	111,4	4143,6	122,8	2753,2	114,6	11649,1	115,2
1911	1915,0	108,6	1380,8	108,1	1443,1	111,8	4735,1	140,3	2950,8	122,9	12425,0	122,9
1912	1898,4	107,6	1406,7	110,1	1477,5	114,4	4462,2	132,2	2870,2	119,5	12115,0	119,9
1913	1849,1	104,8	1420,2	111,2	1476,0	114,3	4714,2	139,7	3002,5	125,1	12462,6	123,3
1914	1955,5	110,8	1397,3	109,4	1458,6	112,9	4429,6	131,2	3017,5	125,6	12258,7	121,2
1915	1934,5	109,6	1378,7	107,9	1439,5	111,3	4552,8	134,9	2959,2	123,2	12262,0	121,3
1916	1633,9	92,6	1277,6	100,03	1089,5	84,4	3918,1	115,1	2275,8	94,8	10194,9	100,8
1917	1629,0	92,4	1337,0	104,6	1299,0	100,6	4179,0	123,8	2333,0	97,1	10777,0	106,6

* Таблица составлена по данным: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Г.1. СПб., 1903. С.158-161, 176-177; Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожая 1881, 1887 и 1893-1899 гг. по 50 губерниям Европейской России. Временник Центрального статистического комитета. СПб., 1901. № 48; Статистика Российской империи: Урожай хлебов в Европейской России за 1900-1915 гг. СПб. - Пг., 1900-1916; Материалы к продовольственному плану: Урожай хлебов в России в 1916 году. Пг., 1916; Урожай хлебов в России в 1917 году / Под ред. А.Е.Лосицкого, М., 1918.

Таблица 2

Соотношение крестьянских и частновладельческих посевов в Поволжье в конце XIX — начале XX в.*

Губернии	1891-1900 гг.				1901-1905 гг.				1906-1910 гг.				1911-1915 гг.			
	Крестьянские		Частно-владельческие		Крестьянские		Частно-владельческие		Крестьянские		Частно-владельческие		Крестьянские		Частно-владельческие	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
Казанская	1514,5	87,9	206,9	12,1	1591,9	87,1	234,5	12,9	1616,4	85,1	282,9	14,9	1632,4	85,4	278,1	14,6
Симбирская	827,0	63,8	468,7	36,2	867,4	61,5	542,2	38,5	866,1	59,2	622,1	41,8	925,3	66,2	471,4	33,8
Пензенская	819,1	65,4	432,0	34,5	920,5	63,8	521,2	36,2	897,4	62,5	537,5	37,7	946,7	64,9	511,6	35,1
Самарская	2234,1	75,0	743,8	25,0	2755,5	69,8	1191,8	30,2	2861,1	65,9	1478,9	34,1	3217,1	68,7	1361,6	31,3
Саратовская	1480,7	66,1	758,1	33,9	1542,6	58,3	1101,3	41,7	1516,1	52,9	1346,6	47,1	1814,6	61,3	1145,4	38,7
Поволжье	6875,4	72,4	2609,5	27,6	7677,9	68,1	3591,0	31,9	7757,1	64,5	4268,0	35,5	8536,1	69,3	3768,1	30,7

* Источники: см табл. 1.

Таблица 3

Удельный вес губерний по размерам посевных площадей, % к итогу*

Губерния	1901-1905 гг.	1906-1910 гг.	1911-1915 гг.	1916 г.	1917 г.
Казанская	16,2	15,8	15,5	16,0	15,1
Симбирская	12,5	12,4	11,4	12,5	12,4
Пензенская	12,8	11,9	11,8	10,7	12,1
Самарская	35,0	36,1	37,2	38,4	38,8
Саратовская	23,5	23,8	24,1	22,4	21,6
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Источники: см. табл. 1.

Таблица 4

Структура посевов сельскохозяйственных культур в Поволжье,
% к общей площади посевов*

Губерния	Годы	Озимые хлеба		Ярвые хлеба						Технические культуры			
		Рожь	Шашлык	Овес	Ячмень	Пшени	1 рожь	Горюх	Чечевица, Бобы	Курдюк	Лен	Копейка	
Казанская	1901-1905	49,31	0,02	24,90	2,34	5,68	3,84	1,11	2,73	1,17	1,01	0,85	0,65
	1906-1910	48,97	0,02	31,45	2,19	5,16	3,10	1,08	2,10	1,02	0,98	0,87	0,61
	1911-1915	48,82	-	30,84	2,08	3,77	3,10	1,37	2,43	1,25	1,43	0,89	0,59
	1901-1905	48,21	0,04	26,17	0,27	2,19	1,32	8,10	1,98	0,95	2,26	0,39	1,24
	1906-1910	48,26	0,03	25,16	0,33	1,83	1,71	8,86	1,54	0,95	2,87	0,41	1,10
Нижегородская	1911-1915	48,64	0,02	23,88	0,27	1,56	1,92	8,13	1,62	1,22	3,21	0,35	0,92
	1901-1905	47,96	0,18	26,17	0,02	0,31	2,19	8,56	2,87	3,34	4,03	0,46	3,30
	1906-1910	48,19	0,17	27,25	0,05	0,19	2,01	9,17	1,64	2,41	4,82	0,76	3,02
Самарская	1911-1915	48,62	0,16	27,14	0,04	0,07	2,03	8,22	1,91	2,50	5,65	0,41	2,68
	1901-1905	23,97	0,03	53,12	8,72	2,47	2,09	1,79	5,04	0,06	0,83	0,36	0,25
	1906-1910	24,01	0,03	56,63	7,29	2,14	1,27	1,73	4,66	0,88	0,81	0,18	0,14
	1911-1915	21,71	0,25	60,76	6,80	3,12	0,58	1,52	3,26	0,54	0,82	0,09	0,22
	1901-1905	38,14	0,29	31,11	15,29	3,21	0,05	0,33	8,63	1,06	1,52	0,36	0,70
Саратовская	1906-1910	36,73	0,19	34,32	14,16	1,08	0,02	0,23	9,08	0,53	1,40	0,26	0,49
	1911-1915	34,77	0,11	38,14	12,16	1,51	-	0,26	7,30	0,65	2,02	0,16	0,33
	1901-1905	41,51	0,11	18,79	21,05	1,66	2,06	1,89	6,28	1,31	1,93	0,48	1,22
Поволжье	1901-1910	41,23	0,08	20,19	1,15	1,69	1,75	6,57	1,33	1,35	2,17	0,41	1,09
	1911-1915	40,44	0,10	22,18	13,8	1,19	1,76	5,65	1,43	1,44	2,51	0,38	0,94

* Источники: см. табл. 1.

Таблица 5

Крестьянские посевные площади по культурам в поволжских губерниях в 1900-1914 гг., тыс. дес.*

Культуры	Казанская			Самбирская			Пензенская					
	1900 г.		1914 г.	1900 г.		1914 г.	1900 г.		1914 г.			
	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу		
Озимая рожь	782,7	49,6	788,6	47,8	425,7	59,5	417,2	47,9	428,7	48,4	439,0	49,7
Озимая пшеница	-	-	-	-	-	-	-	-	1,0	0,1	0,1	-
Яровая рожь	0,7	2,9	0,6	3,8	52,1	6,1	64,2	7,4	2,0	0,2	1,9	0,2
Яровая пшеница	45,7	27,7	62,8	29,0	203,3	23,7	204,1	23,5	190,7	21,6	219,2	24,8
Овес	437,7	2,9	478,4	2,4	0,3	0,3	3,0	0,3	0,1	-	-	-
Ячмень	46,6	5,6	39,7	3,8	26,8	3,1	16,9	1,9	3,8	0,4	0,5	0,1
Полба	88,3	4,1	62,6	3,6	16,4	1,9	14,4	1,7	35,0	3,9	18,2	2,1
Гречка	64,1	1,1	58,7	2,0	62,1	7,2	74,3	8,6	85,9	9,7	76,8	8,7
Просо	16,5	2,6	32,5	2,6	20,3	2,4	18,3	2,1	26,3	2,9	15,8	1,8
Горох	40,9	1,1	42,9	1,6	9,6	1,1	12,6	1,4	30,2	3,4	24,1	2,7
Чесвица	17,5	0,9	27,6	1,7	20,4	2,4	28,5	3,3	35,3	3,9	49,7	5,6
Картофель	13,3	-	28,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кукуруза	-	-	-	-	-	-	1,4	0,2	-	-	0,9	0,1
Подсолнух	-	-	-	-	-	-	3,3	0,4	5,7	0,6	3,4	0,4
Лен	14,2	0,6	16,4	1,0	4,7	0,5	3,3	0,4	42,3	4,9	33,8	3,8
Конюшня	10,7	100	10,7	0,7	15,0	1,8	11,4	1,3	887,9	100	883,4	100
Итого	1578,9	100	1649,5	100	856,7	100	869,6	100	887,9	100	883,4	100

Продолжение таблицы 5

Культуры	Самарская			Саратовская			Поволжье			1914 г. % к 1900 г.			
	1900 г.		%	1914 г.		%	1900 г.		%		1914 г.		
	тыс. дес.	% к итогу		тыс. дес.	% к итогу		тыс. дес.	% к итогу			тыс. дес.	% к итогу	
Овсяная рожь	826,9	30,5	580,7	19,4	637,2	41,3	563,2	34,1	3101,2	40,9	2788,7	34,7	89,9
Озимая пшеница	0,1		0,8		5,7	0,4	0,2		6,8	0,1	0,9		13,2
Яровая рожь			0,9		0,1				0,8		1,7		212,5
Яровая пшеница	1195,3	44,1	1764,9	59,1	434,1	28,1	593,1	35,9	1729,2	22,8	2486,9	30,9	143,8
Овес	280,5	10,4	224,8	7,5	213,9	13,9	170,1	10,3	1326,1	17,5	1296,6	16,1	97,7
Ячмень	71,1	2,6	120,8	4,1	9,0	0,6	18,4	1,1	127,1	1,7	181,9	2,3	143,1
Пшеница	73,2	2,7	18,9	0,6	1,1	0,1	0	0	193,2	2,5	98,9	1,2	51,1
Гречиха	45,3	1,7	59,6	1,9	10,0	0,6	4,5	0,3	170,8	2,2	155,4	1,9	90,9
Просо	137,7	5,1	130,1	4,5	152,5	9,8	139,4	8,4	454,7	6,1	453,1	5,6	99,6
Горох	34,6	1,3	23,9	0,8	22,2	1,4	8,6	0,5	144,3	1,9	109,5	1,4	75,4
Чечевица	0,8		1,4	0,05	11,1	0,7	35,4	2,2	69,2	0,9	101,1	1,3	146,0
Картофель	24,9	0,9	30,9	1,1	29,6	1,9	32,3	1,9	123,5	1,6	169,4	2,1	137,1
Кукуруза	1,4		1,4	0,05			1,6	0,1	1,4		3,0		
Подсолнух			15,4	0,5			78,1	4,7			95,8	1,2	
Лен	8,4	0,3	2,9	0,1	2,0	0,1	0,3		35,0	0,5	26,3	0,3	75,1
Копыль	9,5	0,4	9,6	0,3	17,7	1,1	7,9	0,5	95,2	1,3	73,5	0,9	77,2
Итого	2709,7	100	2987,0	100	1546,2	100	1653,1	100	7578,5	100	8042,7	100	106,1

* Источники: см. табл. 1.

Таблица 6

Частновладельческие посевные площади по культурам в поволжских губерниях
в 1900-1914 гг., тыс. дес.*

Культуры	Казанская			Симбирская			Пензенская		
	1900 г.		1914 г.	1900 г.		1914 г.	1900 г.		1914 г.
	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.
Озимая рожь	125,7	49,88	145,0	244,0	49,05	251,1	253,4	49,42	276,7
Озимая пшеница	1,7	0,71	0,1	0,06	0,01	0,1	0,8	0,16	8,14
Яровая рожь	0,01	0	0,1	0,06	-	1,2	0,05	0,01	2,5
Яровая пшеница	2,9	1,17	11,0	3,63	6,66	51,1	1,4	0,28	5,5
Овес	88,5	35,14	104,6	149,0	29,96	127,1	164,3	32,05	172,5
Ячмень	0,7	0,29	1,3	0,43	0,11	0,8	0,2	0,04	0,2
Полба	5,0	2,0	7,0	2,32	0,82	3,5	0,8	0,16	0,2
Гречиха	10,0	3,97	9,1	2,98	1,43	8,8	20,5	4,01	9,7
Просо	2,5	1,0	5,9	1,95	6,95	45,8	19,2	3,75	33,8
Горох	10,0	4,0	9,5	3,13	1,64	6,3	18,3	3,57	14,9
Чечевица	0,9	0,39	2,9	0,98	0,75	4,7	15,2	2,96	10,8
Картофель	2,5	1,01	6,1	2,0	2,06	21,9	13,5	2,64	37,5
Кукуруза	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Подсолнух	-	-	-	-	-	1,9	-	-	3,0
Лен	0,7	0,3	1,7	0,59	0,23	1,2	7,2	0,24	1,5
Конюша	0,3	0,14	0,7	0,25	0,33	1,2	3,5	0,69	5,4
Итого	252,0	100	305,0	497,6	100	526,6	512,8	100	574,2

Продолжение таблицы 6

Культуры	Самарская						Саратовская						Поволжье						
	1900 г.			1914 г.			1900 г.			1914 г.			1900 г.			1914 г.			
	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	тыс. дес.	% к итогу	
Олема розь	183,4	20,08	257,5	17,86	396,7	37,37	432,5	31,7	1203,2	37,2	1362,8	32,4	113,2	-	-	-	-	-	-
Озьяма пелленица	-	-	3,9	0,27	5,7	0,54	4,9	0,36	8,26	0,2	11,5	0,3	-	-	-	-	-	-	-
Ярская розь	-	-	0,5	0,04	0,5	0,05	1,1	0,09	0,55	-	2,9	0,1	-	-	-	-	-	-	-
Ярская пшевица	563,5	61,7	949,9	65,86	316,9	29,85	479,1	35,13	917,8	28,5	1496,6	35,5	163,1	163,1	163,1	163,1	163,1	163,1	163,1
Овес	79,7	8,73	92,9	6,44	212,5	20,01	187,7	13,76	694,0	21,5	684,8	16,3	98,6	98,6	98,6	98,6	98,6	98,6	98,6
Ячмень	4,7	1,29	37,8	2,63	9,4	0,89	20,5	1,51	15,5	0,5	60,6	1,4	390,9	390,9	390,9	390,9	390,9	390,9	390,9
Пшеница	7,3	0,8	2,6	0,19	0,3	0,03	-	-	17,4	0,6	13,3	0,3	76,4	76,4	76,4	76,4	76,4	76,4	76,4
Гречиха	8,7	0,96	17,9	1,24	10,4	0,98	3,8	0,28	56,7	1,7	49,5	1,2	87,3	87,3	87,3	87,3	87,3	87,3	87,3
Просо	37,1	4,07	51,1	3,55	65,2	6,14	76,5	5,61	158,5	4,9	213,3	5,1	134,5	134,5	134,5	134,5	134,5	134,5	134,5
Горох	6,5	0,72	6,3	0,44	13,2	1,24	13,4	0,98	56,1	1,7	50,6	1,2	90,2	90,2	90,2	90,2	90,2	90,2	90,2
Чечевица	3,3	0,37	0,1	0,01	15,2	1,44	28,3	2,08	38,3	1,2	47,1	1,1	122,9	122,9	122,9	122,9	122,9	122,9	122,9
Картофель	4,4	0,49	9,5	0,66	8,2	0,98	14,5	1,07	38,8	1,2	89,7	2,1	231,1	231,1	231,1	231,1	231,1	231,1	231,1
Кукуруза	-	-	0,2	0,02	-	-	0,1	-	-	-	0,3	-	-	-	-	-	-	-	-
Подсолнух	-	-	6,7	0,47	-	-	96,7	7,09	-	-	108,4	2,5	-	-	-	-	-	-	-
Лен	6,4	0,71	2,4	0,17	5,3	0,51	2,6	0,2	20,7	0,6	9,7	0,2	46,8	46,8	46,8	46,8	46,8	46,8	46,8
Кнопля	0,7	0,08	2,0	0,15	1,7	0,17	1,7	0,13	7,8	0,2	11,2	0,3	143,5	143,5	143,5	143,5	143,5	143,5	143,5
Итого	913,4	100	1441,3	100	1961,7	100	1364,1	100	3233,6	100	4212,3	100	130,2	130,2	130,2	130,2	130,2	130,2	130,2

* Источники: см. табл. 1.

Таблица 7

Посевная площадь трав в 1901-1917 гг., тыс. дес.*

Культуры	1900 г.		1914 г.		1900 г.		1914 г.		1900 г.		1914 г.		1914 г.		1914 г.		
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	
Культуры	183,4	20,08	231,3	17,86	306,7	17,37	317,3	17,37	1200,2	31,7	1382,3	32,4	113,2	0,3	-	-	1914 г. в 1900 г.
Озимая пшеница	-	-	3,9	0,27	5,7	0,34	4,9	0,29	8,26	0,23	2,9	0,1	-	-	-	-	-
Озимая рожь	-	-	0,5	0,04	0,5	0,05	1,1	0,09	0,35	-	2,9	0,1	-	-	-	-	-
Яровая пшеница	583,5	61,7	940,9	63,86	316,9	20,85	479,1	35,13	917,5	28,3	1496,5	35,5	162,3	1,6	-	-	162,3
Яровая рожь	79,7	8,70	92,9	6,44	212,5	20,01	187,7	13,76	694,0	21,5	684,8	16,3	95,6	0,9	-	-	95,6
Овся	4,7	1,29	37,8	2,63	9,4	0,89	20,5	1,51	15,5	0,5	60,6	1,4	306,9	2,9	-	-	306,9
Желтая трава	7,3	0,8	2,6	0,19	0,3	0,03	-	-	17,4	0,6	13,3	0,3	76,4	0,7	-	-	76,4
Гречиха	8,7	0,96	17,9	1,24	10,4	0,88	3,8	0,28	56,7	1,7	49,5	1,2	87,3	0,8	-	-	87,3
Проща	37,1	4,07	51,1	3,55	65,2	6,14	76,5	5,81	138,5	4,9	213,3	5,1	134,5	1,2	-	-	134,5
Трость	6,5	0,72	8,3	0,44	13,2	1,24	13,4	0,98	56,1	1,7	50,6	1,2	90,2	0,8	-	-	90,2
Читлик	3,3	0,37	0,1	0,01	15,2	1,44	28,5	2,08	38,3	1,2	47,1	1,1	122,9	1,1	-	-	122,9
Картофель	4,4	0,49	9,5	0,66	8,2	0,78	0,1	0,1	1,07	0,03	88,7	2,1	231,1	2,1	-	-	231,1
Клевер	-	-	0,2	0,02	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Подсолнух	-	-	6,7	0,47	-	-	-	-	96,7	7,09	-	-	-	-	-	-	-
Лес	6,4	0,71	2,4	0,17	5,3	0,31	2,6	0,2	20,7	0,6	9,7	0,2	46,8	0,4	-	-	46,8
Клюква	0,7	0,08	2,0	0,15	1,7	0,17	3,7	0,25	7,8	0,2	11,2	0,3	143,5	1,3	-	-	143,5
Итого	913,4	100	1441,3	100	1661,7	100	1364,1	100	3733,6	100	4232,3	100	130,2	-	-	-	130,2

*Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С.198-199, 200.

Таблица 8

Удельный вес валовых сборов хлеба и картофеля в Поволжье в общих сборах Европейской России в 1901-1915 гг.*

Районы сбора урожая	1901-1905 гг.		1906-1910 гг.		1911-1915 гг.							
	Зерновые	Картофель	Зерновые	Картофель	Зерновые	Картофель						
тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%					
Европейская Россия	3205806	100	1115646	100	3211195	100	1219835	100	3705571	100	1438482	100
Поволжье	414951	12,9	58297	5,2	423231	13,2	74521	6,1	477349	12,8	90192	6,2
а) на крестьянских наделах	262315	63,3	41875	71,8	246717	58,3	50108	67,2	308942	64,7	58076	64,4
б) на частных и государственных землях	152635	36,7	16422	28,2	176514	41,7	24413	32,8	168507	35,3	32116	35,6

*Источники: см. табл. I.

Таблица 9

Соотношение валовых сборов зерна с ростом населения в Поволжье в 1901-1917 гг.*

Годы	Валовые сборы всех хлебов		Население		Приходится пудов хлеба на 1 чел.	Чистые сборы хлебов на 1 чел. без овса и картофеля
	тыс. пудов	в % к 1901-1905 гг.	тыс. чел.	в % к 1900 г.		
1901-1905	414951	100	11499	101,0	36,0	17,0
1906-1910	423231	101,9	12616	110,8	33,5	13,16
1911-1915	477349	115,0	13419	117,8	35,5	16,4
1913	653206	157,4	13636	119,7	47,9	16,2
1914	396995	95,6	13916	122,2	28,5	17,8
1915	599739	144,5	12818	112,5	46,7	28,1
1916	348530	83,9	14710	129,2	23,6	-
1917	230411	55,5	14034	123,2	16,4	-

*Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С.9-13; Материалы к продовольственному плану: Урожай хлебов в России в 1916 году. Пг., 1916. С.38-39, 44-45, 80-85; Урожай хлебов в России в 1917 году. М., 1918. С.52-55; Статистический ежегодник России за 1905-1916 гг. СПб. — Пг., 1905-1917; РГИА СССР. Ф.1290. Оп.4. Д.754. Лл.5-6.

Урожайность зерновых культур и картофеля в Поволжье
 Земли* (а – на крестьянских наделенных землях);

Губернии	Годы	Очищенных розов	Яровая пшеница	Овес
Казанская	1901-2	47,1	36,4	39,6
	1905-6	61,2	41,8	48,0
	1906-8	42,1	31,2	35,6
	1910-6	56,1	43,1	43,3
	1911-2	47,9	34,8	34,6
	1915-6	62,9	41,5	41,2
Самарская	1901-2	49,4	35,1	37,4
	1905-6	55,6	44,5	44,3
	1906-8	47,8	35,8	38,2
	1910-6	59,6	40,0	46,6
	1911-2	48,7	33,1	34,9
	1915-6	63,5	40,9	42,9
Саратовская	1901-2	46,1	40,2	35,5
	1905-6	55,8	45,5	44,3
	1906-8	48,8	37,6	43,4
	1910-6	63,8	42,6	55,0
	1911-2	47,6	32,1	45,6
	1915-6	64,2	42,9	49,0
Симбирская	1901-2	41,3	27,8	27,7
	1905-6	50,3	36,2	35,5
	1906-8	33,6	34,0	31,4
	1910-6	42,8	43,2	41,0
	1911-2	38,1	33,0	33,7
	1915-6	50,5	47,3	46,3
Сургутская	1901-2	39,7	25,9	32,6
	1905-6	54,1	33,5	44,5
	1906-8	35,7	32,6	32,4
	1910-6	50,8	43,6	47,2
	1911-2	37,2	28,3	35,3
	1915-6	56,3	39,6	46,3

*Источники: см. табл. I.

Фе в 1901-1915 гг. в пудлах с 1 дес.
6 – на частновладельческих)

Дюны	Гривны	Горы	Карпаты
48,0	21,7	26,8	351,7
40,9	25,2	34,8	386,5
47,3	23,3	28,5	355,3
42,2	25,5	36,4	405,2
48,9	25,0	27,1	379,5
44,5	27,2	30,2	437,2
47,3	22,7	27,9	331,4
43,8	29,2	29,9	348,3
54,3	27,6	34,0	364,4
57,3	30,2	36,6	396,6
51,4	20,8	29,1	317,7
48,9	24,8	33,8	419,6
34,2	19,1	22,4	347,7
36,7	20,0	27,7	382,9
35,1	28,2	39,8	445,0
40,7	29,8	51,2	496,4
44,5	22,0	31,7	395,8
38,4	25,1	41,5	456,6
27,2	30,2	27,5	289,3
32,4	31,2	30,0	332,5
32,4	20,8	24,6	291,0
40,8	23,8	28,6	312,6
36,2	35,8	29,9	387,9
39,2	36,4	38,4	428,7
31,4	21,7	23,1	275,1
32,5	27,3	31,4	317,8
31,4	25,2	32,8	295,6
42,8	30,0	43,4	360,6
32,2	27,2	30,9	331,0
44,0	35,0	43,7	413,5

Таблица 11

Валовая и товарная продукция зерна в дореволюционной России *

Социальные группы	Валовая продукция		Товарный хлеб (вслеревенский)		% товарности
	млн пудов	%	млн пудов	%	
Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки	1900	38,0	650	50	34,0
Середняки и беднота	2500	50,0	369	28,4	14,7
Итого:	5000	100	1300,6	100	26

* Нечминов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945. С.24.

Таблица 12

Количество использованных хлебных припасов и картофеля на винокуренных и пивоваренных заводах в 1905-1914 гг. *

Губернии	Годы	Рожь, тыс. пудов	Ячмень, тыс. пудов	Картофель, млн пудов
Саратовская	1905-1909	705,4	113,8	1,7
	1910-1914	581,4	105,9	3,3
Симбирская	1905-1909	466,7	20,4	2,6
	1910-1914	435,8	21,9	5,3
Пензенская	1905-1909	943,8	25,4	7,2
	1910-1914	855,7	25,4	11,2
Кавказская	1905-1909	658,4	22,8	1,4
	1910-1914	633,9	315,3	2,1
Самарская	1905-1909	690,2	381,9	0,9
	1910-1914	627	512,7	1,5
Поволжье	1905-1909	3464,5	994	13,8
	1910-1914	3434,8	981,2	23,4

* Источники: см. табл. 9.

Товариство важнейших сельскохозяйственных культур в Поволжье в 1909-1913 гг., тыс. пудов*

Губерния	Рязань			Пензенная			Оренбург			Ямало-татарская		
	млн пудов сбор	товарная масса	% товар- ности	млн пудов сбор	товарная масса	% товар- ности	млн пудов сбор	товарная масса	% товар- ности	млн пудов сбор	товарная масса	% товар- ности
Казанская	46166,7	11828,6	25,6	2094,9	1446	69	27051,7	11512	42,5	2403,6	228,4	9,5
Самарская	36739	2771,6	7,0	4625,2	1986,4	42,9	16618	5099	30,7	214,2	27,6	12,8
Саратовская	39230,4	6278,6	15,9	469	255,6	54,5	22144,6	7991,4	36,1	29,3	7,4	25,2
Симбирская	42515	11383,6	26,2	102908,4	84067,8	81,7	12447,3	707	5,7	4546,8	750	16,5
Саратовская	40618	5924	13,3	42600,4	29966,4	70,3	19168,7	8587	44,8	1722	568	33
Поволжье	205289	38386,4	18,7	152697,9	117722,2	77,0	97430,3	33896,4	34,8	8915,9	1581,4	17,7

* Материалы к продовольственному плану: Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909-1913 гг. вып. I. Пг., 1916.

Товариство 14
Суммы, отпущавшиеся на сельскохозяйственные и экономические мероприятия земств*

Губернии	Отпущенная сумма, в тыс. руб.		Ассигновано в среднем в 1912 г., в коп.	
	1899	1912	на 1 дес. земли	на 1 жителя
Казанская	28,5	331,7	12,9	9,6
Пензенская	8,4	136,3	8,8	7,7
Симбирская	40,5	264,0	15,2	11,5
Самарская	90,8	633,7	8,9	11,5
Саратовская	31,8	567,2	18,9	13,0
По России	939,0	15043,0	18,4	14,0

* Краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности земств в 1912 году. С. 2, 5, 6, 8.

Таблица 15

Перевозка хлебов по воде в 1909-1913 гг. по волжским губерниям
(среднегодовые данные, тыс. пуд.)

Губерния	Всего перевезено	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Ржаная мука	Пшеничная мука
Вывоз							
Самарская	51224	38363	4119	296	26	2445	5975
В %	100	74,9	8,0	0,6	0	4,8	11,7
Саратовская	25995,2	11189	859	705,8	470,4	1386	11385
В %	100	43	3,3	2,7	1,8	5,3	43,8
Симбирская	13393,2	1597	1749	3255,6	0,2	3127	3664
В %	100	11,9	13,1	24	-	23,3	27,4
Пензенская	23,6	-	-	23,6	-	-	-
Казанская	23551	131,6	6305	10590,8	124,6	5376	1023
В %	100	0,6	26,8	45	0,5	22,8	4,3
Поволжье	114187	51280,6	13032,4	14871,8	621,2	12334	22047
В %	100	44,9	11,4	13,0	0,5	10,8	19,3
Ввоз							
Самарская	1827,9	975,4	106	213,8	119,1	74,1	339,4
В %	100	53,4	5,8	11,7	6,5	4,1	18,6
Саратовская	22257,4	15720	1153	357	51,2	60,2	4916
В %	100	70,6	5,2	1,6	0,2	0,3	22,1
Симбирская	3773,2	2856	227	135,4	10,6	138,2	406
В %	100	75,7	6,0	3,6	0,3	3,7	10,8
Пензенская							
Казанская	8197,4	1875	1532	438,8	124,6	821	3406
В %	100	22,9	18,7	5,4	1,5	10	41,5
Поволжье	36055,9	21426,4	3018	1145	305,5	1093,6	9067,4
В %	100	59,4	8,4	3,2	0,8	3,0	25,1

Источники: Материалы к продовольственному плану: Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1090-1913 гг. Вып. 1.: Рожь, пшеница, ячмень, овес. Пг., 1916.

Таблица 16

Динамика отправления и прибытия хлебных грузов
по железной дороге в конце XIX — начале XX вв., тыс. пуд.

Губерния	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Пшеничная мука	Ржаная мука	Всего	В т. ч. зерно	В т. ч. мука
Среднегодовой вывоз в 1898-1902 гг.									
Самарская	17551	4663	1620	38	5632	545	29779	23603	6176
В %	58,9	15,7	5,4	0	18,2	1,8	100	79,3	20,7
Саратовская	11594	12895	7751	257	9590	6457	48545	32498	16047
В %	23,9	26,6	15,9	0,5	19,8	13,3	100	66,9	33,1
Сибирская	782	1634	2151	3	1572	475	6619	4572	2047
В %	11,8	24,7	32,5	0	23,3	7,2	100	69,1	30,9
Казанская	4	171	1024	27	85	81	1392	1226	166
В %	0,3	12,3	73,6	1,9	6,1	5,8	100	88,1	11,9
Ленинская	96	2247	3212	1	220	2882	8659	5647	3012
В %	1,2	25,9	37,1	0	2,5	33,3	100	65,2	34,8
Всего	30027	21610	15759	326	16829	10443	94994	67722	27272
В %	31,6	22,7	16,6	0,4	17,7	11,0	100	71,2	28,7
Среднегодовой вывоз в 1898-1902 гг.									
Самарская	15821	2238	1127	68	2370	274	21898	19254	2644
В %	72,2	10,2	5,1	3,1	10,8	1,3	100	87,9	12,1
Саратовская	8344	4380	2151	332	3156	325	18689	15208	3481
В %	44,6	23,4	11,5	1,8	16,9	1,7	100	81,4	18,6
Сибирская	1515	515	787	12	428	60	3318	2830	488
В %	45,7	15,5	23,7	0,4	12,9	1,8	100	85,3	14,7
Казанская	15	209	326	50	164	78	844	602	242
В %	1,8	24,8	38,6	5,9	19,4	9,2	100	71,3	28,7
Ленинская	22	907	239	21	1189	70	2449	1190	1259
В %	0,9	37,0	9,8	0,9	48,6	2,9	100	48,6	51,4
Всего	25717	8249	4630	483	7307	807	47198	39084	8114
В %	54,5	17,5	9,8	1,0	15,5	1,7	100	83,8	17,2
Среднегодовой вывоз в 1909-1913 гг.									
Самарская	45704	7029	411	49	9900	3656	66701	53135	13566
В %	68,5	10,5	0,6	0,1	14,8	5,5	100	79,7	20,3
Саратовская	18777	4529	7881	98	11726	7876	50790	31188	19602
В %	36,9	8,9	15,5	0,2	23,1	15,6	100	61,4	38,6
Сибирская	388	830	1844	27	2951	1418	7431	3062	4369
В %	5,2	11,2	24,8	0,4	39,7	19,1	100	41,2	58,8
Казанская	134	387	921	103	156,8	359,9	1939	1442	516,7
В %	6,8	19,8	47,0	5,3	8,0	18,3	100	73,6	26,4
Ленинская	255	2259	2967	7	97	4018	14597	10482	4115
В %	1,7	15,5	54,6	0,1	0,7	27,5	100	71,8	28,2
Всего	65258	15037	19026	286	24830	17328	141479	99321	42158
В %	46,1	10,6	13,4	0,2	17,5	12,2	100	70,2	29,8

Источники: Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Спб., 1906. С. 432-435.; Рассчитано по: Материалы к продовольственному плану: Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909-1913 гг. Вып. 1: Рожь, пшеница, ячмень. Пг., 1916.

Таблица 17

**Динамика среднегодового спроса на хлеб в Поволжье
во второй половине XIX — начале XX вв., тыс. пуд.**

Губернии	Городское потребление				Техническое потребление				Всего			
	1860 г.	1900-1905 гг.	1906-1910 гг.	1909-1913 гг.	1860 г.	1900-1905 гг.	1906-1910 гг.	1909-1913 гг.	1860 г.	1900-1905 гг.	1906-1910 гг.	1909-1913 гг.
Самарская	1368	2858	3205	4359	-	1072	1072	1130	1368	3930	4277	5490
Саратовская	3650	5571	7675	9324	-	819	819	687	3650	6390	8494	10911
Самбирская	1369	1944	2358	2727	-	487	487	457	1369	2431	2845	3184
Казанская	1904	3339	3934	5061	-	883	883	949	1904	4222	4818	5991
Пензенская	1846	2516	2957	3367	-	969	969	881	1846	3485	3926	4348
Поволжье	10139	13628	20131	24820	-	4458	4458	4416	10139	18886	24586	30236

Источники: При исчислении городского потребления взяты данные по числу городских жителей на 1863, 1897, 1909 и 1913 гг. В наших расчетах мы не учли того факта, что существовало товарное сельское потребление. Н.Д.Кондратьев при аналогичных расчетах его игнорировал как незначительное (см.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С.315). П.И.Лященко определял его в 3 пуда в год для беднейшей части крестьянства и в 7 пудов для близких к середнячкум хозяйств, хотя и замечал, что эти цифры весьма приблизительны, так как не учитывают успешных договоров крестьян, отработок и проч. (см.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. СПб., 1908. С. 389-394). Данные по техническому потреблению ржи и ячменя в начале XX в. см.: Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 106-109. Потребление мукомольными мельницами зерна в данной таблице не учтено.

Таблица 18

**Динамика среднегодового предложения хлеба на рынке Поволжья
во второй половине XIX — начале XX вв., тыс. пуд.**

Годы	Общий сбор зерновых	Чистый сбор	Сельское потребление	Возможные излишки (предложение).
1860	263137	191116	130403	60713
1870	266685	197935	142016	55919
1880	307417	240316	166557-185194	73759-55122
1890	335041	274570	182936-204037	91634-70533
1901-1905	414951	298746	171590	127156
1906-1910	423231	296262	209919	86343
1910-1913	461331	322932	225666	97266

Источники: Нифонтов А.С. Зерновое производство Европейской России. М., 1974., С.187, 192, 207, 272-273, 278-279, 296-297. Доля Пензенской губернии в 1860-1880-е гг. в региональных показателях населения, объемов посевных площадей не превышала 12-14%. Взяв за основу расчетов предложение хлеба в Средневолжском и Заволжском районах (Самарская, Саратовская, Симбирская и Казанская губернии), исчисленное А.С.Нифонтовым, мы увеличили данные на 12%. Подобный прием при расчетах имел апробацию в исторической литературе (см.: Бейлькин Х.Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии. 1861-1914 гг. Минск., 1989). Предложение хлеба на поволжском рынке в начале XX в. мы рассчитали по методике А.С. Нифонтова, используя среднегодовые данные урожаев, сгруппированные П.С. Кабытовым (см.: Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. С.100-101).

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

А СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории российской академии наук

ГААО – Государственный архив Астраханской области

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией

ИЗ – исторические записки

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РГИА – Российский государственный исторический архив

РНБ – Российская национальная библиотека

РО АИАМЗ – Рукописный отдел астраханского историко-архитектурного музея-заповедника

Труды СУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан

ГАСАРО – Государственный архив Саратовской области

ГАСО – Государственный архив Самарской области

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области

ГАПО – Государственный архив Пензенской области

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман</i>)	3
РАЗДЕЛ I. Промысловое рыболовство и освоение юго-востока Европейской России в конце XVI – XVII вв. (<i>Э.Л. Дубман</i>)	5
§ 1. Некоторые особенности освоения юго-востока Европейской России во второй половине XVI – XVII вв.	11
§ 2. Промысловое районирование Понизового Поволжья	20
§ 3. География рыболовецких промыслов населения Сибирского уезда в начале XVIII в.	31
§ 4. Понизовые предприятия в рыболовецком хозяйстве крупнейших собственников России	40
§ 5. Рыболовецкие комплексы Среднего и Саратово-Черноярского Поволжья	48
§ 6. Крупнейшие предприятия Астраханской дельты	74
РАЗДЕЛ II. Земледельческое производство и инфраструктура земельного рынка	118
§ 1. Транспортные узлы Волги и гужевые пути во второй половине XIX - начале XX в. (<i>Н.Ф. Тагирова</i>)	119
§ 2. Железнодорожные магистрали в Поволжье и их влияние на развитие местного рынка (<i>Н.Ф. Тагирова</i>)	134
§ 3. Зерновое производство (<i>П.С. Кабытов</i>)	161
§ 4. Организация сбыта хлеба в 1860-1910 гг. (<i>Н.Ф. Тагирова</i>)	214
§ 5. Товарные перевозки хлеба (<i>Н.Ф. Тагирова</i>)	236
ПОСЛЕСЛОВИЕ (<i>П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман</i>)	248
ПРИЛОЖЕНИЯ	249
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	292